

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

**УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ**

**X ежегодная Всероссийская
научно-практическая конференция
(26 ноября 2020 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя
2021

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2021
ISBN 978-5-9694-1064-0

УДК 343.1
ББК 67.411
У26

Рецензенты:

заместитель начальника 2 отдела (правового сопровождения деятельности подразделений собственной безопасности) информационно-аналитического управления
ГУСБ МВД России кандидат юридических наук **И. Б. Григорьев**;
заместитель начальника отделения дознания отдела полиции
Марьинского отдела МВД России по району Марьино г. Москвы
кандидат юридических наук **А. В. Соболев**

Составитель *О. В. Химичева*

У26 Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития:
X ежегодная Всероссийская конференция, 26 ноября 2020 г. : сборник научных трудов / [сост. О. В. Химичева]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 441 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске
ISBN 978-5-9694-1064-0

В сборнике представлены научные труды участников X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 26 ноября 2020 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, посвященной преемственности в науке и праве. На конференции обсуждались научная преемственность и ее влияние на развитие уголовно-процессуального права; ретроспектива процессуального положения суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование; реформирование уголовно-процессуального права с учетом поправок в Конституцию Российской Федерации; совершенствование механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе; адаптация уголовно-процессуального закона и правоприменительной практики в условиях ускоренной цифровизации общества.

Сборник может оказаться полезным для ученых, преподавателей, курсантов и слушателей юридических образовательных организаций, а также для сотрудников правоохранительных органов и судей, непосредственно применяющих нормы уголовно-процессуального законодательства.

Высказанные участниками предложения по совершенствованию УПК РФ могут быть учтены и в законотворческой деятельности.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Редактор: *Тарасова Т. С.*
Компьютерная верстка: *Тарасова Т. С.*

Подписано к изданию 27.05.2021
Объем издания: 3,53 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1064-0

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<https://мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 14

РАЗДЕЛ I. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Алексеева Т. М.

Основания пересмотра судебных решений в уголовном процессе
(кассация, надзор). Сравнительный анализ. Перспективы развития 16

Алексеева М. М., Жукова О. И.

Правовые позиции Европейского Суда по правам человека в области жалоб
на нарушение статей 3 и 5 Европейской Конвенции о защите прав человека
и основных свобод 1950 года, а именно на заключение под стражу
и содержание под стражей 20

Ализаде В. А.

Равенство перед судом как международный стандарт уголовного
судопроизводства 24

Адрианова П. С.

Об адвокатском запросе как способе собирания доказательств
в уголовном судопроизводстве 31

Белов М. В.

Процессуальные гарантии обеспечения единого процессуального
статуса обвиняемого в ходе дознания 34

Богатырев Д. В.

Злоупотребление правом в уголовном досудебном производстве:
постановка проблем 37

Бондаренко И. П.

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства
как гарантия прав, свобод и законных интересов обвиняемого
при применении мер пресечения 40

Григорьева Н. В.

Уточнение процессуального статуса свидетеля
по уголовным делам 45

<i>Давыдовская М. В.</i> Процессуальный статус должностного лица органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, привлекаемого к участию в следственном действии	49
<i>Данилкин Р. Ю.</i> О новеллах особого порядка судебного разбирательства.....	52
<i>Жамкова О. Е., Салова А. С.</i> Совершенствование деятельности защитника в уголовном судопроизводстве	54
<i>Заливин А. Н., Рыжаков А. П.</i> Новое лицо, которое не наделено статусом свидетеля.....	57
<i>Ильяш А. В.</i> Реализация конституционных положений о праве на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве	60
<i>Ильяшевич Т. А., Керенцева Д. Д.</i> Сравнительно-правовой анализ дознания в сокращенной форме с историческими предшественниками сокращенных производств в России	63
<i>Казмирова Е. Д.</i> Вопросы обеспечения права эксперта, переводчика, специалиста на оплату вознаграждения за исполнение ими своих процессуальных обязанностей	67
<i>Клещина Е. Н.</i> О некоторых проблемах обеспечения потерпевшему доступа к правосудию на современном этапе	70
<i>Коннов В. А.</i> Эволюция правовых позиций Европейского Суда по правам человека в отношении жалоб на нарушение права на справедливое судебное разбирательство (в контексте вопросов уголовного преследования)	74
<i>Коренухина А. А.</i> Международно-правовая защита лиц, подвергнутых процедуре экстрадиции	78

<i>Кулакова А. А.</i>	
Процессуальные сроки: обеспечить системность	82
<i>Мельник В. В.</i>	
Системный анализ целей уголовного судопроизводства и доказывания, функций суда, органов предварительного расследования и прокуратуры в досудебном и судебном производстве	87
<i>Модилова Е. А.</i>	
Некоторые вопросы обеспечения следователем прав участников уголовного процесса при назначении и производстве судебной экспертизы	96
<i>Попенков А. В.,</i>	
Обеспечение сохранности и возврата изъятых у подозреваемого вещей как гарантия права на частную собственность.....	103
<i>Емельянова Н. Ю., Пучков А. Г.</i>	
Актуальные вопросы охраны прав и свобод участников уголовного процесса в стадии предварительного расследования.....	103
<i>Селезнев П. А.</i>	
Особенности участия несовершеннолетнего потерпевшего при производстве по уголовному делу	108
<i>Семенкова Е. В.</i>	
Обеспечение прав заинтересованных участников уголовного судопроизводства при назначении и производстве судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела	111
<i>Смирнов М. В.</i>	
Правовые гарантии реализации на досудебных стадиях принципа языка уголовного судопроизводства	115
<i>Сопнева Е. В.</i>	
Критерии формирования и определения обоснованного подозрения: международный и российский взгляд.....	120
<i>Суснило Е. Е.</i>	
Сравнительно-правовой анализ процессуального положения потерпевшего в уголовном процессе Российской Федерации и Федеративной Республики Германии	125
<i>Фадеев П. В.</i>	
Проблемы совершенствования процессуального статуса обвиняемого при оказании правовой помощи	128

Черкасова Ю. А.
Залогодатель: самостоятельный участник уголовного судопроизводства
или лицо с неопределенным процессуальным статусом? 132

Шаров Д. В.
Право на тайну переписки: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ? 135

Щербакова М. А.
ОБВИНЯЕМЫЙ, ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ ИЛИ ИНОЙ УЧАСТНИК?
(о правовом статусе лица, в отношении которого ведется производство
о применении принудительных мер медицинского характера) 140

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПАНДЕМИИ COVID-2019

Абдуллина Н. Р., Комаров М. А.
Адаптация деятельности органов предварительного расследования
в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19 144

Алимова А. А.
Электронная форма уголовного дела в России:
реальность или перспектива? 149

Волынская О. В., Охонько Е. А.
Перспективы использования искусственного интеллекта
в досудебном производстве по уголовным делам 153

Воронина Н. А.
Цифровизация деятельности органов предварительного расследования
в период пандемии COVID-19 156

Головин А. А.
Процессуальные аспекты изъятия электронных носителей информации
и копирования с них информации 160

Григорьев Д. А.
О некоторых проблемах внедрения цифровых технологий
в уголовное судопроизводство 163

Ендольцева А. А.
Эффективность судебного контроля в досудебном производстве
по уголовному делу в условиях пандемии 167

<i>Золотухин Н. А., Кадаченко Е. П.</i> Реализация и перспективы развития дистанционного порядка уголовного судопроизводства на этапе окончания предварительного расследования	170
<i>Камчатов К. В.</i> Проблемы предупреждения, выявления и расследования преступлений, совершенных в сфере информационно-коммуникационных технологий: взгляд прокуроров	175
<i>Кузнецова А. Д.</i> Использование цифровой информации в процессе доказывания по уголовному делу	194
<i>Мысина А. И.</i> Передовые практики расследования транснациональных преступлений в сфере информационных технологий	198
<i>Мягкова А. В., Леонтьев С. В.</i> Перспективы цифровизации досудебного производства по уголовным делам	203
<i>Синявина Д. А.</i> К вопросу о субъектах изъятия электронных носителей информации	207
<i>Соломатина А. Г.</i> Синергия интеллектов в уголовно-процессуальной деятельности: проблемы и пути их решения.....	211
<i>Тхазеплова А. З.</i> Интернет-терроризм: прошлое, настоящее и будущее предварительного расследования	215
<i>Тютерева Ю. С.</i> О повышении эффективности производства по уголовному делу путем внедрения дистанционных процедур	220
<i>Угольников Н. В., Шibaева Ю. Н.</i> Некоторые вопросы использования видеоконференцсвязи при проведении судебных заседаний	225
<i>Шестак В. А., Савенкова П. Г.</i> Актуальные проблемы и будущее судебной системы.....	230

РАЗДЕЛ III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Артемова В. В.

О совершенствовании процессуальной деятельности по проверке сообщения
о преступлении с участием несовершеннолетнего 233

Ахмадуллин А. Р.

К вопросу об оптимальности правового регулирования использования
в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-разыскной
деятельности, полученных на территории иностранных государств 237

Баклыкова Е. Ю.

Проблемы реализации процессуального статуса прокурора в ходе надзора
за приемом и регистрацией сообщений о преступлениях 242

Баловина И. В.

Значение «научного следствия» и его отличие от ненаучных
приемов расследования 245

Безверхов С. А.

Значение трасологической экспертизы
для расследования уголовного дела 252

Белоус Т. Н.

Запрет определенных действий как мера пресечения 255

Бибикова О. В.

Некоторые проблемы законодательного регулирования
и правоприменительной практики наложения ареста на имущество
в стадии предварительного расследования 257

Блинова Е. В.

О совершенствовании деятельности следователя
при возбуждении уголовного дела 262

Валов С. В.

Негативные последствия нарушений законности
в досудебном производстве 267

Горач Н. Н., Лаврова О. Н.

Проблемные вопросы разрешения ходатайств, заявленных стороной защиты
при ознакомлении с материалами уголовного дела 270

Горбатов И. М., Грачева А. С.

Использование зарубежного опыта для совершенствования охранительных и попечительных мер, предусмотренных статьей 160 УПК РФ	276
<i>Егорова Т. И.</i>	
Проблемы расследования преступлений в сфере экономической деятельности	280
<i>Емельянова Н. Ю.</i>	
Актуальные вопросы домашнего ареста в уголовном судопроизводстве	283
<i>Ендольцева А. В., Шамиданова А. Д.</i>	
Допустимость и недопустимость разглашения данных предварительного расследования: проблемные вопросы	285
<i>Ерохина М. П.</i>	
Иные документы в судопроизводстве России: межотраслевой сравнительно-правовой анализ	289
<i>Есина А. С., Макеева Н. В.</i>	
Применение уголовно-процессуальной меры принуждения в виде денежного взыскания: практика и вопросы законодательного регулирования	292
<i>Ильяшевич Т. А.</i>	
Актуальные вопросы развития дознания в сокращенной форме	296
<i>Кирюхин А. Б.</i>	
Уголовно-правовые аспекты насильственной преступности	298
<i>Кияева Е. Ю.</i>	
О выборе форм использования специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела	301
<i>Кольшевский М. В.</i>	
Проблемные аспекты института приостановления предварительного расследования	305
<i>Коновалова Е. А.</i>	
Уголовно-процессуальное задержание: теоретическая полемика и проблемы правоприменения при расследовании преступлений, совершенных в составе ОПГ	309

<i>Криволап Ю. И., Ендольцева А. В.</i> Порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: нормативные предписания и проблемы их реализации	313
<i>Крылова Д. С.</i> К вопросу о кодификации некоторых норм, регламентирующих стадию возбуждения уголовного дела	317
<i>Курбатова Е. В.</i> Роль педагога-психолога в следственных действиях по делам с участием несовершеннолетних	320
<i>Левашова П. Д.</i> Некоторые вопросы регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве	324
<i>Лисова А. П.</i> Бремя доказывания в уголовном процессе россии и канады: некоторые сравнительно-правовые аспекты	327
<i>Маламагамедова А. Р.</i> О совершенствовании принципа разумного срока уголовного судопроизводства	330
<i>Микляев Д. В.</i> Офицер по уголовному преследованию как «гибрид» следователя и дознавателя	333
<i>Милованов П. П.</i> Субъекты процессуального контроля за производством дознания в системе органов внутренних дел	337
<i>Михайлина Ю. В.</i> Запрет определенных действий как мера пресечения, избираемая в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого	341
<i>Московцева К. А.</i> Сущность и значение ведомственного контроля в досудебном производстве по уголовным делам	345
<i>Муллагалеева Л. Р.</i> Особенности производства дополнительного следствия при возвращении прокурором уголовного дела следователю	348

<i>Панфилов П. О., Гимазетдинова И. Н.</i> «Амнистия капитала» как проявление конфликта интересов в уголовном процессе России	353
<i>Примич Ю. С., Федюкина А. Ю.</i> Проблемы производства освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела	359
<i>Романенко А. Э.</i> О некоторых особенностях допроса подозреваемых и обвиняемых в конфликтной ситуации	363
<i>Самолаева Е. Ю.</i> Производство дознания в сокращенной форме по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков	366
<i>Сатдинов Л. В.</i> О соотношении принципов объективности и состязательности на стадии предварительного расследования	370
<i>Соколова М. В., Подустова О. Л.</i> Организация совместной работы следователя и органов дознания по наложению ареста на имущество	373
<i>Степаков Д. А.</i> Взгляд на уголовное судопроизводство без стадии возбуждения уголовного дела	376
<i>Такмаков Е. А.</i> К вопросу о функциях следователя	380
<i>Толманов А. Н.</i> Фактическое задержание (захват) и доставление подозреваемого: о правовой природе и процессуальном регулировании	383
<i>Терехов А. Ю.</i> О правовом регулировании производства по сложному уголовному делу	387
<i>Тооде Д. О.</i> Исторический экскурс института возбуждения уголовного дела	390
<i>Торочин А. Б.</i> О пределах применения психического принуждения при производстве следственных действий	393

<i>Федулова И. И.</i>	
Некоторые проблемы производства дознания	397
<i>Химичев М. В.</i>	
Перспективы введения института следственных судей в российском уголовном процессе	400
<i>Храмцова В. В.</i>	
Срок предварительного следствия: вчера, сегодня, завтра.....	406
<i>Черемисина Т. В.</i>	
Практика обжалования следователем частных постановлений (определений) суда.....	412
<i>Чиковани М. А.</i>	
Статистика как фактор, определяющий состояние законности на стадии возбуждения уголовного дела	416
<i>Шепелин И. В.</i>	
Проблемные вопросы заявления и рассмотрения ходатайств в уголовном судопроизводстве	420
<i>Шестак В. А., Дьяченко М. В.</i>	
Пиратство как преступление международного характера	425
<i>Яковлева К. Ю.</i>	
Некоторые аспекты электронной формы доказательств в уголовном процессе России и США.....	429
<i>Шишов В. В.</i>	
К вопросу о гармонизации оснований прекращения уголовного преследования	433
<i>Шурухнов Н. Г., Нуямзина С. В.</i>	
<i>Единая терминология норм УПК РФ как обеспечение интенсивности уголовного судопроизводства .....</i>	<i>436</i>

ОТ РЕДАКТОРА

В Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя стало традицией проведение кафедрой уголовного процесса Всероссийской конференции «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития».

В 2020 г. в Российской Федерации произошли значимые события как в общественной жизни, так и в правовой сфере, которые не могут остаться без реакции со стороны законодателя, оценки ученых и практиков.

Конечно, самого пристального внимания ученых требуют глобальные изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция РФ). И не только ввиду существенной трансформации правоохранительной системы, но прежде всего ввиду закрепления на конституционном уровне приоритета национального законодательства. Россия, подтверждая безусловную приверженность положениям международных соглашений, тем не менее выстроила защитный правовой механизм против произвольного толкования международных норм. Эти новости приобретают знаковый характер в год 70-летия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, и, представляется, во многом определяют дальнейшую стратегию развития отечественного уголовного судопроизводства.

Безусловно, нельзя обойти вниманием форсированное развитие цифровых технологий, искусственного интеллекта, мощный импульс которому придали Федеральные законы, принятые в этом году. Проникая во все сферы жизни общества, цифровизация неизбежно захватывает и уголовное судопроизводство, а потому требуется научное осмысление и теоретическое обоснование путей использования информационных технологий и их оптимальная регламентация в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Нет никаких сомнений и в том, что коррективы в современную жизнь внесла и пандемия. Она не только создала новые вызовы, но и обострила застарелые проблемы. Потребность в применении дистанционных технологий в уголовном судопроизводстве стала как никогда очевидной, в том числе на досудебном этапе, и дистанционные следственные действия уже перестали казаться чем-то немислимимым. Однако новые процессуальные формы всегда опасны непроработанностью деталей, которые на практике могут выразиться в ущемлении прав участников уголовного судопроизводства.

Помимо обозначенных, есть множество других «болевых точек» современной теории и практики уголовного процесса. И, чтобы не утонуть в океане цифровизации и прочих направлений интенсификации уголовного судопроизводства, мы полагаем правильным обратиться к вопросам преемственности в науке и праве. Именно в сохранении научных ценностей и традиций мы видим надежный фундамент развития современного отечественного уголовного процесса.

В сборнике материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития» структурированы в несколько блоков:

1) обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;

2) уголовное судопроизводство в условиях цифровой трансформации общественных отношений и пандемии COVID-2019;

3) актуальные проблемы досудебного производства по уголовному делу.

Материалы конференции включают научные статьи ведущих российских ученых-процессуалистов образовательных организаций и научно-исследовательских учреждений, практических работников, а также молодых исследователей, только начинающих свой путь в науке.

Организаторы конференции искренне благодарят участников за поддержку заявленной тематики и выражают надежду на продолжение совместной плодотворной работы.

*Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

РАЗДЕЛ I.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Алексеева Т. М.¹,

*заместитель начальника отдела Правового департамента
Министерства финансов Российской Федерации,
кандидат юридических наук*

ОСНОВАНИЯ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (КАССАЦИЯ, НАДЗОР). СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) указывал на определенные основания отмены окончательных приговоров в кассационном порядке². А точнее, в его статьях 913–915 УУС содержалось указание на то, какие именно нарушения не повлекут отмены приговора. Тем более что нарушения обрядов и форм судопроизводства (п. 2 ст. 174 и п. 2 ст. 912 УУС) должны были являться существенными. Этот признак отмечался в нормах и УПК РСФСР 1923 г.³ (п. 2 ст. 413 – кассационные основания) и УПК РСФСР 1960 г.⁴ (ст. 379, ст. 342 – надзорные основания). Кроме того, он был включен и в УПК РФ (в новой редакции)⁵ (ч. 1 ст. 401.15 и ч. 1 ст. 412.9).

Однако окончательные приговоры согласно УУС не были равны приговорам, вступившим в законную силу, в отличие от современного их понимания. Кассационный пересмотр (ст. 413 УПК 1923 г.) предназначался для обжалования приговоров, не вступивших в законную силу. Данные нормы, за исключением отдельных формулировок (п. 5 ст. 342 УПК 1960 г. и п. 4 ст. 413 УПК 1923 г.), полностью вошли в ст. 342 УПК 1960 г. (ст. 326). В УПК РФ (в старой редакции)⁶ кас-

¹ © Алексеева Т. М., 2021.

² Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // ИПП «Гарант сервис».

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» (далее – УПК 1923 г.) // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (далее – УПК 1960 г.) // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Здесь и далее имеется в виду Уголовно-процессуальный кодекс РФ с изм., внесенными в него Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (далее также по тексту – УПК (в новой редакции) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

⁶ Здесь и далее имеется в виду Уголовно-процессуальный кодекс РФ до изм., внесенных в него Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу от-

сационные (ординарные) и надзорные основания (ч. 1 ст. 409 и ст. 379) остались равнозначными. Все это сказалось негативно на соблюдении требования устойчивости судебного решения. Тем не менее ординарные и исключительные основания пересмотра судебных решений следует различать, иначе это противоречит их процессуальной составляющей.

УПК РФ (в новой редакции) устранил одинаковые основания для простого и исключительного обжалования, но при этом надзорные основания пересмотра (ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ) по сути стали тождественны кассационным основаниям (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ)¹.

Кроме того, отдельного внимания требует введение в 2016 г. поправок в УПК РФ (в новой редакции), согласно которым ст. 401.6 и ч. 1 ст. 412.9 были дополнены таким основанием пересмотра, как выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве². Данное основание подлежит критической оценке по ряду причин. Так, на наш взгляд, правовой статус этого основания определить не представляется возможным. Что это, существенное нарушение или фундаментальное, возможно оно искажает суть правосудия? Ответа за поправками не последовало. Основание пересмотра является «искусственным», поскольку в целом нарушение принципов досудебного сотрудничества можно признать существенным нарушением. По отношению к апелляционному производству такие изменения не понятны, но в целом исходя из сути апелляции, могут быть сглажены. Однако подобная конструкция по отношению к кассации и надзору является деградацией в юридико-техническом и правовом плане.

Кроме того, поворот к худшему в кассационном порядке возможен аналогично надзорным основаниям поворота в худшую сторону (в том числе основания в связи с принятием поправок в УПК РФ 2016 г.!), несмотря на норму ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ.

Относительно надзорного порядка – детища УПК 1923 г. – , то следовало, на наш взгляд, отказаться от данного института при введении в действие УПК 1960 г. Обращаясь к основаниям пересмотра в надзорном порядке по УПК 1960 г. (ст. 379, ст. 342), отметим, что они одинаковы с кассационными основаниями пересмотра (ст. 379 УПК 1960 г.), а затем были включены в ч. 1 ст. 409 и ст. 379 УПК РФ 2001 г. (в старой редакции). Следует также отметить, что отдельные нормы УПК 1960 г. не вошли в ст. 379 УПК РФ (в старой редакции) по причине их неконституционности. Кроме того, отметим, что в ст. 379 УПК РФ (в старой редакции) не были включены признаки существенности нарушения уголовно-процессуального закона. В дальнейшем это упущение было исправлено в ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ (в новой редакции).

дельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации». Далее также по тексту – УПК (в старой редакции).

¹ Об этом см. Алексеева Т. М. Правовая определенность судебных решений: понятие, значение и пределы. М., 2016.

² Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Собрание законодательства РФ. 2016. № 27. Ст. 4255.

Далее отметим, что недостаток УПК 1960 г. исправлен УПК РФ (в старой и в новой редакциях) относительно ограничения пересмотра в надзорном порядке в сторону ухудшения положения не только процессуальным сроком. Очевидно, что в нынешних реалиях поворот к худшему не может ограничиваться лишь сроком. Здесь должны быть специальные основания. Между тем из формулировки ст. 401. 6 УПК РФ (в новой редакции) нельзя ясно понять, в каких особенных случаях допускается поворот к худшему. Так, ч. 3 ст. 405 УПК РФ (в старой редакции) четко указывала, какие нарушения уголовно-процессуального закона относятся к фундаментальным, однако, исходя из сегодняшнего уголовно-процессуального законодательства, это сделать не представляется возможным¹.

Учитывая изложенное, приходим к выводу, что в сегодняшних реалиях наличие в отечественном уголовном процессе одинаковых оснований для пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, в кассационном порядке и в порядке надзора не может отвечать признакам справедливого правосудия, а также правилу об экстраординарности кассационной (либо надзорной) инстанции.

Кроме того, среди имеющихся похожих неординарных судебных инстанций искать лучшую представляется неправильным. По нашему мнению, исключительная инстанция должна быть одна, тогда и вопрос об основаниях пересмотра также разрешится (основания станут либо апелляционными либо кассационными). Конечно, поправки, внесенные в УПК РФ (в новой редакции) в 2018 г. (в части сокращения судебных решений, которые подлежат обжалованию в Президиум Верховного Суда РФ)², следует оценить положительно, однако, законодателю все же необходимо сделать единственный выбор. Как справедливо указывается в литературе, сохранение в современном уголовном процессе одновременно двух производств (надзорного и кассационного) излишне и нецелесообразно³. Действие данного «искусственного механизма» (надзорного порядка – А. Т.), как отмечает Л. В. Головкин, породило немалую и совсем ненужную путаницу в основаниях пересмотра, до конца не устраненную поправками, внесенными в УПК РФ 2001 г.⁴.

Процессуальные отношения, с одной стороны, должны быть четко регламентированы, но, с другой стороны, их конструкция не должна постоянно усложняться. В этом контексте изменения, внесенные в УПК РФ (в новой редакции) в 2016 г., оцениваются отрицательно. Поскольку если следовать данной логике, то для каждого особого порядка нужно разработать свои основания для обжалования, что недопустимо не только в силу принципа процессуальной экономии, но и других фундаментальных начал.

¹ Об этом подробнее см. Алексеева Т. М. Правовая определенность судебных решений: понятие, значение и пределы. М., 2016.

² Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 2018. № 42. Ст. 6375.

³ Об этом см.: Апелляция, кассация, надзор : новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения. В 2 ч. / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2015. Ч. 2. С. 413.

⁴ См.: Головкин Л. В. Новеллы УПК РФ (Закон от 29 декабря 2010 г.): прогресс или институционный хаос? / под ред. Н. А. Колоколова // Апелляция, кассация, надзор : новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения. М., 2015. Ч. 2. С. 429.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27. – Ст. 4255.
3. Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 42. – Ст. 6375.
4. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // ИПП «Гарант сервис».
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» // СПС «Консультант Плюс».
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СПС «Консультант Плюс».
7. Апелляция, кассация, надзор : новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения. В 2 ч. / под ред. Н. А. Колоколова. – М., 2015. – Ч. 2. – С. 413.

*Алексеева М. М.¹,
доцент кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;*

*Жукова О. И.²,
слушатель международно-правового факультета Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОБЛАСТИ ЖАЛОБ НА НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 5 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД 1950 ГОДА, А ИМЕННО НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ И СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ

На современном этапе развития общества институт прав человека и гражданина занимает значимое место. Соблюдение прав человека является неотъемлемым обязательством любого демократического государства. Однако на сегодняшний день права человека постоянно нарушаются. Особенно актуален указанный вопрос в деятельности правоохранительных органов, которая непосредственно связана с законным ущемлением прав человека, регулируемым специальными документами в данной области.

Одним из наиболее важных вопросов в указанном контексте является соблюдение права человека на свободу. В частности, оно закреплено в Конституции РФ. Однако допускается возможность ограничения права на свободу, но лишь в той мере, которая необходима в данном случае в установленных законом целях и определенным законом порядке в соответствии с принципами, нормами международного права, а также на основании договоров, заключенных Россией с другими государствами и международными организациями.

Заключение под стражу является одной из мер пресечения, применяемой к подозреваемым и обвиняемым по судебному решению. К числу условий применения данной меры принадлежит инкриминация лицу преступления, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Предполагаем, что рассмотрение, исследование и изучение указанного вопроса позволит не только привлечь внимание к проблемам, сопряженным с несоблюдением прав человека при заключении под стражу и содержанием под ней, но и позволит разработать эффективные меры в области устранения наиболее частых нарушений. К тому же, для Российской Федерации указанный вопрос является

---

¹ © Алексеева М. М., 2021.

² © Жукова О. И., 2021.

крайне актуальным в силу ряда причин. В частности, в Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) и национальные правоохранительные органы России поступает многочисленное количество жалоб на нарушение в области несоблюдения прав человека при заключении под стражу и содержания под ней. К таким нарушениям можно отнести: несоблюдение установленных условий содержания, пытки, унижающее достоинство обращение, несоблюдение сроков заключения под стражу, отсутствие легальных оснований заключения под стражу и иные.

Необходимо отметить, что современное уголовно-процессуальное законодательство трансформировалось и видоизменялось под влиянием актов международно-правового характера, подписанных Российской Федерацией. Так, например, ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. содержит основополагающие положения в области защиты прав человека лица, заключенного под стражу, а именно: примирение иной меры пресечения или залога. Аналогичное положение содержит ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 4 ноября 1950 г. (далее – Европейская конвенция).

Однако на современном этапе основополагающим документом, регламентирующим основания, условия и порядок заключения под стражу и содержания под стражей в Российской Федерации, является УПК РФ.

В соответствии со ст.ст. 108 и 109 УПК РФ заключение под стражу является одной из самых строгих мер пресечения, при производстве которой довольно часто нарушаются базовые права человека. К ней прикладываются общие основания применения указанных мер, предусмотренные ст. 97 УПК РФ. В частности, заключение под стражу имеет место быть в условиях достаточных оснований полагать, что подозреваемый/обвиняемый может скрыться от следствия. Помимо вышеуказанного фактора, для заключения под стражу следствие должно иметь достаточные основания и полагать, что лицо в случае, если его не заключить под стражу, продолжит заниматься преступной деятельностью. Отдельным условием выступает возможность лица препятствовать производству по уголовному делу. Это может выражаться в угрозах участникам или в уничтожении доказательств. Также в указанной статье затрагивается и международный аспект: лицо может быть заключено под стражу, если необходима выдача лица.

Предполагаем необходимость отметить, что жалобы на нарушения при заключении под стражу и содержании под стражей чаще всего поступают в ЕСПЧ от граждан Турции, России, Польши, Болгарии.

Жалобы в ЕСПЧ, связанные с нарушениями при заключении под стражу и содержании под ней, представляют собой жалобы на пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, на условия содержания под стражей, на нарушение разумности срока и отсутствие оснований содержания под стражей или продления содержания под стражей¹.

---

¹ Коннов В. А. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / А. В. Коннов, А. Е. Симонова, Ю. В. Песковая. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.

Государство обязано обеспечить, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, совместимых с уважением его человеческого достоинства, способ и метод исполнения этой меры не подвергал его невыносимым страданиям, а также принимались меры по защите его здоровья и благополучия¹.

Нарушения прав человека при заключении под стражу и содержании под стражей являются нарушениями в основном ст.ст. 3 и 5 Европейской Конвенции в совокупности со ст. 13. Подобные нарушения можно разделить на несколько групп.

В первую группу можно выделить нарушения условий содержания под стражу, а именно нарушения санитарно-гигиенических условий, переполненность камер, ненадлежащее оказание или неоказание медицинской помощи. Данная группа нарушений вызывает особую озабоченность ЕСПЧ ввиду их большого количества и, соответственно, неудовлетворительных условий содержания под стражей в Российской Федерации. Несмотря на предоставление сведений Российской Федерации о постепенном принятии мер по улучшению условий, ЕСПЧ продолжает устанавливать нарушения прав человека в связи с ненадлежащими условиями и штрафы.

Однако в некоторых случаях Европейский Суд учитывает ситуацию государства по данному вопросу, в том числе недостаток мест содержания под стражей и большое количество лиц, в отношении которых необходимо применить данную меру пресечения, и выносит решения о фактах нарушений прав человека, сравнивая условия содержания под стражей конкретного заявителя с условиями содержания под стражей в Российской Федерации, а не с надлежащими условиями, установленными на международном уровне. Предполагаем, что Российской Федерации следует направить усилия для улучшения условий содержания заключенных под стражу, несмотря на некоторую лояльность по данному вопросу со стороны ЕСПЧ.

Также сократить нарушения прав человека в данной сфере можно путем изменения законодательства Российской Федерации на период улучшения условий содержания под стражей, в частности, изменения оснований заключения под стражу, а именно установления применения данной меры пресечения за более тяжкие преступления (например, в случае совершения преступлений, за которые предусмотрено наказание свыше 5 лет лишения свободы), тем самым сократив количество лиц, содержащихся под стражей.

Другая группа нарушений прав человека, устанавливаемых Европейским Судом, касается порядка заключения под стражу – заключение под стражу при отсутствии оснований для применения данной меры пресечения, а также необоснованное продление срока содержания под стражей. Нарушение разумности срока содержания под стражей составляет особую группу нарушений прав человека, наиболее характерных для России.

Таким образом, ЕСПЧ играет важную роль в вопросах защиты прав человека. К сожалению, на современном этапе в Российской Федерации существует масса

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 26.10.2000 Дело «Кудла против Польши» // ИПП «Гарант сервис». URL: <http://base.garant.ru/71271648/> (дата обращения: 19.11.2020).

случаев нарушения основных прав человека, предусмотренных в Европейской Конвенции и Конституции РФ, в частности при заключении под стражу и содержания под ней. Это обуславливается высокой степенью коррумпированности должностных лиц правоохранительных органов, а также бюрократизмом. Нарушаются сроки заключения под стражу, условия содержания, закрепленные в ряде актов международно-правового характера. Следовательно, только изменив правоохранительную систему в целом, можно будет добиться прекращения нарушения ст.ст. 3 и 5 Европейской Конвенции.

*Ализаде В. А.¹,
преподаватель кафедры теории права
и сравнительного правоведения МГИМО
МИД России*

РАВЕНСТВО ПЕРЕД СУДОМ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАНДАРТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Равенство перед судом в качестве одного из основных элементов фундаментального принципа справедливого судебного разбирательства ныне является признанным международным стандартом уголовного правосудия. В силу этого утверждения равенство перед судом, на наш взгляд, представляет собой неотъемлемый обязательный признак не только правового государства, но и зрелости судебной власти в нем.

Между тем в отечественном законодательстве, регулирующем уголовное судопроизводство, равенство всех перед судом нашло лишь ограниченное закрепление. Так, в ст. 244 УПК РФ содержится норма о том, что «в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду письменных формулировок по вопросам, указанным в пп. 1–6 1 ч. ст. 299 настоящего Кодекса, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства». Однако такая регламентация представляется неполной, не говоря уже о том, что для досудебных стадий уголовного судопроизводства ее в УПК РФ нет вовсе. Более того, ст. 15 УПК РФ, содержащая принцип состязательности сторон, прямо закрепляет норму не об их равенстве перед судом (что относится как к правам, так и обязанностям), а лишь о равноправии сторон перед судом (ч. 3 ст. 15 УПК РФ).

Это во многом предопределило ряд фактических изъятий из нормативного закрепления равенства перед судом. Так, хотя и потерпевший, и обвиняемый вправе приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда (п. 18 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), однако, в отличие от обвиняемого (п. 14 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) потерпевший не может принимать участия в их рассмотрении судом. Обвиняемый вправе участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании в отношении него меры пресечения и в иных случаях, предусмотренных п. 1–3 и 10 ч. 2 ст. 29 настоящего Кодекса (п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Потерпевший таким правом не наделен.

Есть и иные нормы УПК РФ, которые не только прямо, но и опосредованно закрепляют неравенство этих участников уголовного судопроизводства перед судом. Например, согласно п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его

---

¹ © Ализаде В. А., 2021.

профессиональную компетенцию, защитник вправе привлекать специалиста. Аналогичная необходимость обычно возникает также и для адвоката – представителя потерпевшего, однако действующим УПК РФ он не наделен правом привлечения специалиста.

Есть еще один аспект проблемы. Неравенство перед судом, причем нормативно закрепленное в УПК РФ, проявляется и в том, что в отличие, к примеру, от потерпевшего, на которого ч. 5 ст. 42 и др. УПК РФ возложен ряд обязанностей и ограничений, обвиняемый наделен преимущественно многочисленными и самыми различными правами, без возложения на него никаких обязанностей, хотя они предусмотрены для других участников уголовного судопроизводства.

Сложившаяся ситуация, как представляется, во многом обусловлена тем, что в действующем законодательстве не проводится различие между равенством перед законом и равенством перед судом. Основа этого содержится в ч. 1 ст. 18 Конституции РФ, прямо закрепляющей всеобщее равенство перед законом и судом. Аналогичный подход характерен и для ст. 7 (Равенство всех перед законом и судом) Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которой:

1. Все равны перед законом и судом.

2. Суды не отдают предпочтения каким-либо органам, лицам, участвующим в процессе, сторонам по признакам их государственной, социальной, половой, расовой, национальной, языковой или политической принадлежности либо в зависимости от их происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, места рождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а равно и по другим не предусмотренным федеральным законом основаниям.

Однако и эти, и другие нормативные правовые акты содержат лишь его (равенства перед законом и судом) декларативное закрепление либо тавтологические определения, не раскрывающие сущности¹.

В отечественной юридической науке сформировались две точки зрения на данное понятие. Согласно первой отсутствует необходимость выделения равенства перед законом и перед судом, поскольку разделение названного конституционного принципа на две части не способствует лучшему его пониманию, влечет неверное представление о его сущности и содержании². Согласно второй принцип равенства лиц перед законом и судом обеспечивается судом, однако, при этом равенство перед законом – понятие более широкое, чем равенство перед судом. Первое регулирует правовой статус лиц во всех сферах общественных отношений, второе же – лишь в сфере осуществления правосудия. В силу этого равенство всех перед законом действует латентно, независимо от того, будет данный принцип когда-либо применен человеком или нет, тогда как равенство пе-

---

¹ Романенко Н. В. О равенстве перед законом и судом как конституционном принципе правосудия / Н. В. Романенко // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 217.

² Задорожная В. А. Производство по уголовным делам на началах равенства всех перед законом и судом : дис. ... канд. юрид наук / В. А. Задорожная. Челябинск, 2006.

ред судом реализуется лишь при обращении гражданина к правосудию, в силу чего носит «явочный» характер¹.

Разница между этими понятиями весьма существенная. Первое означает обязательность существования закона и одинаковую его реализацию участниками урегулированных нормами права общественных отношений. Второе же – установление и реализацию равных прав и корреспондирующих с ними обязанностей участниками судопроизводства, в нашем случае – уголовного. По крайней мере, теми из них, кто имеет в деле самостоятельный, определяемый статусом личности (человека и гражданина), процессуальный интерес. Это исключительно важно для понимания равенства перед судом. Ведь не могут быть равны перед судом государственный обвинитель, положение которого в уголовном процессе определяется его правовым статусом прокурора и, к примеру, свидетель, правовое положение которого определяется исходя из того, что он является физическим лицом (человеком и гражданином). В то же время, безусловно, должны быть равны перед судом его участники, различным образом непосредственно причастные к преступлению, дело о котором расследуется или рассматривается судом, но имеющие самостоятельный процессуальный интерес: подозреваемый (обвиняемый) – потерпевший, гражданский истец и его представитель – гражданский ответчик и его представитель, защитник подозреваемого (обвиняемого) – представитель потерпевшего.

Именно из такого понимания исходит закрепление равенства перед судом на международно-правовом уровне.

Прежде всего, отметим, что Всеобщая декларация прав человека 1948 г. в ст. 10 провозгласила: «Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, *на основе полного равенства*, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом»².

Впервые на универсальном международно-правовом уровне стандарт (порой именуемый принципом) равенства всех перед судом нашел свое закрепление в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., в соответствии с основными обязательствами которой государства-участники должны запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах и обеспечить *равноправие каждого человека перед законом*, без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, в особенности в отношении осуществления ряда прав, первым из которых названо *право на равенство перед судом* и всеми другими органами, отправляющими правосудие³.

---

¹ Зубакин В. Ю. Место и значение принципа равенства перед законом и судом в системе принципов правового государства / В. Ю. Зубакин // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 3 (37). С. 19–20.

² Российская газета. № 235. 1998.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219.

В последующем раздельное закрепление равенства перед законом и равенства перед судом было осуществлено в ряде принятых под эгидой Организации Объединенных Наций международных договоров.

Так, согласно ч. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., *все лица равны перед судами и трибуналами*. Статьей 26 этого Пакта установлено: «*Все люди равны перед законом* и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона»¹.

Ч. 1 ст. 18 Международной конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. предусмотрено, что трудящиеся-мигранты и члены их семей имеют право на *равенство с гражданами соответствующего государства в судах и трибуналах*².

Самостоятельное правовое закрепление в отношении одной из наиболее уязвимых категорий людей этот стандарт нашел в ст.ст. 12 и 13 Конвенции о правах инвалидов 2006 г.³

Учитывая значимость равенства перед судом, данный стандарт нашел закрепление на региональном международно-правовом уровне.

Так, Европейская конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. определила: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» (ст. 6)⁴.

Согласно Американской конвенции о правах человека 1969 г. каждый человек имеет право на слушание его дела с надлежащими гарантиями и в течение разумного периода времени в компетентном, независимом и беспристрастном суде, заранее созванном по закону в обоснование любого обвинения уголовного характера, выдвинутого против него, а установленные ею гарантии должны быть предоставлены *на основе полного равенства* (ст. 8). Одновременно Конвенция устанавливает, что «*все люди равны перед законом*. Соответственно они имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона» (ст. 24)⁵.

Конвенцией Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г. прямо закреплено *равенство всех лиц перед судом* (ст. 6). Одновременно Конвенцией установлено, что «*все люди равны перед законом* и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона» (ст. 20)⁶.

С учетом региональных особенностей, Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. провозгласила, что *все люди равны перед законом* (ст. 3), а также то, что каждый имеет право на гласное рассмотрение его дела и закре-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

² Документ ООН A/RES/45/158, 18.12.1990.

³ СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 468

⁴ СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163

⁵ OAS: American Convention on Human Rights “Pact of San Jose, Costa Rica” (B-32). General Information of the treaty // Department of International Law. OAS. URL: http://www.oas.org/dil/treaties_B32_American_Convention_on_Human_Rights_sign.htm (дата обращения: 01.10.2020).

⁶ Бюллетень международных договоров. 1999. № 6.

пила гарантии равенства перед судом (ст. 7)¹; Каирская декларация о правах человека в исламе 1990 г. – «*Все люди равны перед законом без какого бы то ни было различия между правящими и управляемыми. Право обращаться к правосудию гарантировано каждому*»².

Анализ указанных выше международно-правовых документов свидетельствует о том, что международно-правовое закрепление равенства перед судом и его гарантий предусматривает необходимость:

1) наличия закона, устанавливающего и гарантирующего равенство всех и любого человека перед судом или отдельные аспекты его реализации;

2) равенства процессуальных прав, предоставленных для отстаивания перед судом своих позиций стороне защиты, с аналогичными процессуальными правами стороны обвинения;

3) равенства процессуальных прав, предоставленных для отстаивания перед судом своих позиций подозреваемому (обвиняемому), с аналогичными процессуальными правами потерпевшего, а также иным участникам уголовного процесса с противоположными интересами;

4) обеспечения порядка судопроизводства, при котором не существует таких его участников со стороны государства, чьи решения, действия (бездействия) не могли бы быть обжалованы (оспорены) в суде, с одновременным закреплением права участвующих в уголовном процессе лиц на обжалование решений, приговоров и иных судебных постановлений;

5) осуществления правосудия на основе единого суда для всех, когда всем участникам уголовного судопроизводства предоставляются одинаковые (на основе равенства) права и возможности защищать свои права и интересы, в силу чего не допускается создание специальных или чрезвычайных судов для отдельных групп лиц или по иным дискриминационным основаниям;

б) определенных гарантий равенства всех перед судами.

Следует отметить, что такие гарантии в нормах международно-правовых документов определены преимущественно для обвиняемых. Например, согласно ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. «каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии *на основе полного равенства*: а) быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения; б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником; в) быть судимым без неоправданной задержки; г) быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему за-

¹ Библиотека по правам человека : Африканская хартия прав человека и народов : Неофициальный перевод с английского. Принята на встрече глав государств – членов Организации африканского единства 26.06.1981 в Найроби. Вступила в силу 21.10.1986. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instreet/Rz1afchar.html> (дата обращения: 01.10.2020).

² Документ ООН A/45/421.

щитника в любом таком случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника; е) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него; ф) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке; г) не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным».

Данные гарантии, предусмотренные Пактом и другими международно-правовыми документами, нашли свое закрепление и в УПК РФ при определении процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого. Однако то обстоятельство, что они предоставляются «на основе полного равенства», законодателем в полной мере учтено не было. И, как следствие, потерпевший оказался лишен вытекающих из такого равенства целого ряда прав, о примерах чего мы указали выше.

Это в корне противоречит международно-правовому пониманию и толкованию равенства перед судом.

Так, согласно Замечаниям общего порядка¹ № 32:

1) «право на равенство перед судами и трибуналами в общем смысле гарантирует ... право равного доступа и равенства состязательных возможностей и обеспечивает, чтобы обращение со сторонами в таких разбирательствах было свободным от какой бы то ни было дискриминации» (п. 8);

2) «право на равенство перед судами и трибуналами обеспечивает также равенство состязательных возможностей. Это означает, что одни и те же процессуальные права должны обеспечиваться всем сторонам, кроме как если различия предусматриваются законом и могут быть оправданы по объективным и разумным основаниям, не ставящим подсудимого в фактически» (п. 13)².

Согласно правовым позициям Европейского Суда по правам человека равенство перед судом относится к фундаментальным элементам права на справедливое судебное разбирательство («*Toute personne a droit a ce que sa cause soit entendue equitablement*»). Оно состоит в том, что каждый, кто является сто-

---

¹ «Замечания общего порядка» (англ. general comments; фр. observations generales) – документы, разрабатываемые Комитетом по правам человека, представляют собой комментарии к Международному пакту о гражданских и политических правах и его отдельным статьям. По своему статусу и характеру схожи с постановлениями пленумов высших органов судебной власти. В них находят выражение изложенные в абстрактном виде разъяснения Комитета о нормативном содержании тех или иных положений Пакта, которыми сам Комитет руководствуется при их применении, рассматривая конкретные дела по жалобам частных лиц, и рекомендует делать то же самое другим правоприменителям (прежде всего, государствам в лице судов). Являются авторитетными источниками права, на которые, в частности, ссылаются международные юрисдикционные органы, в том числе региональные суды по правам человека.

² ООН. Комитет по правам человека: Замечание общего порядка № 32. Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство. Документ ООН CCPR/C/GC/32, 23 August 2007.

роной в уголовном судопроизводстве, должен обладать разумной возможностью представлять свои интересы перед судом в условиях, при которых он не будет поставлен в невыгодное положение по сравнению с противной стороной. Это обеспечивает наличие справедливого баланса между сторонами¹.

Международно-правовые нормы о равенстве всех перед судом и гарантий этого не являются самоисполнимыми, поскольку, как правило, не содержат всестороннего и полного процессуального механизма их практической реализации. В связи с этим они требуют имплементации во внутригосударственное законодательство, а до закрепления в нем представляют собой не что иное, как международные стандарты – «оптимальные виды практики», которые государства могут использовать в соответствии со своими национальными потребностями².

Для того чтобы должным образом внедрить международный стандарт равенства всех перед судом в уголовное судопроизводство, на наш взгляд, целесообразно, прежде всего, проработать вопрос о включении его в круг принципов уголовного судопроизводства, нормы о которых закреплены в главе 2 УПК РФ. В последующем с учетом этого и на основе всестороннего сравнительного анализа полномочий потерпевшего и обвиняемого необходимо выявить имеющиеся несоответствия в равенстве их прав и обязанностей в уголовном процессе, принять меры по совершенствованию на этой основе закона с целью обеспечения реального равенства перед судом потерпевшего и обвиняемого, что давно предлагается отечественными учеными³, а в последующем – и других участников уголовного судопроизводства, имеющих противоположные интересы при производстве по уголовным делам на досудебных и судебных стадиях.

---

¹ Ankerl v. Switzerland, 23 October 1996, § 38, Reports of Judgments and Decisions 1996-V; De Haes and Gijssels v. Belgium, 24 February 1997, § 53, Reports of Judgments and Decisions 1997-I; Klimentyev v. Russia, no. 46503/99, § 98, 16 November 2006 и др.

² Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк : ООН, 2007. С. IX.

³ Соловьев А. Б. Необходимо обеспечить паритетность прав потерпевшего и обвиняемого в УПК РФ / А. Б. Соловьев // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2016. № 2 (25). С. 140–149.

*Адрианова П. С.¹,
курсант 292 взвода факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:
*Клементьева Е. С.,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОБ АДВОКАТСКОМ ЗАПРОСЕ КАК СПОСОБЕ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Тема доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве является неисчерпаемой. Проблема собирания и представления адвокатом доказательств рассматривалась многими учеными-процессуалистами. Сбор и получение информации адвокатами необходим для оказания квалифицированной юридической помощи, которая гарантируется всем гражданам Российской Федерации в соответствии со ст. 48 Конституции РФ, а одним из самых эффективных способов сбора доказательств выступает адвокатский запрос. Наше внимание привлекла недостаточность правового регулирования использования адвокатского запроса в качестве способа собирания доказательств в уголовном процессе.

УПК РФ (ч. 3 ст. 86) устанавливает право защитника собирать доказательства путем получения документов, иных сведений, а также истребовать справки, характеристики, иные документы от различных организаций. В связи с изложенным возникает вопрос, а почему тот же адвокат, который выступает на стороне обвинения, в качестве представителя потерпевшего не обладает аналогичными правами? Ч. 2 ст. 86 УПК РФ говорит лишь о праве представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. И для защитника, и для адвоката-представителя процедура представления документов и иных сведений для приобщения в качестве доказательств идентична².

Положения ч. 3 ст. 86 УПК РФ корреспондируются с нормами ст. 6.1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», регламентирующими право адвоката направлять в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации официальное обращение по входящим в компетенцию указанных органов и организаций вопросам

---

¹ © Андрианова П. С., 2021.

² См.: Клементьева Е. С. Актуальные вопросы собирания доказательств по уголовным делам / Е. С. Клементьева, Е. В. Семенкова // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 192.

о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи. Такое официальное обращение адвоката называется адвокатским запросом. Не все сведения могут быть предоставлены по адвокатскому запросу, согласно ч. 4 ст. 6.1 данного закона в предоставлении адвокату запрошенных сведений может быть отказано в случаях, если субъект, получивший адвокатский запрос, не располагает запрошенными сведениями; нарушены требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса; запрошенные сведения отнесены законом к информации с ограниченным доступом.

Требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса изложены в приказе Минюста России от 14.12.2016 № 288 «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса».

Рассмотрим пример использования адвокатского запроса для получения важных сведений по уголовному делу. В августе–ноябре 2017 г. в отношении генерального директора крупного регионального поставщика сельскохозяйственной техники – компании ООО «Автопроммаш», следственным отделом по г. Великий Новгород СУ СК России по Новгородской области были возбуждены уголовные дела по ч. 2 ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере) и по ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество в особо крупном размере). Клиент обвинялся в уклонении от уплаты налогов на сумму более 60 миллионов рублей и мошенничестве на сумму более 10 миллионов рублей. Ответы на адвокатские запросы от таможенных органов России и иностранных государств, которые подтверждали реальность и законность коммерческих операций, в совокупности с другими доказательствами позволили добиться прекращения уголовного дела¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что адвокатский запрос – это инструмент для сбора информации, которая может содержать сведения, имеющие доказательственное значение по конкретному уголовному делу.

Актуальным является вопрос о границах информации, которую можно получить с помощью адвокатского запроса. Сразу отметим, что сведения, составляющие государственную тайну, персональные данные, служебные и коммерческие тайны, а также профессиональные тайны являются информацией с ограниченным доступом, а значит, адвокату может быть отказано в предоставлении сведений.

Однако законодателем точно не установлены рамки ограниченной по доступу информации. Относительно государственной тайны, мы понимаем, что доступ к ней полностью ограничен, ведь от сохранности этих данных зависит безопасность нашей страны. В отношении служебной и коммерческой тайны адвокат лишен возможности заранее знать, относятся ли запрашиваемые данные к этому разряду сведений с ограниченным доступом, тогда учреждение, к которому обращается адвокат, практически на любом основании может отказать в предоставлении информации, ссылаясь на конфиденциальность.

Сложная ситуация при направлении адвокатского запроса обстоит и с институтом персональных данных, их защиты. Согласно ст. 3 Федерального закона

---

¹ Право.Ru (Судебный кейс) // URL: https://pravo.ru/company_news/222834/?desc_search= (дата обращения: 20.11.2020).

от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Иначе говоря, персональные данные – это любая информация о физическом лице. И на этом основании в ответ на адвокатский запрос не предоставляются сведения о месте жительства гражданина. Однако, если смотреть с правовой стороны, то эти данные скорее относятся к юридической составляющей, а не к частной жизни граждан. Тем не менее органы Федеральной миграционной службы в предоставлении этой информации адвокатам отказывают. В отношении тайн, связанных с профессиональной деятельностью, отмечаем, что охват этих тайн весьма широк и не обозначен точно, поэтому толкуются органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями, являющимися носителями этих тайн.

Еще одна проблема, связанная с применением адвокатского запроса, – срок. В соответствии со ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, получившие адвокатский запрос, должны дать на него ответ в тридцатидневный срок со дня его получения, который может быть продлен еще на 30 дней (ст. 12 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»), а значит общий срок устанавливается вплоть до 60 дней. Судебный (прокурорский) запрос должен быть удовлетворен в течение пяти дней. Разница между сроками весьма значительна, несмотря на то что в п. 3 ст. 123 Конституции РФ гарантируется равенство сторон в суде. Такое положение В. В. Клювгант отмечает как дискриминационное и противоречащее принципу равноправия и состязательности сторон¹.

На данный момент законодательство в области адвокатского запроса еще нуждается в совершенствовании, для повышения эффективности адвокатского запроса уже выдвинуто множество предложений.

Например, сокращение срока предоставления ответов на адвокатский запрос (ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и об адвокатуре в Российской Федерации»), для уравнивания сторон защиты и обвинения, устранение неопределенности в части описания сведений, отнесенных законом к информации с ограниченным доступом, и предоставление адвокатам доступа к этим данным, установление приоритетного порядка исполнения адвокатского запроса, поскольку это касается реализации конституционных гарантий каждого на квалифицированную юридическую помощь, особенно в ситуациях, связанных с уголовным преследованием или содержанием под стражей.

Адвокатура всегда стояла и стоит на страже прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию физических и юридических лиц. Поэтому любые действия, направленные на повышение качества оказываемой адвокатами юридической помощи, являются для всего российского общества необходимыми.

---

¹ См.: Клювгант В. В. Адвокатский запрос – ответят / В. В. Клювгант // Адвокатские вести России. 2014. № 3. С. 10.

Белов М. В.¹,

начальник отделения дознания

Отдела МВД России по району Северное Бутово г. Москвы

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ОБВИНЯЕМОГО В ХОДЕ ДОЗНАНИЯ

Предъявление обвинения на этапе окончания дознания направлением уголовного дела прокурору с обвинительным актом, обвинительным постановлением является обязательным и служит важной гарантией прав и законных интересов лица, а также обеспечения объективности установления значимых для уголовного дела обстоятельств. Однако такая гарантия может быть действенной только в том случае, когда порядок предъявления обвинения позволяет в полной мере реализовать процессуальный статус обвиняемого в той его части, которая включает комплекс прав на этапе предварительного расследования. Собственно, именно такого уровня гарантия предусмотрена в ходе производства предварительного следствия, где привлечение в качестве обвиняемого происходит посредством вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предполагает последующее ознакомление с ним обвиняемого и незамедлительного производства допроса (ст. 171–173 УПК РФ).

Привлечение лица в качестве обвиняемого – акт не формальный. Он включает в число участников уголовного судопроизводства новую процессуальную фигуру обвиняемого; организует дальнейшее движение процесса, ориентируя его на проверку позиции обвиняемого; позволяет обвиняемому уяснить детали обвинения, что важно для выработки этой позиции².

Сегодня в науке весьма распространенной является позиция, согласно которой от привлечения в качестве обвиняемого в ходе предварительного следствия стоило бы отказаться³.

Сторонники данной точки зрения полагают, что лицо может вполне эффективно защищаться, находясь в статусе подозреваемого, как это происходит в ходе дознания, не вызывая серьезной обеспокоенности с точки зрения соблюдения прав и законных интересов лица, в отношении которого осуществляется производство по уголовному делу. Заметим, что с такой позицией можно было бы безоговорочно согласиться, если бы не два обстоятельства.

Первое: в ходе дознания лицо может приобретать статус подозреваемого в результате различных процессуальных решений. Очевидно, что разный объем информированности о вменяемом деянии, например, при ознакомлении с уве-

---

¹ © Белов М. В., 2021.

² Григорьев В. Н. Уголовный процесс / Н. В. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. М. : Эксмо, 2008. С. 458–459.

³ Гаврилов Б. Я. Современное уголовное судопроизводство России: теория и практика / Б. Я. Гаврилов // Материалы VIII Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 12–16.

домлением о подозрении в совершении преступления и при приобретении статуса подозреваемого в результате возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица не влечет разные фактические возможности защищаться от подозрения¹.

Второе: отказ от установленного порядка привлечения в качестве обвиняемого в ходе предварительного следствия не должен препятствовать реализации процессуального статуса обвиняемого, поскольку он в любом случае приобретает его на стадии предварительного расследования. Именно с точки зрения соблюдения указанного требования и стоит подойти к оценке порядка привлечения в качестве обвиняемого на этапе окончания дознания, который предлагается распространить на предварительное следствие.

Приобретая процессуальный статус обвиняемого путем ознакомления с материалами уголовного дела и обвинительным актом (обвинительным постановлением), обвиняемый оказывается явно стесненным в реализации своего процессуального статуса. Прежде всего, он ограничен в возможностях представления доказательств как обвиняемый (п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), поскольку в обвинительном акте (обвинительном постановлении) перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, уже приведен и подразумевается, что это итоговый перечень. Не требует закон разъяснить обвиняемому, ознакомившемуся с обвинительным актом (обвинительным постановлением), и сущности предъявленного обвинения.

Обвинительный акт (обвинительное постановление) выполняет двойную функцию, это документ с «двойным назначением»²: с одной стороны, он ставит лицо в положение обвиняемого, с другой, – выступает как процессуальный акт, завершающий расследование, и второе назначение сегодня явно является основным, что нельзя считать приемлемым.

Конечно, обвиняемый может заявить ходатайство о производстве дополнительных следственных действий, однако, время для осмысления и обоснования своего ходатайства ему практически не отводится. В предъявлении обвинения путем ознакомления не только с его формулировкой, но и с имеющимися доказательствами есть и обратная сторона: обвиняемый, приобретающий этот статус в ходе предварительного следствия, лишен права ознакомления с имеющимися доказательствами непосредственно в ходе предъявления обвинения. В этом смысле он получает меньший объем информации для выработки позиции по предъявленному обвинению.

Беда, однако, в том, что обвиняемый, ознакомившись с материалами уголовного дела, в том числе и с обвинительным актом, обвинительным постановлением, не имеет возможности реализовать свое процессуальное право на дачу показаний в ходе предварительного расследования (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ)³.

---

¹ Иванов Е. Е. Уведомление в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. Наук / Е. Е. Иванов. М., 2020. С. 147–159.

² Уголовный процесс : учебник / отв. ред. А. В. Гриненко. 3-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. С. 298.

³ Степанова И. А. Допрос обвиняемого как процессуальное средство защиты / И. А. Степанова // Студенческая наука и XXI век. 2017. № 1 (14). С. 2.

Мало того, в случае рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ), либо в порядке, предусмотренном ст. 226.9 УПК РФ, он и вовсе лишается права дать показания в качестве обвиняемого, поскольку правила гл. 40 УПК РФ не предусматривают исследования доказательств, а ст. 226.9 УПК РФ разрешает исследовать только те доказательства, которые обозначены в обвинительном постановлении, где показания обвиняемого по понятной причине отсутствуют.

Право обвиняемого на дачу показаний должно быть обеспечено вне зависимости от формы расследования до момента ознакомления с материалами уголовного дела. Представляется, что один и тот же процессуальный статус, в данном случае – статус обвиняемого – не может предполагать разный объем прав. Лицо, возможности которого в этом случае ограничены по сравнению с обвиняемым, получившим такой статус в ином процессуальном порядке, оказывается в явно невыгодном положении.

Равные гарантии обвиняемому должны быть обеспечены и в случае привлечения его в качестве обвиняемого в ходе дознания в общем порядке, с одной стороны, и в ходе дознания в сокращенной форме, с другой. Сегодня о равенстве таких гарантий говорить не приходится. При окончании дознания в сокращенной форме обвинительное постановление, с которым знакомится обвиняемый, должно быть утверждено начальником органа дознания (ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ), при производстве дознания в общем порядке практика склоняется к его утверждению после ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Очевидно, что утверждающая резолюция начальника органа дознания имеет разное значение: в первом случае это утверждение документа, ставящего лицо в положение обвиняемого, во втором – решение о возможности направления уголовного дела прокурору. Формально и по существу субъект, ставящий подозреваемого в положение обвиняемого, различен: при производстве дознания в общем порядке – это дознаватель, при производстве дознания в сокращенной форме – начальник органа дознания. Оправдано ли такое различие – вопрос, требующий осмысления.

Таким образом, при производстве предварительного расследования в любых его формах необходимо обеспечить равные процессуальные гарантии реализации единого процессуального статуса обвиняемого.

Богатырев Д. В.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Ендольцева А. В.,

*профессор кафедры уголовного процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ

Сегодня уголовный процесс претерпевает множество изменений, шагая в ногу со временем. Происходит формирование новых общественных отношений, усиливаются меры по противодействию преступности, укреплению законности и правопорядка. Изменяемые и модифицируемые формы общественных отношений оказывают непосредственное воздействие на уголовно-процессуальное законодательство, внося в него новшества и расширяя сферу его деятельности.

Анализ нововведений в уголовный процесс показывает, что законодатель движется в сторону расширения прав, предоставляемых участникам уголовного судопроизводства. Однако с расширением возможностей реализации более широкого круга прав, участники уголовного процесса получают и широкие возможности злоупотребления этими правами. При этом зачастую имеет место быть ситуация, когда законодатель, предоставляя права участнику уголовного процесса, не устанавливает четких законодательных рамок и порядка их реализации, тем самым фактически допускает возможность злоупотребить своим правом.

Важно заметить, Конституция РФ закрепляет, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а их защита и обеспечение – приоритетной деятельностью государства. При этом ст. 45 Конституции РФ указывает: каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Соблюдение законности является основополагающим условием предварительного расследования и уголовно-процессуального права в целом. Уголовный процесс направлен на устранение уголовно-противоправных деяний и реализацию уголовной ответственности, однако, стоит учесть, что и в рамках уголовно-процессуальной деятельности имеют место быть факты неправомерного поведения. Так, участники уголовного судопроизводства иногда используют предоставленные им права в личных, не всегда законных целях, причиняя тем самым вред другим участникам уголовного судопроизводства, обществу и государству, препятствуя реализации назначения уголовного судопроизводства. При этом зачастую правом злоупотребляет субъект, который должен контролировать и обеспечивать законность и обоснованность уголовного процесса.

Стоит заметить, что феномен злоупотребления правом не является новшеством, однако, эта тема до недавних пор не получала пристального внимания со

---

¹ © Богатырев Д. В., 2021.

стороны ученых-процессуалистов, несмотря на ее значимость. Исследуемая проблематика получила научный интерес лишь в последние пару десятков лет, но за этот период не была рассмотрена в полной мере, поскольку интерес исследователей в большинстве своем был направлен на изучение злоупотребления правом в судебном уголовном производстве, от чего можно сделать вывод о том, что феномен злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве нуждается в углубленном исследовании.

Уголовно-процессуальный закон не регламентирует термин «злоупотребление правом», не указывает его признаки, виды, состав, формы. Однако при этом упоминание указанного термина зачастую можно встретить в международно-правовых актах, постановлениях Конституционного Суда РФ, разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Некоторые отдельно взятые акты все же косвенно затрагивают вопрос злоупотребления правом, например, ст. 17 Конституции РФ устанавливает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, а Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» в п. 18 полагает, что недобросовестное использование прав обвиняемым и его защитником может повлечь за собой ограничение реализации их правомочий. Однако не существует единого подхода к пониманию феномена злоупотребления правом, отсутствует законодательный механизм его предупреждения и пресечения.

Важно иметь в виду, что с проблемой злоупотребления правом сталкивается не только уголовный процесс, но и некоторые другие отрасли права. Однако же стоит заметить, что в отдельных случаях законодатель старается в некоторой мере ограничить возможность такого злоупотребления. Так, например, ст. 10 ГК РФ фактически устанавливает запрет на злоупотребление правом. Изучение этой нормы дает основание полагать, как отмечают и другие авторы, что уголовно-процессуальный закон нуждается в схожей или аналогичной норме, которая фактически бы запрещала злоупотребление правом и устанавливала механизм его предупреждения и пресечения.

Поскольку теоретическое представление о феномене злоупотребления правом в уголовном процессе не изучено в полной мере, зачастую это приводит к значительным дефектам уголовно-процессуальной деятельности. При этом следует обозначить, что непонимание сущности и правовой природы злоупотребления правом может повлечь за собой «объективное вменение» – участник чрезмерно усердствует в реализации своего права, не имея умысла на злоупотребление, вследствие чего он, как правопослушный участник уголовного процесса, может компрометироваться как нарушитель. По этой причине понимание правовой природы злоупотребления правом необходимо, в том числе и прежде всего для каждого участника уголовного судопроизводства.

Факт злоупотребления правом может весьма негативно сказаться на качестве предварительного расследования, ведь лишь единственный случай злоупотребления правом может значительно затянуть проводимое расследование, либо существенно затруднить его проведение. Для аргументации актуальности темы необходимо привести некоторые статистические данные относительно престу-

плений, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями, а именно: по ст. 285 УК РФ было зарегистрировано: в 2015 г. – 2331 преступление, в 2016 г. – 2352, в 2017 г. – 2237, в 2018 г. – 2556, в 2019 г. – 2297¹. Таким образом, статистика указывает на то, что за последние пять лет количество преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ, остается практически неизменным. При этом важно отметить, что допущение в деянии признаков указанного преступления является некой крайностью для лица, злоупотребившего правом. Ведь если последнее не содержит в себе состав уголовного преступления, то лицо, злоупотребившее им, не несет за это ответственности. Тем самым подтверждается необходимость регламентации четкой и структурированной системы предупреждения злоупотребления правом, потому как норма о его запрете не будет исполняться без практического механизма реализации.

Однако при этом следует понимать, что чрезмерное ограничение реализации прав может привести к тому, что она (реализация) станет сложно исполнимой, а в некоторых ситуациях и вовсе недоступной. Значит уголовно-процессуальный закон нуждается в сбалансированных нормах, которые будут предупреждать и пресекать злоупотребление правом участниками, не ограничивая их в реализации своих законных прав и интересов.

Как отмечает О. В. Желева, и мы с ней в этом согласны, важность изучения злоупотребления правом участниками уголовного процесса в рамках досудебного производства заключается в том, что системный подход к анализу и выявлению проблем, связанных с изучаемым феноменом, позволит значительно оптимизировать досудебный уголовный процесс, ограничивая и исключая возможность злоупотребления правом².

Проблемы, связанные со злоупотреблением правом в уголовном процессе, исследовались и нашли отражение в трудах В. А. Азарова, О. И. Андреевой, М. А. Боловнева, В. С. Вепрева, В. Н. Григорьева, В. С. Гришина, О. И. Даровских, И. М. Ерешкиной, О. В. Желевой, О. А. Зайцева, П. Н. Коломенского, А. А. Малиновкого, Н. О. Машинковой, А. Е. Наумова, А. В. Никулиной, Д. М. Нурбаева, Г. Ю. Перфилова, Т. В. Трубниковой, К. Ю. Трусова, А. Ю. Фролова, А. М. Шаганяна, Е. В. Шевелевой и др.

Поскольку феномену злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве комплексные научные исследования не посвящались, а эта проблема требует углубленного изучения, рассматриваемая тема не только представляет собой научный интерес для самостоятельного исследования, но и тесно связана с актуальностью рассматриваемой проблематики и ее практической значимостью. Как уже было сказано выше, уголовно-процессуальный закон не содержит в себе понятия и признаков злоупотребления правом. А потому необходима их выработка и четкая законодательная регламентация, кроме того, важна разработка и внедрение мер предупреждения и пресечения злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве.

---

¹ Показатели преступности России // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 15.11.2020).

² Желева О. В. Понятие и признаки злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве / О. В. Желева // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 116–121.

Бондаренко И. П.¹,
соискатель Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:
Химичева О. В.,
начальник кафедры уголовного
процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРИНЦИП РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Общеизвестно, что права, свободы и законные интересы обвиняемого серьезным образом затрагиваются при применении мер пресечения. Надлежащий процессуальный порядок применения этих мер, защищающий обвиняемого от чрезмерного правоограничения, так или иначе основан на всех принципах уголовного судопроизводства, закрепленных в гл. 2 УПК РФ. Вместе с тем из этой системы основных положений можно выделить такие предписания, которые составляют каркас процедуры применения мер пресечения, а значит, наиболее значимы в качестве гарантии прав, свобод и законных интересов участников, в том числе обвиняемого, на данном этапе.

К числу таких «базовых» для процедуры применения мер процессуального принуждения принципов, на наш взгляд, относятся: разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ); законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ); осуществление правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ); уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ); неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ); охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ); презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ); состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ); обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ); свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ); право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ).

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства, закрепленный в ст. 6.1 УПК РФ, появился в уголовно-процессуальном законе в 2010 г. и стал дополнением уже сформированной системы принципов уголовного процесса.

Законодательное закрепление данного положения в качестве принципа уголовного судопроизводства является ярким примером имплементации в отечест-

---

¹ © Бондаренко И. П., 2021.

венное законодательство норм международных правовых актов о правах человека¹.

Европейским Судом по правам человека неоднократно отмечалось неудовлетворительное состояние российской правоприменительной практики в части сроков разрешения уголовных дел. По мнению А. И. Ковлера, несмотря на снижение общего количества «российских» жалоб, рассматриваемых Европейским Судом по правам человека, Россия, по сравнению с другими странами, является «бесспорным лидером» по количеству жалоб на нарушение абсолютных прав (жизнь, свобода и т. д.) и неэффективность расследования их преступных нарушений².

Вместе с тем в науке высказано мнение об отсутствии необходимости дублировать предписания международных норм в УПК РФ, поскольку международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство, (ч. 3 ст. 1 УПК РФ)³.

Полагаем, однако, что отечественный законодатель не просто инкорпорировал положение международных договоров о разумном сроке, а значительно развил его в ст. 6.1 УПК РФ. Более того, обстоятельное, даже мелочное регулирование, закрепленное в данной статье, сделало правило о разумном сроке более похожим не на принцип (основополагающее положение) уголовного процесса, а на общее условие той или иной стадии (предварительного расследования и судебного разбирательства).

Надо отметить, что принцип быстроты (оперативности) уголовного судопроизводства уже выделялся в уголовно-процессуальной теории⁴, однако, практически был реализован в виде принципа разумности срока уголовного судопроизводства. При этом закрепление в законе правила о сроке именно как «разумного» выглядит предпочтительнее. Требование быстроты (оперативности) может приводить к нарушениям прав и свобод личности, поскольку создает условия для нарушения уголовно-процессуальной формы со стороны правоприменителя в целях скорейшего расследования уголовного дела. Разумность же сроков, как принцип, исходя из его нормативного содержания, учитывает индивидуальные особенности расследуемого уголовного дела и, таким образом, ор-

---

¹ Так, право каждого при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения на основе полного равенства быть судимым без неоправданной задержки закреплено в п. «с» ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., а в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. установлено, что каждый при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок.

² См.: Ковлер А. И. Россия в Европейском Суде: 2012-й год «большого перелома» / А. И. Ковлер // Российское правосудие. 2013. № 3. С. 16.

³ Химичева О. В. О совершенствовании принципов уголовного судопроизводства / О. В. Химичева, Г. П. Химичева // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4 (41). С. 625–630.

⁴ См.: Калиновский К. Б. Быстрота (срочность) уголовного судопроизводства – есть принцип уголовно-процессуального права / К. Б. Калиновский. URL: <http://kalinovskiy-k.narod.ru> (дата обращения: 01.12.2020).

ганизует и упорядочивает работу следователя, «не подгоняя» его без ненужной необходимости.

Надо отметить, что в уголовно-процессуальном законе принцип разумного срока уголовного судопроизводства возглавляет систему норм, регулирующих отдельные процессуальные сроки (предварительного следствия и дознания, производства отдельных процессуальных действий, в том числе применения мер процессуального принуждения). При этом И. В. Малофеев справедливо считает, что правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений с учетом закрепления в УПК России принципа разумного срока судопроизводства находится в начальной стадии. Закрепление нового принципа, очевидно, не может ограничиться введением одной статьи и должно повлечь за собой серьезные изменения во всей системе уголовного судопроизводства¹.

Исследователи, проанализировав положения ст. 6.1 УПК РФ, отмечают, что данный принцип состоит из двух взаимосвязанных элементов: требования об осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок, которое реализуется как при законодательном установлении сроков в уголовном процессе, так и правоприменителем при осуществлении им процессуальной деятельности, и права заинтересованного лица на осуществление судопроизводства в разумный срок, которое включает в себя право обратиться с жалобой об ускорении расследования дела либо с заявлением об ускорении рассмотрения дела, а также право на получение компенсации в случае нарушения разумного срока уголовного судопроизводства².

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства, реализованный в процедуре применения мер пресечения, составляет исключительно важную гарантию прав, свобод и законных интересов обвиняемого. В связи с этим одной из проблем является затягивание применения самой строгой из мер пресечения – заключения под стражу.

Несмотря на то, что продление сроков содержания под стражей предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством, во многих случаях такое продление, особенно до 6 месяцев в порядке ч. 2 ст. 109 УПК РФ, осуществляется «автоматически». Так, 41 % опрошенных³ следователей органов внутренних дел заявили, что они выносят соответствующее ходатайство перед судом по абсолютному большинству расследуемых ими дел, причем 33 % из них были настроены на дальнейшее продление срока содержания сразу же после избрания данной меры пресечения судом. Среди опрошенных следователей Следственного комитета РФ таковых оказалось соответственно 34 % и 19 %.

---

¹ См.: Малофеев И. В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Малофеев. М., 2014. С. 4.

² См.: Урбан В. В. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Урбан. М., 2013. С. 13.

³ Интервьюирование проводилось автором в 2015–2020 гг. в Москве, Санкт-Петербурге, Московской, Ленинградской областях в рамках диссертационного исследования; опрошены 102 следователя органов внутренних дел, 53 руководителя следственных подразделений органов внутренних дел, 76 следователей Следственного комитета РФ и 37 руководителей следственных органов Следственного комитета РФ.

Председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев в конце 2013 г. заявил, что следствие часто не утруждает себя обоснованием необходимости продления срока ареста: «Большое количество дел, которое приходится расследовать одному следователю, не является основанием для того, чтобы он не проводил следственные действия с арестованным фигурантом и на основании большого объема предстоящей работы выходил в суд с требованием продлить его арест». «Позиция, что много дел у следователя, – это не правовой аргумент, она неприемлема», – добавил В. Лебедев¹.

Получается, что в силу реальной загруженности уголовными делами, следователи не должны учитывать это обстоятельство при продлении сроков содержания под стражей. И это вполне обоснованно, так как обвиняемый, права, свободы и законные интересы которого изначально ограничены по конкретному уголовному делу на законном основании, впоследствии начинает претерпевать воздействие ненадлежащей организации работы со стороны следователя. В результате этого ограничиваются его права, свободы и законные интересы при продлении сроков содержания под стражей уже необоснованно.

Отметим, что ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ устанавливает: при определении разумного срока уголовного судопроизводства учитываются такие обстоятельства, как:

а) своевременность обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, с заявлением о преступлении;

б) правовая и фактическая сложность материалов проверки сообщения о преступлении или уголовного дела;

в) поведение участников уголовного судопроизводства;

г) достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и т. д.) общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Полагаем, что при применении мер пресечения определение разумности срока должно включать сохранение оснований для избрания мер пресечения (ст. 97 УПК РФ), а также обстоятельств, учитываемых при избрании мер пресечения (ст. 99 УПК РФ).

Разумность срока уголовного судопроизводства в стадии предварительного расследования, влияя на организацию труда работы следователя и дознавателя, исключая неоправданное затягивание досудебного производства, сокращают и в период, в течение которого к обвиняемому применяется мера пресечения, особенно – домашний арест и заключение под стражей. Тем самым обеспечиваются, пусть и опосредованно, права, свободы и законные интересы данного субъекта. Опять же стоит отметить, что разумность срока судопроизводства, как принцип, создает условия для обеспечения прав, свобод и законных интересов обвиняемого при применении мер пресечения. Их соблюдение, зависит от лица, ведущего расследование. Но в случае установления факта затягивания

---

¹ См.: Трифонова Е. Вячеслав Лебедев против неправовых аргументов следствия / Е. Трифонова, А. Самарина // Независимая газета. 2013.

срока расследования, а соответственно и срока, в течение которого к обвиняемому была применена мера пресечения, последний, исходя из рассматриваемого принципа, имеет право на компенсацию за нарушение данного принципа уголовного судопроизводства.

В связи с этим считаем, что принцип разумного срока уголовного судопроизводства относится к числу тех положений, которые имеют базовое значение для надлежащей процедуры применения мер пресечения в качестве гарантии обеспечения прав, свобод и законных интересов обвиняемого.

*Григорьева Н. В.*¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

УТОЧНЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СВИДЕТЕЛЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Современное развитие общественных отношений выделяет гарантии прав и законных интересов участников досудебного и судебного производства в качестве важнейшего условия достижения назначения уголовного судопроизводства, определенного в ст. 6 УПК РФ. В данный процесс вовлечено колоссальное число лиц, поскольку практически по каждому уголовному делу, а это в 2019 г. – 1087983 уголовных дела (за январь–сентябрь 2020 г. расследовано 791904 преступлений)², имеется такой участник судопроизводства, как свидетель.

Известный английский юрист И. Бентам совершенно верно считал, что «свидетели – это глаза и уши правосудия»³.

Фигура свидетеля несет в себе огромный информационный потенциал о лицах, совершивших преступление, либо о невиновности лица и других обстоятельствах преступления, необходимых для его раскрытия и расследования.

Значение показаний свидетеля очень трудно переоценить. Недостаточно знать то, что конкретное лицо обладает интересующими следствие сведениями, необходимо, чтобы у лица возникло желание передать данную информацию тем, кто ведет расследование.

Гражданин будет проявлять свое самосознание только в случае уверенности, что его права на предварительном следствии будут неукоснительно соблюдены.

Несмотря на наличие довольно внушительного количества научных публикаций по вопросам реализации процессуального статуса свидетеля⁴, современное состояние и развитие общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства обозначает все новые проблемы и пробелы правовой регламентации понятия, прав, обязанностей свидетеля.

Первая проблема, которая будет затронута в представленной работе, связана с отсутствием единообразия в изложении взаимосвязанных уголовно-процессуальных норм, определяющих ответственность свидетеля в случае неявки без уважительных причин к следователю, дознавателю или в суд.

---

¹ © Григорьева Н. В., 2021.

² Показатели преступности в России // Статистические данные Генеральной прокуратуры РФ за 2019 г., январь–сентябрь 2020 г. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения 20.11.2020).

³ Азванов М. В. Понятие свидетеля в уголовном судопроизводстве / М. В. Азванов, Э. Б. Убушиев, А. А. Эренценов // Инновационное развитие науки и образования : сборник статей XI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 167–170.

⁴ Прохорова Е. А. Способы правового регулирования статуса лиц, принимающих участие в уголовном процессе / Е. А. Прохорова // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. № 1 (2). Т. 2. С. 130–134.

Меры процессуального принуждения, применение которых возможно в отношении свидетеля, закреплены в ч. 2 ст. 111 УПК РФ. В частности свидетель, наряду с потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, экспертом, специалистом, переводчиком и понятым, может быть подвергнут приводу, на него может быть наложено денежное взыскание, а также взято обязательство о явке.

Однако в ч. 7 ст. 56 УПК РФ закреплено, что за неявку по вызову следователя, дознавателя или суда без уважительной причины, свидетель может быть подвергнут только приводу, про другие меры процессуального принуждения не сказано.

В то же время в ч. 3 ст. 188 УПК РФ указано, что в случае неявки на допрос, свидетель может быть подвергнут как приводу, так и иным мерам, предусмотренным ст. 111 УПК РФ.

Полагаем, что отсутствие данного уточнения в ч. 7 ст. 56 УПК РФ не отменяет возможности подвергнуть свидетеля в случае неявки без уважительной причины по вызову следователя, дознавателя или суда иным мерам, помимо привода, на что прямо указывается как в ст. 111 УПК РФ, так и нормах, закрепляющих порядок применения данных мер процессуального принуждения (ст.ст. 112, 113, 118 УПК РФ).

Поскольку ст. 56 УПК РФ является общей правовой нормой, а ст. 111 УПК РФ – специальной по отношению к ст. 56 УПК РФ в части применения мер принуждения, то специальные нормы могут устанавливать и дополнять общие положения. Как, например, в данном рассматриваемом случае. Поэтому к свидетелю применимо все, что указано в ст. 111 УПК РФ. Однако с позиции полноты определения правового статуса участника, устранения определенных противоречий, усиления гармонизации уголовно-процессуальной формы, на наш взгляд, безусловно указанные выше нормы и положения должны быть согласованы. Поскольку, когда мы разьясняем свидетелю его права и обязанности, мы отталкиваемся от ст. 56 УПК РФ, а не от положений норм ст.ст. 111 и 188 УПК РФ.

В связи с этим предлагается внести дополнения в ч. 7 ст. 56 УПК РФ, определив, что в случае неявки без уважительных причин свидетель может быть подвергнут как приводу, так и иным мерам, предусмотренным ст. 111 УПК РФ.

Другая проблема связана с правовой возможностью применения мер принуждения в отношении несовершеннолетних свидетелей, поскольку только привод содержит возрастные ограничения в отношении лиц, не достигших 14 лет. Обязательство о явке, денежное взыскание возрастных ограничений в возможности применения по отношению к свидетелю и иным участникам уголовного процесса не определяет.

Полагаем, что отсутствие у несовершеннолетнего свидетеля полной дееспособности предопределяет невозможность наложения на него денежного взыскания, поскольку он еще не в состоянии самостоятельно отвечать за неисполнение возложенных на него обязанностей своим имуществом. В рассматриваемой ситуации следует вспомнить, что согласно ч. 4 ст. 188 УПК РФ лица, не достигшие 16-летнего возраста, вызываются в органы предварительного расследования и в суд через законных представителей. Кроме того, в соответствии со ст.ст. 1073, 1074 ГК РФ ответственность за несовершеннолетних детей в возрасте до 14 лет полностью несут родители, а в возрасте от 14 до 18 лет – в том

случае, если у несовершеннолетнего нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда. В связи с этим полагаем возможным предложить дополнить ст. 118 УПК РФ, определив порядок наложения денежного взыскания в случае наличия основания применения данной меры принуждения в отношении несовершеннолетнего лица. Аналогично должен быть решен вопрос и с обязательством о явке.

Дополнительные обязанности возникают у свидетеля при применении мер безопасности в связи с заключением соответствующего договора с органами государственной защиты на основании постановления должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело. В настоящее время обязанности защищаемых лиц закреплены исключительно в ч. 2 ст. 23 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Правовая неопределенность в этом вопросе может быть разрешена за счет дополнения ст. 56 УПК РФ соответствующей обязанностью свидетеля.

Перспективным направлением в развитии правового статуса свидетеля является введение в скором времени дистанционной формы допроса, что позволит обезопасить свидетелей, в том числе от внепроцессуального давления.

Обозначенная инициатива предполагает дополнение ст. 5 УПК РФ п. 8.1 «допрос посредством видео-конференц-связи». В условиях пандемии бесконтактные способы общения становятся особо актуальны во всех сферах. У правоохранителей тоже должны быть инструменты, позволяющие проводить официальные следственные действия без личных встреч. Кроме того, в главу 26 УПК РФ будет введена новая ст. 189.1, которая перечисляет условия и особенности проведения допроса посредством видеоконференцсвязи¹.

Такой шаг по упрощению процедуры допроса избавит правоохранительную систему от лишних материальных и временных затрат, так как неявка свидетелей или потерпевших, проживающих в другом городе или регионе, становится весомым основанием для бесконечных продлений сроков следствия.

Рассматривая проблемные вопросы процессуального статуса свидетеля, следует затронуть необходимость расширения права свидетеля на участие в уголовном судопроизводстве с адвокатом. В настоящее время п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ определяет возможность свидетеля явиться с адвокатом исключительно на допрос. Такое ограниченное право на представительство свидетеля неоднократно подвергалось критике в научной литературе. Мы поддерживаем авторов, которые предлагают закрепить право на участие свидетеля вместе с адвокатом не только

---

¹ Законопроект № 434998-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о допросе свидетеля следователем посредством видеоконференц-связи) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://duma.gov.ru> №434998-7 Законопроект: Система обеспечения законодательной деятельности (duma.gov.ru) (дата обращения 23.11.2020). В настоящее время законопроект снят с рассмотрения после положительного прохождения первого чтения для доработки.

в допросе, но и в целом в следственных и судебных действиях, а также дополнить УПК РФ ст. 56.1 «Адвокат свидетеля»¹.

Подводя итог, отметим, что правовой статус свидетеля получил достаточно четкое закрепление в современном уголовно-процессуальном законодательстве. В то же время правовая неопределенность отдельных вопросов, связанных с реализацией прав и осуществлением обязанностей свидетелем, является основанием для внесения уточнения в УПК РФ.

---

¹ Шигурова Е. И. Направления совершенствования свидетельского иммунитета в уголовном судопроизводстве / Е. И. Шигурова // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 3 (6). С. 61–71.

*Давыдовская М. В.*¹,
адъюнкт Академии управления МВД России;

Научный руководитель:
Победкин А. В.,
начальник кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ОРГАНА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРИВЛЕКАЕМОГО К УЧАСТИЮ В СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЙСТВИИ

Вопрос о соотношении уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности из вопросов с традиционным ответом сегодня стал средоточием полярных мнений и предложений. Учитывая опыт ряда государств на постсоветском пространстве, включивших в уголовно-процессуальное законодательство действия, являющиеся оперативно-разыскными мероприятиями (Республика Казахстан, Киргизская Республика и др.)², или признающих доказательствами результаты оперативно-разыскной деятельности (Республика Беларусь), в науке уголовного процесса все активнее отстаиваются позиции, согласно которым результаты оперативно-разыскной деятельности не просто могут стать доказательствами, но и в ряде случаев и являются таковыми³. Формально положения ст. 89 УПК РФ остаются в силе, однако, законодатель последовательно размывает границу между уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, давая определение результатам оперативно-разыскной деятельности, которому место в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности», в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ, закрепив позицию о родственной их природе через органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению такого рода деятельности, в п. 2.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, приравнивая оперативно-разыскной способ получения предметов, документов и сведений к следственным действиям, в ч. 3 ст. 144 УПК РФ, которая предусматривает в качестве основания для продления процессуального срока необходимость производства оперативно-разыскных мероприятий, хотя в целом нет существен-

---

¹ © Давыдовская М. В., 2021.

² Сумин А. А.. Специальные следственные мероприятия в уголовном судопроизводстве зарубежных государств : монография / А. А. Сумин, О. В. Химичева. М., Юрлитинформ, 2019.

³ Россинский С. Б. Результаты оперативно-разыскной деятельности доказательства по уголовному: только «за» и никаких «против» / С. Б. Россинский // Сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Иркутск : Издательство «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2018. С. 265–271.

ных проблем использования результатов оперативно-разыскной деятельности (при их наличии) в уголовном судопроизводстве¹.

Тенденция к смешению оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности зародилась с момента принятия действующего УПК РФ. Одно из доказательств тому – его ч. 7 ст. 164, в которой в числе общих правил производства следственных действий содержится положение, наделяющее следователя правом привлечения к участию в следственном действии должностного лица органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность. При этом процессуальный статус данного лица при участии в следственном действии не определяется, равно как умалчивается о целях, задачах такого участия, выполняемых лицом функций.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» под оперативно-разыскной деятельностью понимается вид деятельности, осуществляемой оперативными подразделениями государственных органов, посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий.

В связи с этим можно было бы предположить, что должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, – не обязательно лицо, уполномоченное данную деятельность осуществлять, а наделенное некими иными полномочиями. Однако участие в производстве следственного действия такого лица представляется и вовсе бессмысленным, что свидетельствует: речь идет именно о том субъекте, который вправе осуществлять оперативно-разыскную деятельность. Представляется, если законодатель имеет в виду именно такое лицо, его следовало именно так и именовать в ч. 7 ст. 164 УПК РФ: должностное лицо, уполномоченное осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

Единственным обсуждаемым вариантом процессуального статуса данного лица является наличие у него процессуального статуса специалиста. Однако, судя по дефиниции специалиста (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), субъект, обладающий специальными знаниями в вопросах оперативно-разыскной деятельности, не может оказать содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, в постановке вопросов эксперту, а также в разъяснении сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию². Для выполнения указанных функций не нужны познания в оперативно-разыскной деятельности, тем более следователь при необходимости содействия в проведении следственного действия может использовать положения п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, позволяющие ему получать содействие органа дознания при производстве процессуальных действий³.

---

¹ Победкин А. В. Тайное проникновение оперативно-розыскной деятельности в открытую дверь уголовного судопроизводства / А. В. Победкин // Судебная власть и уголовный процесс, 2018 № 2. С. 104–110.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. / под ред. А. П. Рыжакова. // ИПП «Гарант сервис», 2014.

³ Карпов Е. А. Законодательное регулирование взаимодействия следователя и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность / Е. А. Карпов, И. И. Мельникова // Вестник МНЭПУ. 2011. № 1. С. 196-204.

Оказать такое содействие вправе любое должностное лицо органа дознания, однако именно как представитель органа дознания, а не как лицо, полномочное осуществлять оперативно-разыскные мероприятия. Последнее, будучи привлеченным к производству следственного действия, не может иметь процессуальных полномочий¹.

Возможно, в определенных случаях оперативно-разыскная деятельность необходима в рамках проведения деятельности процессуальной. Судя по всему, именно для ее осуществления и может быть привлечено полномочное лицо. Однако фактические и юридические основания проведения оперативно-разыскных мероприятий, а также их порядок, не могут в таком случае регламентироваться уголовно-процессуальным законодательством. Кроме того, порядок получения следователем оперативно-разыскного содействия в ходе расследования предусмотрен п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ – поручение о производстве оперативно-разыскных мероприятий, после дачи которого следователь может лишь принять результаты оперативно-разыскной деятельности в порядке, предусмотренном межведомственным нормативно-правовым актом.

Отсутствие процессуального статуса участника следственного действия (надо полагать, что, как минимум, в случае гласного осуществления оперативно-разыскных мероприятий в ходе следственного действия – лицо, осуществляющее оперативно-разыскные мероприятия, является его участником) лишает других участников судопроизводства возможности реализовать свои процессуальные права. Например, они лишены права заявить отвод, поскольку круг лиц, подлежащих отводу, законодателем строго определен в ч. 1 ст. 61 УПК РФ.

Несомненно, следователю может потребоваться различного рода содействие в ходе проведения следственного действия. Однако порядок его получения предусмотрен в рамках использования возможностей органа дознания, а не должностного лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность.

Таким образом, УПК РФ предусматривает все необходимые средства для привлечения оперативно-разыскных возможностей в целях, предусмотренных законодательством об оперативно-разыскной деятельности, и без применения ч. 7 ст. 164 УПК РФ. Последняя в ее нынешней редакции влечет смешение оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности, создает условия для осуществления в рамках процессуальной формы непроцессуальных мероприятий², ставит под сомнение законность производства следственного действия и лишает участников судопроизводства возможности реализовать отдельные процессуальные права.

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2002. С. 237.

² Победкин А. В. Доказательство совести (Светлой памяти Юрия Васильевича Астафьева) / А. В. Победкин // Вестник криминалистики. Коломна : Центр судебных экспертиз Государственного социально-гуманитарного университета «ФАКТ», 2017. № 3–4. С. 215–231.

*Данилкин Р. Ю.*¹,

магистрант Московского финансово-юридического университета (МФЮА)

О НОВЕЛЛАХ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

В марте 2019 г. на коллегии Генеральной прокуратуры Президент РФ обратил особое внимание Генерального прокурора РФ на практику рассмотрения уголовных дел в особом порядке, как высказался глава государства, такой порядок судебного разбирательства не должен «служить прикрытием некачественной, некомпетентной» работы следствия.

Вслед за этим 11 апреля 2019 г. Верховный Суд РФ провел очередное пленарное заседание (№ 8), по результатам которого в Государственную Думу Федерального Собрания РФ направлен проект Федерального закона «О внесении изменений в ст.ст. 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Суть изменений, предложенных Верховным Судом РФ, сводится к ограничению возможности применения судами особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам только о преступлениях небольшой и средней тяжести, запретив применение особого порядка по делам о тяжких преступлениях.

Следует отметить, что более 10 лет назад Верховный Суд РФ уже обращался в Федеральное Собрание с подобной инициативной (Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 56 от 5 декабря 2006 г.), однако, тогда инициатива не нашла отклика у законодателя.

Из пояснительной записки к проекту Федерального закона о внесении изменений в УПК РФ следует, что около 70 % уголовных дел на момент вынесения указанного постановления рассматриваются в особом порядке, а по делам о тяжких преступлениях – 58 %. Очевидно, что особый порядок представляет собой прогрессивное заимствование у мирового юридического сообщества, более 150 лет применяющееся в зарубежных странах в той или иной форме. Плюсы такого поведения государства и обвиняемого очевидны, ведь государство сокращает расходы на правосудие, а виновный получает смягчение наказания и ускоряет судебную процедуру. Тем не менее в настоящее время в США американские юристы называют эту практику неприемлемой. В Российской Федерации намечалась аналогичная тенденция, в связи с чем Верховный Суд РФ внес вышеуказанную законодательную инициативу, которая вылилась в принятии Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в ст.ст. 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Юридическое сообщество ждет реального отражения на практике подобного нововведения, что будет в обзорах Генеральной прокуратуры РФ и Верховного Суда РФ в 2021 и 2022 гг. в сравнении со статистикой предыдущих лет.

Тем не менее нельзя обойтись и без критики данных законодательных инициатив. Так, особый порядок судебного производства на практике часто становится рациональным выбором для обвиняемого, вина которого грамотно и же-

---

¹ © Данилкин Р. Ю., 2021.

стко доказана субъектом расследования, в этом случае виновному ничего не остается, кроме как признать вину под тяжестью собранной доказательственной базы. Логичным продолжением такой тактики защиты является ходатайство подсудимого о применении особого порядка судебного разбирательства с целью смягчить как грядущее наказание, так и ускорить рассмотрение дела судом, потому что длительные судебные тяжбы подсудимому попросту экономически невыгодны в связи с необходимостью многократных посещений суда, потерей времени, оплатой услуг защитника и т. д. Аналогично нарушаются и законные интересы потерпевшего. Новая же редакция ст. 314 УПК РФ лишает подсудимого и потерпевшего возможности воспользоваться такими привилегиями, существенно ограничивая их права. Кроме того, нельзя сказать, что такое законодательное нововведение отвечает принципу разумности срока уголовного судопроизводства, так как увеличивает время прохождения дела в суде, вынуждая суд исследовать доказательства, даже при наличии согласия обвиняемого с предъявленным обвинением и очевидности события преступления. Также, нельзя забывать, что особый порядок разбирательства всегда был правом обвиняемого и потерпевшего, но никогда не обязанностью, в случае непризнания вины либо наличия в деле серьезных ошибок, допущенных органами следствия, последние всегда могли требовать рассмотрения дела в общем порядке, ходатайствовать об исключении доказательств, ставить вопрос перед судами всех инстанций о вынесении такого приговора, который они считали бы законным, обоснованным и справедливым. То есть процессуальные гарантии обвиняемой и потерпевшей сторон никак не ущемлялись и ранее.

Несмотря на указание Верховным Судом РФ в своем постановлении того, что внесения изменений в УПК РФ не повлечет дополнительных расходов бюджета, данный тезис можно поставить под сомнение, так как подобные утверждения создают лишнюю нагрузку на судей районного и городского звена, и без того предельно загруженных работой, что либо потребует увеличения численности судейского корпуса, либо увеличит среднее время рассмотрения судом уголовного дела.

Жамкова О. Е.¹,

*доцент кафедры уголовного процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;*

Салова А. С.²,

*курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Уголовно-процессуальное положение, гарантирующее закон каждому адвокату-защитнику, может быть выражено посредством предоставляемых ему прав, а также обязанностей. При этом все уголовно-процессуальные гарантии, способствующие законной реализации полномочий, которыми наделен защитник, на сегодняшний день обеспечиваются посредством применения защитного механизма, характерного для процессуального положения последнего.

Сам защитник, являясь участником уголовного судопроизводства, обладает гарантированным законом процессуальным равноправием так же, как и иные участники процесса. Данное положение нашло свое законодательное закрепление в ст. 15 УПК РФ. Указанная норма гарантирует стороне обвинения и стороне защиты равноправие перед судом, создает необходимые условия для эффективного исполнения сторонами своих процессуальных обязанностей и осуществления прав, предоставленных законом.

Особенностью деятельности защитника в уголовном судопроизводстве является то, что он занимает собственную процессуальную позицию. При этом последняя не зависит от позиций прочих участников уголовного судопроизводства. Все допустимые законом способы, средства защиты, а также уголовно-процессуальные решения, принимаемые защитником, рассматриваемый участник уголовного судопроизводства определяет вне зависимости от суда, следователя, прокурора. Именно указанное обстоятельство обеспечивает ценность такого решения.

Уголовно-процессуальные гарантии, направленные на реализацию защитником всех предоставляемых законом полномочий, в уголовном судопроизводстве способствуют последующему осуществлению независимой функции, которая заключается именно в осуществлении публично-правовой защиты. Данное обстоятельство соответствует интересам не только общества, но правового государства в целом.

К наиболее актуальным относится вопрос, касающийся самостоятельности, а также свободы действий защитника. В положениях, нашедших свое отражение в п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, российский законодатель регламентировал право, кото-

---

¹ © Жамкова О. Е., 2021.

² © Салова А. С., 2021.

рое вправе использовать защитник по уголовному делу, заключающееся в осуществлении опроса лиц, принимающих участие в деле. Однако для реализации соответствующего права защитнику необходимо получить согласие указанных лиц. Данное право нашло свое отражение также в положениях Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Вместе с тем законодателем так и не был определен перечень вопросов, на который можно ориентироваться защитнику во время проведения такого опроса. В связи с данным обстоятельством последний наделен правом получать любые сведения, имеющие отношение к конкретному делу и способствующие его разрешению. В первую очередь тех, которые оправдывают конкретного подзащитного или могут послужить основанием для смягчения его ответственности и последующего наказания.

Защитник, реализуя установленный законом способ получения информации, имеет возможность самостоятельно определить предмет предстоящего опроса. Также ему гарантировано право на проведение данного действия в самостоятельной форме. Указанный фактор говорит о самостоятельности защитника в отдельных вопросах, связанных с осуществлением уголовно судопроизводства.

Далее, п. 3 ст. 6 указанного выше Федерального закона наделил защитника также правом собирать сведения, имеющие существенную важность для последующего и наиболее эффективного оказания юридической помощи. В данном случае речь идет о возможности защитника (адвоката) запрашивать справки и прочие характеристики в отношении лица, интересы которого он представляет, выдаваемые уполномоченными на то законом органами государственной власти страны, так и органами местного самоуправления, выполняющими свои полномочия согласно закону.

Кроме того, установлено, что с таким запросом защитник (адвокат) наделен законным правом обращаться в разные действующие общественные объединения, а также прочие организации, которые, по его мнению, могут способствовать ему в решении определенных вопросов. При этом важно отметить, что все указанные органы и организации закон обязывает в регламентированном порядке реагировать на запросы адвоката и способствовать последнему в выдаче запрашиваемых им документов. Вместе с тем разрешено вместо оригиналов запрашиваемых адвокатом документов предоставлять их заверенные копии в соответствии с законом.

Срок реагирования на адвокатский запрос по закону не должен превышать 30 суток со дня, когда он был получен, и может быть продлен только в установленном порядке по определенным причинам. Следует отметить, что именно данным способом, помогающим собиранию доказательственной информации, имеющей существенное значение для уголовного дела, адвокаты-защитники пользуются наиболее часто при выполнении возлагаемых на них функций.

Однако имеют место и случаи ограничения самостоятельности защитника. Отмеченное имеет место тогда, когда пределы самостоятельности, а также свободы деятельности, которую уполномочен осуществлять защитник в процессе осуществления защиты, предопределяет само отношение подзащитного лица к предъявленному ему обвинению.

Так, после проведения опроса некоторых адвокатов, был сделан вывод о том, что основная их часть ориентируется при выполнении своих полномочий только на «позицию доверителя». Последняя является для них единственным существенным условием, посредством которого может быть определена правовая позиция по конкретному уголовному делу. В связи с этим должно иметь место согласование правовой позиции по уголовному делу. Именно это служит впоследствии главной составляющей построения линии защиты. Как следствие, это способствует только усилению позиции подзащитного.

Такие факторы, как юридическая судьба подзащитного лица, последующая суровость наказания, а также снижение размера и отсрочка его исполнения, возможное условно-досрочное освобождение, имеют прямую зависимость от выбора, который сделал защитник в отношении наиболее оптимального способа и средств защиты. Данный фактор в очередной раз подтверждает уголовно-процессуальную самостоятельность защитника, которая проявляется всецело в выборе форм, а также способов защитительной деятельности.

То есть участие защитника в предварительном расследовании заключается в контролировании соблюдения следователем либо дознавателем законности при выполнении следственных действий. Защитник принимает участие во всех следственных действиях, проводимых с подзащитным, дает консультации и пояснения, изучает процессуальные документы на наличие в них возможных нарушений закона и обеспечении их отмены; изучает материалы уголовного дела по окончании расследования и оценивает собранные по делу доказательства.

В целом устранению существующих проблем и совершенствованию деятельности защитника при производстве по уголовному делу будут способствовать:

1) введение в УПК РФ статьи, регламентирующей опрос защитником лиц с их согласия;

2) закрепление в законе участия нотариуса при опросе адвокатом лиц с их согласия для обеспечения сведений, полученным в результате опроса, значения доказательств по делу, если допрос лица в соответствии с ч. 2 ст. 159 УПК РФ невозможен;

3) установление обязанности следователя (дознавателя) приобщать к материалам дела не только доказательства согласно ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ, но и сведения, полученные адвокатом для того, чтобы при рассмотрении дела, суд мог им дать самостоятельную оценку;

4) введение в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» нормы, позволяющей адвокату иметь беспрепятственный допуск к любой тайне, охраняемой федеральным законом, если это может отразиться на объективности расследования и интересах подзащитного.

Таким образом, следует сделать вывод, что защитник как самостоятельный участник уголовного судопроизводства при осуществлении предоставляемых ему законами функций защиты по конкретному уголовному делу наделен существенной самостоятельностью. Вместе с тем пределы самостоятельности защитника могут быть ограничены процессуальной позицией подзащитного лица. Именно данный фактор является предопределяющим для выбора линии защиты.

Заливин А. Н.¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент;

Рыжаков А. П.²,

кандидат юридических наук

НОВОЕ ЛИЦО, КОТОРОЕ НЕ НАДЕЛЕНО СТАТУСОМ СВИДЕТЕЛЯ

Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 130-ФЗ «О внесении изменения в ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ч. 3 ст. 56 УПК РФ дополнена п. 8. Полагаем, что по этой причине при определенных обстоятельствах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и (или) уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации не только нельзя допрашивать в качестве свидетеля, но не стоит считать таковыми. Более того, результаты допроса названных лиц, в нарушение их права не давать показания, перестали считаться доказательствами, имеющими юридическую силу.

Согласно п. 8 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежат допросу в качестве свидетелей «Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации без их согласия об обстоятельствах, ставших им известными в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей». В соответствии с ч. 1 ст. 56 УПК РФ не являются свидетелями лица в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 56 УПК РФ.

Таким образом, в ситуации, о которой идет речь в п. 8 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации) не является свидетелем³, даже если он вызван для дачи показаний и ему известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела.

Обратим внимание, что согласно ч. 1 ст. 56 УПК РФ лица, перечисленные в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, не являются свидетелями только тогда, когда для дачи показаний они вызваны в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Иначе говоря, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации) может стать свидетелем, если он, к примеру, вызван для дачи показаний не об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, а имеется вероятность того, что ему известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела.

---

¹ © Заливин А. Н., 2021.

² © Рыжаков А. П., 2021.

³ О понятии «свидетель» см. подробнее: Шмарева Т. А. Свидетель в российском уголовном судопроизводстве : монография / Т. А. Шмарева. М. : Юрлитинформ, 2014.

К тому же он будет обладать статусом свидетеля после вызова для дачи показаний, а тем более после его допроса по правилам допроса свидетеля¹, когда о производстве искомого следственного действия он сам и ходатайствовал.

Если же, несмотря на требования п. 8 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации) все же вызван для допроса об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, свидетелем он, несмотря на его «вызов для допроса в качестве свидетеля», не становится.

Не подлежит он допросу без его на то согласия «об обстоятельствах, ставших им известными в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей». Причем, чтобы этот запрет действовал, узнать искомые сведения должен именно конкретный Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации), а не какое-либо иное лицо.

Можно представить ситуацию, когда Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации) определенного рода сведения узнал не в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, а случайно, как физическое лицо. В отношении таких обстоятельств, если эту же информацию Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации) не получил и «в связи» с исполнением им своих должностных обязанностей, предусмотренный п. 8 ч. 3 ст. 56 УПК РФ запрет допроса в качестве свидетеля не действует.

«Согласие» – это «разрешение, утвердительный ответ на просьбу»². Если нет просьбы (предложения, ходатайства и т. п.), не может быть и согласия. Получается, согласие необходимо лишь тогда, когда инициатива искомого допроса исходит от органа предварительного расследования, суда (судьи), иного участника уголовного процесса. Если же Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации) сам обратился к следователю (дознавателю и др.) с просьбой о собственном допросе в качестве свидетеля, буквально в получении искомого согласия нет необходимости.

Отметим, что отказаться от дачи показаний и не дать согласие на допрос – это не одно и то же. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации) может не отказываться от дачи показаний об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с исполнением им своих должностных обязанностей,

---

¹ О допросе см. подробнее: Рыжаков А. П. Допрос: основания и порядок производства / А. П. Рыжаков. М.: Издательство Дело и Сервис, 2017; Порубов Н. И. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография / Н. И. Порубов, А. Н. Порубов. М.: Юрлитинформ, 2013 и др.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. С. 645.

но и согласие на допрос не давать. В такой ситуации проведение допроса этих лиц по правилам допроса в качестве свидетеля является незаконным.

Зачем нужно это уточнение? Оно необходимо из-за того, что право отказаться от дачи свидетельских показаний по уголовному делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с исполнением своих обязанностей и ранее, до вступления в силу названного выше Федерального закона № 130-ФЗ, имелось у Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Оно было закреплено в ч. 2 ст. 24 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Аналогичным правом уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации наделяла ч. 5 ст. 17 Федерального закона от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации».

Получается, Федеральным законом № 130-ФЗ введена в действие новая норма. Во-первых, по меньшей мере, она расширяет границы гарантий обеспечения возможности неразглашения Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации (уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации) сведений, которые стали ему известными в связи с исполнением им своих обязанностей. Теперь недостаточно отсутствия в уголовном деле доказательств отказа Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации) от допроса. Если в деле нет доказательств того, что он дал согласие на допрос по правилам допроса свидетеля, то «протокол допроса свидетеля» в этом случае станет недопустимым доказательством, так как получен с нарушением требований УПК РФ.

Во-вторых, общее правило, закрепленное в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, о недопустимости доказательств гласит: «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса».

Заметим, что здесь речь идет о нарушении требований УПК РФ, а не уголовно-процессуального закона (законодательства и т. п.). Поэтому, пока законодатель не внес изменения в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, протокол допроса Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации) в качестве свидетеля без его на то согласия об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с исполнением им своих обязанностей, не мог быть признан не имеющим юридической силы. Считаем, что при его получении до вступления в силу Федерального закона № 130-ФЗ закон нарушался, а требования УПК РФ все же нет.

*Ильяш А. В.*¹,

заведующий кафедрой юриспруденции

Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского,

кандидат юридических наук

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ О ПРАВЕ НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В Конституции РФ гарантировано право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Обеспечение этого права особенно необходимо в ходе уголовного судопроизводства. Рассматриваемая конституционная гарантия реализуется в УПК РФ в ряде норм, но наше внимание привлекла ст. 49 ввиду ее несовершенства, что может привести к ограничению права людей на получение квалифицированной юридической помощи.

Начнем с того, что любая неопределенность порождает вариативность, что недопустимо в сфере правоотношений, регулируемых уголовно-процессуальным законом. Нормы уголовно-процессуального права должны быть предельно конкретными, недвусмысленными, что, на наш взгляд, нельзя сказать о содержании ст. 49 УПК РФ.

Статья 49 УПК РФ называется «Защитник», однако ее содержание выходит далеко за границы, которые представляются исходя из названия. Так, ч. 3 данной статьи устанавливает ограниченный перечень юридических фактов – моментов, с которых защитник может участвовать в уголовном деле. Не останавливаясь подробно на каждом из моментов, которые как по отдельности, так и в связи друг с другом и иными положениями УПК РФ, не представляются нам непротиворечивыми, отметим, что само наличие ограниченного перечня таких оснований не отвечает принципу обеспечения права на защиту.

Из смысла данной нормы возникает обоснованный вопрос: «Данный перечень ограничивает случаи вступления защитника в уголовное судопроизводство или рекомендует?», а также неясным остается и то, почему в этой норме предусмотрены моменты вступления защитника в уголовное дело, в то время, как процессуальные действия, затрагивающие права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, проводятся до возбуждения уголовного дела. Но это, вероятно, недостаток юридической техники.

Мы рассматриваем данный перечень как наследие УПК РСФСР, в ст. 47 которого (Участие защитника в уголовном судопроизводстве) устанавливались основания допуска защитника к участию в уголовном деле.

На наш взгляд, не должно быть дополнительных оснований – моментов для участия защитника в уголовном судопроизводстве, кроме тех, которые указаны в рассматриваемой статье: предъявление документов, подтверждающих право-

---

¹ © Ильяш А. В., 2021.

мочность представлять интересы подзащитного. Кроме этого, ч. 3 данной статьи не соответствует ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, поскольку предусматривает значительно более широкий круг моментов участия защитника в уголовном процессе.

Обратившись к уголовно-процессуальному законодательству ФРГ, в котором сказано, что «Свидетели могут воспользоваться помощью адвоката» и «Обвиняемый может на любой стадии уголовного производства пользоваться помощью защитника»¹, убеждаемся в том, что это положение можно сформулировать в законе просто, односложно, что не потребует в дальнейшем толкований, разъяснений и не повлечет неоднозначного подхода к применению нормы.

Следующее положение ст. 49 УПК РФ тоже требует более правильного изложения. В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ «адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера». Приведенная в норме формулировка не охватывает всех случаев участия защитника в уголовном судопроизводстве. Так, в соответствии с ч. 2 той же статьи в качестве защитников в уголовном судопроизводстве могут принимать участие: адвокаты; один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый, а при производстве у мирового судьи, указанное лицо допускается и вместо адвоката.

Следовательно, при вступлении в уголовное судопроизводство в качестве защитника лица, не имеющего статуса адвоката, им может быть представлена, например, доверенность. Данное суждение находит отражение и в правоприменительной практике².

Полагаем, что следующее предложение ч. 4 ст. 49 УПК РФ вообще не имеет смысла: «С этого момента на адвоката распространяются правила, установленные частью третьей статьи 53 настоящего Кодекса», поскольку, если защитник предупрежден в установленном законом порядке об уголовной ответственности за разглашение сведений, являющихся данными предварительного следствия, к чему их дублировать? В ст. 53 УПК РФ (Полномочия защитника) это уже указано, и вполне очевидно, что с момента, когда защитнику стали известными такие данные и он предупрежден об уголовной ответственности, он не вправе их разглашать.

Наконец, ч. 1 статьи, ставшей предметом нашей дискуссии, однозначно содержит указание на субъектный состав лиц, имеющих право на защитника: подозреваемый и обвиняемый, что не коррелирует с ч. 3 этой же статьи. Для того чтобы уяснить, кто имеет право на защитника, необходимо обратиться к разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, представившему в постановлении весьма широкий круг таких субъектов³.

Обозначенные недостатки ст. 49 УПК РФ создают чрезмерную громоздкость норм, регулирующих участие защитника в уголовном судопроизводстве,

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).

² Пункт 52 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс». 2020 (дата обращения: 06.11.2020).

³ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // СПС «КонсультантПлюс». 2020 (дата обращения: 06.11.2020).

сосредотачивает в этой статье ненужные, лишние понятия, условия, порождающие необходимость их соблюдения и проч. В конструкции ст. 49 УПК РФ усматривается преемственность с аналогичными нормами УПК РСФСР, не отвечающих духу современного уголовно-процессуального права. Статью 49 УПК РФ следует существенно переработать с учетом главной задачи, для решения которой она и предусмотрена: обеспечить возможность для получения квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве любым участником уголовного процесса.

Ильяшевич Т. А.¹,

*старший преподаватель кафедры «Цифровая криминалистика»
Московского государственного технического университета
имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет),
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Керенцева Д. Д.²,

*студентка 5-го курса кафедры «Цифровая криминалистика»
Московского государственного технического университета
имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ПРЕДШЕСТВЕННИКАМИ СОКРАЩЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВ В РОССИИ

В 2013 г. УПК РФ был дополнен новым специфическим видом дознания – дознанием в сокращенной форме (гл. 32.1), которое стало итогом длительной дискуссии о необходимости сокращения сроков производства по отдельным делам в сочетании с обеспечением достаточных гарантий прав участников судопроизводства. Круг дел, по которым возможно производство дознания в сокращенной форме, ограничен исключительно делами, по которым дознание как форма предварительного расследования в принципе возможно (ч. 3 ст. 150 УПК РФ), однако, с соблюдением условий, предусмотренных ст. 226.1 УПК РФ. Рассмотрим подробнее специфику указанного института в исторической ретроспективе.

Правовой институт «дознание в сокращенной форме» следует рассматривать как форму производства предварительного расследования по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, совершенных в условиях очевидности. Процесс принятия решений по указанным делам восходит к французскому понятию «comparationimmediate», что означает немедленное представление преступника, задержанного с поличным, суду, который выступал в качестве надзорного органа и следил за обоснованностью принимаемых решений о задержании подозреваемых лиц.

По дореволюционному Закону России от 15 июня 1912 г. «О преобразовании суда в сельских местностях» в целях обеспечения правопорядка и быстрого раскрытия мелких правонарушений, в случаях, если подсудимый признавал свою вину в полном объеме, его показания не подвергались сомнению и не имелось достоверных данных о самооговоре, то мировым судом допускалось проведение только прений сторон и постановление приговора.

После Октябрьской революции мировые суды были упразднены, но в условиях возросшей социальной напряженности для борьбы с преступностью по-

---

¹ © Ильяшевич Т. А., 2021.

² © Керенцева Д. Д., 2021.

становлением Народного комиссариата юстиции РСФСР от 16 сентября 1920 г. воссоздан дореволюционный порядок упрощенного судопроизводства в виде института дежурных камер народных судов для рассмотрения уголовных дел в день задержания лиц, совершивших преступление. При вынесении решений в таких случаях народный судья руководствовался данными, изложенным в протоколе, составленном при задержании обвиняемого, минимальными показаниями свидетелей преступления и представленными вещественными доказательствами. В случае же, когда безотлагательное рассмотрение дела было невозможно, народный судья имел право направить дело на доследование и дальнейшее рассмотрение в общем порядке¹.

Вышеописанный способ скорейшего рассмотрения уголовных дел в УПК РСФСР 1960 г. был исключен с целью соблюдения такого фундаментального принципа правосудия, как состязательность и равноправие сторон, и установления объективной истины по делу. Однако, в 1966 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял решение дополнить действовавший УПК РСФСР новым разделом – «Производство по делам о хулиганстве», введившим упрощенный порядок их расследования и преобразованным на законодательном уровне в 1985 г. в протокольную форму досудебной подготовки материалов уголовных дел по преступлениям, не представляющим повышенной общественной опасности².

Таким образом, в УПК РСФСР было предусмотрено девятнадцать составов преступлений, по которым применялся упрощенный порядок подготовки материалов (ст. 414 УПК РСФСР).

Отличие вышеизложенного от современных норм о дознании в сокращенной форме состоит в инициаторе применения упрощенного порядка производства: по УПК РСФСР требовалось волеизъявление дознавателя, ведущего производство по делу, а ст. 226.1 УПК РФ предусматривает наличие волеизъявления подозреваемого при отсутствии возражений потерпевшей стороны (ст. 226.2 УПК РФ). Кроме того, моментом начала применения протокольной формы дознания следует считать непосредственное обнаружение правоохранительными органами признаков преступления, в то время как фактическое возбуждение дела происходило в стадии судебного разбирательства; согласно же ст. 226.4 УПК РФ производство дознания в сокращенной форме может быть начато не иначе, как после возбуждения уголовного дела. УПК РСФСР на оформление материалов протокольной проверки отводило десять суток с возможностью продления, в исключительных случаях, до двадцати суток (ст. 415 УПК РСФСР), на современном этапе срок производства дознания в сокращенной форме составляет не более пятнадцати, а при продлении – не более двадцати суток (ст. 226.6 УПК РФ).

---

¹Сильвестров П. С. The causes for and the history of emergence of abbreviated inquiry in russian criminal law / П. С. Сильвестров, П. Г. Марфицин // NSU Bulletin. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuslovlennost-i-istoriya-poyavleniya-sokraschennoy-formy-doznaniya-v-otechestvennom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 27.10.2020).

² Там же.

Единственным следственным действием при применении протокольной формы досудебной подготовки материалов был осмотр места происшествия, по результатам которого могло быть принято решение о необходимости иных следственных действий и смене формы предварительного расследования. Если этого не требовалось, получались объяснения очевидцев и истребовались различные материалы, требующиеся для рассмотрения дела в суде (например, характеристики с места работы и жительства). Итоговым документом, давшим название указанной форме предварительного расследования, был протокол об обстоятельствах совершенного правонарушения, передаваемый в суд для рассмотрения дела по существу (ст. 415 УПК РСФСР). Минимальный объем предмета доказывания при производстве дознания в сокращенной форме определен в ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ и содержит перечень обстоятельств, подлежащих установлению, а именно: сам факт совершения преступления; характер и размер вреда, причиненного данным деянием; виновность конкретного лица, однако для их уточнения допустимо производство любых необходимых неотложных следственных и процессуальных действий, что призвано исключить любые сомнения в самоговоре и недостоверности предоставленных доказательств¹. Таким образом, очевидцы события преступления при производстве дознания в сокращенной форме наделяются процессуальным статусом свидетелей, в то время как по УПК РСФСР они таковыми не являлись.

Отдельного внимания заслуживают и процессуальные гарантии, предоставляемые подозреваемому при осуществлении уголовного преследования. Согласно ст. 415 УПК РСФСР к лицу могли быть приняты меры общественного воздействия, а в случае невозможности их применения единственной правомерной мерой пресечения было обязательство о явке. Часть 10 ст. 226.7 УПК РФ указывает, что при подготовке дела к судебному разбирательству к обвинительному постановлению прилагается справка с изложением принятых мер пресечения, что указывает на их вариативность.

При этом ст. 226.3 УПК РФ предусматривается возможность заявления подозреваемым ходатайства о прекращении производства дознания в сокращенной форме в любое время до удаления суда в совещательную комнату. Аналогичных норм в УПК РСФСР не существовало, поскольку критерий выбора протокольной формы подготовки материалов состоял не в волеизъявлении подозреваемого, а в составе инкриминируемого преступления. Однако и УПК РСФСР и УПК РФ обязывали управомоченных лиц при наличии дополнительных обстоятельств, требующих проверки или выяснения, прекратить упрощенное производство по делу и вернуть его для производства предварительного расследования в иной предусмотренной законом форме (ст. 419 УПК РСФСР и ст. 226.2 УПК РФ).

Судебное заседание в обеих формах производилось и производится с изъятиями, связанными с сужением предмета доказывания. Однако протокольная форма досудебной подготовки материалов завершалась таким итоговым актом,

---

¹ Керенцева Д. Д. Правовой статус дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме / Д. Д. Керенцева // Политехнический молодежный журнал. № 3. 2019.

как постановление о возбуждении уголовного дела (ст. 418 УПК РСФСР), в то время как судебное рассмотрение материалов дела с обвинительным постановлением заканчивается вынесением приговора, наказание по которому не может превосходить половины наиболее строгого вида, предусмотренного нормами особенной части УК РФ. Таким образом, указанное положение предполагает назначение достаточно мягкого наказания обвиняемому, признавшему в полном объеме свою вину, причиненный вред, правовую оценку деяния и изъявившему желание о производстве дознания в сокращенной форме, что отсутствовало при производстве протокольной формы досудебной подготовки материалов.

Дознание в сокращенной форме явилось продолжением протокольной формы досудебного производства, приведенной в соответствие с действующими гарантиями обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Введенная с целью сокращения сроков производства по делу и скорейшего рассмотрения преступлений небольшой и средней тяжести, новая форма предварительного расследования предполагает однозначное закрепление процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, гарантии соблюдения их прав и свобод и, в первую очередь, свободу их волеизъявления при выборе формы расследования. Перечень производимых процессуальных действий не ограничивается осмотром места происшествия и опросом очевидцев, а предполагает производство всех следственных действий, необходимых для обеспечения всесторонности и полноты исследования. Таким образом, дознание в сокращенной форме представляет собой форму производства предварительного расследования, сочетающую короткие сроки производства по делу с гарантиями соблюдения прав и законных интересов его участников, устранившую все недостатки и неполноту протокольной формы подготовки материалов дела к судебному разбирательству.

Казими́рова Е. Д.¹,

*юрисконсульт правового отдела УВД по СЗАО ГУ МВД России по г. Москве,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Химичева О. В.,

*начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЭКСПЕРТА, ПЕРЕВОДЧИКА, СПЕЦИАЛИСТА НА ОПЛАТУ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕ ИМИ СВОИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

При производстве практически по каждому уголовному делу возникает потребность в привлечении таких участников уголовного судопроизводства, как эксперт, специалист, переводчик. Данные лица, в соответствии со ст. 69–71 УПК РФ, обладают процессуальным статусом, однако, в числе прав, перечисленных в указанных статьях, нет права на оплату вознаграждения за исполнение ими своих процессуальных обязанностей.

Вместе с тем в силу ст. 37 Конституции РФ каждый имеет право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, которое распространяется в установленных законом случаях и на экспертов, переводчиков, специалистов, исполняющих свои обязанности при производстве по уголовному делу.

Действительно, УПК РФ, а также подзаконными нормативно-правовыми актами, предусмотрен механизм привлечения вышеуказанных участников к производству по уголовному делу, непосредственно порядок их участия, оплаты и размеры вознаграждения за исполнение ими своих обязанностей.

Так, согласно п. 4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ к процессуальным издержкам относится, в том числе, вознаграждение, выплачиваемое эксперту, переводчику, специалисту за исполнение ими своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись ими в порядке служебного задания. В силу ч. 4 ст. 131 УПК РФ порядок и размеры возмещения этих процессуальных издержек устанавливаются Правительством РФ².

---

¹ © Казими́рова Е. Д., 2021.

² Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 (в ред. от 29 сентября 2020 г.) «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации». URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138571/ (дата обращения: 22.10.2020).

Казалось бы, все вопросы порядка и размера выплат вознаграждения в этом документе урегулированы, однако, в практической деятельности дела обстоят иначе.

Исходя из анализа Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда РФ, утвержденного постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240, порядок реализации права на оплату вознаграждения за исполнение своих обязанностей экспертом, переводчиком, специалистом состоит из следующего:

1) будучи привлеченными к производству по уголовному делу и исполнив свои процессуальные обязанности, эти участники подают в произвольной форме заявление о выплате им вознаграждения;

2) следователь на основании данного заявления осуществляет расчет суммы вознаграждения и выносит постановление о возмещении процессуальных издержек, которое направляет в финансовое подразделение для выплаты денежных сумм указанным лицам;

3) выплата денежной суммы осуществляется по месту нахождения финансовой службы не позднее 30 дней со дня получения постановления следователя.

Однако на практике не всегда участники уголовного судопроизводства получают причитающееся им вознаграждение. Одной из причин является то, что следователь может направить постановление о возмещении процессуальных издержек в финансовое подразделение спустя продолжительный период времени или не отправить его вовсе. Данные случаи выявляются в связи с поступлением досудебных претензий, а также исковых заявлений в суды общей юрисдикции о возмещении причиненного ущерба.

Дело в том, что в п. 28 указанного выше Положения установлено, что решение уполномоченного государственного органа (в том числе под этим решением понимается и постановление следователя) направляется в соответствующую финансовую службу для выплаты денежных сумм подотчетным лицам, однако, не указано, в какой именно срок это должно быть сделано (хотя в п. 29 этого акта установлен срок выплаты финансовым органом - не позднее 30 дней).

Таким образом, ненаправление следователем постановления о выплате или направление спустя продолжительное время формально нельзя признать нарушением, поскольку срок направления такого постановления ни Положением, ни иными нормативно-правовыми актами не предусмотрен. Однако данный пробел регулирования правоотношений по выплате процессуальных издержек влечет серьезное ущемление конституционного права граждан на оплату труда.

В связи с этим считаем необходимым внести изменения в абз. 1 п. 28 указанного выше Положения, изложив его в следующей редакции:

«28. Решение уполномоченного государственного органа, указанное в пункте 25 настоящего Положения, заверенное печатью этого органа, в течение 30 дней с момента принятия направляется в соответствующую финансовую службу (орган, подразделение органа) для выплаты денежных сумм подотчетным лицам или их представителям по месту ее нахождения или посредством пере-

числения указанных в решении денежных сумм на текущий (расчетный) счет подотчетного лица по его ходатайству».

Предлагаемый 30-дневный срок направления следователем постановления в финансовую службу представляется разумным с учетом потребностей производства по уголовному делу, а также структуры территориальных органов МВД России, где не в каждом подразделении имеются финансовые органы (к примеру, в Отделах МВД России по районам г. Москвы), из-за чего направлять такое постановление приходится в вышестоящее подразделение. Однако с учетом информатизации и введения электронного документооборота отправить постановление о выплате процессуальных издержек следователь может со своего рабочего места с использованием информационных ресурсов МВД России.

Кроме того, нормативное закрепление рассматриваемого срока позволит обеспечить соблюдение прав эксперта, переводчика, специалиста на оплату вознаграждения за исполнение ими процессуальных обязанностей по уголовным делам, находящимся в производстве не только следователей, но и других органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (дознателя, прокурора и суда).

Клещина Е. Н.¹,

профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

Московского государственного

университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕМУ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Согласно ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

В связи с указанными конституционными предписаниями чрезвычайно актуальным в современный период является рассмотрение проблем, связанных с обеспечением потерпевшему доступа к правосудию.

Отметим, что в 2019 г. по уголовным делам признаны потерпевшими 1 617 177 человек, что на 2,8 % больше, чем годом ранее², при этом материальный ущерб от преступлений составил 627 697 445 тыс. рублей³. Эти статистические сведения свидетельствуют о важности пристального внимания к проблемам потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Подчеркнем, что важнейшее значение имеет своевременное принятие решения о возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении. Ведь только на стадии предварительного расследования лицо, пострадавшее от преступления, признается в установленном УПК РФ порядке потерпевшим, наделяется процессуальными правами, реализовывая которые может активно участвовать в уголовном судопроизводстве.

Однако действующий порядок производства на стадии возбуждения уголовного дела не безупречен, что приводит нередко к несвоевременному принятию решения о возбуждении уголовного дела, соответственно препятствует доступу к правосудию лиц, потерпевших от преступления.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова обращает внимание на то, что в настоящее время распространена практика продления сроков предварительной проверки сообщений о преступлениях, вынесения следователем «промежуточного» постановления, заранее предполагающего его последующую отмену органом, осуществляющим надзор или ведомственный контроль, и направления материала на дополнительную проверку. В этих случаях срок, как прямо не указанный в законе, может тянуться месяцами, а порой и годами.

Так, гражданка Ч. обратилась с жалобой на ненадлежащее проведение проверки по ее заявлению о преступлении. Из обращения следовало, что провероч-

---

¹ © Клещина Е. Н., 2021.

² Количество потерпевших (всего) // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36202> (дата обращения: 06.02.2020).

³ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. // ГИАЦ МВД России.

ные мероприятия проводились в течение полутора лет, по результатам проверок неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. После обращения Уполномоченного к прокурору Нижнесергинского района Свердловской области постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено, внесено рассмотренное и удовлетворенное требование об устранении выявленных нарушений¹.

Стадия возбуждения уголовного дела, по нашему мнению, в системе стадий уголовного процесса является начальной и необходимой. В то же время предусмотренный уголовно-процессуальным законом порядок проверки сообщения о преступлении не должен превращаться в «суррогат расследования». Как верно отмечается в научной литературе, «сущность этой стадии заключается в установлении наличия либо отсутствия материально-правовых и процессуальных предпосылок предварительного расследования. Сопряженное с применением мер процессуального принуждения и производством следственных действий, предварительное расследование производится лишь в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления»².

Поэтому, на наш взгляд, вряд ли обосновано расширение в УПК РФ средств проверки сообщения о преступлении, в частности, к примеру, назначение судебной экспертизы, участие в ее производстве, получение заключения эксперта (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) и др. Кроме того, необходима регламентация в УПК РФ процессуального положения заявителя.

Затронем также понятие и порядок признания лица потерпевшим, регламентированный ч. 1 ст. 42 УПК РФ.

Так, согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В научной литературе отмечается, что термин «является» указывает на формулировку понятия потерпевшего в уголовно-процессуальном законе исходя из фактического положения соответствующего лица (материальный подход). Однако во избежание процессуальной неопределенности официальный процессуальный статус приобретает потерпевшим только на основании соответствующего постановления дознавателя, следователя, судьи, определения суда (формальный подход). По указанной причине чрезвычайно важным является вопрос о своевременности вынесения постановления о признании потерпевшим³.

В соответствии с действующей редакцией ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании лица потерпевшим необходимо принимать незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформлять постановлением дознавателя,

---

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 г. // Российская газета. 2020.

² Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник для вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой, Е. Н. Клециной. М., 2014. С. 282.

³ См.: Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017. С. 334–335.

следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

Сформулированный законодателем порядок признания лица потерпевшим, после внесения в него изменений Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, казалось бы, достаточно правильный. Однако в правоприменительной практике продолжают встречаться ситуации, когда лицо признается потерпевшим несвоевременно, что, бесспорно, нарушает его конституционное право на доступ к правосудию, поскольку оно лишено возможности своевременно реализовывать свои процессуальные права, отстаивать законные интересы при производстве по уголовному делу.

Полагаем, что в целях недопущения подобных нарушений чрезвычайно важен надлежащий ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор.

В соответствии с Приказом Генерального прокурора РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» указано считать приоритетным направлением деятельности прокурора защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; взвешенно подходить к рассмотрению жалоб и заявлений участников уголовного судопроизводства, принимать в пределах имеющихся полномочий меры к восстановлению нарушенных прав, возмещению материального ущерба и компенсации морального вреда.

Полагаем, что оказание потерпевшим юридической помощи положительно отразится на реализации его права на доступ к правосудию. Отметим, что в ст. 45 УПК РФ, регламентирующую процессуальное положение представителя потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ внесены существенные изменения и дополнения. Однако, как представляется, необходимо расширение случаев, когда участие адвоката-представителя потерпевшего является обязательным, а также регламентация порядка оплаты труда адвоката, участвующего в качестве представителя потерпевшего, за счет средств федерального бюджета.

Как подчеркивает председатель правления Ассоциации юристов России В. Груздев, «потерпевшим зачастую необходима правовая поддержка, в том числе для общения со следствием. Потерпевшие не всегда ориентируются в правовых вопросах. Нередко правоохранители под разными предлогами отказываются возбуждать уголовное дело. Приходится прилагать усилия, чтобы добиться справедливости. Естественно, расходы на оплату труда потерпевшему в этом случае должны быть компенсированы»¹.

В 2020 г. Правительством РФ внесен законопроект в Государственную Думу РФ, расширяющий защиту потерпевшего, где предусматривается, в том числе возмещение расходов на адвоката, участвующего в качестве представителя потерпевшего. В проекте предусматривается, что расходы потерпевшего на адво-

---

¹ Российская газета. 2020. № 234 (8288).

ката возместят даже в случае, когда обвиняемого освободят от уголовной ответственности по гуманным причинам¹.

Кроме того, заслуживает внимания в контексте рассматриваемой проблемы вопрос о реализации потерпевшим права на ознакомление с материалами прекращенного уголовного дела.

В главе 29 УПК РФ, устанавливающей порядок прекращения уголовного дела, не предусмотрен порядок ознакомления потерпевшего с материалами уголовного дела, как это регламентировано при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением или дознания в общем порядке с обвинительным актом, дознания в сокращенной форме с обвинительным постановлением.

Согласно ч. 4 ст. 213 УПК РФ следователь вручает либо направляет копию постановления о прекращении уголовного дела лицу, в отношении которого прекращено уголовное преследование, потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику.

Поскольку прекращение уголовного дела является формой окончания предварительного расследования (п. 1 ч. 1 ст. 158 УПК РФ), то потерпевший имеет право реализовать свое право, установленное п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ на ознакомление с материалами прекращенного уголовного дела.

Поэтому важна регламентация в ст. 213 УПК РФ процедуры ознакомления потерпевшего с материалами прекращенного уголовного дела. Установление в законе единого порядка, бесспорно, позволит исключить нарушение права потерпевшего на доступ к правосудию незаконным решением о прекращении уголовного дела. В таком случае, потерпевший сможет обоснованно обжаловать принятое решение должностным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу.

Таким образом, вопросы, связанные с реализацией конституционного положения о доступе потерпевшего к правосудию, в настоящее время остаются актуальными. В связи с этим важнейшее значение имеет дальнейшее развитие уголовно-процессуального закона и практики его применения.

---

¹ Российская газета. 2020. № 248 (8302).

Коннов В. А.¹,

*начальник кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИИ ЖАЛОБ НА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО (В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ)

Деятельность Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, ЕСПЧ, Суд) оказывает значительное влияние на правоприменительную практику государств, признавших его юрисдикцию. Формируемые Судом правовые позиции становятся основой для единообразных подходов к соблюдению прав и свобод в рамках Совета Европы на основе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция, ЕКПЧ) и Протоколов к ней.

Право на справедливое судебное разбирательство закрепляется ст. 6 Конвенции. Данная норма является сложносоставной и охватывает своим регулированием вопросы защиты прав лиц как в гражданском, так и уголовном судопроизводстве. К последнему аспекту относятся положения ч. 2 и 3 указанной статьи, которые закрепляют фундаментальные права человека в уголовном судопроизводстве и затрагивают статус обвиняемого. При этом содержание ч. 3 подразумевает, что ей охватываются права данных лиц как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства. В частности, упоминаемые положения не конкретизированы относительно стадий уголовного процесса.

Европейский Суд, в соответствии с Разделом 2 ЕКПЧ, обладает правом толкования ее материальных норм, а также норм Протоколов к этому международному договору, закрепляющих отдельные права человека. Данное право обусловлено формализованным характером норм Конвенции, в которых отсутствует конкретизация относительно круга отношений, подпадающих под действие статей. В связи с этим при рассмотрении каждой жалобы Суд отвечает не только на вопрос о нарушении или не нарушении ЕКПЧ, но и об относимости такого нарушения к сфере действия соответствующей нормы. Таким образом, в практике ЕСПЧ сложился институт квалификации, определяющий круг отношений, охватываемый статьями Раздела I. Однако толкование Конвенции Судом позволяет последнему менять свою позицию как по вопросам квалификации нарушений, так и по их наличию в действиях национальных властей. Этот процесс обосновывается «живым» характером ЕКПЧ², что означает необходимость ее

---

¹ © Коннов В. А., 2021.

² Ковлер А. И. Эволютивное толкование Европейской конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский Суд по правам человека как субъект толкования права / А. И. Ковлер // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 93.

адаптации к социальным, экономическим и технологическим изменениям. Нередко изменения затрагивают саму сущность ранее принятых решений, формируя принципиально новую прецедентную практику ЕСПЧ. В то же время процесс толкования носит в основном расширительный характер, что включает в сферу действия отдельных норм Конвенции новые общественные отношения. Эти процессы формируют так называемую «эволютивную» (динамическую) сторону ЕКПЧ¹, где интерпретация ее положений формирует новую основу для принятия решений.

Одним из первых дел, в которых была констатирована необходимость кардинального изменения позиции Суда в части уголовного судопроизводства, стало дело «Борже (Borger) против Бельгии» (жалоба № 12005/86)². В нем Европейский Суд оставил за собой право менять ранее существовавший прецедент в соответствии с реалиями новых общественных отношений и изменившейся юридической практикой в отдельных государствах-членах Совета Европы. Суть изменений сводилась к тому, что в ранее принятом решении по делу «Делкур против Бельгии» 1970 г.³ ЕСПЧ рассматривал жалобу на то, что генеральный прокурор Бельгии выступал как государственный обвинитель, после чего непосредственно принимал участие в совещании судей в качестве советника без права голоса при вынесении приговора (на тот момент допускалось законами Бельгии). По данной жалобе ЕСПЧ признал отсутствие нарушения ст. 6 Конвенции. Но спустя двадцать один год позиция Европейского Суда была изменена в деле «Борже против Бельгии» на прямо противоположную, где было констатировано нарушение права на справедливое судебное разбирательство. В своем постановлении Суд аргументировал изменение ранее существовавшего прецедента произошедшей существенной эволюцией в практике как самого ЕСПЧ, так и национальных судов по поводу защиты принципа равенства процессуальных возможностей участников судопроизводства.

Еще одним примером раннего эволютивного развития положений ст. 6 Конвенции явилось распространение ее действия на вопросы судебного обжалования ранее принятого решения. Сама норма не содержит прямой отсылки к вопросам апелляции или кассации. Однако в ряде дел ЕСПЧ сформировал позицию, в соответствии с которой статья применяется к любой стадии судебного разбирательства, а допущенные нарушения могут быть констатированы в действиях любой инстанции. Более того, в настоящее время основная позиция Европейского Суда в таких вопросах сводится к тому, что если установлен факт нарушения ст. 6, то совершенно не важно, на какой именно стадии оно было допущено: в рамках основного решения или в рамках этапа обжалования. Национальные суды, таким образом, в равной степени должны учитывать практику ЕСПЧ при принятии решений.

---

¹ Сидоренко А. И. Реализация доктрины поля усмотрения в практике Европейского Суда по правам человека / А. И. Сидоренко // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 123–130.

² Постановление ЕСПЧ от 30 октября 1991 г. по делу «Борже (Borger) против Бельгии» (жалоба № 12005/86). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57720> (дата обращения 17.10.2020).

³ Постановление ЕСПЧ от 17.01.1970 по делу «Делкур (Delcourt) против Бельгии» (жалоба № 2689/65). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57467> (дата обращения 17.10.2020).

Важное место среди дел, рассматриваемых Судом в контексте ст. 6, занимают жалобы на компетентность национального суда, а также на беспристрастность судей. Сразу оговоримся, что понятие «суд» трактуется в практике ЕСПЧ широко, что включает в себя в том числе органы, которые в смысле национального права к таковым не относятся¹. В части беспристрастности Суд изначально обозначил позицию, при которой оценка данного свойства должна базироваться на способе формирования судебного органа и его действиях в рамках конкретного процесса. В частности, ЕСПЧ указывал, что суд должен быть создан на основании закона, определяющего его компетенцию и место в судебной системе, а также на основе порядка, не дающего оснований усомниться в беспристрастности и независимости судей². Также основой оценки беспристрастности суда в конкретном деле Европейский Суд называл ход разбирательства, а нарушениями признавал такие действия, как формальная оценка доказательств, отказ приобщать к материалам дела видеозаписи, которые могли иметь существенное значение для дела³ и т. д. Определенная эволюция данных базовых позиций осуществлялась в рамках оценки возможной предвзятости конкретного судьи и частых изменениях судебного состава в конкретном деле. Так, в постановлении по делу «Морис против Франции»⁴ ЕСПЧ установил, что дело не может считаться разрешенным беспристрастно, если в нем участвовал судья, который ранее открыто высказал поддержку одной из сторон. В другом деле – «Моисеев против России» – Суд указал, что факт частых изменений в составе суда, рассматривающего дело, в случае отсутствия для этого существенных оснований, а также без оформления соответствующих процессуальных документов, порождает неустраняемые сомнения в независимости и беспристрастности суда⁵.

В настоящее время практика Европейского Суда в отношении пп. 2 и 3 ст. 6 Конвенции активно эволюционирует как минимум по двум направлениям процессуального регулирования – по вопросам отказа в допросе свидетеля защиты и по вопросам права на защиту.

Отказ в вызове и допросе свидетелей защиты впервые стал предметом оценки Суда достаточно давно. Первоначально сформировалась устойчивая правовая позиция, в соответствии с которой лицо, требующее таких действий (обвиняемая сторона), должна обосновать необходимость показаний для установления объективной истины, а также привести доказательства того, что отказ вызвать данного свидетеля существенно повлияет на общую справедливость су-

---

¹ Например, постановление ЕСПЧ от 24 февраля 1994 г. по делу «Касадо Кока против Испании» (жалоба № 15450/89). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57866> (дата обращения 17.10.2020).

² Фокин Е. А. Имплементация права на суд, созданный на основании закона, в процессуальное законодательство Российской Федерации / Е. А. Фокин // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2019. № 5. М., 2019. С. 92–103.

³ Постановление ЕСПЧ от 7 марта 2019 г. по делу «Абдуллаев против Азербайджана» (жалоба № 6005/08). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-191357> (дата обращения 17.10.2020).

⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Морис против Франции» от 21 июня 2006 г. (жалоба № 11810/03). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75903> (дата обращения 17.10.2020).

⁵ Постановление ЕСПЧ от 9 октября 2008 г. по делу «Моисеев против России» (жалоба № 62936/00). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-88780> (дата обращения 17.10.2020).

дебного разбирательства¹. Вместе с тем, относительно недавно ЕСПЧ в решении по делу «Муртазалиева против России»² (постановление палаты Суда было подтверждено Большой палатой) применил ограничительное толкование ст. 6 в части расширения права государства на оценку необходимости вызова и допроса свидетелей в ходе судебного процесса. Заявительница обвинялась в подготовке террористических актов в Московском метро и была осуждена российским судом в 2005 г. В жалобе в ЕСПЧ она утверждала, что суд не удовлетворил ходатайства защиты о вызове отдельных свидетелей и о приобщении к материалам дела видеозаписей. ЕСПЧ в основном решении отклонил жалобу, указав, что и без данных действий в деле было достаточно доказательств вины обвиняемой. Большая палата, рассматривая апелляцию на данное решение, сформулировала новые критерии оценки правомерности действий национальных судов при отказе вызвать и заслушать свидетелей. В частности, ими являются: обоснованность и относимость ходатайства к предмету обвинения; наличие в деле достаточных оснований для отказа допрашивать свидетеля; могло ли положительное решение суда о вызове и допросе свидетеля повлиять на общую справедливость разбирательства. Новая позиция ЕСПЧ сводится к тому, что национальным судам достаточно соблюсти хотя бы одно из трех условий, чтобы нарушения ст. 6 Конвенции не наступило.

Эволюция правовых позиций Европейского Суда по вопросам реализации права на защиту в настоящее время происходит в контексте оценки баланса интересов следствия по сохранению следственной тайны и доступа адвокатов к материалам дела на различных этапах расследования. Весьма давно ЕСПЧ указал на то, что «...при наличии убедительных оснований, которые в исключительных случаях могут оправдать лишение возможности пользоваться услугами адвоката, такое ограничение, какими бы соображениями оно ни было оправдано, не должно излишне ущемлять права обвиняемого, предусмотренные ст. 6 Конвенции...»³. То есть в данном деле Суд в принципе допускал возможность ограничения доступа к адвокату в условиях безотлагательности следственных или оперативных действий или прямой угрозы жизни или здоровью других людей. Однако позднее в такого рода вопросах можно наблюдать трансформацию правовых позиций ЕСПЧ. Так, в деле «Бизе (Beuze) против Бельгии»⁴ применяется более категоричный подход, в соответствии с которым адвокат должен быть допущен к осуществлению своих функций на любых стадиях процесса, начиная с момента задержания, а ссылки на неотложность мер или на риск утраты конфиденциальных сведений не могут рассматриваться как совместимые с положениями ст. 6 Конвенции.

¹ Постановление ЕСПЧ от 6 мая 2003 г. по делу «Перна (Perna) против Италии» (жалоба № 48898/99). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61075> (дата обращения 17.10.2020).

² Постановление ЕСПЧ от 18 декабря 2018 г. по делу «Муртазалиева против России» (жалоба № 36658/05). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187932> (дата обращения 17.10.2020).

³ Постановление ЕСПЧ от 27 ноября 2008 г. по делу «Салдуз (Salduz) против Турции» (жалоба № 36391/02). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-89893> (дата обращения 17.10.2020).

⁴ Постановление ЕСПЧ от 9 ноября 2018 г. по делу «Бизе (Beuze) против Бельгии» (жалоба № 71409/10). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187802> (дата обращения 17.10.2020).

Коренухина А. А.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Коннов В. А.,

*начальник кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент)*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЛИЦ, ПОДВЕРГНУТЫХ ПРОЦЕДУРЕ ЭКСТРАДИЦИИ

Ключевым инструментом борьбы с преступностью на транснациональном уровне является международная экстрадиция, которая при ее применении вызывает озабоченность в области прав человека: экстрадируемое лицо может пострадать от нарушений прав в стране, в которую он экстрадирован.

В сегодняшнем мире с гораздо более легким и повсеместным перемещением границы физических государств становятся почти «невидимыми». Страны сталкиваются с растущими угрозами, от которых больше не могут защитить одни лишь понятия о границах. Хотя правоприменительная юрисдикция государств территориальна, для борьбы с транснациональной преступностью и устранения угроз безопасности они должны расширять свои национальные интересы за пределы границ, прибегая к международному сотрудничеству в судебной сфере. Экстрадиция – это формальный юридический процесс, с помощью которого государства могут вернуть обвиняемых или осужденных преступников, бежавших за границу от ответственности. Тем не менее экстрадиция должна быть сопряжена с обеспечением прав человека.

В эпоху, когда все большее число государств страдает от различных видов и форм транснациональной преступности, включая терроризм, киберпреступность, финансовые преступления, убийства, незаконную наркоторговлю и торговлю людьми, государства стали уделять внимание соглашениям о выдаче и их применению. Эти соглашения призваны облегчить передачу предполагаемого преступника. Однако при осуществлении процедуры выдачи могут возникнуть некоторые проблемы, касающиеся прав человека.

Права человека как таковые не препятствуют экстрадиции. Напротив, экстрадиция является важным инструментом законного правоприменения, позволяющим государствам обеспечить привлечение лиц, ответственных за совершение преступлений. Экстрадиция является важным инструментом сотрудничества в отправлении правосудия.

В международном и национальном праве хорошо известно, что обязательства государств по международному праву не позволяют им предоставлять экст-

---

¹ © Коренухина А. А., 2021.

радицию при определенных обстоятельствах. Многие государства включили гарантии прав человека в свои национальные законы о выдаче и соглашения о выдаче с другими странами¹.

Однако даже без прямого упоминания в законах или договорах о выдаче государства обязаны в соответствии с международными правовыми нормами не подвергать лицо ситуациям, которые привели бы к нарушению некоторых основных прав.

При определенных условиях запреты в области прав человека на выдачу могут быть преодолены, если запрашиваемое государство получит гарантии от запрашивающего государства². В рамках соглашений об экстрадиции права разыскиваемого лица имеют весьма скромный вес. Однако за последние три десятилетия традиционная модель экстрадиции претерпела изменения. В соглашениях о выдаче, законодательстве государств и прецедентном праве все большее внимание уделяется проблемам прав человека. Но до сих пор существует ряд проблем, связанных с соблюдением прав лиц, подлежащих выдаче в другое государство.

Общая озабоченность заключается в том, что экстрадируемое лицо может подвергнуться пыткам или другим видам жестокого обращения, таким, как жесткие методы допроса, телесные наказания или плохие условия содержания под стражей.

Международное право предусматривает абсолютный запрет на экстрадицию в тех случаях, когда при экстрадиции соответствующее лицо подвергается риску применения пыток. Статья 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания предусматривает: «Ни одно Государство-участник не должно высылать, возвращать («refouler») или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток»³.

Принцип, согласно которому выдача не допускается в тех случаях, когда соответствующее лицо подвергается риску применения пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, закреплен в судебной практике международных органов по правам человека.

Статья 3 ЕКПЧ предусматривает, что «никто не может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». Судебная практика Европейского суда по правам человека устанавливает абсолютный запрет на выдачу при основании, если экстрадируемое лицо в запрашивающем государстве столкнется с реальной опасностью подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или на-

---

¹ Глазова А. П. Особенности исполнения решений Европейского суда по правам человека о применении временных мер с целью предотвращения высылки и экстрадиции / А. П. Глазова // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения» : в 3 частях. М. : Российский университет дружбы народов. 2019. С. 203–206.

² Лэнгфорд П. Экстрадиция и основные права: точка зрения Европейского суда по правам человека / П. Лэнгфорд // Международный журнал прав человека, 2019.

³ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10.12.1984.

казанию, будет. В своем знаменательном решении 1989 г. по делу Серинга¹ Европейский Суд по правам человека указал, что в тех случаях, когда выдача приводит к нарушению конвенционного права, ответственность запрашиваемого государства возлагается на все и любые предсказуемые последствия выдачи, понесенные за пределами его юрисдикции. Кроме того, в другом решении² Страсбургский суд подтвердил, что этот запрет носит абсолютный и императивный характер независимо от поведения лица, подлежащего высылке, даже если данное лицо представляет угрозу для национальной безопасности государства происхождения.

Принимая во внимание порядок вынесения или приведения в исполнение смертного приговора, личные обстоятельства осужденного, несоразмерность тяжести совершенного преступления и условия содержания под стражей в ожидании приведения приговора в исполнение, Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что экстрадиция Серинга для содержания под стражей в США будет равносильна нарушению ст. 3.

ЕСПЧ также рассмотрел вопрос о возможном нарушении ст. 3, если при экстрадиции лицо будет подвергнуто пожизненному заключению, без возможности досрочного освобождения³.

Еще одной проблемой в области прав человека при применении процедуры экстрадиции является чрезмерный характер наказания. Большинство стран мира отменили смертную казнь и они, как правило, включают в свое внутреннее законодательство, а также в международные соглашения, которые они заключают, положения, запрещающие выдачу в страны, где может быть вынесен смертный приговор, – если только запрашивающее государство не предоставит гарантий того, что такое наказание не будет приведено в исполнение. Некоторые страны также рассматривают пожизненное заключение как чрезмерное наказание, которое не допускает экстрадицию.

Еще одна проблема заключается в том, что экстрадируемое лицо может не получить справедливого судебного разбирательства. Общие принципы международного права требуют, чтобы соответствующему лицу были предоставлены надлежащие процессуальные гарантии в ходе процедуры выдачи в запрашиваемом государстве⁴. При выдаче лица от государства, запрашивающего выдачу, требуется предоставление минимальных гарантий в уголовном судопроизводстве, как это предусмотрено Международным пактом о гражданских и по-

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Серинг против Соединенного Королевства» (Soering v. United Kingdom) от 07.07.1989 // URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461433/2461433.htm> (дата обращения 19.11.2020)

² Постановление ЕСПЧ по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (Chahal v. United Kingdom) от 15.11.1996 // URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461497/2461497.htm> (дата обращения 25.10.2020)

³ См. решения ЕСПЧ «Ниветт против Франции» и «Эйнхорн против Франции».

⁴ Беляков А. Ю. О правах осужденных иностранных граждан при их экстрадиции / А. Ю. Беляков // Уголовно-исполнительное право. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravah-osuzhdennyh-inostrannyh-grazhdan-pri-ih-ekstraditsii> (дата обращения: 19.11.2020).

литических правах. К ним относятся, в частности, справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом, презумпция невиновности, достаточное время и средства для подготовки защиты, судебное разбирательство без неоправданных задержек, не принуждаться к даче показаний против самого себя или к признанию вины, а также право обжаловать приговор.

Таким образом, долгое время целью экстрадиции не было соблюдение прав экстрадируемого лица, а экстрадиция рассматривалась как отношение между государствами. В этой ситуации допускалось нарушение прав человека и только в последние годы права экстрадируемых лиц стали иметь определяющее значение в процессе экстрадиции.

Кулакова А. А.¹,

преподаватель цикла Центра профессиональной подготовки имени В.А. Тинькова ГУ МВД России по Московской области (Видное-2), адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Победкин А. В.,

профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРОКИ: ОБЕСПЕЧИТЬ СИСТЕМНОСТЬ

Процессуальные сроки относятся к важнейшим и многовекторным уголовно-процессуальным гарантиям. Сроки обеспечивают движение уголовного судопроизводства, защиту прав и законных интересов его участников, действенность системы процессуального контроля и надзора, максимальное сближение момента совершения преступления и назначения наказания. Процессуальные сроки выполняют процессуально-организующую, правозащитную и познавательно-обеспечивающую роли.

Соблюдение уголовно-процессуальных сроков можно рассматривать и как одно из средств обеспечения быстроты производства по уголовным делам. Ничто так отрицательно не сказывается на результативности уголовного процесса, писал Р. Х. Якупов, как медлительность и волокита. В равной мере вредны и поспешность, торопливость, которые не могут не привести к ущемлению прав граждан, грубым нарушениям законности, что в свою очередь порождает справедливые нарекания и жалобы, повторные расследования и судебные рассмотрения. В борьбе с медлительностью, волокитой, излишней поспешностью – процессуальные сроки едва ли не самое важное оружие².

Однако законодатель в последние годы основное внимание уделяет не столько конкретным уголовно-процессуальным срокам, сколько принципу разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), который нередко толкуется крайне ограниченно и связывается с разумностью только тех периодов производства, что прямо обозначены в ст. 6 УПК РФ, это вынуждает Конституционный Суд Российской Федерации и в последующем законодателя постоянно дополнять перечень этих периодов³.

¹ © Кулаков А. А., 2021.

² Якупов Р. Х. Уголовный процесс : учебник для вузов / Р. Х. Якупов ; под ред. В. Н. Галузо. М., 1998. С. 4.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2020 г. № 6-П по делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских // ИПП «Гарант сервис». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73385815/>; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2019 г. № 23-П по делу

Между тем каждый процессуальный срок предполагает разумность и с этой точки зрения должен оцениваться. Разумность необходимо принимать во внимание как при нормативном определении процессуального срока, так и при выполнении конкретных процессуальных мероприятий в его рамках.

В связи с этим прослеживается жесткая связь принципа разумного срока уголовного судопроизводства с конкретными процессуальными сроками, установленными УПК РФ, а также порядком их исчисления. Последнее обстоятельство особенно важно для реализации положений УПК РФ, предусматривающих краткие сроки или сроки в виде конкретного момента уголовного судопроизводства. Неверное исчисление процессуального срока в таких ситуациях способно прямо обусловить его нормативно-установленную неразумность.

Виды и порядок исчисления процессуальных сроков призвана установить ст. 128 УПК РФ. При этом она явно не в полной мере выполняет стоящую перед ней задачу. Во-первых, в данной статье учтены не все процессуальные сроки, предусмотренные текстом УПК РФ, во-вторых, правила исчисления сроков, указанных в ст. 128 УПК РФ, неконкретны и противоречивы. При очевидной слабости содержания ст. 128 УПК РФ, законодатель явно не торопится вносить в нее изменения.

Недостаточность регламентации порядка исчисления процессуальных сроков без учета его системных связей с иными процессуальными нормами лишает процессуальные сроки значения полноценной гарантии в уголовном судопроизводстве.

Законодатель, в частности, так и не связал порядок исчисления сроков со всеми их видами, предусмотренными в УПК РФ («незамедлительно», «немедленно», «в течение 3 суток со дня», «не позднее, чем через 3 суток со дня», «не позднее 3 суток со дня», «в день», «не реже одного раза в неделю», «по истечении одного года», «последним днем срока считается», «непосредственно после» и др.), позволив тем самым правоприменителю формировать разнообразную практику исчисления таких сроков.

Согласно ч. 1 ст. 128 УПК РФ сроки исчисляются часами, сутками, месяцами. Однако в данной статье УПК РФ не нашлось упоминания об исчислении процессуальных сроков днями, годами, неделями, а такие сроки в УПК РФ имеются (ч. 4 ст. 186.1, ч. 5 ст. 400, ч. 3 ст. 414, ст. 432). При этом в самой ст. 128 УПК РФ, при определении момента окончания срока расследования, указывается термин «день», что по логике требует от законодателя определиться хотя бы с исчислением этого вида срока.

Мало того, обозначив в ч. 1 ст. 128 УПК РФ виды процессуальных сроков, законодатель проигнорировал порядок исчисления начала течения срока сутками (практика включения в срок сутки, которыми течение срока начинается, противоречивая) и полностью порядок исчисления сроков часами.

Даже порядок исчисления сроков месяцами не обошелся без недоразумения. В ч. 1 ст. 128 УПК РФ закреплено, что при исчислении сроков месяцами не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока. Такую формулировку Б. Т. Безлепкин резонно считает результатом недоразумения, поскольку «не принимать во внимание тот час, которым начинается течение срока, имеет смысл только при исчислении срока часами. Не принимать в расчет те сутки, которыми начинается течение срока, имеет смысл только в случае, если этот срок исчисляется сутками и месяцами»¹.

Также в ч. 2 ст. 128 УПК РФ определен момент истечения (не окончания!) срока, исчисляемого сутками, однако, нигде не сказано как исчислять начало течения этого вида срока. В ч. 1 ст. 128 УПК РФ предписано не учитывать час и сутки только при исчислении сроков месяцами. Можно было бы сделать вывод от обратного: при исчислении сроков сутками следует учитывать те сутки, которыми начинается течение срока. Но тогда возникает вопрос, а не нужно ли учитывать час, которым начинается исчисление срока сутками? П. В. Козловский и Е. Н. Черемилова, например, считают, что моменты начала течения и начала исчисления сроков часами и сутками совпадают, а разница между данными видами срока – в моменте окончания, поскольку по смыслу ст. 128 УПК РФ будут приниматься во внимание и час, и сутки начала течения срока, а указания на неполный день или неполные сутки в законе нет. И как пример приводится начало течения срока проверки сообщения о преступлении, поступившего 1 марта в 15.00 (с этого момента начинается течение срока), а последние сутки окончатся 4 марта в 24 часа. Если уголовное дело возбуждено дознавателем 1 января в 15.00, срок дознания истечет 31 января в 24.00. Таким образом, срок, исчисляемый сутками, начинается в тот час и ту минуту, когда зарегистрировано сообщение о преступлении, принято решение о возбуждении уголовного дела, но истечет не в соответствующий час и минуту последних суток, а в 24 часа².

При этом толкование позиции законодателя осложняется и с учетом сравнительного толкования. Так, в ст. 103 УПК РСФСР 1960 г. предписывала не принимались в расчет тот час и те сутки, которыми начинается течение сроков (всех процессуальных сроков). В действующем УПК РФ формулировка нормы изменена. С умыслом или по небрежности?

Как отмечалось выше, для кратких сроков порядок их исчисления актуален особенно. Например, для срока проверки сообщения о преступлении, решение по результатам которой должно быть принято «не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения». Обратим внимание на оборот «3 суток со дня». В порядок исчисления срока сутками вводится еще один вид срока – день, правил учета которого законодатель не предлагает.

На простой вопрос: будут ли считаться первыми сутками те, в которые поступило сообщение, практика дает разные ответы. Так, К. Б. Калиновский решение вопроса исчисления срока в данном случае видит в подходе, согласно

---

¹ Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России / Б. Т. Безлепкин. М., 2003. С. 18.

² Козловский П. В. Исчисление процессуального срока сутками / П. В. Козловский, Е. Н. Черемилова // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 31.

которому для публичного права срок исчисляется от момента¹. Этим моментом в данном случае будет получение сообщения о преступлении. Следовательно, при исчислении сроков часами и сутками, согласно предложенному подходу, необходимо учитывать текущий час и текущие сутки. Однако, очевидно, что возможны ситуации, когда заявление поступает к исходу суток, которых правоприменитель для проведения проверки попросту лишается. Трудно сказать, что помешало законодателю прямо указать в законе, что при исчислении срока сутками не следует учитывать те сутки, которыми начинается течение срока.

Вопрос исчисления срока часами законодатель попросту игнорирует. В большинстве комментариев к УПК РФ дается толкование, согласно которому при исчислении сроков не учитываются текущий час и текущие сутки. Однако есть и иные мнения, согласно которым началом исчисления срока часами следует считать тот час и минуты, в которые произошел юридический факт, влекущий за собой течение срока². Примером является исчисление срока задержания: при задержании срок исчисляется с момента фактического задержания (ч. 3 ст. 128 УПК РФ). Возможно в этом требовании законодателя содержится ключ к проблеме исчисления срока часами – он начинает течь с «момента», то есть с конкретного часа и минуты, и заканчивается в конкретные час и минуту.

Исходя из этих положений, мы видим еще один вид исчисления срока – минуты, о них, естественно, в УПК РФ нет ни слова, но фактически использование такого вида исчисления срока предполагается. При исчислении срока часами он рассчитывается с начала того момента (минуты), в котором произошел юридический факт, влекущий течение срока. Например, момент фактического задержания произошел в 15 часов 40 минут. С учетом этих 40 минут и следует исчислять срок задержания.

В ст. 128 УПК РФ спутаны даже, казалось бы, элементарные правила. Так, в ней предусмотрено, что если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день, за исключением случаев исчисления сроков, в том числе при задержании (сроки задержания исчисляются не днями, не сутками, а часами!).

Надо отметить, что правила исчисления разных видов сроков законодатель смешивает не только в ст. 128 УПК РФ. Так, например, в ч. 10 ст. 109 УПК РФ предусмотрено, что в срок содержания под стражей, который исчисляется месяцами, засчитывается время, на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого, а оно исчисляется часами, а как совместить исчисление разных видов сроков законодатель умалчивает.

Явно неудачна и формулировка ч. 1 ст. 128 УПК РФ, где подчеркнута, что в срок заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий и нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую

---

¹ Калиновский К. Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / К. Б. Калиновский // Ленинградский юридический журнал, 2005. № 2 (3). С. 139–145.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. СПб, 2003. С. 342.

помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, включается и нерабочее время. Создается иллюзия, что в других случаях, например, при исчислении сроков следствия, нерабочее время в сроки не включается. Ясно, что правоприменитель действует, исходя из здравого смысла, а не законодательных формулировок, что само по себе дискредитирует текст уголовно-процессуального закона.

О сроке, исчисляемом неделями, речь идет в ст. 128 УПК РФ, однако, порядок исчисления этого срока оставлен на усмотрение правоприменителя. Вопросы, между тем остаются: какой момент считать началом недельного срока недели, календарная или рабочая неделя имеются в виду?

В целях обеспечения принципа разумного срока уголовного судопроизводства, реализации процессуальными сроками своего назначения как значимой процессуальной гарантии необходима систематизация как самих сроков, так и порядка их исчисления. УПК РФ должен оперировать только теми сроками, которые предусмотрены в общей норме (в данном случае – ст. 128 УПК РФ) и для которых предусмотрен порядок их исчисления.

*Мельник В. В.¹,
профессор Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ДОКАЗЫВАНИЯ, ФУНКЦИЙ СУДА, ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОКУРАТУРЫ В ДОСУДЕБНОМ И СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

1. В условиях продолжающейся в Российской Федерации судебной и правовой реформы, направленной на совершенствование деятельности судебных и государственных правоохранительных органов в соответствии с идеалами и стандартами демократического правового государства, важное методологическое значение для сохранения и развития лучших традиций теории и практики уголовного судопроизводства, органов предварительного расследования и прокуратуры имеет правильное определение цели уголовного судопроизводства, основной цели доказывания по уголовным делам, а также функций суда и профессиональных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения в досудебном и судебном производстве по уголовному делу.

2. Поскольку уголовное судопроизводство является сложной социальной функциональной системой, составными компонентами (подсистемами) которой согласно п. 56 ст. 5 УПК РФ являются досудебное и судебное производство по уголовному делу, суд и профессиональные участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, не разобравшись в таких общих вопросах, как цель уголовного судопроизводства, основная цель доказывания по уголовному делу, функции суда, органов предварительного расследования и прокуратуры в досудебном и судебном производстве, неизбежно оказываются в конфузной гносеологической ситуации, которая подразумевается в метафорическом высказывании античного мыслителя и государственного деятеля Сенеки: «Кораблю, который не знает, к какой гавани он плывет, не поможет никакой попутный ветер».

Дело в том, что в свете системно-функционального и системно-структурного подходов основная цель доказывания по уголовному делу, а также функции участников уголовного судопроизводства, выступают в качестве важнейших системообразующих факторов их целесообразной, разумной деятельности на всех стадиях и этапах динамической структуры уголовного судопроизводства. О важной системообразующей роли функции субъекта в динамической структуре его деятельности в рамках определенной социальной функциональной системы (надсистемы) свидетельствует следующее концептуальное положение из теории функциональных систем: «Функция является детерминирующим началом системы, организующим ее форму и структуру. Принцип аристотелев-

---

¹ © Мельник В. В., 2021.

ской «энтелехии» как формообразующего начала каждой вещи и есть принцип функциональной детерминации систем»¹.

Так как основным элементом любых социальных функциональных систем и их подсистем, в том числе уголовного судопроизводства, являются люди, деятельность участников уголовного судопроизводства можно признать целесообразной, разумной только тогда, когда вовлеченные в эту функциональную систему субъекты имеют четкое представление не только о своей функции в данной надсистеме, но и о цели уголовного судопроизводства, выражающей ее основное функциональное предназначение в надсистеме более высокого уровня – в определенном человеческом обществе, а также о цели доказывания в досудебном и судебном производстве по конкретным уголовным делам. Только тогда можно рассчитывать на то, что деятельность властных субъектов доказывания будет соответствовать императивам сформировавшегося в процессе эволюционного развития человеческого рода *Homo Sapiens* здравого смысла, высшей степенью развития которого является практическая мудрость. По выражению Демокрита, с древнейших времен мудрость почитается людьми за то, что от нее получают три плода, от которых зависит успех человека во всех его важнейших практических делах: «Дар хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо делать»².

3. В свете теории самоорганизации (синергетики), теории функциональных систем, системно-функционального, системно-структурного и системно-синергетического подходов имеются основания полагать, что целью уголовного судопроизводства, его подсистем является обеспечение в частных интересах участников уголовного процесса и публичных интересах гражданского общества и государства юридически правильного и справедливого предварительного расследования, а также юридически правильного и справедливого рассмотрения и разрешения судами уголовных дел в соответствии с демократическими принципами современного уголовного судопроизводства и вытекающими из них процессуальными правилами доказывания, принятия судами промежуточных и итоговых судебных решений по вопросам, относящимся к их компетенции, прежде всего по основным вопросам о виновности или невиновности обвиняемого.

4. Результаты предварительного расследования и судебного разбирательства, как правило, соответствуют и публичным интересам, и частным интересам участников уголовного судопроизводства при наличии следующих условий, обеспечивающих надлежащие процессуальные и социально-психологические условия для качественного, эффективного предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам:

1) когда на всех этапах диалектического процесса познания объективной истины о виновности или невиновности обвиняемого и других обстоятельствах, подлежащих доказыванию, суд и профессиональные участники уголовного су-

¹ Шабельников В. К. Функциональная психология. Формирование психологических систем : учебник для вузов / В. К. Шабельников. 2-е изд., испр. М. : Академический Проект; Культура, 2013. С. 156.

² См.: Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты / А. О. Маковельский. Баку, 1946. С 314; Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе / В. В. Мельник. М. : Дело, 2000. С. 133, 140.

допроизводства со стороны обвинения искренне и добросовестно стремятся к установлению не предполагаемой, а реальной, действительной виновности или невиновности обвиняемого путем добросовестного использования своих полномочий в состязательном уголовном процессе в целях всестороннего, полного и объективного исследования доказательств и обстоятельств дела, преобразования таким образом вероятного, предположительного, сомнительного знания в истинное, достоверное знание о виновности или невиновности обвиняемого;

2) если же на заключительном этапе познавательной деятельности в форме доказывания властным субъектам доказывания по объективным и субъективным причинам не удастся преобразовать вероятное, предположительное, сомнительное знание в достоверное знание о виновности или невиновности обвиняемого, что не позволяет сформулировать достоверный вывод ни о несомненной виновности, ни о несомненной невиновности¹, в подобных логически патологических ситуациях «на выходе» познавательной деятельности устанавливается не объективная, а конвенциональная истина, которая является гносеологической основой для справедливого вывода о том, что презумпция невиновности в отношении обвиняемого в уголовном процессе не опровергнута. При возникновении подобных гносеологических ситуаций на завершающем этапе предварительного расследования и судебного разбирательства органы предварительного расследования и суд обязаны признавать обвиняемого невиновным по основаниям, предусмотренным правилами презумпции невиновности, сформулированными в ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ.

5. Лежащие в основе современного позитивного права человеческие представления об объективной истине, конвенциональной истине и правилах презумпции невиновности выстраданы прогрессивным развитием человеческого общества, в своем многовековом интеллектуальном и нравственном развитии достигшим уровня, на котором происходит становление и развитие демократического правового государства, гуманистической профессиональной морали блюстителей законности (судей, прокуроров и других должностных лиц государственных правоохранительных органов).

6. Представляется, что для того, чтобы в деятельности суда и профессиональных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения при реализации правил принципа презумпции невиновности и других демократических принципов современного уголовного судопроизводства, в том числе принципа назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), не проявлялось аморальное произвольное усмотрение властных субъектов доказывания, которое осуждается русской пословицей «Закон, что дышло, куда повернул – то и вышло», заслуживает внимания российского законодателя и современной российской теории и практики уголовного судопроизводства законодательная инициатива Следственного комитета РФ о введении в уголовное судопроизводство института объективной истины по уголовному делу в качестве принципа уголовного судопроизводства.

---

¹ Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе / В. В. Мельник. М. : Дело, 2000. С. 6, 31, 33.

ва¹, за исключением той части этой инициативы, в которой предусматривается реанимирование советского института возвращения судом уголовного дела на следствие.

7. В свете системно-синергетического подхода, в основе которого лежат современные научные представления из области теории самоорганизации (синергетики), предметом чего является изучение и различных форм детерминированного хаоса, его разнообразных функций, «...как способствующих самоорганизации и эволюции, так и тормозящих их, как конструктивных и творческих, так и деструктивных и разрушительных»², одним из источников деструктивного детерминированного социального хаоса в области уголовного судопроизводства в форме необоснованного обвинительного или оправдательного уклона судей и профессиональных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения является отсутствие в главе 2 УПК РФ принципа объективной истины, ориентирующего властных субъектов доказывания признавать обвиняемого невиновным по основаниям, предусмотренным ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ лишь после того, как в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства стороной обвинения исчерпаны все возможности для преобразования вероятного, предположительного, сомнительного знания в достоверное знание о виновности или невиновности обвиняемого и других обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

8. Еще одним важным источником детерминированного социального хаоса в досудебном и судебном производстве по уголовному делу в форме необоснованного обвинительного или оправдательного уклона судей и профессиональных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения является неправильное понимание ими, особенно последними, своих функций в состязательном уголовном процессе. В уголовном судопроизводстве органы предварительного расследования и прокуратуры, в том числе прокурор-государственный обвинитель, выступают в роли своеобразного «двуликого Януса»: и как участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, и как представители особых государственных правоохранительных органов. Поэтому возложенное на них уголовно-процессуальным законом бремя по доказыванию обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого (ч. 2 ст. 14 УПК РФ), они должны нести достойно, как подобает блюстителям законности.

---

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Следственный комитет РФ. URL: <http://www.sledcom.ru/discussion/SID=3551> (дата обращения: 21.08.2013).

² Князева Е. Н. Балансирование на краю хаоса как способ творческого обновления / Е. Н. Князева // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М. 2003. С. 131; см. также: Афанасьева В. В. Детерминированный хаос: феноменологическо-онтологический анализ / В. В. Афанасьева. Саратов, 2002. С. 32; Астафьев А. К. Социальная синергетика : учебное пособие / А. К. Астафьев, В. П. Бранский, К. М. Оганян ; под ред. К. М. Оганяна. СПб, 2004. С. 2, 4, 5, 13; Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем / В. В. Василькова. СПб, 1999. 480 с.

Реализуя свои властные полномочия в уголовном судопроизводстве, дознаватель, следователь, а также прокурор, возбуждающий государственное обвинение путем утверждения обвинительного заключения (обвинительного акта или обвинительного постановления), и назначенный им государственный обвинитель как блюстители законности должны ответственно подходить к реализации своих функций и полномочий в уголовном судопроизводстве с учетом того, что их деятельность носит публичный характер, т. е. осуществляется от имени государства в интересах всего гражданского общества и государства.

9. Подобно тому, как суд в уголовном процессе выполняет не только основную функцию, связанную с юридически правильным и справедливым рассмотрением и разрешением уголовного дела по вопросам, по которым он обязан принимать итоговые и промежуточные судебные решения в соответствии с демократическими принципами уголовного судопроизводства, сформулированными в главе 2 УПК РФ, но и ряд дополнительных функций (контрольную, правоохранительную, правовосстановительную, обеспечительную и профилактическую функции¹, профессиональные участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения выполняют в состязательном уголовном процессе не только основную функцию, связанную с несением бремени по доказыванию обвинения и опровержением доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, но и дополнительные функции обеспечительного характера.

Применительно к этим функциям многозначное слово «обеспечивать» употребляется в следующих значениях: создать все необходимые условия для осуществления чего-либо; гарантировать надежность, прочность чего-либо; сделать что-либо вполне возможным, действительным, реально выполнимым².

Дополнительные функции обеспечительного характера по системно-синергетическому принципу «взаимоСОдействия» взаимно дополняют друг друга и, таким образом, ограничивают пределы реализации основной функции указанных государственных правоохранительных органов, связанной с несением бремени по доказыванию обвинения и опровержению доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, которая является движущей силой досудебного и судебного производства по уголовным делам.

10. Важнейшей функцией обеспечительного характера органов предварительного расследования и прокуратуры является функция оказания суду содействия в осуществлении правосудия путем создания необходимых для этого условий. Как отмечал М. С. Строгович, процессуальная деятельность «...органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры, не будучи отправлением правосудия, связана с деятельностью суда, содействует суду, создает ему необходимые условия для осуществления задач (...) правосудия»³. Важнейшими за-

---

¹ Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе : учебное пособие / С. В. Бурмагин. М. : Проспект, 2016. С. 97–104.

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М., 2003. С. 427; Современный толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб : Норинт, 2001. С. 423.

³ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. М., 1968. С. 37.

дачами правосудия является юридически правильное и справедливое рассмотрение и разрешение уголовного дела по вопросам, по которым суд принимает промежуточные и итоговые судебные решения в соответствии с принципом назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), презумпцией невиновности (ст. 14 УПК РФ) и другими демократическими принципами уголовного судопроизводства, в том числе принципом свободы оценки доказательств, согласно которому судья, присяжные заседатели, так же, как и прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью, с учетом того, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ст. 17 УПК РФ).

В связи с этим следует подчеркнуть, что деятельность органов предварительного расследования и прокуратуры только тогда реально формирует необходимые условия для осуществления задач правосудия, когда они как участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения и должностные лица государственных правоохранительных органов, блюстители законности при исследовании в процессе доказывания основного вопроса уголовного судопроизводства – о виновности или невиновности обвиняемого стремятся установить не предполагаемую, а действительную его виновность или невиновность. Иначе говоря, когда они искренне и добросовестно стремятся установить объективную (материальную) истину о виновности или невиновности, понимаемую с учетом исходного, первоначального классического значения слова «истина», объективное содержание которой выражает словосочетание «объективная истина».

Согласно современному академическому толковому словарю русского языка «Объективной истиной называют правильное отражение в сознании человека, в науке и т. п. действительности, реального, окружающего нас мира»¹. Характеризуя объективное содержание истины, выражаемой при помощи термина «объективная истина», авторы академического словаря отмечают, что «Объективным вы называете то, что полностью соответствует действительности, отображает то, что действительно происходило когда-то или происходит в данный момент»².

Представляется, что именно такой реалистический подход к пониманию и познанию истины, ее объективного содержания, выражаемого словосочетанием «объективная истина», соответствует лучшим традициям российского уголовного судопроизводства и российской прокуратуры, заложенным еще Судебной реформой 1864 г.

11. Среди подобающих блюстителям законности дополнительным функциям обеспечительного характера следует особо выделить функцию обеспечения законности и обоснованности государственного обвинения. Эта функция, ограничивающая пределы реализации основной функции государственного обвинителя, связанной с несением бремени по доказыванию обвинения и опровержению доводов, приводимых в защиту обвиняемого, вытекает из демократических принципов уголовного судопроизводства, сформулированных в главе 2 УПК РФ, в том числе

---

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М. : АСТ, 2003. С. 732.

² Там же.

из принципа законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ), согласно которому и положениям ст. 88 УПК РФ законным и обоснованным можно признать только обвинение, в его основе лежат доказательства, каждое из которых отвечает критериям допустимости, относимости и достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – критерию достаточности для разрешения уголовного дела.

Указанная функция прокурора-государственного обвинителя вытекает также из ч. 3 ст. 37 УПК РФ, согласно которой «В ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность». В выделенном словосочетании слово «обоснованность» выражает важнейший аспект законности государственного обвинения – его обоснованность достаточным количеством доказательств, отвечающих указанным уголовно-процессуальным критериям.

В свете системно-синергетического подхода поддержание прокурором от имени государства незаконного и необоснованного обвинения является источником обвинительного уклона и других форм детерминированного социального хаоса в уголовном судопроизводстве и в обществе, так как вызывает у граждан недоверие к государству, подрывает авторитет государственного обвинителя как должностного лица прокуратуры. Это отрицательно влияет на состояние законности, поскольку способствует деформации нравственного и правового сознания в форме нравственного и правового нигилизма не только у должностных лиц прокуратуры, но и у граждан, ибо, как говорил учитель А. С. Пушкина – А. П. Куницын – «Закон, нарушаемый блюстителями онога, не имеет святости в глазах народа»¹.

12. Детерминированный социальный хаос в уголовном судопроизводстве и обществе усугубляется, когда в деятельности государственного обвинителя не реализуются еще одна дополнительная функция обеспечительного характера – правозащитная функция государственного обвинителя. Эта функция, ограничивающая пределы реализации его основной функции, связанной с осуществлением уголовного преследования в форме поддержания государственного обвинения, направлена на обеспечение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод. Данная функция обеспечительного характера вытекает из сформулированных в главе 2 УПК РФ демократических принципов уголовного судопроизводства, прежде всего из принципа назначения уголовного судопроизводства (ст. 6), принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11), принципа презумпции невиновности (ст. 14). В этих и других демократических принципах уголовного судопроизводства, сформулированных в главе 2 УПК РФ, конкретизируются соответствующие положения Конституции РФ, в частности, провозглашающие, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценно-

---

¹ Цит. по: Маймин Е. А. Пушкин: Жизнь и творчество / Е. А. Маймин. М. : Наука, 1984. С. 9. См. также: Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе / В. В. Мельник. С. 20.

стью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека – обязанность государства» и что «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 2 и 18 Конституции РФ). Одним из важнейших аспектов или направлений реализации государственным обвинителем правозащитной функции выражается в его деятельности по выявлению нарушений материальных и процессуальных прав участников судебного разбирательства и их устранению¹.

13. Основываясь на произведенном системном анализе, можно сформулировать следующие выводы, имеющие важное методологическое значение для решения задач современной судебной-правовой реформы, связанных с сохранением и развитием лучших традиций теории и практики уголовного судопроизводства, совершенствованием деятельности судебных и государственных правоохранительных органов в соответствии с идеалами и стандартами демократического правового государства:

1) целью уголовного судопроизводства, его подсистем (досудебного и судебного производства по уголовному делу) является обеспечение в частных и публичных интересах гражданского общества и государства юридически правильного и справедливого предварительного расследования, а также юридически правильного и справедливого рассмотрения и разрешения судом уголовного дела в соответствии с демократическими принципами современного уголовного судопроизводства и вытекающими из них процессуальными правилами доказывания, принятия судом промежуточных и итоговых судебных решений по вопросам, относящимся к его компетенции, прежде всего по основным вопросам о виновности или невиновности обвиняемого;

2) целью доказывания по уголовному делу является установление властными субъектами доказывания объективной (материальной) истины о виновности или невиновности обвиняемого и других обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Для достижения этой цели суд и профессиональные участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения в процессе доказывания должны стремиться к установлению не вероятной, предположительной, сомнительной виновности или невиновности обвиняемого, а реальной, действительной его виновности или невиновности путем добросовестного использования своих полномочий в состязательном уголовном процессе в целях всестороннего, полного и объективного исследования доказательств и обстоятельств дела, преобразования таким образом, вероятного, предположительного, сомнительного знания в истинное, достоверное знание о виновности или невиновности обвиняемого;

3) если же на заключительном этапе познавательной деятельности в форме доказывания властными субъектами доказывания по объективным и субъектив-

---

¹ Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции : дис. ... докт. юрид. наук / Н. П. Кириллова. СПб, 2008. С. 10.

ным причинам не удастся преобразовать вероятное, предположительное, сомнительное знание в достоверное знание о виновности или невиновности обвиняемого, что не позволяет сформулировать достоверный вывод ни о несомненной виновности, ни о несомненной невиновности, в подобных логически патовых ситуациях «на выходе» познавательной деятельности устанавливается не объективная, а конвенциональная истина. В подобных гносеологических ситуациях именно конвенциональная истина является гносеологической основой для юридически правильного и справедливого вывода о том, что презумпция невиновности в отношении обвиняемого в уголовном процессе не опровергнута, вследствие чего по правилам презумпции невиновности, сформулированным в ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ, обвиняемый в его частных интересах и публичных интересах гражданского общества и государства считается невиновным;

4) подобно тому, как суд в уголовном процессе выполняет не только основную функцию, связанную с юридически правильным и справедливым рассмотрением и разрешением уголовного дела по вопросам, по которым он обязан принимать итоговые и промежуточные судебные решения в соответствии с демократическими принципами уголовного судопроизводства, сформулированными в главе 2 УПК РФ, но и ряд дополнительных функций (контрольную, правоохранительную, правосстановительную, обеспечительную и профилактическую функции), профессиональные участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения выполняют в состязательном уголовном процессе не только основную функцию, связанную с несением бремени по доказыванию обвинения и опровержением доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, но и дополнительные функции обеспечительного характера, ограничивающие пределы указанной основной функции, в том числе функцию оказания суду содействия в осуществлении правосудия путем создания необходимых для этого условий, функцию обеспечения законности и обоснованности государственного обвинения и правозащитную функцию;

5) для обеспечения в уголовном судопроизводстве надлежащих процессуальных и социально-психологических условий для предупреждения следственно-прокурорского и судебного произвола (произвольного усмотрения по безнравственному принципу «закон, что дышло: куда повернул, то и вышло»), эффективного выполнения властными субъектами доказывания своих функций и необходимых для их реализации полномочий, заслуживает внимания российского законодателя и современной российской теории и практики уголовного судопроизводства законодательная инициатива Следственного комитета РФ о введении в уголовное судопроизводство института объективной истины по уголовному делу в качестве принципа уголовного судопроизводства, за исключением той части этой инициативы, в которой предусматривается реанимирование советского института возвращения судом уголовного дела на следствие.

Модилова Е. А.¹,

старший следователь ОМВД России

по району Проспект Вернадского г. Москвы,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Есина А. С.,

доцент кафедры предварительного расследования

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Судебная экспертиза призвана способствовать органам досудебного производства устанавливать объективную истину по уголовным делам и тем самым обеспечивать конституционные права и интересы в уголовном процессе его участникам. Заключение эксперта, которое является результатом исследования вопросов, поставленных субъектом расследования, является самостоятельным доказательством по уголовному делу.

Назначение и производство судебной экспертизы регулирует УПК РФ и Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Однако оба законодательных акта нуждаются в уточнении некоторых положений с целью более совершенного регулирования данного сегмента уголовно-процессуальной деятельности.

1. Решение следователя о назначении судебной экспертизы оформляется постановлением. Согласно ч. 3 ст. 195 УПК РФ после вынесения постановления о назначении судебной экспертизы следователь обязан ознакомить с данным процессуальным решением подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя, а также разъяснить им права, которые у них возникают в этот момент согласно ст. 198 УПК РФ. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением. Согласно ч. 1 ст. 198 УПК РФ при назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, представитель вправе:

- 1) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы;
- 2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;
- 3) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении;

---

¹ © Модилова Е. А., 2021.

4) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту;

5) присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту;

6) знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

Данные положения подразумевают ознакомление участвующих по уголовному делу лиц с постановлением о назначении экспертизы до того, как эксперт начнет производство экспертизы. Хотя законодатель не конкретизировал текстуально этот момент в норме закона, однако, очевидно, что задумка была как раз в том, чтобы до начала экспертного исследования заинтересованные участники уголовного процесса могли знать: где и какая экспертиза будет проводиться, какие вопросы предлагаются эксперту для исследования, какие объекты (предметы) направляются в распоряжение эксперта. Своевременное ознакомление заинтересованных участников уголовного процесса с постановлением о назначении судебной экспертизы дает возможность последним реализовать свои права, участвуя, таким образом, в собирании доказательств (ст. 86 УПК РФ). При этом анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что нередки случаи, когда следователь нарушает данное законодательное требование, что служит основанием для различного рода ходатайств со стороны защиты, которые справедливо отмечают несвоевременность ознакомления с постановлением о назначении экспертизы, а, следовательно, о нарушении прав своих клиентов. Следователь знакомит заинтересованных участников с постановлением о назначении экспертизы, как правило, в тот период, когда исследование уже проведено, и участники процесса знакомятся одновременно и с постановлением о назначении экспертизы и с заключением эксперта, либо это происходит при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ, когда расследование уже закончено.

В связи с этим представляется целесообразным дополнить УПК РФ положением о том, что субъект расследования обязан знакомить с постановлением о назначении экспертизы до проведения исследования.

2. Сложнее разрешить ситуацию, когда экспертиза проводится в ходе следственной проверки. С одной стороны, у лиц, задействованных в ходе проверки сообщения о преступлении, нет процессуального статуса участника уголовного судопроизводства, в связи с чем следователь не обязан знакомить этих лиц с постановлением о назначении экспертизы, что предусмотрено ч. 3 ст. 195 УПК РФ. С другой стороны, следователь вправе знакомить заинтересованных лиц с постановлением о назначении экспертизы, поскольку согласно п. 1.1. ст. 144 УПК он обязан обеспечивать возможность осуществления лицам следственной проверки их права в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Мы полагаем, что лица, участвующие на стадии возбуждения уголовного дела, вправе знакомиться с постановлением о назначении экспертизы на том простом основании, что процессуальный характер первой стадии уголовного судопроизводства автоматически наделяет лиц, которые задействованы на дан-

ном этапе судопроизводства процессуальным статусом. Тот факт, что процессуальный статус этих лиц не отражен, не регламентирован в полной мере в УПК РФ, следует считать несовершенством законодательной регламентации. Законодатель уже сделал первые шаги в сторону исправления данной ситуации. Не случайно в п. 1.1 ст. 144 УПК РФ сказано, что «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом». Кроме того, данная ситуация может быть разрешена путем дополнения ст. 195 УПК РФ положением о том, что следователь до возбуждения уголовного дела обязан знакомить с постановлением о назначении судебной экспертизы заинтересованных лиц.

3. Актуальным с точки зрения соблюдения прав участников уголовного судопроизводства представляется вопрос о необходимости получения судебного решения для помещения лица, находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар.

Часть 2 ст. 203 УПК РФ предусматривает необходимость судебного решения о помещении подозреваемого, обвиняемого в стационар для производства экспертизы лишь в тех случаях, когда эти лица не находятся под стражей. По смыслу этих норм следует, что находящийся под стражей подозреваемый или обвиняемый могут помещаться в указанные стационары по решению следователя без обращения в суд.

Однако ст. 29 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» предусматривает обязательность судебного решения для помещения в психиатрический стационар любых лиц, в том числе, содержащихся под стражей. Противоречие очевидно. Но на этом несогласованность процессуальных норм не заканчивается. Часть 1 ст. 435 УПК РФ, в отличие от ст. 29 и 203 УПК РФ, устанавливает, что и лицо, содержащееся под стражей, может быть помещено в психиатрический стационар только по решению суда. В этой норме речь идет о помещении в психиатрический стационар, не для производства экспертизы, а «при установлении факта психического заболевания» у лица, содержащегося под стражей. Но если учесть, что ч. 2 указанной статьи содержит ссылку на ст. 203 УПК РФ, предусматривающую помещение в стационар именно для судебной экспертизы, то понять позицию законодателя становится еще сложнее. Не случайно она по-разному трактуется разными авторами.

Р. С. Маковик и Н. Р. Бессараб полагают, что решение о помещении в психиатрический стационар для судебно-психиатрической экспертизы как лица, содержащегося под стражей, так и лиц, находящихся «на воле» должно приниматься только судом, но далее они сожалеют, что «пока такой порядок предусмотрен лишь для лица, находящегося «на воле»¹.

А. В. Смирнов понимает действующее законодательство таким образом, что «направление на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу лица, как находящегося, так и не находящегося под стражей, допускается лишь по реше-

---

¹ Маковик Р. С. Изоляция личности в российском праве и законодательстве / Р. С. Маковик, Н. Р. Бессараб. М. : Экзамен, 2007. С. 180.

нию суда (ст. 435)»¹, хотя ст. 29, 203 УПК РФ для такого категорического вывода оснований не дают, как и п. 5 ч. 4 ст. 163 УПК РФ.

В разрешении обозначенной ситуации следует обратить внимание на позицию Конституционного Суда РФ², согласно которой недобровольная госпитализация в психиатрический стационар лица, страдающего психическим расстройством, безусловно, является ограничением свободы.

Представляется верным положение, закрепленное в ст. 29 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: обязательность судебного решения как основание для помещения в психиатрический стационар любых лиц в связи с производством по уголовному делу, в том числе и содержащихся под стражей. Полагаем, что УПК РФ следует привести в соответствии с указанным Федеральным законом.

---

¹ Смирнов А. В. Уголовный процесс : учебник для вузов / А. В. Смирнов, К. Б. Калинский. 2-е издание. СПб.: Питер, 2005. С. 665.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю. К. Гудковой, П. В. Штукатурова и М. А. Яшиной // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85643/ (дата обращения: 11.10.2020)

Попенков А. В.¹,

*преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОХРАННОСТИ И ВОЗВРАТА ИЗЪЯТЫХ У ПОДОЗРЕВАЕМОГО ВЕЩЕЙ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Неотъемлемой частью деятельности органов предварительного расследования является работа с предметами и документами, сопутствующими расследуемому уголовному делу. Появление в деле объектов материального мира может быть обусловлено результатами осмотра места происшествия, проведения обыска или выемки, добровольной выдачей лицами участниками уголовного судопроизводства, приобщением посредством заявления соответствующих ходатайств. Все это позволяет следователю получать дополнительную и порой очень значимую информацию, для расследования и раскрытия преступления.

Согласно ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются: любые предметы, которые служили орудиями оборудования или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; предметы, на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и на имущество, полученное в результате совершения преступления и иные предметы, и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

С точки зрения понятийного аппарата, вещественные доказательства – это собранные в установленном законом порядке предметы, обладающие свойствами, способными устанавливать обстоятельства, имеющие значение для дела. Одним из важнейших видов доказательств по уголовному делу являются предметы, которые могут быть использованы в качестве вещественных доказательств. Предметы осматриваются, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу, о чем выносится соответствующее постановление².

Должностные лица органов предварительного расследования, а также суд несут персональную ответственность за сохранность вещественных доказательств, приобщенных к уголовному делу. Только указанные лица могут решать вопрос о возврате вещественных доказательств их законному владельцу, либо оставлении их при материалах уголовного дела. В случае утраты, уничтожения или повреждения изъятых предметов, которые были признаны вещественными доказательствами, подлежащими возврату законному владельцу, должностное лицо или орган власти, не обеспечивший надлежащую сохранность, несет перед владельцем гражданско-правовую и имущественную ответственность в форме и размерах, установленных законодательством.

---

¹ © Попенков А. В., 2021.

² См.: Ступникова Е. А. Порядок возврата вещественных доказательств по уголовному делу / Е. А. Ступникова. URL: <https://www.advokat-stupnikova.ru/chastyie-voprosyi/95-poryadok-vozvrata-veshhest-vennyikh-dokazatelstv-po-ugolovnomu-delu.html> (дата обращения: 11.10.2020).

Вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле у лица, осуществляющего расследование, либо у судьи до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передаваться вместе с уголовным делом, за исключением случаев, предусмотренных указанными статьями. При передаче уголовного дела от одного органа дознания другому или от одного следователя другому, а равно при направлении уголовного дела прокурору или в суд либо при передаче уголовного дела из одного суда в другой вещественные доказательства передаются вместе с уголовным делом.

Споры о принадлежности вещественных доказательств разрешаются в порядке гражданского судопроизводства. В случае, когда спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, вещественное доказательство хранится до вступления в силу решения суда.

Также следует уточнить, что право граждан на частную собственность является существенным правом, закрепленным в ст. 35 Конституции Российской Федерации, следовательно, неправомерное изъятие или не обоснованное удержание имущества гражданина, может, по мнению автора, образовывать для должностных лиц такой состав преступления, как превышение должностных полномочий, выражающееся в существенном нарушении прав граждан.

Говоря о практической составляющей рассматриваемого вопроса различные споры и разногласия, могут возникать как в ходе расследования уголовного дела, так и после его окончания. Притом, не только с подозреваемыми или обвиняемыми, но и с другими участниками уголовного судопроизводства. Допустим, следователем, в рамках расследуемого уголовного дела по факту кражи автомашины у гражданина И. была обнаружена и изъята похищенная автомашина. Однако на момент изъятия автомашиной владел гражданин В., считающий себя добросовестным приобретателем. Впоследствии, оба гражданина обратились с ходатайством к следователю с просьбой выдать им изъятую машину на ответственное хранение. Логично было бы предположить, что гражданин И. является первым и законным владельцем автомашины, однако и гражданин В. приобрел ее за свои деньги и полагает, что так же имеет на эту автомашину законные права¹. По мнению автора, такого рода конфликты должны разрешаться исключительно судом в порядке гражданского судопроизводства, а следователю стоит воздержаться от преждевременных решений в чью-либо пользу и оставить спорную автомашину на ответственном хранении у себя до принятия судом решения по делу.

Бывают ситуации, когда следователь, не имея четкого понимания об обстоятельствах расследуемого им уголовного дела, при производстве обыска изымает аналогичные разыскиваемому предмету вещи, например, все находящиеся в квартире обвиняемого мобильные телефоны или несколько ноутбуков, кото-

---

¹ Из материалов уголовного дела № 526374, расследованного в СУ УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве в 2019 г. // Аналитические данные контрольно-методического управления ГСУ ГУ МВД России по г. Москве за 2019 г.

рые впоследствии оказываются принадлежащими другому лицу, не имеющему отношения уголовному делу (сожителю или сожительнице обвиняемого, его родственникам, проживающим вместе с ним и так далее). В таком случае следователю необходимо оперативно принять процессуальное решение по данным предметам, установив их принадлежность к совершенному преступлению, придав им статус вещественного доказательства либо вернуть их законным владельцам по принадлежности.

Следует подчеркнуть, что только обеспечение совокупности всех прав подозреваемого может гарантировать законность и обоснованность уголовного судопроизводства.

Емельянова Н. Ю.¹,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

подполковник полиции;

Пучков А. Г.²,

заместитель командира взвода 175 учебного взвода ФПСОПП

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

сержант полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Конституция Российской Федерации определяет, что права и свободы человека являются высшей ценностью³. Как документ, обладающий наибольшей юридической силой в России, он охватывает все направления жизни общества. Тем самым права и свободы человека обязаны соблюдаться и в уголовном процессе. В качестве принципа данное положение закрепляется и в УПК РФ⁴. Невзирая на признание прав и свобод человека основной ценностью, нередко происходит их нарушение. Одной из законодательно закрепленных задач уголовного судопроизводства, как и многих иных государственных институтов, является защита а также восстановление нарушенных прав и свобод (статья 6 УПК РФ).

Охрана прав и свобод как деятельность, с одной стороны, является превентивной, поскольку с ее помощью должны предупреждаться всевозможные нарушения, и в то же время она обладает функцией по восстановлению прав личности. Такие правоотношения являются достаточно специфичными, поскольку соответствующим органам и должностным лицам необходимо создавать условия для реализации соответствующих прав и свобод, разъяснять положения о таких правах. Однако нередко такие положения не реализуются (или же не в полной мере), что, зачастую, к сожалению, зависит от профессионализма и усмотрения лиц.

В рамках уголовно-процессуальной политики важным является отношение государственной власти к разрешению уголовных дел⁵.

Охрана прав граждан должна происходить при различных видах контроля, и такими видами гарантируется обеспечение подобной защиты.

---

¹ © Емельянова Н. Ю.

² © Пучков А. Г.

³ Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 года) (ред. от 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Безрядин В. И. О некоторых вопросах соотношения полномочий надзора и процессуального контроля руководителя следственного органа в досудебном производстве // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 1. С. 105–111.

Уголовно-процессуальная политика выступает в качестве государственного пути развития этой отрасли права, которое направлено на повышение эффективной процессуальной деятельности. Исходя из этого, в качестве ближайшей ее цели должно рассматриваться усовершенствование уже существующих правовых средств и механизмов, а в качестве стратегической – более подробная и качественная регламентация правовых инструментов¹.

Данные цели конкретизируются в выделенной системе задач современной уголовно-процессуальной политики: ими являются оптимизация правового регулирования; гуманизация норм и практики их применения; обеспечение законности и справедливости, правовой защиты участников; развитие состязательности; усовершенствование координации и организации взаимодействия; безусловное исполнение решения суда.

Следует отметить, что данный список задач не является закрытым. Анализируя их в контексте охраны прав и свобод, стоит сказать, что все они нацелены на решение проблемы охраны прав и свобод всех участников уголовного процесса – и стороны защиты, и обвинения, и иных участников.

При рассмотрении вопроса о соотношении прав и обязанностей в уголовном процессе важно указать на дисбаланс, имеющийся в уголовно-процессуальной системе. Большинству участников предоставлен определенный круг прав, который должен реализовываться. Для этого существуют различные направления деятельности, например: охрана прав и свобод потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, третьих лиц.

Все участники уголовного процесса нуждаются в защите и охране их прав, тем не менее часть из них находится в таком негативном положении, в котором особенно нуждаются в охране прав. Это потерпевшие. Официальное понятие его дано в уголовно-процессуальном законодательстве: физическое лицо, которому причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу, деловой репутации. Помимо официального, в науке было сформулировано и теоретическое определение: какой-либо человек или юридическое лицо, которому деянием причинен или мог быть причинен вред: физический, материальный, моральный².

Немаловажную роль в сфере охраны прав и свобод лица играет обеспечение законных интересов обвиняемых и подозреваемых. Задача охраны прав подозреваемого (обвиняемого) сегодня актуализируется в связи с глубоким анализом отдельных устоявшихся в теории уголовно-процессуального права положений и институтов, а именно, с продолжающимся распространением состязательности на досудебные стадии. Для полноценного анализа указанного вопроса, важно уяснить, кем же являются данные участники уголовного судопроизводства. УПК РФ указывает, что подозреваемый – лицо: в отношении которого возбуж-

---

¹ Пономаренков В. А. Уголовно-процессуальная правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы) : учебное пособие / под науч. ред. А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 157–175, С. 158.

² Сальников В. П. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России / В. П. Сальников, С. И. Захарцев, М. В. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 70–97.

дено уголовное дело; задержанное (ст. 91 и 92 УПК РФ); была применена мера пресечения до предъявления обвинения; уведомлено о подозрении в совершении преступления. Обвиняемый-лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление. Данные лица обладают достаточно схожими правами.

Охрана прав и свобод третьих лиц в уголовном судопроизводстве в главной степени заключается в соразмерном возмещении вреда, причиненного им. Однако, согласно статистике, гражданские иски зачастую остаются неудовлетворенными в ходе судебного разбирательства, в том числе и по причине перенаправления их по подведомственности.

Гражданскому истцу предоставлено право участия в уголовном судопроизводстве, однако, также он имеет возможность и отказаться от него. Для обеспечения реализации прав данного участника в случае его отказа от явки на судебное заседание, существует возможность поддержания гражданского иска и в его отсутствие. Однако в иных случаях иск не рассматривается и повторно предъявить его возможно лишь в порядке гражданского судопроизводства.

Гражданский истец вправе давать объяснения, касаемые гражданского иска, тем не менее его показания не входят в перечень, установленный законом, и, тем самым, фактически они являются недопустимыми доказательствами. Также не существует и бланков для допроса данных лиц, а законом предусматривается невозможность использования бланков, предназначенных для иных участников уголовного процесса. Данное положение, на мой взгляд, является пробелом в праве и ущемляет права рассматриваемых лиц.

Каждое из рассмотренных направлений охраны прав и свобод имеет определенные проблемы в своей реализации. Так, в ходе уголовного судопроизводства зачастую довольно серьезно ограничиваются законные интересы подозреваемых и обвиняемых, что необходимо для реализации назначения уголовного процесса, однако, найти соответствующий баланс между законными ограничениями и необоснованными нарушениями прав может очень непросто. Восстановление прав потерпевших – одна из задач уголовного судопроизводства и уголовного законодательства, которая должна соотноситься и с правами совершивших преступление. Закон не обходит стороной и тех, на кого не было прямо направлено преступление, предоставляя таким лицам возможность возмещения вреда, но и в данном случае имеются отдельные законодательные пробелы, которые активно обсуждаются в науке.

Теперь, на наш взгляд, следует выделить ряд проблемных вопросов, существующих в сфере охраны прав и свобод участников на предварительном расследовании, и проанализировать, какие имеются перспективы их разрешения.

Так, проведя анализ ст. 11 УПК РФ, сформулируем выводы. Итак, на лицах, осуществляющих уголовный процесс, лежит важность обеспечения законных интересов личности¹.

---

¹ Павлик М. Ю. Вопросы реализации прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве / М. Ю. Павлик, О. Р. Шепелёва // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – №1 (35). С. 226–231.

Также наиболее важной деятельностью определено разъяснение. Сформулированы те, на кого направлена указанная деятельность, рассмотрено содержание разъяснения. Очевидно, что в законе норма имеет соответствующий вид, где по значимости на высокой ступени стоит деятельность, предшествующая процессуальному действию. Ее содержание видится в законе как главная составляющая осведомленности участника и должна она осуществляться также при явке лица на допрос.

Отметим, что вхождение лица в уголовный процесс, является стрессом. Человек оказывается в ситуации неопределенности, не имеет четкого понимания происходящего, не имеет ясного представления: ни о своих полномочиях, ни о правах. Слова, произносимые следователем при разъяснении прав, в основной массе остаются туманными для вызванного. Тем самым успешная реализация исследуемых аспектов возможна при четком механизме обеспечения прав участников на всех этапах. Важным нюансом является и то, что взаимодействие лица и государственных органов, чаще всего, возникает при вызове человека в орган для проведения процессуального действия.

Так появляются правоотношения, требующие мер по соблюдению прав явившегося лица. Положения УПК РФ говорят о том, что нормативно-правовая конструкция обеспечения прав в ходе вызова лиц не имеет требуемого закрепления. Ему уделены только ст. 188 УПК РФ «Порядок вызова на допрос», а также ч. 2 и 4 ст. 172 «Порядок предъявления обвинения».

Соответственно, существующий нормативно-правовой механизм вызова лиц не может в полноценно реализовать принцип охраны прав и законных интересов в уголовном процессе, так как регулирует отдельные элементы указанных правоотношений, оставляя часть без внимания. Поэтому, решение рассматриваемой проблемы видится таким:

1. Действие важнейших положений по обеспечению прав и законных интересов лиц при их вызове следует распространять на всех вызываемых, вне зависимости от их процессуального статуса.

2. Исходя из необходимости расширения перечня участников, нуждающихся в обеспечении прав и законных интересов при вызове, видится очевидным, что этот порядок важен не только на предварительном расследовании. Эти меры должны реализовываться и на стадии возбуждения уголовного дела и на судебных стадиях, так как данные моменты также предусматривают участие лиц в процессуальных действиях.

3. Опираясь на важность реализации вызова лиц, вне зависимости от их статуса и стадии, считаем, данный механизм обеспечения их явки важно осуществлять не только при допросе или предъявлении обвинения, как это закреплено законом, но и для производства других действий, т. е. явка лица к следователю, вызванное для какого-либо процессуального действия, должно всегда сопровождаться официальным вызовом.

4. Действующая сегодня форма вызова лиц не всесторонне раскрывает порядок извещения, тем самым этот момент нуждается в более подробном закреплении способов его реализации, в частности, тщательном раскрытии возможных вариантов направления повестки с помощью конкретных средств. Думаем,

что, это могут быть: а) почтовое отправление повестки заказным письмом; б) отправление повестки телеграммой; в) отправление повестки по телефонным каналам с помощью факсимильной связи; г) отправление повестки по электронным каналам связи.

5. Явка лица, вне зависимости от формы осуществления, должна сопровождаться разъяснением лицу его прав и пр., как это требует принцип охраны прав и законных интересов (ст. 11 УПК РФ).

Права и свободы человека и гражданина, являясь высшей ценностью в Российской Федерации, нуждаются в защите и охране, особенно в ходе уголовного судопроизводства. Советское законодательство ставило во главу угла интересы государства, однако, с изменением государственно-политического строя, изменились и приоритеты – теперь Российская Федерация определяет одной из важнейших задач охраны прав человека. Однако наследие советской системы до сих пор дает о себе знать.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) (ред. от 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Безрядин, В. И. О некоторых вопросах соотношения полномочий надзора и процессуального контроля руководителя следственного органа в досудебном производстве // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 105–111.

4. Пономаренков, В. А. Уголовно-процессуальная правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы) : учебное пособие / под науч. ред. А. В. Малько. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 456 с.

5. Сальников, В. П. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России / В. П. Сальников, С. И. Захарцев, М. В. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 70–97.

6. Павлик, М. Ю. Вопросы реализации прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве / М. Ю. Павлик, О. Р. Шепелёва // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – №1 (35). С. 226–231.

Селезнев П. А.¹,

курсант 184 учебного взвода факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Жамкова О. Е.,

доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Несовершеннолетние лица являются участниками уголовного судопроизводства, выступая в качестве подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей по уголовному делу. Всего в 2019 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 2 024,3 тыс. преступлений. Более 40 тысяч преступлений совершено несовершеннолетними или при их соучастии.

В настоящее время доля преступлений в отношении несовершеннолетних остается на высоком уровне. По статистическим данным в 2018 г. в отношении несовершеннолетних было совершено 20 642 преступления, из них наиболее часто совершенными составами преступлений являются против собственности, а также истязания, причинения тяжкого вреда здоровью, убийства. Большую долю составляют преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетнего – 6417, за 2013–2018 гг. количество зарегистрированных по этим составам преступлений возросло на 37,1 %². Исходя из представленных данных, вопрос, касающийся особенностей участия несовершеннолетнего потерпевшего при производстве по уголовному делу, является актуальным.

Изучая эту проблему, отметим, что законодательно нигде не закрепляет понятие «несовершеннолетний потерпевший». В ст. 42 УПК РФ сформулировано понятие «потерпевший», и, несомненно, действие данной статьи распространяется и на несовершеннолетнего. Несовершеннолетний потерпевший обладает всем объемом правомочий, предусмотренных законом. К особенностям процессуального статуса необходимо отнести следующее:

– обязательным участником следственных действий в отношении несовершеннолетнего потерпевшего в соответствии с ч. 2 ст.45 УПК РФ является законный представитель. При этом следователь может принять решение об отстранении законного представителя в случаях ущемления прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего;

---

¹ © Селезнев П. А., 2021.

² Угрозы до 16 и младше // Российская газета. 2019. № 117 (7875).

– лица, которым на момент производства следственного или иного процессуального действия не исполнилось шестнадцать лет, не предупреждаются об уголовной ответственности по ст. ст. 307 и 308 УК РФ;

– законом установлены ограничения по времени производства следственных действий, если в них принимает участие несовершеннолетних потерпевший. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ внес существенные изменения в ст. 191 УПК РФ, касающиеся узкого круга следственных действий с ограничением по времени их проведения, а также ввел нового участника уголовного судопроизводства – психолога. Так, установлены ограничения по времени производства для таких следственных действия, как очная ставка, опознание и проверка показаний, потому что они, в конечном счете, сводятся к допросу. Общая цель данных следственных действий заключается в получении информации о совершенном преступлении, при этом минимизировав причинение психического вреда несовершеннолетнему потерпевшему.

По нашему мнению, проведение проверки показаний в отношении несовершеннолетнего в возрасте до семи лет нецелесообразно, так как начало следственного действия подразумевает указание несовершеннолетним места, куда необходимо выдвинуться, и только после этого осуществляется выход к данному месту. Но надо учитывать время, ведь есть 30 минут, а потом перерыв и остается еще 30 минут. В полном объеме выполнить данное следственное действие за один день просто невозможно, а тратить несколько дней непрактично и может отрицательно сказаться на несовершеннолетнем. Необходимо отметить, что целесообразно было бы установить ограничение по времени для производства всех следственных действий, а не только вышеперечисленных.

Участником всех следственных действий наравне с несовершеннолетним выступает его законных представитель. Следует отметить, что в действующей редакции ст. 191 УПК РФ следователь вправе не допустить к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего его законного представителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего потерпевшего. По мнению автора статьи, целесообразно внести изменения в ч. 3 ст. 191 УПК РФ, указав наравне с допросом и иные следственные действия, такие, как очная ставка, опознание и проверка показаний.

В случае если несовершеннолетнему не исполнилось 16 лет, а также в случаях, когда он имеет психические расстройства или отставание в психическом развитии, в производстве следственного действия обязательно участвует педагог или психолог. Под педагогом понимается педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Понятие психолога не закреплено в ст. 5 УПК РФ, однако под ним следует понимать специалиста в области психологии, занимающегося процессами и закономерностями психической деятельности человека. Лучше всего, если психолог или педагог будут приглашаться по усмотрению потерпевшего или законного представителя путем подачи ходатайства и только лишь при его отсутствии по решению следователя. Данное положение необходимо ввести в ч. 1 ст. 191 УПК РФ.

Применение видеозаписи или киносъемки с участием несовершеннолетнего допускается только при наличии согласия его или его законного представителя. При этом данная видеозапись должна быть приобщена к уголовному делу для использования в судебном разбирательстве за место непосредственного допроса несовершеннолетнего в соответствии с ч. 5 ст. 281 УПК РФ. По-моему мнению, это положительно сказывается на процессе уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетнего потерпевшего, а именно позволяет избежать повторных допросов и участия в судебном разбирательстве, а также данная возможность способствует скорее психологическому спокойствию, минимизированию воспоминаний о случившемся несовершеннолетнему потерпевшему. В практике существуют случаи, когда несовершеннолетний потерпевший участвует в судебном разбирательстве и в ходе его допроса судом он отказывается от дачи показаний. При фиксации следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего при помощи видеозаписи или киносъемки суд вправе огласить показания без его допроса.

Рассматривая вопрос о допросе несовершеннолетнего потерпевшего в судебном разбирательстве, суд должен обратить внимание на наличие в материалах уголовного дела отказа от использования видеозаписи или киносъемки в процессе производства следственных действий, указанных в ст. 191 УПК РФ. Усматривая в действиях следователя нарушения ч. 5 ст. 191 УПК РФ, суд вправе вынести частное определение или постановление об устранении этих нарушений в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ. Однако при выполнении данных требований и при отсутствии видеозаписи или киносъемки в материалах уголовного дела протоколы следственных действий не теряют своей доказательственной силы.

*Семенкова Е. В.*¹,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Производства судебных экспертиз требует огромное количество уголовных дел, находящихся в производстве органов предварительного расследования. Уголовно-процессуальный закон относит к доказательствам среди прочих заключение и показания эксперта. Однако, для допустимости использования в качестве доказательства заключения экспертов необходимо соблюдения ряда требований (условий). Такие условия выступают в качестве гарантий защиты прав участников уголовного судопроизводства, обеспечение которых ставится на первое место в уголовном процессе современной России. Их несоблюдение может привести к ряду негативных последствий: признанию полученных доказательств недопустимыми, нарушению прав участников процесса, нарушению отдельных принципов уголовного судопроизводства, что в конечном итоге исказит назначение уголовного судопроизводства в целом. При этом соблюдение таких условий необходимо на различных этапах производства экспертизы: при подготовке и назначении, при проведении непосредственных исследований экспертами и при оценке соответствующего экспертного заключения.

Основные условия, соблюдение которых необходимо при назначении судебной экспертизы, сводятся к соблюдению требований, предъявляемых УПК РФ к постановлению о назначении судебной экспертизы и ознакомлению отдельных участников уголовного судопроизводства с таким постановлением (ст. 195 УПК РФ). На этапе производства судебной экспертизы существуют нюансы, касающиеся участия заинтересованных участников в производстве экспертизы, получения образцов для сравнительного исследования, а также дополнительных материалов для производства экспертизы и др. Заключение, в свою очередь, подлежит оценке наряду с другими доказательствами, не обладая заранее установленной силой.

При этом, указывая на конкретные права при назначении и производстве судебной экспертизы закон конкретно перечисляет участников уголовного судопроизводства, которые обладают данным правом: подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший и его представитель, свидетель.

Исходя из смысла норм ст. 195, 198 УПК РФ, можно прийти к выводу о том, что назначение и производство судебной экспертизы возможно лишь на стадии предварительного расследования, так как участники, перечисленные законодателем, могут приобрести свой статус только после возбуждения уголовного дела.

---

¹ © Семенкова Е. В., 2021.

Ранее действительно так и было. Однако, в 2013 г. порядок рассмотрения сообщения о преступлении был изменен (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В частности, назначение и производство судебной экспертизы стало возможным при рассмотрении сообщения о преступлении, то есть на стадии возбуждения уголовного дела.

Возникает закономерный вопрос о реализации прав заинтересованных участников уголовного судопроизводства при назначении и производстве экспертизы до возбуждения уголовного дела. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 198 УПК РФ при назначении и производстве судебной экспертизы, подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший и его представитель вправе знакомиться с соответствующим постановлением, заявить отвод эксперту, ходатайствовать о смене экспертного учреждения, дополнении постановления новыми вопросами эксперту, присутствовать при производстве экспертизы, давать объяснения эксперту и другие. В свою очередь, свидетель вправе ознакомиться с заключением экспертизы, если таковая производилась в отношении него. Возможна ли реализация таких прав на стадии возбуждения уголовного дела?

Права подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и его представителя, предусмотренные ч. 1 ст. 198 УПК РФ, уголовно-процессуальный закон не ограничивает определенным временным интервалом, оговаривая лишь, что они должны быть реализованы при назначении и производстве судебной экспертизы. Фактически, судебная экспертиза может быть назначена и произведена (включая получение и оценку заключения эксперта) на стадии возбуждения уголовного дела, а ознакомить участников с постановлением о ее назначении следователь (дознатель) вправе даже при окончании предварительного расследования.

В связи с этим в науке ведется дискуссия, так как реализация ряда прав имеет смысл в определенный момент¹. Высшие судебные органы едины во мнении, что ознакомление участников, перечисленных в ст. 198 УПК РФ должно состояться до направления материалов в экспертное учреждение, но и в случае более позднего ознакомление таковое значительным нарушением не считается². На

---

¹ Аширбекова М. Т. Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : монография / [М. Т. Аширбекова и др.] ; под ред. Н. С. Мановой. Саратов, 2015. С. 53; Горский М. В. Проблемы применения специальных знаний адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях / М. В. Горский, Д. И. Усачева. М., 2015. С. 147; Дьяконова О. Г. Право на своевременное ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы: закон и практика // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : сборник. Материалы международной научно-практической конференции. 2020. С. 45–51.

² Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О по жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2008 г. № 936-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 257-О по жалобе гражданина Шилова Сергея Яковлевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 195 и 198 Уголовно-

наш взгляд, право на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы, должно быть реализовано до начала производства экспертизы, так как оно затрагивает права, связанные с отводами, дополнительными вопросами эксперту и другие, которые ставятся в зависимость и представляются бессмысленными без своевременного ознакомления с постановлением.

Думается, что заинтересованные участники уголовного судопроизводства должны получить право на своевременное ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы, а также реализацию иных, связанных с ним прав. В связи с этим считаем целесообразным закрепить в п. 1 ч. 1 ст. 198 УПК РФ не просто право на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы, но предусмотреть, что такое право должно быть предоставлено заинтересованному лицу до направления материалов уголовного дела и необходимых для исследования предметов и документов в соответствующую экспертную организацию. На наш взгляд, такая редакция данного пункта позволит избежать назначения дополнительных или повторных экспертиз, затягивания сроков производства по уголовному делу и нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Но внесение соответствующих изменений не решит вопрос обеспечения прав заинтересованных участников, так как до вынесения решения вопроса о возбуждении уголовного дела отсутствуют участники, которым закон делегирует право на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы (подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший и его представители). В то же время при рассмотрении сообщения о преступлении закрепляется необходимость обеспечения прав лиц, участвующих в производстве процессуальных действий, при проверке сообщения о преступлении, и обязанность должностных лиц, проводящих соответствующую проверку, разъяснять таким лицам их права и обязанности. Решение данной проблемы видится в расширении круга лиц, обладающих правами при назначении и производстве судебной экспертизы, предусмотренных ст. 198 УПК РФ. Полагаем, что необходимо дополнить данный перечень заинтересованными лицами, принимающими участие в проверке сообщения о преступлении. Данное понятие довольно широко и включает в себя неопределенный круг лиц, поэтому возможно очертить круг участников, имеющих права при назначении и производстве судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела лицами, в отношении которых совершено общественно опасное деяние, содержащие признаки преступления и лицами, в отношении которых осуществляется проверка сообщения о преступлении, а также адвокатов, представляющих их интересы.

Считаем, что предложенные изменения уголовно-процессуального закона по определению временного интервала ознакомления с постановлением о на-

---

процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 260-О по жалобе гражданина Федотова Константина Степановича на нарушение его конституционных прав п. 11 ч. 4 ст. 47 и положениями статей 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета, № 296.

значении судебной экспертизы, а также расширению круга участников, обладающих правами при ее назначении и производстве, будут способствовать гуманизации уголовного процесса, защите прав и законных интересов личности. Кроме того, предложенные условия при назначении и производстве судебных экспертиз сократят назначение дополнительных и повторных экспертиз по ходатайствам подозреваемых (обвиняемых), защитников, потерпевших и их представителей, что позволит сократить сроки предварительного расследования.

Смирнов М. В.¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Проблематика реализации уголовно-процессуального принципа языка уголовного судопроизводства не нова. Нормативное правовое регулирование этого вопроса осуществляется на высшем конституционном уровне (ст. 18 Конституции РФ), на федеральном законодательном уровне и в нормах международного права.

В правоприменительной практике национальных органов предварительного расследования, а также современной наукой уголовного судопроизводства² и в многочисленных судебных решениях судов районного звена, и даже таких высших судебных инстанций, как Конституционный Суд РФ³ и Верховный Суд РФ⁴ выработаны многочисленные рекомендации, призванные оптимизировать деятельность органов, осуществляющих уголовное преследование, при появлении в уголовном деле лица, не владеющего языком уголовного судопроизводства. Вместе с тем признать вопросы участия в уголовном судопроизводстве данной категории лиц решенными, представляется преждевременным.

К числу вопросов, нуждающихся в дальнейшем научном осмыслении, можно отнести, в частности, проблему определения момента, когда необходимо признать участника процесса лицом, не владеющим или недостаточно владею-

---

¹ © Смирнов М. В., 2021.

² Ишмухаметов Я. М. Язык судопроизводства как принцип российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Я. М. Ишмухаметов. Ижевск, 2006. ; Головинская Е. П. Процессуально-правовые основы деятельности переводчика по обеспечению принципа языка уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. П. Головинская. Воронеж, 2006 ; Шевелев И. А. Язык судопроизводства и участие переводчика в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. А. Шевелев. Волгоград, 2008.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1064-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рамазанова Эльшада Достали на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 и пунктом 6 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (13.10.2020); Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2013 № 545-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цицхвая Мераби Гурамовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.10.2020).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. 1995; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2015.

щим языком, на котором ведется производство по уголовному делу. Подлежит ли доказыванию наряду с иными обстоятельствами, подлежащими доказыванию в соответствии с уголовно-процессуальным законом, доказывание и факта владения или недостаточного владения языком, на котором ведется производство по уголовному делу?

Как поступить следователю (дознавателю) в случае, когда участник процесса первоначально добросовестно заблуждался в своем достаточном владении языком уголовного судопроизводства, но в ходе производства пришел к выводу, что все же его владение недостаточное. Согласившись с ходатайством такого добросовестно заблуждающегося лица и продолжив производство уже в режиме обеспечения прав лица, не владеющего или недостаточно владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу, следует ли признать всю предыдущую процессуальную деятельность с участием такого лица как совершенную с нарушением его права на защиту, признанием доказательств недопустимыми?

Практике известны случаи, когда лицо, объективно владеющее языком уголовного судопроизводства, тем не менее заявляет ходатайство о том, что оно недостаточно владеет языком уголовного судопроизводства. Мотивы такого поведения обвиняемого (подозреваемого) могут быть различны. Чаще всего, таким образом пытаются лишиться полученные ранее доказательства юридической силы (признать недопустимыми), а также затянуть сроки расследования. В меньшей степени это попытка получения дополнительных прав, которыми по закону наделяется только лицо, не владеющее или недостаточно владеющее языком уголовного судопроизводства.

Трудности правоприменительной практики обусловлены, как нам представляется, в немалой степени необходимостью установления баланса между частным по своей природе субъективным правом физического лица – участника уголовного судопроизводства, не владеющего языком уголовного судопроизводства, участвовать в уголовном процессе на своем языке и публичными полномочиями лица, в производстве которого находится уголовное дело: обеспечить допустимость доказательств по делу, обеспечить разумный срок производства по уголовному делу, сократить судебные издержки, принимаемые на счет государства.

Схожие мысли высказывает Ф. М. Кудин, в частности полагающий, что «право лица пользоваться родным или иным языком, отличным от установленного законом официального языка, проявляет в конструкции рассматриваемого принципа частное начало, поддерживаемое публично-правовыми средствами обеспечения участия переводчика, обязательностью перевода основных процессуальных документов на понятный для лица язык»¹.

Наделение лица, не владеющего или недостаточно владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу, правом делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика,

---

¹ Кудин Ф. М. Язык уголовного судопроизводства: отражает ли это название содержание принципа? / Ф. М. Кудин // Научный журнал КубГАУ. № 113 (09). 2015. С. 4.

получать следственные и судебные документы, подлежащие обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а равно другим участникам уголовного судопроизводства, в переводе на их родной язык или на язык, которым он владеет, очевидно, и не оспаривается. Вместе с тем с момента признания за участником уголовного процесса указанного права и необходимостью обеспечения его реализации лицо, в производстве которого находится уголовное дело, должно принимать во внимание ряд важных правовых последствий такого признания.

Как отмечают исследователи, производство по такому уголовному делу усложняется по причинам организационного характера и увеличения срока расследования¹. Лицо, в производстве которого находится уголовное дело, должно принимать меры к приглашению защитника для подозреваемого (обвиняемого), не владеющего языком судопроизводства, участие которого по данной категории дел становится обязательным. Следователь (дознатель) должны принимать меры к приглашению переводчика, участие которого также становится обязательным, организовать письменный перевод процессуальных документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а равно другим участникам уголовного судопроизводства. Следователь (дознатель) должен учитывать, что продолжительность расследования объективно может увеличиться на срок, необходимый для подготовки письменного перевода таких документов.

В том случае, когда в отношении лица, не владеющего или недостаточно владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу, осуществлялось производство в форме сокращенного дознания, необходимо принимать меры к продолжению предварительного расследования уже в форме дознания в общем порядке (п. 5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ). С учетом того, что лицу, не владеющему или недостаточно владеющему языком, на котором ведется производство по уголовному делу, помощь переводчика обеспечивается бесплатно, следователю (дознателю) необходимо организовать решение финансово-правовых вопросов оплаты труда переводчика и оплаты письменного перевода.

Неоднозначной в литературе и судебной практике выглядит и проблематика признания лица, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу. Критерий невладения, а равно «достаточности-недостаточности» владения языком, на котором ведется производство по уголовному делу, бесспорно можно отнести к категории оценочных в уголовном судопроизводстве. Так, например, М. В. Зяблина отмечает: что «невладение либо недостаточное владение языком судопроизводства ...» – это оценочное понятие, содержание которого определяется с учетом объективной оценки имеющихся фактов, позволяющих сделать вывод о способности лица не только разговаривать на языке судопроизводства, но и понимать смысл тех или иных слов (выражений), без уяснения которых оно не в состоянии эффективно защищать свои права и законные интересы»².

---

¹ Гирько С. И. Некоторые проблемы досудебного производства, осуществляемого органами милиции / С. И. Гирько // Журнал российского права. 2008. № 3.

² Зяблина М. В. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства / М. В. Зяблина // Журнал LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). № 11 (120). 2016. URL:

«Оценочность» зачастую приводит к появлению двух противоположных оценок. Рассмотрим данную ситуацию на примерах.

В одном случае обвиняемый (подозреваемый), ранее при производстве по уголовному делу не заявлявший о том, что он недостаточно владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, руководствуясь личным (частным) интересом может прийти к выводу о своем недостаточном владении языком, на котором ведется уголовное судопроизводство. Обвиняемый (подозреваемый) заявляют соответствующее ходатайство об обеспечении его права участвовать в процессе на языке, отличном от языка, на котором ведется предварительное расследование. Действующая редакция УПК РФ не обязывает следователя производить проверку владения обвиняемым (подозреваемым) языком уголовного судопроизводства, поэтому следователь вправе удовлетворить ходатайство без проверки, и обеспечить обвиняемому реализацию всех гарантий, предоставляемых принципом языка уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ).

В другом случае лицо, в производстве которого находится уголовное дело, принимая доводы обвиняемого критично, по своей инициативе проводит проверку владения обвиняемым языком уголовного судопроизводства.

Лицо, в производстве которого находится уголовное дело, основываясь на имеющихся материалах предварительного расследования уголовного дела, дополнительно проводит сбор доказательств, свидетельствующих о достаточном владении обвиняемым языком уголовного судопроизводства. На этом основании, принимая во внимание публичные интересы уголовного судопроизводства, в том числе необходимость обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства, защиту прав и законных интересов потерпевшего, учитывая государственные интересы экономии материальных и финансовых ресурсов общества, следователь отказывает обвиняемому в применении к нему положений ст. 18 УПК РФ и продолжает производство по делу в общем порядке.

На настоящий момент складывается определенная судебная практика признания законным такого отказа в удовлетворении ходатайства о применении к лицу положений ст. 18 УПК РФ. Суд, рассматривая соответствующую жалобу, принимает решение об оценке действительного владения-невладения языком уголовного судопроизводства обвиняемым (подозреваемым). При этом исследуются полученные следователем и имеющиеся в уголовном деле доказательства владения обвиняемым языком уголовного судопроизводства¹.

Нам представляется, что большинство доводов судебных инстанций, какими бы представительными эти судебные инстанции не были, без их подтверждения

<https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-yazyka-ugolovno-go-sudoproizvodstva> (13.10.2020).

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24 марта 2011 г. № 71-О11-8СП // СПС «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17 июня 2010 г. № 84-О10-30 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 15 марта 2007 г. № 38-о07-7. Отказ следователя по окончании предварительного следствия предоставить обвиняемым переводчиков не нарушил их право на защиту, так как они владеют языком судопроизводства. На этом основании судебное решение о возвращении дела прокурору отменено // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 6.

выводами специальной психолого-лингвистической экспертизы, проведенной на предмет выяснения «владения или недостаточного владения» языком судопроизводства, не кажутся достаточно убедительными.

В целях снижения влияния усмотрения в вопросе оценки достаточности-недостаточности владения языком уголовного судопроизводства предлагаем дополнить уголовно-процессуальный кодекс, в части регулирования случаев обязательного назначения экспертизы, еще одним основанием. В ст. 196 УПК РФ необходимо предусмотреть обязательное производство экспертизы для установления факта владения или недостаточного владения языком, на котором ведется производство по уголовному делу в тех случаях, когда лицо, в производстве которого находится дело, не согласно с доводами участника процесса о необходимости признания его лицом, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

*Сопнева Е. В.*¹,
кандидат юридических наук, доцент

КРИТЕРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБОСНОВАННОГО ПОДОЗРЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД

Обращение к категории «обоснованное подозрение» обусловлено ее значимостью в сферах принятия процессуальных решений, движения и перспектив уголовного дела, прав, свобод и законных интересов граждан. Например, отсутствие обоснованного подозрения может рассматриваться как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влечет отказ от избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и ее продления, используется гражданами как причина запроса в Европейский Суд по правам человека для компенсации причиненного вреда.

На этом фоне очевидна потребность обеспечения единства взглядов субъектов формирования (следователя, дознавателя) и субъектов определения (прокурора, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, суда) обоснованности подозрения. При такой установке обоснованность подозрения как цель и результат формирования должны в конечном итоге совпасть посредством определения в рамках контрольно-надзорной деятельности или при отсутствии публично высказанных сомнений в наличии такого качества. Однако до наступления желаемого исхода, но для его прогнозирования необходимо наделить субъектов предварительной (формирование) деятельности и субъектов последующей (определение) процедуры общими критериями понимания обоснованности подозрения. Тогда возможно организовать преемственность их позиций и согласие заинтересованных лиц, избежать процедур оспаривания обоснованности подозрения внутри государства и за его пределами, тем самым сохранив внутренние ресурсы.

Ценность обоснованности подозрения признана на международном и национальном уровнях.

Международный аспект понимания обоснованности подозрения заложен в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, содержащей упоминание об обоснованном подозрении в совершении правонарушения (ст. 5 п. 1 (с)), а также в решениях Европейского Суда по правам человека, обзор которых позволяет выделить несколько тезисов² и на их базе сформировать критерии определения обоснованности подозрения.

---

¹ © Сопнева Е. В., 2021.

² Обоснованное подозрение предполагает наличие фактов или информации, которые убеждают объективного наблюдателя, что, возможно, соответствующее лицо совершило правонарушение // Постановление ЕСПЧ по делу Мюррей против Соединенного Королевства от 28.10.1994 ; «обвиняемый ... может быть взят под стражу, только если было убедительно доказано со ссылкой на конкретные факты и показания, собранные обвинением, что имеется обоснованное подозрение, что он совершил преступление» // Обзор судебной практики

При этом возникает вопрос о необходимости обращения к таким предписаниям, который обусловлен формированием сомнения в обязательности международных установлений для Российской Федерации. Соответствующему ответу придается «правовая сила» посредством изменений Основного закона страны. Обратим внимание на два тезиса. С одной стороны, предлагается утвердить приоритет Конституции РФ путем дополнения ст. 79, допускающей отказ от исполнения в России решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации, если они противоречат Основному закону государства. С другой стороны, сохраняется приверженность России международным договорам, поскольку положения ст. 15 Конституции РФ в части их значения для российской правовой системы остаются неизменными. Таким образом, наблюдается как возможность, так и необходимость использования в российском уголовном судопроизводстве международных представлений об обоснованности подозрения, особенно в деле улучшения качества этой категории и минимизации обращений граждан в ЕСПЧ с соответствующими запросами.

Российский взгляд на обоснованность подозрения может быть систематизирован при обращении к решениям высших судебных органов, поскольку в УПК РФ отсутствует упоминание этой категории, а также теории и практике уголовного процесса. Тем не менее обоснованность является принципиальной ценностью российского уголовно-процессуального закона, что прослеживается в его нормах (например, п. 6 ч. 2 ст. 37, ч. 3 ст. 125, ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Прежде всего, рассматриваемое качество введено законодателем в положения ч. 4 ст. 7 УПК РФ и является требованием, которое предъявляется к постановлениям следователя, дознавателя. При этом вряд ли можно подвергнуть сомнению утверждение, что и иные акты уголовного процесса должны быть обоснованными.

Совокупный анализ решений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, позволяет выделить несколько процессуальных нагрузок рассматриваемого явления, значимых тезисов, и составить на их основе критерии как формирования, так и определения обоснованного подозрения. Разный контекст использования обоснованного подозрения вносит некоторые коррективы в содержание формируемых критериев, оставляя вне изменения их перечень. Обоснованность подозрения имеет несколько смыслов и воспринимается как: необходимое условие законности заключения под стражу¹, предмет судебной проверки², достоинство выдвигаемого в отношении лица предположения о его прича-

---

Верховного Суда РФ за 2 квартал 2012 г.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 10 октября 2012 г. // ИПП «Гарант сервис».

¹ Пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. 11 июня 2020 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»; определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина И. А. на нарушение его конституционных прав

стности к преступлению¹, требование к решениям, фиксирующим выдвинутое в отношении лица подозрение в преступлении². Об обоснованности подозрения суды высказываются следующим образом: необходимо подтвердить его наличие достаточными данными, отраженными в материалах дела, в числе выявляемых обстоятельств, совершение лицом преступления или наличие такой возможности, перечень которых может быть расширен.

Помогает понять затребованные критерии обзор российской практики³, показывающий недостатки формирования обоснованного подозрения, которые проявляются на судебной площадке в процессе определения его наличия. Среди таких изъянов можно назвать: отсутствие достаточных данных и обстоятельств, подтверждающих документов, краткого изложения содержания доказательств, их исследования в судебном заседании.

Еще один компонент понимания рассматриваемой категории – это рассуждения ученых об условиях обоснованности подозрения, которыми являются признаки преступления, компетентное лицо, достаточные сведения⁴, о необходимости сбора и анализа информации о том, что лицо причастно к преступлению для формулирования обоснованного подозрения⁵.

статьей 108 УПК РФ; определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 1342-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Люхина С. Н. на нарушение его конституционных прав статьями 108, 125 и 299 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 УК РФ, части второй статьи 24, части 2 статьи 27, части четвертой статьи 212 УПК РФ в связи с жалобами граждан Боровкова С. А. и Морозова Н. И. // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 г. № 1309-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой С. В. на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью четвертой статьи 148 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановлением Бугурусланского районного суда Оренбургской области отказано в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу И., со ссылкой на отсутствие достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения в совершении преступления. Постановлением Советского районного суда г. Казани отказано в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу С. в связи с недостаточностью документов и устанавливаемых обстоятельств. Невский районный суд г. Санкт-Петербурга, принимая решение о заключении под стражу В., указал в постановлении, что представленные следователем материалы свидетельствуют о достаточности данных, подтверждающих обоснованность подозрения В. При этом суд не указал, какие материалы позволили прийти к такому выводу. В связи с чем Санкт-Петербургский городской суд в апелляционном порядке отменил постановление, так как установил, что согласно протоколу судебного заседания в судебном заседании какие-либо материалы не исследовались (Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Церковный Ю. В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Церковный. М., 2011. С. 18, 40, 44.

⁵ Петров И. В. Теоретические и практические аспекты подозрения в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Петров. Краснодар, 2012. С. 23, 72.

Полезно обратить внимание на факт признания нормативно-правового значения категории обоснованности подозрения в законодательстве стран постсоветского пространства. Подтверждение этому мы находим в уголовно-процессуальных законах Республики Казахстан, Республики Беларусь, Республики Молдовы.

Итак, обобщая ранее изложенную информацию, мы выяснили единство взглядов на некоторые факторы, объединение которых позволяет назвать критерии двойного назначения, а именно востребованные как при формировании, так и определении обоснованного подозрения. Полагаем уместным отметить, что они в полной мере вписываются в сложившееся понимание обоснованности. Однако их содержание подлежит корректировке с учетом специфики подозрения как базового явления.

Критерий субъекта заключается в наличии лица, надлежащего и объективного, то есть способного обеспечить формирование обоснованного подозрения, а, значит, наделенного необходимыми профессиональными знаниями, навыками и умениями, моральными качествами, имеющего допуск к осуществлению соответствующей деятельности.

Критерий предмета установления подозрения проявляется в определении необходимого и достаточного перечня обстоятельств, подлежащих выявлению для формирования обоснованного подозрения (о преступлении, о лице, о причастности лица к преступлению...), используемого в разном сочетании исходя из затребованной процессуальной нагрузки.

Критерий основания как информационной основы сводится к наличию убедительных фактов и информации, аргументирующих обоснованное подозрение.

При формировании обоснованности актуализируются некоторые особенности подозрения, оказывающие влияние на содержание критериев.

Во-первых, межотраслевой и междисциплинарный режим формирования подозрения влечет вариативность субъекта его инициации как участника разных сфер (уголовно-процессуальной, полицейской, административной). Однако понимание уголовно-процессуальной природы подозрения нацеливает таких лиц на использование соответствующих критериев. При этом международный взгляд на понимание обоснованности подозрения остается неизменным, невзирая на факт отнесения государства, гражданин которого обратился в суд, к той или иной правовой системе.

Во-вторых, ограниченность предмета установления по сравнению с базовым перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию. Специфика проявляется в том, что для формулирования обоснованного подозрения нет необходимости устанавливать весь перечень обстоятельств, названных в уголовно-процессуальном источнике, что позволяет нам говорить об ограниченном подходе, но развивающемся исходя из динамики самого подозрения.

В-третьих, возможность работы со сведениями разного процессуального достоинства (данными и (или) доказательствами). Здесь представляется важным обратить внимание на два значимых фактора. Такие характеристики подозрения, как вероятный и первичный характер, начальная стадийность формирования, позволяют ввести в круг оснований данные, которые еще не возведены

в ранг доказательств ввиду невозможности проведения полноэлементного процесса доказывания. Однако такая характеристика подозрения, как его динамичность, позволяет развить представления о «статусе» используемых данных и констатировать переход от данных к доказательствам по мере движения уголовного производства и использования разных нагрузок подозрения.

Полагаем, что признание предложенных критериев действенным способом достижения обоснованности подозрения, целесообразно подкрепить межведомственными предписаниями, что обеспечит их единство и преемственность как в сфере формирования, так и определения наличия этой категории уголовного процесса.

Суснило Е. Е.¹,

*курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Ильяшевич Т. А.,

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

Конституция РФ устанавливает, что права и свободы человека являются высшей ценностью государства. Для обеспечения этого положения реформируется законодательство, в том числе уголовно-процессуальное, в частности, для защиты законных интересов, прав организаций и лиц, пострадавших от преступных действий.

Для усовершенствования норм права, регулирующих правовое положение потерпевшей стороны в судопроизводстве России, важно проведение сравнительно-правового анализа прав потерпевшего в России и ФРГ.

В соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевший – это физическое лицо, получившее моральный, имущественный или физический вред в результате преступных действий. Если же ущерб были подвержены имущество и деловая репутация, то потерпевшей стороной может стать юридическое лицо.

Законодательство ФРГ обозначает лицо, подвергшееся нарушению собственных прав косвенным или прямым преступным умыслом, «жертвой», а не «потерпевшим»².

УПК ФРГ гласит, что потерпевшее лицо по частному обвинению имеет право на присоединение к публичному обвинению государственной прокуратуры, если в его сторону были предприняты попытки нанесения тяжелых телесных повреждений, покушения на убийство, а также преступные действия, касающиеся половой неприкосновенности. В российском же уголовном судопроизводстве УПК РФ в ст. 43 дает возможность потерпевшей стороне выступить частным обвинителем в делах частного обвинения, однако, присоединение к публичному обвинению через прокуратуру невозможно, и частный обвинитель как потерпевшая сторона в делах частного обвинения поддерживает обвинение в судебном разбирательстве самостоятельно.

---

¹ © Суснило Е. Е., 2021.

² Самарин В. И. Уголовный процесс европейских государств : монография / Самарин В. И., Луцик В. В. М. : Проспект, 2010.

В Германии статус жертвы в делах публичного обвинения приобретает лишь после того, как было подано соответствующее заявление через прокуратуру в суд и было утверждено им. В России же это решение принимается незамедлительно после возбуждения уголовного дела и оформляется соответствующим постановлением следователя, дознавателя, суда или определением суда.

Потерпевший может использовать услуги представителей, чтобы реализовать свои права. Часть 1 ст. 45 УПК РФ к представителям относит адвокатов, близких родственников и лиц, допущенных ходатайством потерпевшего лица. То есть потерпевшая сторона имеет право на обращение к любым лицам, способным оказывать квалифицированную юридическую помощь. Это дает гарантии на защиту его интересов, дает право на доступ к правосудию. Все вышесказанное – свидетельство совершенствования процессуального статуса потерпевшего лица в России. Эти меры дают возможность достичь ряд положительных результатов, так как стороны защиты и обвинения имеют одинаковые возможности. Данные условия укрепляют надежность системы доказывания в уголовно-процессуальной деятельности, а потерпевший приобретает максимальные права по УПК РФ, закрепляют гарантированность конституционных прав.

Несмотря на вышесказанное, законодательство ФРГ более эффективно защищает права жертвы. Участие потерпевшей стороны в уголовном судопроизводстве Германии подкрепляется предоставлением адвоката. Отметим, что жертва имеет право написать заявление на предоставление адвоката за счет государства, если преступления имеют тяжкую и особо тяжкую категорию (касается убийства, покушения на жизнь, преступлений сексуального характера). Жертвам, не достигшим совершеннолетия и подвергшимся сексуальному насилию, предоставляется бесплатный адвокат. В России же в ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ указано, что несовершеннолетние до шестнадцатилетнего возраста, которые пострадали в ходе сексуального насилия, получают адвоката, на которого государство возмещает расходы из федерального бюджета. Но, учитывая законодательство России, физическое лицо считается совершеннолетним, достигнув восемнадцати лет. Иными словами, эта норма ограничивает права несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет. Следовательно, необходимо обеспечить участие адвоката всем несовершеннолетним до 18 лет, включив соответствующие изменения в ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ.

Согласно законодательству Германии, потерпевшему могут возместить ущерб, конфисковав имущество и средства осужденного, которые, в первую очередь, были приобретены противоправным путем. Если это невозможно, то ущерб компенсирует государство. Этим вопросом занимается Социальный кодекс ФРГ. То есть к характерным признакам возмещения вреда, вследствие причинения преступлением можно отнести самостоятельный выбор потерпевшим способа восстановления своих прав и предоставления государством гарантированных выплат жертвам насильственных преступлений¹.

---

¹ Андрусенко С. П. Уголовно-правовая защита жертв преступлений по законодательству Германии / Андрусенко С. П., Уай Э. М. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. М. : NOTA BENE. 2014. № 2 (45). С. 372–380.

В России же согласно ст. 42 УПК РФ компенсация имущественного вреда и расходов потерпевшего, понесенных в ходе предварительного и судебного рассмотрения дела, а также расходы на представителя потерпевшей стороны, обеспечиваются в соответствии с требованиями ст. 131 УПК РФ. Таким образом, мы наблюдаем более гарантированную защищенность прав потерпевшего в законодательстве Германии, которая обеспечивается как лицом, совершившим преступление, так и государством.

В законодательстве ФРГ расширены возможности защиты жертвы в ходе судебного слушания: если потерпевшая сторона опасается причинения ущерба своему здоровью или благополучию со стороны подсудимого, или же не решается давать показания, то последнего можно удалить из зала. В России участие подсудимого в судебном разбирательстве является обязательным, но могут быть применены дополнительные меры по обеспечению безопасности потерпевшего, предусмотренные п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ.

Однако есть исключение, ч. 3 ст. 258 УПК РФ предусматривает, что если подсудимый нарушает порядок проведения уголовного дела, суд имеет право отстранить его из зала суда до окончания прений сторон. Но в данной норме не прописано конкретно, какие именно ситуации это позволяют.

Другими словами, такая норма закона носит оценочный характер. И, чтобы исключить злоупотребления со стороны суда, необходимо выработать критерии, касающиеся применения этой нормы к ответчику.

Схожесть уголовного судопроизводства ФРГ и России можно проследить по такому факту, как извещение потерпевшей стороны о судьбе осужденного в местах лишения свободы (информация о смене колонии или подачи просьбы об УДО или о его освобождении), тем самым обеспечивая более эффективную защиту прав потерпевшей стороны.

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на достаточную прогрессивность и развитость системы прав потерпевшего в России, стоит обратить внимание на положительный опыт таких стран, как ФРГ, касательно гарантированности защиты интересов и прав потерпевшей стороны в уголовном судопроизводстве, ведь это является конституционной обязанностью и актуальной задачей государства. Следовало бы внести в законодательство Российской Федерации нормы, которые регулируют обязательства государства по компенсации вреда потерпевшим от преступлений, а также иждивенцам потерпевших, которые погибли или стали недееспособными, с дальнейшим возмещением выплаченных сумм с осужденного лица. Также стоит законодательно закрепить возможность воспользоваться услугами адвоката потерпевшему за счет государства по делам тяжкой и особо тяжкой категории, как это предусмотрено в Германии, что будет направлено на совершенствование системы защиты законных интересов и прав лиц, пострадавших от преступлений.

Фадеев П. В.¹,

*доцент кафедры предварительного расследования
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ОКАЗАНИИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ

Назначением современного российского уголовного судопроизводства является не только защита прав потерпевших от преступлений, но и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод. Для реализации данного назначения участники уголовного процесса наделяются правом как на охрану и защиту, так и правовую помощь, сущность которой заключается в содействии в восстановлении нарушенных прав, предупреждении или предотвращении их нарушений государственными органами и их должностными лицами, адвокатами (защитниками, представителями), и иными уполномоченными лицами.

В большей мере в правовой помощи нуждается обвиняемый с момента признания его в таком качестве и до истечения срока давности по уголовному делу или прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям. Как отмечается в юридической литературе, предметом апелляционных и кассационных жалоб стороны защиты становятся следующие вопросы: непредоставление обвиняемому и его защитнику достаточного времени для ознакомления с материалами уголовного дела; допрос обвиняемого в отсутствие защитника; отказ следователя знакомить сторону защиты с постановлением о назначении судебной экспертизы, а также в удовлетворении ходатайства о постановке перед экспертом дополнительных вопросов; производство следственных действий с применением мер принуждения в отсутствие защитника и др.²

Анализ показывает, что важная роль в содействии обвиняемому отводится государственным органам и их должностным лицам. В первую очередь, это относится к судам апелляционных или кассационных инстанций, которые, реализуя право обвиняемого на защиту, принимают решения по восстановлению его прав и свобод³.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции, рассмотрев апелляционные жалобы защитника – адвоката Торкина П. А. и обвиняемого К. на постановление Тюменского областного суда от 7 мая 2020 г., которым оставлена без удовлетворения жалоба адвоката Тор-

---

¹ © Фадеев П. В., 2021.

² Баева Н. А. Процессуальные гарантии прав обвиняемого в стадии предварительного расследования / Н. А. Баева, А. А. Зарытова // Центральный научный вестник. Юриспруденция. 2017. Т. 2. № 21. С. 39.

³ Отчет Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2019 годы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2020).

кина П. А. на постановление заместителя Генерального прокурора РФ от 26 марта 2020 г. о выдаче гражданина К. в Республику Молдова для уголовного преследования за совершение преступлений, предусмотренных <данные изъяты> Республики Молдова, вынесла решение об отмене решений Тюменского областного суда и заместителя Генерального прокурора РФ, а также об освобождении К. из-под стражи и удовлетворении жалобы адвоката Торкина П. А. и обвиняемого К.

Особенно остро нуждаемость в правовой помощи проявляется в процессе избрания в отношении обвиняемого мер процессуального принуждения. Например, изучение уголовных дел обнаруживает, что более чем в 80 % случаях постановления о ходатайстве органов предварительного расследования перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и решения судов по данному вопросу имеют существенные нарушения норм уголовно-процессуального закона. Как правило такие нарушения связаны с нераскрытием оснований избрания меры пресечения, несмотря на требования ч. 1 ст. 97 УПК РФ, а также п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий».

При этом статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что судами в настоящее время удовлетворяется подавляющее большинство ходатайств следователя (дознавателя) о заключении под стражу обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений. Например, только в 2019 г. судами удовлетворено 89,4 % ходатайств следователей об избрании столь строгой меры пресечения¹.

Говоря об особенностях оказания правовой помощи обвиняемому, следует остановиться на достаточности доказательств для привлечения лица в качестве обвиняемого. Ненадлежащая оценка достаточности собранных данных, подтверждающих виновность обвиняемого в совершении преступления, нередко влечет за собой нарушение его прав и свобод не только со стороны органов предварительного расследования, но и суда, а также существенно затрудняет его защиту со стороны защитника и иных уполномоченных лиц.

На наш взгляд, в первую очередь, такие нарушения становятся возможными на этапе привлечения лица в качестве обвиняемого. Согласно ч. 1 ст. 171 УПК РФ при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, следователь выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. Несмотря на то, что данное решение является одним из основных процессуальных документов, определяющих процессуальный статус обвиняемого, в том числе и на всех последующих стадиях уголовного процесса, по нашему мнению, содержание ч. 2 ст. 171 УПК РФ нуждается в корректировке. В большей мере это относится к п. 5 данной статьи, предписывающему приводить

---

¹ Москалькова Т. Н. Необходимо определить предельные сроки содержания под стражей / Т. Н. Москалькова // РИА. URL: <https://ria.ru/20190226/1551353632.html> (дата обращения: 11.02.2020).

в постановлении описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Вместе с тем часто объем приводимых сведений в таком постановлении не позволяет обвиняемому в достаточной степени уяснить сущность, характер и основания предъявленного обвинения, содержание предмета и объема обвинения, а также предполагаемые меры по своей защите и обжалованию принятого решения. В некоторых случаях даже защитник обвиняемого, на основе имеющихся данных, не может правильно спланировать защиту своего доверителя. Об этом свидетельствует и изучение уголовных дел, которое обнаруживает, что в 28 % случаев в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого описание деяния сводится только к указанию основных признаков преступления, необходимых для квалификации совершенного деяния. Не решает данную проблему и формальное в большинстве случаев разъяснение обвиняемому его прав.

Следует отметить, что среди юристов находит одобрение точка зрения о целесообразности указания в постановлении о признании лица обвиняемым доказательств его вины в совершенном преступлении. Такой подход, по их мнению, будет способствовать не только обеспечению прав и свобод обвиняемому, успешной реализации его функции, но и укреплению принципа состязательности и равенства прав сторон¹. Данная точка зрения о необходимости указания обстоятельств, доказывающих вину обвиняемого, соответствует требованиям п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 1 ч. 1 ст. 73, п. 4 ч. 1 ст. 225, п. 3 ч. 1 ст. 220, п. 1 ст. 307 УПК РФ, решениям Верховного Суда РФ².

Как отмечает М. В. Эсендилов, 52,2 % опрошенных респондентов поддерживают предложение о включении в постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого ссылки на доказательства его виновности³. Однако, на наш взгляд, только ссылки на доказательства, часть из которых не может быть представлена для ознакомления на данном этапе расследования, не могут разъяснить обвиняемому и его защитнику основания для предъявления обвинения и не будут способствовать реализации права обвиняемого на защиту и правовую помощь.

Учитывая, что следователь на данный момент производства по уголовному делу уже обладает достаточными доказательствами для предъявления обвинения в совершении преступления, а также, обеспечивая его право на защиту и правовую помощь, представляется целесообразным в соответствующем постановлении кратко изложить основные доказательства, подтверждающих об-

---

¹ Александров А. И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы / А. И. Александров // Российский следователь. 2019. № 8. С. 16 ; Эсендилов М. В. Права лица при приобретении им процессуального статуса обвиняемого: законодательное закрепление и проблемы обеспечения : монография / М. В. Эсендилов. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 56–60.

² Определение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2007 г. № 14-О07-33 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2020) ; Определение Верховного Суда РФ от 10 августа 2006 г. № 11-Д06-40 (дата обращения: 12.05.2020) и др.

³ Эсендилов М. В. Права лица при приобретении им процессуального статуса обвиняемого: законодательное закрепление и проблемы обеспечения : монография / М. В. Эсендилов. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 60.

винение. В целях реализации данного предложения следует п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ изложить в следующей редакции: «описание преступного деяния, признанного следователем доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, других обстоятельств, имеющих значение для данного уголовного дела, а также краткое изложение основных доказательств, подтверждающих обвинение».

Черкасова Ю. А.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Волинская О. В.,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

ЗАЛОГОДАТЕЛЬ: САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ИЛИ ЛИЦО С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ?

УПК РФ в главе 8 «Иные участники уголовного судопроизводства» отражает в себе исчерпывающий перечень лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве. Однако в теории уголовного процесса до сих пор неразрешенной является такая проблема, как наличие «участников», которые не обладают процессуальным статусом и находятся в неопределенном правовом положении.

Данный вопрос поднимается в научных трудах многих авторов (О. А. Зелениной, И. В. Смольковой, А. В. Федулова), которые акцентируют внимание на том, что в раздел II УПК РФ необходимо внести ряд поправок и изменений, направленных на улучшение уголовно-процессуального законодательства в рамках соответствующего института². А. А. Хайдаров считает, что развитость общественных отношений и постоянное совершенствование порядка и тактики производства следственных и иных процессуальных действий ведет к тому, что судом, следователем и дознавателем начинают привлекаться лица, которые не обладают ни правами, ни обязанностями в уголовном судопроизводстве. Таковых лиц в своих работах ученый обозначает как «независимые нейтральные участники, роль которых выражается в оказании дополнительной помощи и предоставленной необходимой информации»³.

В соответствии с отчетом о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел первой инстанции, в 2019 г. принято и рассмотрено 90 ходатайств об избрании меры пресечения в виде залога (п. 1 ч. 2 ст. 29, ст. 106 УПК РФ), среди которых удовлетворено – 77 (что составляет 86 % от общего количества), отказано в удовлетворении – 6 (6,6 %), прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности – 7 (7,4 %). Кроме того, следует обратить внимание, что в большинстве случаев суд удовлетворяет ходатайство, в случае

---

¹ ©Черкасова Ю. А., 2021.

² Федулов А. В. Система участников уголовного процесса нуждается в уточнении / А. В. Федулов // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. Право. 2016. С. 457–460.

³ Хайдаров А. А. О некоторых правоприменительных проблемах, возникающих при изменении процессуального статуса участника уголовного судопроизводства / А. А. Хайдаров // Журнал российского права. Право. М., 2018. С. 135–139.

если необходима замена меры пресечения на залог: замена заключения под стражу на залог: подано – 20, удовлетворено – 14 (70 %); замена домашнего ареста на залог: подано – 5, удовлетворено – 5 (100 %)¹.

Залог как мера пресечения способствует реализации следующих целей:

- 1) обеспечение надлежащего поведения гражданина;
- 2) возникновение у подозреваемого или обвиняемого чувства ответственности, а также исправления гражданина;
- 3) устранение обстоятельств, препятствующих производству нормального хода уголовного дела;
- 4) воспрепятствование дальнейшей преступной деятельности;
- 5) реализация явки лица, за которого ручается залогодатель, к следователю, дознавателю или в суд.

Действительно, возникает ряд вопросов: кем является лицо, участвующее в уголовном деле, но при этом не указанное в разделе II УПК РФ, а также обладает ли оно правами и обязанностями и вправе ли воспользоваться уголовно-процессуальными гарантиями? По нашему мнению, к таковым «участникам уголовного судопроизводства» следует относить залогодателя, так как:

- 1) законодатель не закрепляет его процессуальный статус (права и обязанности);
- 2) он упомянут в нормах УПК РФ (ст. 106);
- 3) не имеет четкой и точной формулировки понятия «залогодатель»;
- 4) он вступает в уголовно-процессуальные отношения и привлекается при применении мер пресечения;
- 5) суд, следователь или дознаватель разъясняет порядок и цель выбранной меры, а также последствия и ответственность лицу, которое принимает на себя обязательство по внесению залога.

В перечне понятий, указанных в ст. 5 УПК РФ, «залогодатель» отсутствует, однако, оно упоминается в ст. 106 УПК РФ. В теории уголовного процесса вопрос о наделении процессуальным статусом вышеуказанного лица поднимался рядом ученых. Так, по мнению А. В. Шишова², действующее законодательство содержит в себе ряд положений, подтверждающих наличие у залогодателя определенного комплекса прав и обязанностей. При анализе ст. 106 УПК РФ нами был сделан вывод о том, что залогодатель привлекается следователем, дознавателем или судом, чтобы реализовать следующие цели:

–обеспечить к следователю, дознавателю или в суд явку подозреваемого, обвиняемого;

–предупредить деятельность последнего, направленную на совершение новых преступлений или иных действий, которые могут препятствовать реализации процессуальных действий следователя, дознавателя или суда.

¹ Отчеты о работе судов юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>

² Шишов А. В. Понятие, цели, основные свойства залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве / А. В. Шишов // Закон и право. Диссертационные исследования. 2019. С. 80–84.

В связи с этим считаем, что процессуальный статус залогодателя должен быть регламентирован в ст. 60.1 УПК РФ «Залогодатель» в следующем изложении:

«1. Залогодатель – физическое или юридическое лицо, осуществляющее передачу движимого или недвижимого имущества, допущенного к публичному обращению в Российской Федерации и не входящего в перечень собственности, указанного в ст. 446 ГК РФ.

Залогодатель имеет право:

- ходатайствовать о применении такой меры пресечения как «Залог»;
- получать копию протокола, подтверждающую принятие залога судом или органом, в производстве которого находится уголовное дело, в том числе участвовать в судебном заседании;
- получать информацию, разъяснения, связанные с существом вынесенного подозрения или обвинения, а также сведения об возлагаемых обязательствах и последствиях;
- обжаловать действия (бездействия) и решения следователя, дознавателя или суда.

Залогодатель обязан:

- предоставлять подлинные экземпляры документов, подтверждающих право собственности;
- предоставлять соответствующие документы, подтверждающие отсутствие ограничений (обременений) на имущество, передаваемое в качестве залога;
- подтверждать в письменной форме достоверность информации об отсутствии ограничений (обременений) прав на имущество;
- вносить в установленный судом срок имущество, представленное в качестве залога;
- осуществлять информирование суда или органов предварительного расследования о надлежащем поведении подозреваемого или обвиняемого, а также о соблюдении им запретов, возложенных судом;
- осуществлять иные действия, предусмотренные УПК РФ».

Кроме того, залогодатель, как и ряд участников уголовного судопроизводства, может быть привлечен к ответственности в случае разглашения сведений предварительного расследования, согласно ст. 310 УК РФ, в случае привлечения его для участия в применении меры пресечения в виде залога.

Подводя итог, следует отметить, что рассмотренный нами «новый» участник требует законодательного закрепления в действующем УПК РФ и надления процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства. Он осуществляет вспомогательную функцию – обеспечение нормального хода производства по уголовному делу. Основная обязанность следователя, дознавателя перед началом следственного действия – разъяснить права и обязанности каждому участнику. Однако по отношению к залогодателю это практически невозможно, так как в УПК РФ отсутствует закрепление перечня его прав и обязанностей. В связи с чем имеет место практика применения аналогии закона: уполномоченные лица, как правило, разъясняют права и обязанности таких участников уголовного судопроизводства в качестве «свидетеля» или «статиста», что является прямым нарушением действующего уголовно-процессуального законодательства.

Шаров Д. В.¹,
адвокат Адвокатской палаты г. Москвы,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВО НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ?

Согласно исследованию «Медиапотребление в России – 2020», проведенному компанией Deloitte, третий год подряд самой востребованной функцией смартфона остаются мессенджеры².

В связи с постоянным ростом популярности мессенджеров особую актуальность как в научной среде, так и в практической деятельности приобрел вопрос правовой защиты тайны переписки, хранящейся на мобильных телефонах граждан³.

Также данная проблема обоснованно вызывает беспокойство самих граждан. Давайте посмотрим, насколько обеспечено предусмотренное Конституцией РФ право граждан на тайну такой переписки при проведении их личного досмотра в рамках административного законодательства, а также при производстве следственных действий.

Так, в последнее время участились случаи, когда полицейские, остановившие граждан для личного досмотра, под различными предлогами требуют от последних разблокировать мобильные телефоны и показать их содержимое, а именно: список входящих и исходящих звонков, смс, переписки в мессенджерах, электронную почту и др.

Что это: полицейский произвол, нарушающий права человека и гражданина, или обычная практика предотвращения преступлений и правонарушений?

В таких случаях сотрудники полиции, как правило, ссылаются на п. 16 ст. 13 Федерального закона «О полиции», позволяющий полицейским при определенных обстоятельствах производить личный досмотр граждан, а также досмотр находящихся при них вещей. Отказаться от такого досмотра гражданин права не имеет, поэтому передать смартфон в руки сотрудника полиции ему все же придется.

Полицейский в рамках процедуры досмотра вправе внешне осмотреть гаджет и возможно проверить его на предмет включения–выключения, исключив, таким

---

¹ © Шаров Д. В., 2021.

² Медиапотребление в России – 2020 // Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ. Москва, 2020.

³ См.: Даниленко И. А. Соблюдение конституционных прав личности на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений при осмотре мобильного устройства (российский и зарубежный опыт) / И. А. Даниленко, Н. В. Васильев // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. №10. С. 150–157; Гаас Н. Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 28–32; Третьякова Е. И. Соблюдение конституционных прав при осмотре мобильного телефона // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4.

образом, вероятность, что под видом сотового телефона может находиться, например, взрывное устройство. Однако он не вправе требовать от гражданина разблокировать телефон или предоставить код для доступа к нему. Не вправе он также самостоятельно осматривать содержимое телефона, если пароль отсутствует.

Ни один нормативный акт не содержит обязанности гражданина предоставлять полицейскому пароль от телефона или показывать его содержимое. Напротив, тайна переписки граждан защищена ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Поэтому требование сотрудника полиции разблокировать телефон или предоставить код доступа к нему – это всегда посягательство на конституционное право на тайну переписки и без судебного решения данное требование будет незаконным. Вследствие чего отказ гражданина разблокировать телефон нельзя рассматривать как неповиновение законным требованиям сотрудника полиции.

После распространения в сети Интернет информации о массовых проверках сотрудниками полиции мобильных телефонов граждан в целях выявления установленных на них мессенджеров и ознакомления с личной перепиской МВД России на своем официальном сайте подтвердило, что полицейские не имеют права требовать от граждан разблокировать телефон и разъяснило последним, что в случае подобных требований сотрудников полиции, они вправе обратиться с жалобами как в прокуратуру, так и в службу собственной безопасности МВД России¹.

Таким образом, законного права требовать от граждан разблокировки телефона у сотрудников полиции нет.

Однако на практике это зачастую не мешает полицейским, пользуясь правовой неграмотностью граждан, требовать от последних пароль доступа к смартфону. При этом, как правило, используются различные уловки, например, гражданину сообщается, что за отказ разблокировать телефон ему придется проехать в отдел полиции. И, несмотря на то, что юридически такой возможности закон полицейским не предоставляет, фактически подобный сценарий вполне работает.

В большинстве случаев граждане идут на поводу у сотрудников полиции либо потому, что не знают своих прав (что чаще всего), либо просто желая избежать возможных неприятностей.

При этом понятно, нет никаких гарантий того, что даже если гражданин разблокирует свой телефон и предоставит его для осмотра сотрудникам полиции, ему впоследствии точно также не придется проехать с ними в отдел.

Рассмотрим ситуацию, когда доступ в смартфон защищен отпечатком пальца. Может ли сотрудник полиции просто взять и приложить палец владельца к телефону? Нет, не может!

В данном случае, помимо незаконности самого требования о разблокировке телефона, полицейский вынужден оказать на гражданина физическое воздействие, а это, в свою очередь, уже квалифицируется как совершение должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, кото-

---

¹ URL: <https://мвд.рф/news/item/14621351> (дата обращения 31.10.2020).

рые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан. Иными словами, налицо признаки преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), наказываемого лишением свободы на срок до четырех лет.

Аналогичная ситуация складывается при разблокировании телефона через Face-ID.

Таким образом, в административной юрисдикции требование полицейских разблокировать телефон или сообщить им пароль от телефона без судебного решения незаконно во всех случаях. Если гражданин сам не разблокирует свой смартфон и добровольно не разрешит полицейским изучить его содержимое, то они не смогут получить к нему законный доступ. Никаких юридических оснований заставить его сделать это у сотрудников полиции нет.

К сожалению, данный вопрос решается по-другому, когда административные правоотношения сменяются уголовно-процессуальными.

Причем в уголовном судопроизводстве основная проблема связана не столько с требованием сотрудников правоохранительных органов разблокировать телефон или передать им код доступа от него, сколько с правом дознавателя, следователя самостоятельно без судебного решения произвести осмотр содержимого мобильного телефона, изъятого в уголовного судопроизводства.

Несмотря на положения ст. 23 Конституции РФ, допускающей ограничение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений только на основании судебного решения, уголовно-процессуальное законодательство не дает четкого ответа на вопрос о том, следует ли в такой ситуации получать судебное решение, оставляя данный правовой пробел на откуп следственно-судебной практике.

Не оговаривается данная проблема и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

При этом как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе его расследования дознаватели, следователи все чаще и чаще изымают и осматривают мобильные телефоны участников уголовного процесса не только без их согласия, но и без получения судебного решения. И если проблем с законностью самого изъятия телефона, как правило, не возникает, то вопросы, связанные с изучением его содержимого (электронная почта, переписка в мессенджерах и др.) без согласия владельца и судебного решения, остаются открытыми.

Неоднозначно складывается и судебная практика по данному вопросу.

Известны случаи, когда суды считали получение судебного решения на осмотр содержимого телефона необходимым.

Так, в мае 2012 г., рассматривая уголовное дело в кассационном порядке, судебная коллегия по уголовным делам Омского областного суда пришла к выводу, что осмотр телефона не включает в себя осмотр его содержимого, так как сведения о телефонных соединениях, контактах и СМС-сообщениях защищаются Конституцией РФ.

Также судебной коллегией указано: несмотря на то, что глава 25 УПК РФ прямо не закрепляет обязанность следователя получать судебное разрешение на осмотр СМС-переписки, эта обязанность вытекает из других норм как уголовно-процессуального закона и положений Конституции РФ, так и из международных норм, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих безусловному применению в Российской Федерации. Осмотр личной переписки, содержащейся в мобильном телефоне подозреваемого, с учетом природы и степени вмешательства фактически идентичен осмотру почтово-телеграфных отправок либо телеграмм, для которого ст. 185 УПК РФ предусмотрена необходимость вынесения судебного решения¹.

По другому уголовному делу вышестоящая инстанция также отметила, что информацией, составляющей охраняемую Конституцией РФ и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, являются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи, поэтому для получения такого рода сведений органами, осуществляющими расследование преступлений, в соответствии с требованиями ст. 165, ч. 3 ст. 183 УПК РФ необходимо судебное решение².

Однако в целом судебная практика идет по другому пути.

Большинство (71,3 %) следователей и судей считают, что если телефон изъят и уже находится у следователя, то получать судебное решение на осмотр телефона и содержащейся в нем информации не нужно³.

Данная позиция нашла свое отражение в практике Верховного Суда РФ. Так, Судебной коллегией по уголовным делам рассмотрены кассационные жалобы осужденного и его адвоката на приговор Верховного Суда Республики Хакасия, в которых среди прочего указывалось, что осмотр изъятых у осужденного мобильного телефона, содержащего данные о его телефонных переговорах, проведен с нарушением закона ввиду отсутствия судебного решения. Оценив доводы жалоб, Судебная коллегия пришла к выводу, что осмотр мобильного телефона проведен следователем в соответствии со ст. 176 УПК РФ и вопреки утверждениям осужденного для этого не требовалось судебного решения⁴.

«Вишенкой на торте» стало определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О⁵, окончательно подтвердившее сложившуюся следственно-

---

¹ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 24.05.2012 по делу № 22К-222/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 20.01.2014 по делу № 22-49/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Багмет А. М. Пределы ограничения конституционных прав граждан в ходе осмотраотовых телефонов участников уголовного судопроизводства / А. М. Багмет, С. Ю. Скобелин // Уголовное право. 2017. № 6. С. 97–103.

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.09.2014 по делу № 55-О14-6 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение

судебную практику. Согласно данному определению никакого вынесения специального судебного решения о проведении осмотра и экспертизы абонентских устройств, изъятых при проведении следственных действий в целях получения информации, которая имеет значение для уголовного дела, не требуется.

Вместе с тем, на наш взгляд, практика осмотра без судебного решения содержимого мобильного телефона (электронной почты, переписки в мессенджерах и др.), изъятых в рамках уголовного дела, прямо противоречит ст. 23 Конституции РФ, и не может быть оправдана тем обстоятельством, что на момент такого осмотра телефон уже изъят у гражданина, тем более, что зачастую само следственное действие по данному изъятию (обыск, выемка, осмотр и др.) произведено без судебного решения.

Существующий процессуальный порядок серьезно ущемляет предусмотренные Конституцией РФ права человека и гражданина, в частности право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Остается лишь надеяться, что Конституционный Суд РФ, как это уже неоднократно бывало ранее, впоследствии в других своих решениях изменит правовой подход к данной проблеме. Пока же, к сожалению, остается констатировать тот факт, что, несмотря на положения ст. 23 Конституции РФ, допускающей ограничение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений только на основании судебного решения, в ситуации, когда мобильный телефон участника уголовного судопроизводства изъят и находится у дознавателя, следователя, получать судебное решение на осмотр его содержимого не требуется.

Щербакова М. А.¹,

*адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России;*

Научный руководитель:

Победкин А. В.,

*начальник кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

ОБВИНЯЕМЫЙ, ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ ИЛИ ИНОЙ УЧАСТНИК? (о правовом статусе лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера)

В уголовном судопроизводстве России, где в силу специфического предмета правового регулирования конституционные права человека ограничиваются наиболее жестко, правовое положение личности имеет особенное, принципиальное значение. Важность четкого определения правового статуса лица как нельзя лучше можно охарактеризовать словами В. П. Божьева: «Полнота и точность определения понятия субъекта права – необходимая предпосылка реализации установленных в законе правил поведения»². Правовой статус личности представляет собой комплекс прав, обязанностей и гарантий каждого вовлеченного в уголовно-процессуальную деятельность и определяется в зависимости от роли и функции участника уголовного судопроизводства, в связи с чем его можно назвать связующим звеном между конкретным человеком и государством при расследовании уголовных дел и отправлении правосудия. В ходе осуществления уголовного судопроизводства проблемы обеспечения законных интересов человека, возможности ограничения его прав и свобод, в особенности при применении уголовно-процессуального принуждения выступают наиболее остро, а потому четкое определение и разграничение правового статуса личности является крайне важным, так как в основе данного понятия лежат принципиально разные, а, зачастую, и противоречивые процессуальные интересы.

Производство о применении принудительных мер медицинского характера представляет собой особый вид уголовно-процессуальных отношений, в ходе осуществления которых точное определение правового статуса их субъекта приобретает важнейшее значение, поскольку для обеспечения прав и интересов лица, в отношении которого такое производство осуществляется, а особенно при необходимости их ограничения, либо применения к таким лицам процессуального принуждения, требуются четкие основания и повышенный уровень процессуальных гарантий.

---

¹ © Щербакова М. А., 2021.

² Божьев В. П. Уголовно-процессуальные отношения / В. П. Божьев. М. : Юрид. лит-ра, 1975. С. 29.

Каков на сегодняшний день правовой статус лица, в отношении которого осуществляется данное производство, и в чем представляется сложность его определения?

Сегодня с учетом развития науки и процессуального права вопрос об отсутствии процессуального статуса у лица, в отношении которого осуществляется указанное производство¹, уже не стоит. Однако актуальна другая плоскость проблемы его процессуального статуса: должны ли в него включаться элементы, свойственные для статуса обвиняемого и подозреваемого?

П. А. Колмаков пишет, что ни при каких условиях между лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, и подозреваемым (обвиняемым) нельзя ставить знак равенства. С момента появления в качестве самостоятельного субъекта лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, из процесса автоматически «уходит» такой субъект, как «подозреваемый» или «обвиняемый»².

В то же время А. П. Овчинникова считает, что лицо на предварительном следствии должно наделяться правами обвиняемого, а в суде – правами подсудимого, если его психическое состояние не устраняет возможности участия в производстве по делу³. Данная точка зрения совпадает с мнением А. А. Хомовского, выступающего за наделение в подобных случаях лица, о котором рассматривается дело, правами подсудимого⁴, а С. Я. Улицкий настаивал на том, что такое лицо должно пользоваться правами подсудимого в той степени, в какой позволяет состояние его здоровья⁵.

На сегодняшний день четкого ответа на вопрос о том, каков же должен быть правовой статус лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, не имеется. Законодатель достаточно уклончиво отнесся к этому вопросу, предусмотрев возможность лица лично осуществлять права, установленные ст. 46 и 47 УПК РФ, не обозначив, однако каким же участником процесса является данное лицо (ч. 1 ст. 437 УПК РФ). Очевидно, что лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в системе участников уголовного судопроизводства (раздел II УПК) не значится.

При этом, если опираться на положения ст. 97 УК РФ, нельзя не видеть принципиальное различие процессуального положения лица, которое совершило запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, и лица,

¹ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. М. : Современник, 1958. С. 470.

² Колмаков П. А. Сущность, цели и виды принудительных мер медицинского характера : учебное пособие / П. А. Колмаков. Сыктывкар : Сыктывкарский ун-т, 1999. С. 51.

³ Овчинникова А. П. Сущность и назначение принудительных мер медицинского характера / А. П. Овчинникова. М., ВЮЗИ. 1987. С.47.

⁴ Хомовский А. А. Производство по применению принудительных мер медицинского характера / А. А. Хомовский. М. : Прокуратура СССР, 1974. С. 124.

⁵ Улицкий С. Я. Проблемы принудительных мер медицинского характера : учебное пособие / С. Я. Улицкий. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1973. С. 122.

заболевшего психическим заболеванием, лишаящим способности отдавать отчет своим действиям и руководить ими, после совершения преступления.

Первый может реализовывать отдельные права обвиняемого и подозреваемого, если его психическое здоровье позволяет это делать, однако, обвиняемым и подозреваемым не может являться в принципе. В связи с этим, если он таковым в ходе производства являлся, уголовное преследование следует прекратить, хотя права, указанные в ст. 46 и 47 УПК РФ, данное лицо реализовывать может (если позволяет психическое состояние), только не как подозреваемый или обвиняемый. Остается актуальным вопрос защиты своих личных прав и интересов и установления объективной стороны свершенного деяния: участвовать в этом процессе лицо должно иметь возможность).

Статус обвиняемого (подозреваемого) второго – не исключается, как минимум, в ситуациях, когда он приобрел его до начала заболевания.

Наряду с тем, что лицо может как являться субъектом преступления, так и не являться, немаловажный критерий правового статуса состоит и в том, в каком процессуальном статусе лицо находилось до начала производства о применении принудительных мер медицинского характера. На указанные различия необходимо обращать внимание, поскольку от этого зависит и возможность распространения на лицо как отдельных элементов процессуальных прав и гарантий подозреваемого и обвиняемого, так и сохранения статуса в целом, а, следовательно, возможность и целесообразность сохранения правового режима меры пресечения, избранной ранее, или применения дополнительных ограничений при нахождении лица в психиатрическом стационаре (по сравнению с лицами, находящимися в таком стационаре по причине, не связанной с совершением общественно-опасного деяния).

До недавнего времени в правоприменительной практике была сформирована достаточно определенная позиция, согласно которой такое лицо считалось самостоятельным участником уголовного судопроизводства, но не в контексте главы 8 УПК РФ, а в рамках ст. 437 УПК РФ. При этом часть процессуальных прав, характерных для подозреваемого и обвиняемого, которыми данное лицо наделялось, мог осуществлять законный представитель. Однако в 2018 г. Конституционным Судом РФ в рамках данного вопроса была определена правовая позиция, выразившаяся в том, что «...лицо, к которому в качестве меры пресечения было применено содержание под стражей и которое затем было госпитализировано в специализированную медицинскую организацию в принудительном порядке, *не утрачивает своего уголовно-процессуального статуса в качестве лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу* (даже если его психическое состояние не позволяет осуществлять в отношении него в конкретный момент следственные действия), по крайней мере до принятия иного процессуального решения»¹. Таким образом, Конституционный Суд РФ,

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2018 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.». URL: <https://rg.ru/2018/06/06/upk-dok.html> (дата обращения 22.11.2020).

полагаем, допустил считать, что данное лицо обладает процессуальным статусом, которым обладал ранее – подозреваемого или обвиняемого.

В самом деле, почему лицо должно утрачивать данный статус, если деяние совершено во вменяемом состоянии, лицо заболело в период производства по уголовному делу, приобрело процессуальный статус обвиняемого, подозреваемого в установленном законом порядке, в отношении него продолжают действовать меры, применяемые к указанным участникам процесса и изобличение данного лица продолжается (доказательства того, что именно данное лицо совершило преступление необходимо собирать вне зависимости от того, что оно заболело психическим заболеванием). Такому лицу не только необходимо защищаться и доказывать свою невиновность, но и знать, в чем оно обвиняется, возражать против обвинения, предоставлять доказательства, заявлять ходатайства. Разве не логично было бы считать данное лицо обвиняемым, подозреваемым, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера? Действительно, отдельные права, предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ, он реализовать в ходе данного производства не сможет, иногда не сможет реализовать все – если не позволяет психическое состояние. Однако логичнее предположить, что в данном случае обвиняемый (подозреваемый) приобретает дополнительные права лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, чем допустить утрату им статуса обвиняемого (подозреваемого).

Во многом проблемность процессуального статуса порождается умолчанием законодателя относительно момента начала производства о применении принудительных мер медицинского характера¹ и необходимости прекращения либо приостановления уголовного преследования, в то время как начало данного производства должно служить правовым основанием для применения принудительной меры медицинского характера как таковой.

С учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ законодателю следовало бы обозначить, в каком случае лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, сохраняет статус подозреваемого (обвиняемого), а в каком приобретает статус иного (какого именно) участника процесса, предусмотрев его основные элементы. В противном случае применение ряда мер принуждения, допускаемых к подозреваемому, обвиняемому, в ходе указанного производства не может считаться юридически безупречным.

---

¹ Ручина А. А. Производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юр. наук / А. А. Ручина. М., 2020. С. 20.

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПАНДЕМИИ COVID-2019

Абдуллина Н. Р.¹,

*помощник по экономической безопасности генерального директора
по безопасности АО «НПФ «Транснефть»;*

Комаров М. А.²,

*слушатель факультета заочного обучения
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Мичурина О. В.,

*профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

АДАПТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19

В 2020 г. все сферы деятельности, в том числе уголовно-процессуальная, в той или иной мере оказались затронуты распространением коронавирусной инфекции (COVID-19). По состоянию на 12 ноября 2020 г. в России было зафиксировано 1 836 960 случаев заражения коронавирусом (COVID-19), что составило 3,50 % от общего количества зараженных. Россия занимала пятое место в рейтинге по количеству зараженных людей во всем мире³.

К новой эпидемиологической обстановке, как показала практика, оказались не готовы многие государственные учреждения страны, исключением не стали и органы предварительного расследования. Они попали в очень сложную ситуацию в связи с тем, что в УПК РФ нет процедур производства следственных и иных процессуальных действий, которые можно было бы использовать во время тяжелой эпидемиологической обстановки и сопутствующих ей ограничительных (профилактических) мер. И это на фоне того, что на сайте МВД России 26 марта 2020 г. появилось заявление, что: «В связи с необходимостью принятия дополнительных мер по предупреждению распространения коронавирусной инфекции COVID-19 Министерство внутренних дел Российской Федерации и подразделения системы МВД России с 27 марта 2020 года временно приостановили».

---

¹ © Абдуллина Н. Р., 2021.

² © Комаров М. А., 2021.

³ См. данные на сайте. URL: <https://coronavirus-control.ru/coronavirus-russia/> (дата обращения: 12.11.2020).

навливают личный прием граждан»¹. Кроме того, на территории Российской Федерации с 18 марта 2020 г.² был введен ряд ограничительных мер, направленных на соблюдение дистанции, использование средств индивидуальной защиты, уменьшение контактов с людьми, самоизоляция по месту жительства и др.

Подобного рода ограничения привели к отсутствию единообразия применения закона в субъектах Российской Федерации, в министерствах и ведомствах сложилась различная практика организации предварительного расследования. Так, 27 марта 2020 г. на официальном сайте Следственного комитета РФ была опубликована информация о том, что СК России принял решение не проводить допросы граждан, находящихся на карантине из-за коронавируса³. С 1 апреля⁴ по 22 июня 2020 г. (в некоторых учреждениях – дольше)⁵ ФСИН России из-за распространения коронавируса прекратила прием новых подозреваемых, обвиняемых, осужденных в семь из восьми следственных изоляторов в г. Москве, аналогичная ситуация сложилась и в других регионах России. В связи с увеличением числа зараженных руководство УФСИН России по г. Москве вновь приостановило прием подозреваемых, обвиняемых и осужденных в СИЗО-1, 2, 3, 4, 5 и 6 УФСИН России по Москве с 19 октября 2020 г. до особого распоряжения⁶.

Прокуратура Калужской области стала направлять в следственные органы разъяснения⁷ о необходимости приостанавливать расследование уголовных дел на период карантина в связи с отсутствием реальной возможности участия в следственных действиях – по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (когда местонахождение подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует). По уголовным делам, где в отношении подозреваемых (обвиняемых) была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, необходимо было принять меры по окончанию расследования и направлению их в суд, в случае невозможности закончить предварительное расследование ходатайствовать о продлении срока содержания под стражей.

При этом 28 апреля 2020 г. был опубликован официальный ответ МВД России об организации работы в органах предварительного расследования: «уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации не преду-

¹ См. информацию на сайте. URL: <https://мвд.рф/news/item/19862727/> (дата обращения: 12.11.2020).

² Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019». // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. информацию на сайте. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1452285/> (дата обращения: 12.11.2020).

⁴ В московских СИЗО запретили пускать адвокатов и посетителей. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/701753> (дата обращения: 12.11.2020).

⁵ ФСИН возобновила прием посылок и передач заключенным. URL: <https://rg.ru/2020/07/15/fsin-vozobnovila-priem-posylok-i-peredach-zakliuchennym.html> (дата обращения: 12.11.2020).

⁶ Почти все СИЗО Москвы вновь прекращают прием новых обвиняемых из-за пандемии. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9736973> (дата обращения: 12.11.2020).

⁷ Правоохранительные органы корректируют свою работу из-за коронавируса. URL: // <https://7x7-journal.ru/posts/2020/04/03/prokuratura-predlagaet> (дата обращения: 12.11.2020).

смотрены какие-либо исключения для производства следственных и процессуальных действий в условиях пандемии и связанных с нею ограничительных мер, поэтому их проведение не приостанавливалось»¹.

Президиум Верховного Суда РФ отразил свою позицию по некоторым вопросам применения процессуального законодательства в условиях пандемии²: по вопросу отложения судебного разбирательства, приостановления производства по делу, продления срока его рассмотрения; сложность рассмотрения дела в условиях распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции может являться основанием для продления срока рассмотрения дела. При этом вопрос должен решаться самостоятельно применительно к каждому конкретному делу с учетом необходимости соблюдения сроков рассмотрения дела судом соответствующей инстанции и разумного срока судопроизводства; по вопросу переноса процессуальных сроков: Указы Президента РФ³ в части установления нерабочих дней не распространяются на федеральные органы государственной власти, которым предписано лишь определить численность федеральных государственных служащих, обеспечивающих функционирование этих органов, нерабочие дни в период с 30 марта по 30 апреля 2020 г. включаются в процессуальные сроки и не являются основанием для переноса дня окончания процессуальных сроков на следующий за ними рабочий день.

Изучение практики правоприменения показало, что органы предварительного расследования столкнулись с рядом проблем, а именно:

1) *увеличение нагрузки*. В связи с переходом на усиленный вариант несения службы, необходимостью постоянно находиться на рабочем месте – невозможностью работать удаленно, повысился рост заболеваемости и среди следователей, дознавателей;

2) *неявка участников уголовного судопроизводства*. Из-за нахождения на самоизоляции и болезни участники уголовного процесса уклонялись от явки для производства следственных и процессуальных действий, а также для участия в судебных заседаниях;

3) *отсутствие возможности проведения следственных и процессуальных действий в местах содержания под стражей*. В связи с введением ограничительных мер в местах содержания под стражей органы предварительного расследования не могли проводить следственные и процессуальные действия

---

¹ В России не останавливали уголовные расследования из-за COVID-19. URL: <https://ria.ru/20200428/1570656058.html> (дата обращения: 12.11.2020).

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней», Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс».

с участием подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в СИЗО (ИВС, колониях и др.);

4) законность приостановления уголовных дел по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (когда местонахождение подозреваемого или обвиняемого известно, однако, реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует). С учетом неопределенной позиции в УПК РФ о действиях органов предварительного расследования в условиях пандемии, а также необходимостью соблюдения ими ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства», наличие различного подхода к применению данной нормы в субъектах Российской Федерации выявила спорность принятия решения о приостановлении предварительного расследования.

Вышеизложенное с еще большей актуальностью обозначило давно существовавшую проблему – необходимость осуществления предварительного расследования с использованием дистанционных технологий.

Невозможно не отметить, что использование дистанционных технологий, хоть и в ограниченном виде, появилось в деятельности судебных органов еще в 2011 г. По общему правилу, установленному ч. 1 ст. 240, ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ, подсудимый участвует в судебном заседании непосредственно, но в исключительных случаях¹ путем использования систем видеоконференцсвязи. Свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом первой инстанции путем использования систем видеоконференцсвязи без каких-либо ограничений относительно категории дела (ч. 4 ст. 240 УПК РФ). При рассмотрении уголовного дела в апелляционном или кассационном порядке, а также при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении жалобы, представления либо при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференцсвязи (ч. 1, 2 ст. 389.12, ст. 399, ст. 401.13 УПК РФ).

Остается до сих пор неясным, почему рассмотрение вопроса о возможности проведения предварительного расследования с использованием дистанционных технологий так и не продвинулось дальше обсуждения на страницах юридической печати, а также отложенного законопроекта?²

Подводя итоги, хотелось бы резюмировать, что действующий уголовно-процессуальный закон нуждается в существенной корректировке с учетом сложившейся сложной эпидемиологической обстановки. В УПК РФ необходимо внесение новелл, позволяющих использовать дистанционный формат уголовно-процессуальной деятельности на досудебном производстве в части регламентации возможности проведения допросов не только свидетелей, но и потерпев-

---

¹ В целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства суд вправе при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 205–206, 208, ч. 4 ст. 211, ч. 1 ст. 212, ст. 275, 276, 279 и 281 УК РФ, по ходатайству любой из сторон принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о допросе свидетеля следователем посредством видеоконференцсвязи): проект федерального закона № 434998-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7> (дата обращения: 12.11.2020).

ших, а также других участников уголовного судопроизводства (к примеру, эксперта и специалиста). Кроме того, возможность производства не только допроса, но и очной ставки, предъявления для опознания, а также иных процессуальных действий (ознакомление с материалами уголовного дела) во многом упростило бы деятельность органов предварительного расследования в период распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), позволило бы обеспечить соблюдение процессуальных сроков, а значит соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

*Алимова А. А.¹,
курсант 374 взвода Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

*Научный руководитель:
Ильяшевич Т. А.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИИ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ПЕРСПЕКТИВА?

В настоящее время каждая сфера жизнедеятельности человека подвергается каким-либо изменениям под влиянием достаточно быстрого развития информационных технологий. Они сопровождают нас не только в обычной жизни, в быту, но и их широко применяют в сфере защиты прав и свобод граждан. Поэтому уже на протяжении длительного времени уголовный процесс подвергается большому влиянию под внедрением информационных технологий. Особое внимание многие авторы в своих работах уделяют реформированию досудебного производства, отмечая, что на данный момент оно отстает от современного развития науки и техники, что нельзя сказать о судебном производстве.

Информационные технологии широко используются в судах, и такое понятие, как «электронное правосудие», находит свое отражение в Концепции развития информатизации судов до 2020 г., согласно которой под «электронным правосудием» понимается «способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде» (п. 1.3)². Однако УПК РФ подобного понятия не содержит.

Обратим внимание, что немаловажную роль в рассмотрении вопроса о возможности создания электронного уголовного дела также сыграл и Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ, благодаря которому в УПК РФ появилась ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве». Положения этой статьи дали гражданам возможность обращаться в суд путем заполнения определенного документа, который находится на официальном сайте и подписывается электронной подписью. Их копии судья, по просьбе участников уголовного судопроизводства, может направить с помощью сети Интернет. Но после всех установленных процедур такие обращения должны распечатывать-

---

¹ © Алимова А. А., 2021.

² Концепция развития информатизации судов до 2020 г. (Утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. № 439) // ИПП «Гарант сервис». URL: <https://base.garant.ru/71062432/> (дата обращения: 20.11.2020).

ся, для того, чтобы их можно было приобщить к материалам уголовного дела¹. А судебные решения, созданные в электронном виде, дополнительно должны изготавливаться судьями также на бумажном носителе.

Положения данной статьи разъяснил Верховный Суд РФ, который отметил, что участники уголовного судопроизводства могут обращаться в суд в электронном виде как в период судебного производства, так и в период досудебного производства². Возможно аналогичные процедуры найдут свое отражение и на досудебных стадиях, то есть у участников уголовного судопроизводства появится возможность обратиться в следственные подразделения и органы дознания в электронном виде, и следователь получит возможность в том же виде изготавливать процессуальные решения. Обратим внимание, что на практике уже сейчас на стадиях досудебного уголовного судопроизводства следователь большинство процессуальных документов изготавливает в электронном виде, после чего они хранятся у него на рабочем компьютере и распечатываются.

На наш взгляд, структура будущего электронного уголовного дела, несомненно, должна быть построена на стадиях и отдельных этапах уголовного судопроизводства. При этом в нем обязательно должна указываться вся информация, требуемая законом, чтобы не возникало никаких вопросов, связанных с отдельными следственными и процессуальными действиями. Данная тема рассматривается многими учеными. И на сегодняшний день ее нельзя оставлять без внимания, так как в связи с распространившимся по всему миру вирусом COVID-19, необходимо количество человеческих контактов свести к минимуму. Поэтому возникает серьезный вопрос о возможности дистанционного расследования уголовных дел, решение которого возможно не только с помощью внедрения большого количества информационных технологий, но и в создании электронного уголовного дела.

По мнению А. Ф. Абдулвалиева, цифровой носитель, который создается, для того, чтобы на нем хранилось конкретное уголовное дело, должен также содержать определенную программу, отвечающую за формирование уголовного дела³.

Для подкрепления высказывания данного автора, на наш взгляд, необходимо, рассмотреть моменты, касающиеся возвращения к упраздненным бланкам процессуальных документов, которые содержали в себе формальные требования к протоколам следственных и процессуальных действий. Если алгоритмы таких действий будут разработаны с учетом всех требований уголовно-

---

¹ Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/ (дата обращения: 20.11.2020).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Абз. 2 п. 3 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/ (дата обращения: 20.11.2020).

³ Абдулвалиев А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов / А. Ф. Абдулвалиев // Право и политика. 2013. № 1. С. 59.

процессуального закона, то при возникновении какой-либо ошибки, которая будет говорить о том, что не все требования закона соблюдены в полной мере, закончить процессуальное действие в электронном уголовном деле будет невозможно.

Существуют мнения ученых, что, когда в 2007 г. утратила свою силу гл. 57 УПК РФ «Перечень бланков процессуальных документов», это определенным образом повлияло на уровень творческой инициативы у должностных лиц, составляющих процессуальные документы, но, что касается их качества, тут возникают некоторые вопросы. Ранее мы говорили о том, что участники уголовного судопроизводства могут обращаться в суд путем заполнения определенных форм процессуальных документов на официальном сайте суда, думаем, если распространить такой порядок на досудебные стадии, то повысить требования к форме процессуальных документов будет просто необходимо. Это будет способствовать не только повышению качества процессуальных документов, но и законности, а значит и доверия к ним.

Стоит отметить, что бумага, как основной носитель информации по уголовному делу, обладает рядом свойств, из-за которых она может приходить в негодность, теряться, уничтожаться в результате различных причин, либо иным образом утратить свою силу под незаконными действиями отдельных лиц, которые препятствуют осуществлению уголовного судопроизводства. С такой проблемой сталкиваются практически все работники органов предварительного расследования и судов. Так, в 2019 г. в Оренбургской области неизвестные лица пытались сжечь большое число уголовных дел. Но одна из папок почти не пострадала, бумаги в ней лишь слегка обуглились. По сведениям прокуратуры Оренбургской области, в ней содержатся документы, датируемые 2012 и 2017 гг.¹ Таким образом, замена традиционных бумажных носителей электронными позволит добиться практически вечного хранения и в случае утраты полного восстановления уголовных дел.

Стоит отметить, что в Московских судах установлен такой порядок, согласно которому работники судов сканируют процессуальные документы, сопровождающие рассмотрение уголовных дел, переводят тем самым их в электронный вид и создают условное электронное уголовное дело. Благодаря такой процедуре у участников есть свой логин и пароль для входа в личный кабинет, через который они знакомятся с материалами дела. Но, обратим внимание, что материалы уголовного дела, полученные в ходе досудебного производства, не сканируются, не приобретают электронного вида и соответственно ознакомление с ними происходит при личном присутствии участников. И все же это облегчает работу участникам судебных процессов². Как показывает статистика, в середине 2020 г. на едином портале московских судов было зарегистрировано 99 771 пользователей, а работниками судов отсканировано 3 335 546 документов³.

---

¹ Официальный сайт «Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика». URL: <https://pravo.ru/news/216222/> (дата обращения: 20.11.2020).

² Международная конференция «Суд XXI века: Технологии на службе правосудия». 29–30 мая 2018 г. : итоговый сборник. М., 2018. С. 34–39.

³ Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mosgorsud.ru/> (дата обращения: 20.11.2020).

Несомненно, у данной системы, помимо преимуществ, присутствуют и недостатки, касающиеся дополнительного финансирования и технического обеспечения. Однако достаточно неплохое влияние такая система оказала бы и на другие суды, а в дальнейшем и на органы предварительного расследования.

Совет судей РФ в 2019 г. утвердил концепцию информационной политики судебной системы, в которой основной акцент сделан на аудиопотоках. В данном документе указывается на то, что аудиопотоки, находящиеся в облачном хранении, предоставят возможность участникам процесса ознакомиться с ними независимо от своего места нахождения¹. Помимо аудиопотоков, на наш взгляд, наиболее полную информацию о ходе судебного разбирательства даст применение видеопотоков. Для этого многие залы судебных заседаний оснащаются соответствующими современными техническими средствами. В случаях, когда необходимая аппаратура в залах судебного заседания отсутствует, видеозапись может применяться, когда в ходе судебного разбирательства при допросе подсудимого, потерпевшего и свидетеля используется видео-конференц-связь. На наш взгляд, уже время пришло и к тому, чтобы дать возможность следователю или дознавателю допрашивать лиц с помощью видео-конференц-связи, как это сделано во многих других странах. Данный вопрос необходимо урегулировать на законодательном уровне².

Таким образом, полный переход к электронному уголовному делу возможен, но из-за объективных причин этот процесс займет продолжительное время. Электронное уголовное дело может существовать вместе с «бумажным» уголовным делом, постепенно вытесняя его. Поэтому электронные документы, которые привычно хранить, пересылать, на протяжении определенного периода будут дублироваться на бумажный носитель. Для того, чтобы решить эту проблему, необходимо максимально использовать различные информационные технологии, в том числе для создания электронного уголовного дела. Особое внимание также нужно уделить закреплению этого процесса на законодательном уровне.

---

¹ Куликов В. Онлайн-протокол. Аудиопотоки судебных заседаний сохраняют в специальном облаке / В. Куликов // Российская газета. Федеральный выпуск. № 276 (8034).

² Ильяшевич Т. А. Использование средств видео-конференц-связи при производстве предварительного следствия / Т. А. Ильяшевич // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : материалы Всероссийской научно-практической конференции 07.04.2020. М., 2020. С. 133–135.

Волынская О. В.¹,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор;

Охонько Е. А.²,

начальник кабинета специальных дисциплин

кафедры специальных информационных технологий

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В настоящее время применение технологий искусственного интеллекта распространяет свое влияние практически на все сферы общественной жизни, например, такие, как, медицина, экономика, транспорт, образование и даже некоторые виды юридической деятельности. Быстрые темпы развития этого направления деятельности диктуют потребность поиска и выработки новых оптимальных решений в сфере их правового регулирования.

Стоит отметить, что на территории Российской Федерации с 1 июля 2020 г. запланировано проведение эксперимента длиною в пять лет по внедрению технологий искусственного интеллекта на территории Москвы и некоторых других субъектах Российской Федерации в рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В соответствии с этим был принят Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»». Данный закон регламентирует порядок и условия разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта на территории Российской Федерации, а также возможность дальнейшего использования результатов его применения.

Но что именно считать искусственным интеллектом? Впервые юридическое понятие «искусственный интеллект» было сформулировано на подзаконном уровне Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В дальнейшем, данное понятие перешло в рассмотренный выше Федеральный закон № 123-ФЗ. В соответствии со ст. 2 этого закона под искусственным интеллектом понимают комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. При этом отдельно отме-

---

¹ © Волынская О. В., 2021.

² © Охонько Е. А., 2021.

чается, что имитация включает самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма. Важно обратить внимание на то, что определение в полной мере охватывает доступные на данный момент виды искусственного интеллекта в широком понимании: искусственный интеллект, работающий на основе заранее определенных задач (имеющихся знаний), и искусственный интеллект, работающий автономно, то есть технология, которая для выполнения задач может потенциально полностью заменить человека.

Сущность вышеизложенного определения сводится к тому, что сфера ИИ (искусственный интеллект) – это автоматизация различных задач, которые ранее решались лишь человеческим интеллектом. Этот большой кластер разнородных задач включает в себя разнообразные методы: машинное обучение; глубокое обучение; генетические алгоритмы; множество подходов, не связанных напрямую с обучением.

Для того, чтобы определить, какие именно задачи, выполняемые участниками досудебного производства по уголовным делам, можно автоматизировать с помощью искусственного интеллекта, необходимо подробнее рассмотреть методы искусственного интеллекта.

Система машинного обучения, как следует из названия, обучаемая, но не всегда воспринимаемая и не программируется в явном виде. Зачастую, “на вход” она получает многочисленные и, как правило, разнородные примеры, лишь относительно касающиеся поставленной задачи, т. е. идет поиск, на основе входных данных (или исходящих) в целях формирования некой статистической структуры. В свою очередь, последняя предопределяет алгоритм, позволяющий определить правила для автоматического решения поставленной проблемы.

Как уже упоминалось выше, технологии искусственного интеллекта находят свое применение во многих сферах. Однако по ряду причин возможность, эффективность, а также целесообразность его использования в некоторых видах юридической деятельности, например, в досудебном производстве, представляются весьма дискуссионными.

При анализе современных источников, касающихся данной проблематики, по обозначенному в настоящей статье вопросу, нами выявлен ряд интересных (как теоретически, так и практически значимых) предложений по использованию искусственного интеллекта в рамках досудебного производства по уголовным делам. Некоторые из них заслуживают наиболее пристального внимания.

На протяжении всего досудебного производства соответствующие должностные лица, его осуществляющие, сталкиваются с проблемой изготовления и оформления большого количества процессуальных документов. Перспективной областью применения искусственного интеллекта в этой ситуации является эффективная организация системы документооборота.

Существуют различные лингвистические процессоры, которые способны сначала анализировать, а потом синтезировать тексты. Эти системы принимают на вход текст, а затем преобразуют его в абстрактное представление, которое приближенно к представлению смысла и обратно. Кроме данного предназначения, направленного на решение фундаментальной задачи, есть и прикладной аспект. Такие системы умеют понимать и строить тексты. Есть возможность

попытаться применять данную способность в каких-либо конкретных приложениях. Это может принести конкретную пользу. Например, создание разнообразных проектов процессуальных документов (постановлений, протоколов, обвинительных заключений и актов, представлений и др.) на основе входных данных.

Следует добавить, что существуют такие лингвистические процессоры, которые способны определить первоначальную квалификацию противоправного уголовно-наказуемого деяния, осуществить выборку нормативно-правой базы, анализ судебной-следственной практики, т. е. осуществить базовый поиск по: фразам, ключевым словам, «тегам» в имеющихся открытых источниках информации. Также на основании полученных результатов возможно осуществлять «имитационное моделирование» (следственных версий, действий, событий и т. д.).

Активно внедряются системы видеонаблюдения и видеомониторинга. Применение данных технологий способствует оперативному раскрытию и расследованию преступлений. Примером такой системы является аппаратно-программный комплекс «Безопасный город». С помощью него осуществляется мониторинг на улицах и объектах города в режиме реального времени 24/7. Также используются технологии из области искусственного интеллекта – «распознавание лиц».

Применяются экспертно-криминалистические системы, в основе работы которых также лежат технологии искусственного интеллекта. Среди них следует отметить следующие «экспертные системы: «Наркоэкс» (экспертиза наркотических веществ), «Балэкс» (баллистическая экспертиза), «Кортик» (экспертиза холодного оружия), «Маньяк» (поддержка принятия решений при раскрытии серийных убийств, совершенных на сексуальной почве), «Спрут» (установление связи субъектов преступного формирования на основании знаний о преступных формированиях, связей между лицами, экономических составляющих и фактов, представляющих оперативный интерес)».

В заключение следует сказать, что технология искусственного интеллекта является важным элементом эффективной и современной оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Системы, построенные с применением искусственного интеллекта, способствуют успешному развитию уголовного судопроизводства. Подобные технологии повышают эффективность деятельности правоохранительных органов, а также позволяют сократить время, необходимое для принятия решений.

Но, несмотря на все положительные стороны использования искусственного интеллекта в досудебном производстве по уголовным делам, возникают новые проблемы – этического характера. Есть мнение, что использование в досудебном производстве и не только в нем, искусственного интеллекта может снизить уровень защиты прав и свобод человека, а само правосудие сделать формальным.

Воронина Н. А.¹,

*слушатель 464 учебного взвода Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Семенкова Е. В.,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID – 19

Распространение новой коронавирусной инфекции, пик которой пал на 2020 г., привело к необходимости принятия беспрецедентных мер. Такие меры позволили ограничить активные контакты населения в целях предупреждения заболеваемости. Ведение предупредительных мер коснулось многих сфер жизни, в том числе различных видов судопроизводства.

В то же время этот сложный период показал слабые места сферы уголовного судопроизводства. Ввиду того, что деятельность органов предварительного расследования носит безотлагательный характер, она не прекращалась даже в период массовой волны пандемии, в то время как другие сферы деятельности перешли на удаленную работу. Бесспорно, для органов предварительного расследования полный переход на удаленную работу невозможен, но все же стоит задуматься о необходимости внедрения информационных технологий в их деятельность. Именно отдаленный контакт с участниками уголовного судопроизводства позволит обеспечить высокую степень безопасности как самих сотрудников, так и участников уголовного процесса. Также внедрение информационных технологий, позволяющих удаленно выполнять работу сотрудниками предварительного расследования, даст им возможность соблюсти процессуальные сроки, а это, в свою очередь, обеспечит реализацию такого принципа уголовного судопроизводства, как разумный срок.

Практическая сторона вопроса показывает, что в этот сложный для нашей страны, да и всего мира в целом, период органы предварительного расследования столкнулись с весьма сложной проблемой, а именно недостаточной цифровизацией их деятельности. Это приводило к невозможности заканчивать уголовные дела в установленный законом срок, к трудностям, связанным с тем, что потерпевшие, свидетели не являются на допросы и другие следственные действия ввиду карантинных мер. Все эти бытовые сложности приводят к затягиванию производства по уголовному делу.

---

¹ © Воронина Н. А., 2021.

Цифровизацию деятельности органов предварительного расследования ученые-процессуалисты активно обсуждают уже не один год. Многие современные авторы уверены, что уголовный процесс не должен оставаться в стороне от глобальных преобразований в сфере информационных технологий¹.

Как справедливо отмечают эксперты, цифровизация уголовного судопроизводства должна способствовать повышению доступности и упорядочению производства по делу, а не препятствовать доступности и реализации права на справедливое судебное разбирательство².

Как отмечает И. И. Шереметьев, естественные трудности, связанные с процессами цифровизации, не должны стать поводом для «топтания на месте», поскольку это может привести к тому, что растущее количество уголовных дел и материалов по судебному контролю пойдет вопреки повышению качества правосудия. Уже сейчас необходимо осуществлять поэтапное внедрение цифровых технологий там, где это возможно, поскольку, как мы видим из сложившейся с пандемией ситуации, грамотное и своевременное их использование не только станет серьезным подспорьем судам в случае возникновения подобных «непредвиденных» обстоятельств, но и будет способствовать повышению доступности и эффективности уголовного судопроизводства³.

Однако анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что законодатель сторонится нововведений, связанных с цифровизацией, постепенно и очень осторожно внедряет информационные технологии в уголовное судопроизводство. Так, в уголовно-процессуальном законе новые веяния в сфере электронных цифровых технологий также нашли свое отражение в главе 56 УПК РФ, которая закрепила порядок использования электронных документов и бланков процессуальных документов.

Видится, что уголовный процесс отстает в цифровой сфере, что создает серьезные трудности в практической деятельности, усложняя и замедляя ее. Такое запаздывание также приводит к отставанию от реалий современной жизни. Ведь современный мир невозможно представить без телефонов, планшетов и иных гаджетов. На наш взгляд, решение данного вопроса видится во внедрении в нормы уголовно-процессуального права положений, регламентирующих правовую сторону применения информационных технологий в процессуальной деятельности органов предварительного расследования.

---

¹ Химичева О. В. Цифровизация как тренд развития современного уголовного процесса / О. В. Химичева, А. В. Андреев // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 21–24; Зуев С. В. О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) / С. В. Зуев // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 618–629; Инсаров О. А. Электронная подпись прокурора / О. А. Инсаров // Прокурор. 2015. № 4. С. 35–38.

² Александров А. С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А. С. Александров, О. И. Андреева, О. А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.

³ Шереметьев И. И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы / И. И. Шереметьев // Lex Russica. № 5 (150). 2019. С. 117–131.

Считаем, что существует реальная возможность удаленной работы дознавателей и следователей при осуществлении допроса потерпевших, свидетелей, то есть без их реального присутствия в кабинете сотрудника, а также дистанционное признание лица потерпевшим по уголовному делу посредством видеоконференцсвязи.

Так, 30 апреля 2020 г. Президиумом Верховного Суда РФ утвержден Обзор № 2 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), раздел IV которого посвящен некоторым вопросам применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Среди вопросов, получивших детальные ответы, отдельного внимания заслуживают следующие. Возможно ли в период действия ограничительных мер, связанных с противодействием распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), рассмотрение судами уголовных дел и материалов с использованием систем видео-конференц-связи? На данный вопрос дан положительный ответ, системы видео-конференц-связи не противоречат понятию справедливого и публичного рассмотрения уголовного дела¹.

Предлагаем внедрить в деятельность органов предварительного расследования такие цифровые платформы, как Zoom, TrueConf, Cisco WebEx, с помощью которых возможно проводить видеоконференцию.

Допускаем возможность посредством онлайн трансляции – видеоконференции связываться с тем или иным участником уголовного судопроизводства, при этом записывая следственное или процессуальное действие в онлайн режиме на CD диск. Данный компакт диск в последующем будет приобщен к материалам уголовного дела в качестве доказательственной базы.

В свою очередь, дознаватель, следователь в онлайн режиме должен будет разъяснить свидетелю или потерпевшему их права, предупредить об ответственности. После этого данная процедура нами видится в следующем – следователь, дознаватель в режиме онлайн должен убедиться, что разъясненные им права понятны, задав вопрос следующего содержания: «Понятны ли Вам ваши права?». Если лицо отвечает, что разъясненные права ему понятны, то следователь или дознаватель делает соответствующую отметку в электронном протоколе, подтверждая ее своей усиленной квалифицированной электронной подписью. Далее лицо, ведущее расследование уголовного дела, в режиме видеоконференции, проводит допрос, с одновременным ведением электронного протокола. После проведения данного следственного действия следователь, дознаватель высылает протокол допроса, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью, лицу с которым проводился допрос ему на электронную почту или же в программах TrueConf, Cisco WebEx, Zoom и ждет обратно-

---

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 2» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020).

го ответа, относительно тех или иных замечаний к получившемуся протоколу. Далее следователь, дознаватель приостанавливает видеоконференцию и приобщает видеозапись допроса к материалам уголовного дела, прилагая получившийся протокол допроса.

Внедрение предложенного механизма производства процессуальных действий позволило бы ограничить активные контакты населения. На наш взгляд, наиболее рационально использование предложенного нами механизма в процедуре признания потерпевшим. Предложенная инновация в области уголовно-процессуального права способствовала бы реализации требований закона о незамедлительном признании лица потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 42 УПК РФ) и могла бы в полном объеме гарантировать соблюдение прав и законных интересов данной категории участников при производстве по уголовным делам.

Вышесказанное еще раз подтверждает, что внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство исходит из стандартов современной жизни. Однако также не стоит забывать о тех слоях населения, для которых современные веяния могут быть не доступны в силу возраста. В этом случае необходимо придерживаться традиционного способа производства допроса – посредством вызова к лицу, производящему расследование по уголовному делу, при этом, соблюдая меры профилактики коронавирусной инфекции.

Полагаем, что для использования информационных технологий в деятельности органов предварительного расследования необходимо легально закрепить предложенную нами процедуру в нормах УПК РФ.

Считаем, необходимым дополнить нормы УПК РФ статьей 189.1 «Допрос с использованием видеоконференцсвязи. Положения данной статьи должны отражать легальную дефиницию «допрос с использованием видеоконференции», а также порядок производства такого удаленного следственного действия. Допрос с использованием видеоконференцсвязи – это следственное действие, осуществляемое следователем, дознавателем посредством применения информационных платформ видеоконференцсвязи, обеспечивающих конфиденциальное получение информации, имеющей значение для уголовного дела.

Думается, что сформулированные в данной научной статье предложения, связанные с внедрением в нормы УПК РФ инновационной процедуры производства допроса с использованием видеоконференции позволит усовершенствовать процессуальную деятельность практических органов.

Головин А. А.¹,

*слушатель Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Ильяшевич Т. А.,

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ И КОПИРОВАНИЯ С НИХ ИНФОРМАЦИИ

Электронные носители информации все чаще используются при доказывании, как по делам о высокотехнологичных и экономических преступлениях, так и по преступлениям общеуголовной направленности. Такие носители могут содержать сведения о преступлении – переписка, фото- и видеоматериалы, электронные документы, либо содержать сведения, характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого).

До 2018 г. изъятие электронных носителей информации было регламентировано только при производстве двух следственных действий, обыска и выемки. Данный порядок регламентировался ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, что вызывало много споров в юридической литературе, так как при производстве таких следственных действий, как осмотр места происшествия, личный обыск, отсутствовала возможность изъятия электронных носителей информации.

В то же время данные положения УПК РФ никак не ограничивали следователей в рамках производства обыска и выемки, позволяя им во всех случаях изымать электронные носители информации, не используя предоставленное им право копирования информации. Такое упущение повлекло за собой неоднократные жалобы предпринимателей, которые не остались незамеченными Президентом Российской Федерации В. В. Путиным. В ходе совещания по инвестиционным программам развития Дальнего Востока в 2017 г., Президент РФ предложил исключить изъятие электронных носителей информации следственными органами у субъектов предпринимательской деятельности, заменив его копированием информации.

Данное предложение воспринялось законодательными органами, и уже в 2018 г. в УПК РФ были внесены существенные изменения, регламентирующие порядок изъятия с электронных носителей информации и копирования информации с них.

Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ УПК РФ дополнен ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». Данная норма ввела совершенно новый порядок изъятия электронных носителей информации и копирования информации с них, содержащий запрет изымать элек-

---

¹ © Головин А. А., 2021.

тронные носители информации по определенному перечню составов преступлений, кроме случаев, когда:

- вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации;
- изъятие производится на основании судебного решения;
- на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Законодатель обязал привлекать специалиста при изъятии электронных носителей, однако копирование информации с электронных носителей следователь может произвести самостоятельно. Данное положение порождает споры как в правоприменительной практике, так и в науке. Например, изъятие мобильного телефона, устройств флеш-памяти и оптических дисков не требует наличия специальных знаний и умений.

С. В. Зуев предлагает отменить обязательное участие специалиста при изъятии таких электронных носителей информации и руководствоваться п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, согласно которой следователь самостоятельно определяет ход расследования по уголовному делу¹.

При рассмотрении данной проблемы следует обратиться к судебной практике.

Так, Севастопольский городской суд 6 мая 2019 г. оставил без удовлетворения апелляционную жалобу адвоката С., поданную в порядке ст. 125 УПК РФ о незаконном изъятии при производстве обыска в нежилом помещении учредительных документов, печати, электронного банковского ключа ООО «Миг Сервис» и электронных носителей информации (сервера и 14 ноутбуков). В своей жалобе С. указывал, что оперуполномоченный не может участвовать в качестве специалиста, так как является заинтересованным лицом. Суд, ссылаясь на ст. 58 УПК РФ, указал на то, что оперуполномоченный может являться специалистом в ходе проведения обыска, при наличии у него специального образования, подтвержденного документально².

Рассматривая жалобу адвоката С. о незаконном изъятии в ходе обыска мобильного телефона марки iPhone без участия специалиста и собственника помещения, Приморский краевой суд, указал на правомерность действий следователя, никак не обосновав свою позицию в апелляционном постановлении, уделив внимание лишь аргументации правомерности изъятия без участия собственника помещения. Данное решение противоречит принципу, закрепленному

---

¹ Зуев С. В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий / С. В. Зуев // Законность. 2018. № 4 С. 58–60.

² Апелляционное постановление Севастопольского городского суда от 6 мая 2019 г. № 22К-277/2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 30.11.2020).

в ст. 7 УПК РФ, так как обыск был проведен в нарушение ст. 164.1 УПК РФ, такое доказательство необходимо признать недопустимым¹.

Омский областной суд в апелляционном постановлении прекращает производство по жалобе адвоката О. А. Любушкина. В своей жалобе адвокат указал на отсутствие специалиста при изъятии мобильного телефона. Судья ссылается на Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», содержащее следующие разъяснения: «не подлежат обжалованию действия должностного лица, которые направлены на сбор доказательств по делу и не ограничивают при этом прав участников судопроизводства». Таким образом, суд указывает, что законность будет являться критерием оценки допустимости полученного в результате следственного действия доказательства, в связи с чем порядок производства следственного действия не может быть предметом оценки суда на досудебной стадии производства по делу².

Данные примеры судебной практики свидетельствуют о том, что в настоящее время в ней не выработана однообразная позиция об участии специалиста при изъятии электронных носителей информации.

Таким образом, ст. 164.1 УПК РФ, с одной стороны, внесла некую ясность при изъятии электронных носителей, защитила субъектов предпринимательской деятельности, установила круг оснований, при которых может происходить изъятие, а, с другой, закрепив обязательное участие специалиста при изъятии, породила споры как в правоприменительной практике, так и в юридической литературе. Суды оставляют без внимания отсутствие участия специалиста, либо отсылают к другим нормам УПК РФ, признавая законными действия следователя. Формально, до настоящего времени не решен вопрос с привлечением специалиста при изъятии электронных носителей, однако законодатель предоставил процессуальную самостоятельность следователю при копировании информации с электронных носителей.

---

¹ Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 28 октября 2019 г. № 22-4430/2019 22К-4547/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.11.2020).

² Апелляционное постановление Омского областного суда от 16 июля 2019 г. № 22К-2230/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.11.2020).

Григорьев Д. А.¹,

*заведующий лабораторией «Криминалистика и специальная техника»
кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
кандидат юридических наук*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

21 век характерен тем, что во многих странах мира происходит процесс цифровизации, суть которого состоит в активном внедрении цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества.

В Российской Федерации цифровые технологии сейчас также стали активно внедряться во все сферы общественной жизни, в том числе в деятельность всех ветвей государственной власти, производственные отношения, бизнеса, в повседневные отношения между людьми и т. д.

В последние годы принят ряд исключительно важных документов, свидетельствующих о том, что законодатель понимает значимость цифровизации, как обязательного инструмента модернизации всех сфер жизнедеятельности общества. Например, в 2017 г. принята «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»². Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. утверждена национальная программа «Цифровая экономика», с увеличением почти в три раза бюджета на развитие цифровой экономики до 2024 г. по сравнению с 2017 г.³ О серьезности намерения руководства страны по цифровизации говорит и тот факт, что вместо Министерства информационных технологий и связи было даже образовано Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций⁴.

Необходимо указать, что криминал еще раньше взял на вооружение цифровые технологии. Все чаще совершаются преступления в сфере компьютерной информации или иные преступления с использованием указанных технологий. Это обусловлено, главным образом, ростом количества преступных деяний с применением IT-технологий. Например, по данным МВД России, за первые 9 месяцев 2020 г., их «совершено на 77 % больше, чем за аналогичный период прошлого года, в том числе с использованием сети «Интернет» – на 93,2 %, при помощи средств мобильной связи – на 97,7 %»⁵.

---

¹ © Григорьев Д. А., 2020

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // ИПП «Гарант сервис».

³ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О важности в повседневной жизни цифровых технологий говорит и тот факт, что в настоящее время (во время пандемии), образование, бизнес и др., частично перешли на удалённый доступ.

⁵ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2020 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21551069/>.

Все это заставляет обществу и государству в ответ высокотехнологичным криминальным вызовам включиться в процесс компьютеризации и широкого использования цифровых технологий в деятельности правоохранительных органов.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 утверждена федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», на основании которой, в частности, надлежит формирование единого информационного пространства федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей для обеспечения доступности и транспарентности правосудия¹.

В рамках федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы, обширно используются цифровые технологии для предоставления возможности гражданам получать полную информацию не только о работе судов Российской Федерации, в целом, но также и по отдельным направлениям деятельности, оказания судом услуг по подаче исковых заявлений, жалоб в электронном виде, улучшению качества работы суда за счет внедрения цифровых технологий.

Если цифровые технологии стали активно применяться в рамках арбитражного судопроизводства, то о широком применении цифровых технологий в производстве по уголовному делу пока речь не идет. Конечно, есть ряд норм в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), к примеру, ст. 82 УПК РФ, регламентирующая порядок хранения вещественных доказательств, в том числе и электронных носителей информации или ст. 474.1 УПК РФ, регламентирующая процедуру подачи лицом жалобы, заявления, представления, ходатайства в суд в форме электронного документа с электронной подписью лица.

Один из важнейших аспектов цифровых технологий, который в последнее время стал предметом научной дискуссии, связан с электронными данными (информацией) и носителями этой информации.

Следует согласиться с позицией Р. И. Оконенко, подчеркивающим, «что наиболее характерной чертой электронных данных является то, что они формируются не только посредством физических закономерностей, но и согласно программному алгоритму, который задан разработчиком программы»².

Без детального анализа очевидно, что электронные доказательства должны быть указаны в УПК РФ как отдельный вид доказательств, так как в дальнейшем в связи с развитием информационных технологий все больше организаций, учреждений, бизнесменов и др. перейдут на электронный документооборот и почти все сведения будут храниться на электронных носителях информации (технология BIG DATA и др.). Еще одной причиной отнесения электронных доказательств к отдельному виду доказательств является и то, что в содержание

---

¹ Паспорт федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=104&item=1588>.

² Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Р. И. Оконенко. М., 2016. С. 23

ст. 84 УПК РФ, законодатель «поместил» все то, что не может быть отнесено к иным видам доказательств.

Одним из возможных сценариев применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве является деятельность судов в уголовном процессе в 2020 г. в условия пандемии COVID-19. Так Верховный Суд рекомендовал судам по делам, требующим безотлагательного рассмотрения, использовать системы видеоконференц-связи, «что позволит обеспечить личное участие и соблюдение процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и других лиц в судебном заседании»¹.

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то следует отметить, что даже в ряде стран бывшего СССР (Грузия, Белоруссия, Казахстан, Эстония) и в других странах, модернизация и совершенствование, в частности, досудебного производства по уголовному делу происходит путем более активного применения цифровых технологий. Например, в Республике Казахстан досудебное производство по уголовному делу может осуществляться как в бумажном, так и в электронном формате. На основании ч. 6 ст. 58 УПК Республики Казахстан, где прямо говорится о праве Генеральной прокуратуры регулировать вопросы досудебного расследования уголовных дел своими нормативными актами была разработана модуль «Электронное уголовное дело» в рамках Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате.

В отечественном уголовно-процессуальном праве, претворение в жизнь идеи производства по уголовному делу в указанном формате «заставит» признать электронную информацию как самостоятельный вид доказательств, что позволит рассматривать электронный документ как разновидность данного доказательства. Осмысление уголовно-процессуального доказательства с точки зрения его информационно-технологической составляющей природы создаст реальную возможность внедрения электронной формы уголовного дела и обеспечит возможность электронного уголовно-процессуального доказывания, а также установления истинности события преступления.

Соглашаясь, в принципе, с указанными выводами о важности и актуальности производства в электронном формате, мы полагаем, что оно имеет и ряд недостатков. К ним, в частности, мы можем отнести: сложность в сохранности информации, имеющейся в уголовном деле, так как почти все программное обеспечение имеет иностранное происхождение; возможность фальсификации информации следователем (дознавателем), высокая стоимость программного обеспечения и технических средств и др.

Приходя к выводу о важности и актуальности применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, мы полагаем, что для устранения ряда проблем следует – создать нормативно-правовую основу, в частности в ст. 5

---

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28883/ (дата обращения: 12.11.2020).

УПК РФ дать понятие «электронное доказательство»; разработать отечественное компьютерное программное обеспечение; снабдить следователей (дознавателей) актуальными знаниями в области цифровых технологий; увеличить финансирование для внедрения автоматического рабочего места следователя (АРМС); улучшить взаимодействие следственных подразделений (органов дознания) при расследовании преступлений, разработав совместную инструкцию заинтересованных правоохранительных органов.

Список литературы:

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // ИПП «Гарант сервис».

2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2020 года. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/21551069/>.

4. Паспорт федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=104&item=1588>.

5. Макарова, О. В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. – 2019. – № 2. – С. 166.

6. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://www.vsrp.ru/press_center/news/28883/.

7. Оконенко, Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Р. И. Оконенко. – М., 2016. – 156 с.

Ендольцева А. А.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Химичева О. В.,

начальник кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В 2020 г., 11 марта, Всемирная организация здравоохранения признала, что распространение нового коронавируса COVID-19 обрело характер пандемии². Появление нового опасного вируса затронуло все сферы жизнедеятельности человека, определив особенности работы всех органов государственной власти, включая и судебную. Главами субъектов Российской Федерации изданы многочисленные указы об утверждении правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями при введении режима повышенной готовности в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), о дополнительных мерах по защите населения и территории.

В соответствии с Постановлением Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 судам были рекомендованы к исполнению следующие меры: приостановить личный прием граждан; подачу документов осуществлять через электронные интернет-приемные судов либо посредством почтовой связи; рассматривать в судах только категории дел безотлагательного характера, таких, как избрание, продление, отмена или изменение меры пресечения и др.; при имеющейся технической возможности рассматривать дела с использованием видеоконференцсвязи³.

Изложенное свидетельствует о том, что в настоящее время как никогда становится актуальным использование цифровых технологий при осуществлении любого вида деятельности, включая уголовно-процессуальную.

В УПК РФ уже имеются нормы, связанные с применением электронных средств в уголовном судопроизводстве. Напомним, что в 2010 г. в УПК РФ были внесены изменения, касающиеся производства в суде апелляционной инстанции (глава 45.1), а также в суде кассационной инстанции (глава 47.1). В этих главах появились нормы (ч. 2 ст. 389.12, ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ), предусматривающие право осужденного, содержащегося под стражей и заявившего

---

¹ © Ендольцева А. А., 2021.

² Коронавирус. Хроника распространения. URL: <https://rg.ru/2020/03/03/koronavirus-hronika-rasprostraneniia.html> (дата обращения: 23.11.2020).

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).

ходатайство присутствовать при рассмотрении апелляционной или кассационной жалоб, участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования видеоконференцсвязи.

В 2011 г. такое право было предоставлено осужденному при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. 2 ст. 399 УПК РФ). Позднее, в 2015 г. ст. 399 УПК РФ была дополнена частью 2.1, которой возможность участвовать в судебном заседании на стадии исполнения приговора путем использования систем видеоконференцсвязи была предоставлена потерпевшему, а также его законному представителю и (или) представителю.

Произошли изменения в порядке проведения судебного следствия в суде первой инстанции. Глава 37 УПК РФ федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ была дополнена статьей 2781, определяющей особенности допроса свидетеля, находящегося не по месту судебного разбирательства, путем использования видеоконференцсвязи в суде, рассматривающем уголовное дело.

Законодатель и далее движется по этому пути. В 2017 г. появилась новая статья в главе 56 УПК РФ – 474.1, регламентирующая порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве (введена Федеральным законом от 26 декабря 2017 г. № 220-ФЗ).

Согласно ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ «ходатайство, заявление, жалоба, представление могут быть поданы в суд в порядке и сроки, которые установлены настоящим Кодексом, в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет». Копию решения суда участник уголовного судопроизводства может также получить в электронной форме. Применение данной уголовно-процессуальной нормы в наши дни является значимым и необходимым, ведь многие граждане находятся либо на самоизоляции, либо на карантине, что исключает возможность посещения ими судебных учреждений.

Кроме обозначенных случаев судебной деятельности следует отметить наличие соответствующих полномочий у суда и в досудебном производстве по уголовному делу. Это рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 и 125.1 УПК РФ, рассмотрение ходатайств следователей и дознавателей о производстве следственных действий, избрании мер пресечения, указанных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон содержит достаточно широкий перечень судебно-контрольных процедур, причем некоторые из них предусматривают обязательный порядок. Это касается избрания обвиняемому, а в исключительных случаях подозреваемому в качестве меры пресечения заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий. При проведении судебного заседания в порядке ч. 4 ст. 108 УПК РФ наряду с подозреваемым, обвиняемым, их защитником, а также прокурором, в нем вправе участвовать законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель. При рассмотрении судьей жалобы, поданной в суд, в судебном заседании в соответствии с ч. 3 ст. 125 УПК РФ участвуют заявитель и его защитник, законный представитель или представитель, иные лица, чьи интересы затрагиваются подан-

ной жалобой, а также прокурор, следователь, руководитель следственного органа. Однако указанные лица в настоящее время также могут относиться к категории людей, которым в рамках обеспечения санитарно-эпидемиологического надзора, необходимо соблюдать режим самоизоляции (граждане в возрасте старше 65 лет и граждане, страдающие хроническими заболеваниями)¹.

Таким образом, учитывая предписания выше названного Постановления Президиума Верховного Суда РФ, рассмотрение жалобы, заявления, ходатайства должно быть приостановлено, так как лицо не может явиться в судебное заседание по уважительной причине. На наш взгляд, такое положение не способствует реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Согласно ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства. Эта рекомендация, как указано в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ, не касается «дел безотлагательного характера, таких, как избрание, продление, отмена или изменение меры пресечения и др.».

Поэтому полагаем, что участникам судебного-контрольной процедуры, не имеющим возможности явиться в судебное заседание по уважительной причине, необходимо обеспечить участие в нем дистанционно. Так, заявитель жалобы имеет право направить ее в электронной форме в порядке ст. 474.1 УПК РФ. При этом суд уведомляет его о возможности участвовать в судебном заседании дистанционно, о чем заявитель должен ходатайствовать. Секретарь судебного заседания в ответ на данное ходатайство, направляет на электронную почту, с которой оно поступило, файл с инструкцией и ссылкой для входа в программу, в ней будет осуществляться трансляция судебного заседания. Аналогичным образом должны быть оповещены все участники судебного заседания в рамках тех или иных судебного-контрольных процедур, чтобы они согласно их ходатайству об участии в заседании дистанционно могли реализовать свое право представить суду свою позицию непосредственно.

В целях обеспечения дистанционной формы судебных заседаний федеральным органам исполнительной власти, Судебному Департаменту при Верховном Суде РФ следует предпринять меры по надлежащему программно-техническому оснащению судов. Проведение судебного-контрольных процедур в дистанционном формате перспективно и, более того, необходимо (учитывая вызовы современного мира). Председатель Совета судей РФ В. В. Момотов отметил, что обеспечение эффективности судебной системы является одним из приоритетных направлений деятельности российского правосудия². Однако необходимо понимать, что внедрение информационных технологий не может нарушать основные принципы осуществления правосудия и ограничивать конституционные права и свободы граждан, они должны создавать условия для реализации участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных прав.

---

¹ Указ Мэра г. Москвы от 25 сентября 2020 г. № 92-УМ «О внесении изменений в правовые акты города Москвы». URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/docs/92-UM.pdf> (дата обращения: 24.11.2020).

² Виктор Момотов назвал приоритетную задачу российского правосудия. URL: <https://pravo.ru/> (дата обращения: 25.11.2020).

Золотухин Н. А.¹,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;*

Кадатенко Е. П.²,

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*

РЕАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ПОРЯДКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Расследование уголовных дел в Российской Федерации всегда предполагало очное, непосредственное участие должностного лица органа предварительного расследования и других участников уголовного судопроизводства. Объявленная Всемирной Организацией Здравоохранения пандемия новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) (далее – COVID-19) изменила уклад привычной жизни, практически не осталось ни одной сферы общественных отношений, которые бы не претерпели изменения из-за особых условий борьбы с распространением коронавируса.

Безусловно, информационно-коммуникационные технологии уже давно используются в различных сферах жизнедеятельности, а тенденция к отказу от бумажных носителей стала активно распространяться по всему миру. Ситуация, связанная с пандемией COVID-19, показала необходимость адаптации всей правоохранительной деятельности к новым реалиям, в повсеместном внедрении и использования цифровых технологий. Введенные ограничения не позволяли сохранить действующий порядок уголовного судопроизводства в полном объеме, что подтолкнуло к поиску новых возможностей и решений для дистанционного формата расследования уголовных дел.

Однако в условиях пандемии COVID-19 появилась реальная возможность выработать и внедрить алгоритм производства следственных и процессуальных действий путем использования дистанционных технологий, в том числе и на этапе окончания предварительного расследования.

Следует отметить, что ознакомление с материалами уголовного дела всеми заинтересованными участниками уголовного судопроизводства при окончании расследования, являясь одним из этапов стадии предварительного расследования, предполагает возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ). Это позволяет обеспечить осведомленность участников уголовного судопроизводства о результатах расследования уголовного дела.

---

¹ © Золотухин Н. А., 2021.

² © Кадатенко Е. П., 2021.

Однако в сложившейся неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановке и действия режима повышенной готовности, чрезвычайной ситуации¹, которые предусматривают ограничение свободного передвижения граждан, их нахождение в общественных местах, государственных и иных организациях, ограничительные меры повлияли и на работу судов. Так, судам предписывалось рассматривать дела в порядке упрощенного судопроизводства, в том числе с использованием систем видеоконференцсвязи, документы рекомендовано подавать с использованием электронных Интернет-приемных судов или по почте, ограничен доступ в суды лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства. Согласно Постановлению Верховного Суда РФ рассмотрению подлежали только те категории дел, которые затрагивали конституционные права граждан, в частности, вопросы об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения, защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, и другие².

Тем самым пандемия COVID-19 подвела к необходимости внедрения и использования не только систем видеоконференцсвязи при расследовании уголовных дел, но и цифровизации деятельности правоохранительных органов в целом.

Безусловно, нельзя утверждать, что уголовно-процессуальная деятельность в Российской Федерации осуществляется без использования современных телекоммуникационных технологий, например, введена единая Информационно-аналитическая система обеспечения деятельности МВД России (ИСОД), которая позволяет внедрить электронный документооборот и осуществлять передачу всех данных, необходимых для служебной деятельности органов внутренних дел в целом при помощи аппаратно-программных комплексов. Не безынтересна для расследования уголовных дел и городская система видеонаблюдения, созданная в рамках Государственной программы города Москвы «Развитие цифровой среды и инноваций»³, которая позволяет получать сотрудникам правоохранительных органов копии архивных данных с камер видеонаблюдения, ис-

---

¹ См.: Указы Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»; от 28 апреля 2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»; от 11 мая 2020 г. № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

² Постановление Верховного Суда РФ, Совета судей РФ от 29 апреля 2020 г. № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821 «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.).

³ URL: <https://video.dit.mos.ru/about/> (дата обращения 20.11.2020).

пользуя свой персональный доступ к городской системе видеонаблюдения непосредственно с рабочего места.

Подобного рода нововведения говорят о необходимости внедрения современных информационных технологий в практическую деятельность, в том числе для органов предварительного расследования. Так, в уголовно-процессуальном законе необходимо урегулировать возможность производства следственных и иных процессуальных действий на этапе окончания предварительного расследования в дистанционной форме (порядке). Думается, что в XXI в. имеются достаточные возможности для минимизирования непосредственного контакта между следователем (дознавателем) и другими участниками уголовного судопроизводства, замены очного присутствия заинтересованных лиц при ознакомлении с материалами уголовного дела на аналогичные процессуальные действия в дистанционном порядке.

Рассматривая классическую процедуру ознакомления с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования, отметим следующий порядок (ст. 215–219, 225 УПК РФ):

1) уведомление об окончании следственных действий обвиняемого, защитника, законного представителя обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей;

2) разъяснение права на ознакомление с материалами уголовного дела обозначенных выше лиц (далее в предложении подразумеваются участники уголовного судопроизводства, обозначенные в п. 1);

3) явка заинтересованных лиц для ознакомления с материалами уголовного дела;

4) предоставление материалов уголовного дела для ознакомления и непосредственное ознакомление с ними участников уголовного судопроизводства;

5) составление протокола ознакомления с материалами уголовного дела;

6) разрешение поступивших заявлений и ходатайств.

Данный порядок предусматривает непосредственное (очное) присутствие лиц при производстве обозначенного процессуального действия.

Говоря про уведомление об окончании следственных действий и разъяснение права на ознакомление с материалами уголовного дела, следует предложить возможность направлять подобные сведения в электронной форме (письмо по электронной почте, смс-сообщения в мессенджерах), с обязательным обозначением даты, времени, способа передачи такой информации.

Так, в момент уведомления об окончании предварительного расследования заинтересованных лиц следует выяснить у них: желают ли ознакомиться со всеми материалами уголовного дела или только с некоторыми из них, каким образом желают знакомиться с материалами уголовного дела (путем личного присутствия или дистанционно), желают ли получить копии процессуальных документов на электронном носителе информации. Из чего следует, что у дознавателя (следователя) появится возможность произвести ознакомление с материалами уголовного дела без личного присутствия. Не стоит забывать о необходимости подтверждать полученную информацию в протоколе следственного или процессуального действия.

Последующие этапы ознакомления с материалами уголовного дела также рекомендуется проводить в дистанционном порядке, что возможно. Ранее нами было предложено несколько вариантов дистанционного ознакомления с материалами уголовного дела, которые соответствуют реалиям глобальной информатизации. Напомним, это, например, разработка и внедрение мессенджера (подобного Telegram, WhatsApp, Signal) для сотрудников правоохранительных органов, являющегося бы особо защищенным средством обмена информацией, с использованием современных видов шифрования для исключения доступа посторонних к содержимому переписки, сертифицированный МВД России, ФСБ России и Минкомсвязью (Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации), а также создание на базе серверной инфраструктуры ИСОД файлового хранилища данных, куда своевременно будут загружаться отсканированные материалы уголовного дела, которые по окончании предварительного расследования будут предоставляться участникам уголовного судопроизводства посредством индивидуального парольного доступа через личные кабинеты, созданные желающим дистанционно без непосредственного участия следователя (дознателя) произвести ознакомление с материалами уголовного дела. Создание и функционирование подобного вида документооборота возможно при постоянном администрировании используемой сетевой инфраструктуры, а также при обеспечении высокого уровня защиты данных от несанкционированного доступа.

Помимо прочего, пандемия COVID-19 подтолкнула к идее обеспечения участников уголовного судопроизводства, желающих ознакомиться с материалами уголовного дела дистанционно, электронными цифровыми подписями, то есть аналогом обычной подписи на бумаге, необходимой для идентификации человека. Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» подробно обозначены виды электронной подписи, порядок действия и получения. Так, по защищенным каналам связи материалы уголовного дела могут быть предоставлены для ознакомления участникам уголовного судопроизводства при их желании знакомиться подобным способом. А если говорить про обвиняемого, содержащегося под стражей в следственном изоляторе, то в специально отведенном помещении (как и помещении для производства следственных действий), будет знакомиться с материалами уголовного дела без очного присутствия следователя (дознателя) путем удостоверения своих действий электронной подписью, выданной начальником СИЗО. Это, безусловно, минимизирует нежелательные контакты между участниками уголовного судопроизводства для предотвращения распространения COVID-19, повысит эффективность работы следственных подразделений, уменьшит транспортные расходы.

Думается, что данные технологии, безусловно, необходимы при расследовании преступлений в условиях мегаполиса, в том числе подобная процедура позволит расширить функции защищенной сети для правоохранительных органов специальными кабинетами, создать дополнительные рабочие места для лиц, обладающих специальными знаниями при внедрении указанных инноваций на местах.

Однако не следует забывать о категории лиц, не осведомленных о подобных технологиях. Поэтому для подобных (исключительных) случаев следует оставить альтернативу в виде классического ознакомления с материалами уголов-

ного дела, когда ознакомление будет проходить путем непосредственного участия (либо же письменного отказа от такового).

Таким образом, внедрение в практическую деятельность возможности дистанционного ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела позволит эволюционировать российскому уголовному судопроизводству, а также соответствовать реалиям глобальной информатизации во всем мире.

Камчатов К. В.¹,

заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве

Научно-исследовательского института

Университета прокуратуры Российской Федерации,

кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ВЗГЛЯД ПРОКУРОРОВ

Системное и повсеместное расширение сфер применения цифровых коммуникационных технических решений в сфере государственного управления и экономики актуализирует вопросы осуществления противодействия преступлениям, связанным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерных сетей². Наша страна, как и многие развитые страны, принимает на себя все неизбежные сложности стремительной повсеместной информатизации общественной жизни.

Обеспечение законности при выявлении преступлений в сфере ИКТ связано с комплексом факторов, условий и способов их совершения.

В общих чертах повышенная общественная опасность компьютерной преступности выражается в ее умышленном и организованном характере, обладает высокой латентностью, с технической точки зрения являются экстерриториальными и многоуровневыми, что осложняет их выявление и раскрытие. Более конкретно это выражается в следующем:

– скрытность и количество соучастников преступления. При этом данные преступления носят, как правило, скоротечный, многоэпизодный (серийный) характер, абсолютное большинство характеризуются отсутствием визуального контакта между потерпевшим и преступником;

– количество источников получения оперативно значимой информации, особенно технических, активно растет и ежегодно расширяется пропорционально развитию новых информационных цифровых технологий. Это связано, в частности, с введением в обиход так называемых умных вещей, которые содержат устройства ввода-вывода информации, способны хранить, обрабатывать различные данные, осуществлять их обмен с информационно-коммуникационными сетями (далее – ИКС). К ним можно отнести системы, устанавливаемые в автотранспорте, системы умного дома, бытовые приборы, вспомогательные устройства, работающие в местах общественного пользования, и пр.;

---

¹ © Камчатов К. В., 2021.

² В данной статье далее – «в сфере ИКТ», «в сфере компьютерной информации», «компьютерные преступления», «киберпреступления».

–крайне динамичное развитие финансовых цифровых продуктов и услуг (мгновенные денежные переводы, свободные доступ в интернет);

–совершение преступлений лицами, находящимися за пределами субъекта или иного территориального образования, что в свою очередь затрудняет проведение необходимых первоначальных оперативно-разыскных мероприятий по причине сложности или невозможности оперативной персонализации лиц, совершивших или готовивших совершение преступления;

–использование программного обеспечения и ресурсов интернета, находящегося за пределами российской юрисдикции;

–перевод похищенных денежных средств на счета банков, расположенных в других субъектах Российской Федерации, где в последующем происходит их снятие, что существенно затрудняет и замедляет получение интересующей информации в рамках таких оперативно-разыскных мероприятий;

–отсутствие надлежащего взаимодействия со стороны кредитных учреждений, провайдеров, руководства социальных сетей, интернет-магазинов, операторов сотовой связи других субъектов Российской Федерации, нежелание активно и своевременно представлять информацию, способствующую раскрытию преступлений, что в свою очередь влечет длительные сроки получения информации по запросам;

–использование преступниками иностранных мессенджеров, в связи с чем IP-адреса лиц, совершивших преступления, не соответствуют их месту нахождения.

Условия противодействия данным преступлениям таковы, что жертвами мошенников, совершающих их с применением современных ИКТ, нередко становятся пользователи социальных сетей и различных электронных ресурсов, в которых задействованы электронные финансовые средства. Используя низкую компьютерную грамотность и доверчивость людей, преступники придумывают новые способы совершения подобных преступлений. Среди факторов, влияющих на преступность в сфере компьютерной информации, наибольшее количество ответов у респондентов поступило на варианты: низкая компьютерная грамотность населения (63 %), рассматривается преступниками как быстрый и относительно безопасный способ незаконного обогащения (46 %), переход на безналичные расчеты (40 %) и компьютеризация российского общества (39 %).

Новейшие исследования наглядно демонстрируют, что любые резонансные события общественной и политической жизни преступники используют как фон для своих преступных целей. Следует отметить, что технологии социальной инженерии, фишинг электронной почты, перехват деловой переписки, кибератаки на организации и отдельных лиц получили заметно большее распространение во время применения карантинных мер, вызванных глобальным распространением пандемии COVID-19. В последнее время в Интернете появилось много фейковых страниц, предлагающих работающую проверенную вакцины от COVID-19. Ограничения перемещений, изоляция отразились на психологическом состоянии граждан, увеличении спроса на определенные товары, расширении использования онлайн-сервисов для решения повседневных вопросов, а также значительных объемах электронной торговли.

При этом адаптация криминальных элементов к способам выявления и раскрытия этих преступлений со стороны правоохранительных органов в значитель-

ной степени затрудняет установления лиц, их совершивших. Разнообразие имеющихся схем и методов совершения киберпреступлений, постоянное появление их новых видов снижает эффективность применения единых алгоритмов выявления и раскрытия криминальных посягательств, совершаемых с использованием ИКТ.

Исследуемые преступления совершаются хорошо подготовленными субъектами, владеющими различными видами специальных знаний и современными техническими средствами. При этом специальные знания позволяют им предпринимать соответствующие действия для маскировки определенного вида мошенничества под обычную финансово-хозяйственную деятельность законопослушных экономических субъектов. В рамках такой маскировки предпринимаются активные меры конспирации (короткий срок использования телефонных аппаратов, SIM-карт, многократные переводы похищенных денежных средств между банковскими счетами и различными сервисами: Яндекс-деньги, QIWI-кошелек и другие), активное использование криптовалют и т. д. Например, при хищениях посредством ИКТ использование в случае перечисления денег потерпевшими виртуальной криптовалюты Биткоин (Лайткоин, Праймкоин и т. п.), не имеющей единого центра хранения сведений о владельцах виртуальных счетов, не рекомендованная Центробанком России к обороту на территории нашего государства и изначально разработанная с функцией анонимности сведений о владельце.

Необходимо отметить, что криминальные методы «удаленного» хищения денежных средств постоянно эволюционируют, при этом преступниками активно используются современные IT-технологии, которые, зачастую, просты в использовании и доступны неограниченному числу пользователей глобальной сети. Очень часто потерпевшие в силу незначительности причиненного вреда не заявляют о правонарушении в правоохранительные органы. Преступники отлично осведомлены об этом и успешно пользуются, вместе с тем посредством незначительного хищения у десятков и сотен потерпевших причиняется в сумме значительный ущерб.

Основной причиной низкой раскрываемости является недостаточная готовность оперативных и следственных подразделений к повсеместному внедрению ИКТ в различных сферах цифровой экономики. Принимаемые оперативными подразделениями меры по выявлению и раскрытию преступлений несоизмеримы оперативной обстановке в данной сфере. Непосредственно заинтересованные в изобличении преступника оперативные сотрудники по месту учета криминального посягательства этого сделать не могут в силу своей загруженности, а также реалий российской географии и финансовых возможностей ведомства. Нередко успешному выявлению и раскрытию преступлений предшествует долгая, затратная и кропотливая оперативная работа. Трудности и проблемные вопросы также обусловлены недостаточным уровнем технического оснащения оперативных подразделений (например, невозможность оперативного пресечения преступных деяний путем блокировки используемых мошенниками и наркосбытчиками сайтов). Характер и объем проведенной работы можно наглядно показать на свежем примере от 23 ноября 2020 г., когда сразу в нескольких регионах страны прошла мас-

штабная спецоперация, в ходе которой задержали и арестовали 28 работников подпольных нарколабораторий, из которых четверо оказались организаторами¹.

Данные прокуратур субъектов Российской Федерации и компаний, специализирующихся на информационной безопасности, подтверждают, что абсолютное большинство хищений с использованием ИКТ, совершаются посредством так называемой *социальной инженерии*², например, при помощи отправки сообщений потенциальным жертвам или звонков с номеров SIM-карт, приобретенных без регистрации или оформленных на третье лицо. Выведение похищенных денег осуществляется через подставные банковские карты, счета в интернет-магазинах, лицевые счета мобильного телефона³. Действия преступников нацелена на слабости человеческого характера и личности (доверчивость, невнимательность, неграмотность и др.).

Среди наиболее часто встречаемых схем хищений денежных средств выделяются следующие способы, связанные с пластиковыми картами, схема связана с «попавшим в беду близким родственником», в том числе массовая рассылка с «фейковых» аккаунтов, хищения в виде заведомо ложных предложений об услугах и продаже услуг и товаров или перевода денежных средств в качестве взноса при приобретении автомобиля на сайтах (Avito.ru, Youla.ru, Avto.ru, Drom.ru), установка на электронное устройство потерпевшего «вирусной» программы, в том числе позволяющей отслеживать и перехватывать SMS-сообщения, предназначенные для потерпевшего, а также отправлять таковые якобы от его имени.

За последние годы характерными *организационными сложностями*, возникающими у органов предварительного расследования при проверках сообщений о компьютерных преступлениях, являются³: длительность исполнения запросов Интернет-провайдером, кредитными учреждениями и администрациями электронных платежных систем; отсутствие в ряде субъектов Российской Федерации экспертных учреждений, которым может быть поручено производство наиболее востребованных компьютерных экспертиз либо недостаточная их оснащенностью и др.

Например, по сведениям из прокуратуры Ненецкого автономного округа сроки исполнения запросов следователей, направленных в компании операторов сотовой связи, составляют минимум 2–3 месяца, банки – 3–4 недели, владельцам платежных систем (ООО ПС «Яндекс Деньги», ЗАО «QIWI-банк», ООО «Одноклассники», АО «Мобиденги») – 3–4 недели. По данным из прокуратуры Краснодарского края сроки получения информации о владельце аба-

---

¹ Фабрики смерти: правоохранители «накрыли» сеть нарколабораторий. URL: <https://ren.tv/news/x/775157-fabriki-smerti-pravookhraniteli-nakryli-set-narkolaboratorii> (дата обращения: 25.11.2020).

² В контексте современного понимания информационной безопасности и настоящего исследования под социальной инженерией понимается психологическое манипулирование людьми с целью совершения определенных действий.

³ Информационно-аналитический обзор «Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации», Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры РФ, 2018 г.

нентского номера, принадлежности IP-адресов, интернет-провайдеров, электронной почты, сайтов составляют от 18 до 90 дней.

По информации из прокуратуры г. Москвы направляемые в адреса организаций, предоставляющих финансовые услуги, социальных сетей и мессенджеров, а также операторов сотовой связи и интернет-провайдеров запросы исполняются спустя значительный период времени (от двух недель до четырех месяцев), запросы нередко приходится дублировать. Кроме того, ответы на запросы, в некоторых случаях, носят малоинформативный, формальный характер. К примеру, на неоднократные запросы о предоставлении IP-адресов или установочных данных по известному IP-адресу поступает ответ, что требуемая информация не сохранилась или не фиксируется. Информация по запросам от интернет-площадок открытой розничной торговли («Авито», «Юла» и др.) предоставляется по истечении нескольких месяцев и не является уже актуальной.

Кроме того, в связи с оптимизацией расходов банки устанавливают новое оборудование, видеозапись на котором хранится от трех до десяти дней, вследствие чего информация, необходимая для отождествления лица, совершившего обналичивание денежных средств, утрачивается в короткое время.

Требует значительных временных затрат процесс установления маршрута движения похищенных денежных средств между электронными платежными системами и учреждениями кредитно-финансовой сферы. В связи с непродолжительным сроком хранения утрачиваются видеоматериалы с изображением лиц, осуществляющих обналичивание денежных средств в банкоматах.

Нередко злоумышленники осуществляют частую смену SIM-карт и сотовых телефонов, используемых при совершении преступлений, что не позволяет провести оперативно-технические мероприятия, направленные на установление их местонахождения.

Среди других сложностей также отмечены открытие виртуальных банковских счетов, при этом лицо, которое их открывает, дистанционно предоставляет в банк сведения, которые не позволяют идентифицировать владельца и совершение мобильных мошенничеств посредством IP-телефонии, когда лицо дистанционно оформляет договор о предоставлении ему линии при этом предоставляет личные данные, как правило, не свои или несуществующего лица, что затрудняет дальнейшую идентификацию преступника.

Среди *правобеспечительных сложностей* можно выделить следующие.

Прежде всего, это касается особенностей правового регулирования и технических возможностей при обмене информацией между правоохранительными органами и юридическими лицами, оказывающими услуги сотовой связи, банковские и интернет-услуги, администрациями социальных сетей и иных сервисов в сфере ИКТ.

Невозможность судебного санкционирования получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами в рамках проведения проверки сообщений о преступлениях в сфере ИКТ не позволяет своевременно установить место выхода в эфир лица, подозреваемого в совершении преступления. Руководители филиалов вышеуказанных организаций на территории субъекта Российской Федерации не наделены полномочиями на заклю-

чение соглашений об электронном документообороте (банки «Гинькофф», «КивиБанк», социальная сеть «ВКонтакте», интернет-холдинг «Яндекс»).

Запросы в финансовые и кредитные учреждения могут направляться только после возбуждения уголовного дела, поскольку в рамках проведения доследственной процессуальной проверки это невозможно ввиду положений Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», дознаватель вправе получить сведения о движении денежных средств по счетам только на основании решения суда. Более того, в соответствии с п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ суд дает разрешение на получение такой информации только путем производства выемки, что с практической и технической точки зрения создает серьезные трудности. Следователь же подобные сведения может запросить с согласия руководителя следственного органа.

В настоящее время не со всеми банковскими учреждениями и операторами сотовой связи со стороны территориальных органов МВД России заключено соответствующее соглашение об электронном документообороте. В ряде случаев предложения МВД России о совершенствовании информационного обмена остаются без должного внимания. Вследствие этого необходимые запросы, в том числе в другие регионы, направляются почтовой связью, что наряду с необходимостью получения судебных решений, а также значительным объемом запрашиваемой информации, обуславливает их длительное исполнение. Администрациями социальных сетей, особенно ООО «ВКонтакте», запрашиваемая информация фактически не предоставляется либо предоставляется спустя длительное время.

В то же время одним из ключевых элементов, существенно повышающим шансы на раскрытие указанного вида преступлений, является оперативное получение правоохранительными органами сведений, которые могут представить указанные лица. Регулирование данных вопросов на федеральном уровне существенно повысит результативность работы по противодействию таким преступлениям.

В силу ряда причин у органов предварительного расследования возникали сложности, связанные с эффективным *экспертным сопровождением* при расследовании преступлений в сфере ИКТ. Одним из основных доказательств по уголовным делам о компьютерных преступлениях является заключение эксперта.

На вопрос, «какие меры, на Ваш взгляд, необходимы для повышения эффективности противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации?» больше всего респондентов ответили на улучшение материально-технического обеспечения подразделений, занимающихся борьбой с преступностью данного вида, – 43 % и привлечение на стадиях выявления преступлений и расследования уголовных дел специалистов в области IT-технологий – 28 %.

В ряде субъектов Российской Федерации отмечается, что экспертное сопровождение и техническое оснащение экспертных подразделений (количество и качество экспертной базы) не соответствует уровню технического развития преступников, в результате чего, зачастую, не удается установить виновных лиц.

В ряде регионов России (Республика Саха (Якутия), Калужская и Тюменская области) возможность проведения судебных экспертиз в ходе проверки сообщения о преступлении, в том числе и при проверке сообщений о компьютерных преступлениях, носит ограниченный характер по объективным причинам – вы-

сокая загруженность экспертных учреждений, недостаточное количество экспертов и отсутствие необходимых технических средств для производства экспертиз отдельных видов технических устройств.

В частности, проведение экспертиз занимает длительное время (в среднем четыре–пять месяцев), при этом в подавляющем большинстве случаев в своих заключениях эксперты приходят к выводам о невозможности извлечения информации из исследуемых объектов в условиях лаборатории судебных компьютерных экспертиз ЭКЦ УМВД России по территориальному субъекту¹.

В ряде субъектов отмечается недостаточная штатная численность экспертов, имеющих допуск для проведения компьютерно-технических экспертиз для подтверждения программного воздействия на устройства потерпевших², ограниченные технические возможности исследовать обстоятельства внедрения, распространения, использования вредоносного программного обеспечения, в том числе на различного рода объектах (смартфоны, планшеты и т. п.)³.

В частности, в докладной записке прокуратуры Республики Саха (Якутия) отмечается, что на территории республики действует только одно экспертное учреждение, которое может давать заключение по результатам компьютерных экспертиз – ЭКЦ МВД России по Республике Саха (Якутия), в нем в свою очередь право проведения таких экспертиз имеют только три эксперта. Данное обстоятельство приводит к тому, что из-за загруженности экспертов исследования проводятся необоснованно длительное время, что приводит к продлению сроков предварительного следствия.

В деятельности следственных органов отмечены затруднения, связанные с отсутствием или недостаточной численностью экспертов, осуществляющих определенные виды судебных экспертиз.

Так, судебно-компьютерные экспертизы проводятся ЭКЦ МВД России по Республике Бурятия, в штате которого имеются лишь два аккредитованных эксперта, либо негосударственными экспертными учреждениями, осуществляющими свою деятельность на платной основе. Судебные экспертизы по вопросу отнесения оборудования, использованного при проведении азартных игр, к категории игорного в регионе не проводятся, что влечет необходимость поиска организаций для проведения таких экспертиз в других субъектах Российской Федерации⁴.

При производстве предварительного расследования также возникали сложности с проведением компьютерных экспертиз по причине отсутствия научно обоснованных методик в экспертных учреждениях области для решения поставленных вопросов, необходимого оборудования и программного обеспечения.

Так, по данным ГУ МВД России по Нижегородской области остается проблемным вопрос о назначении компьютерно-технических экспертиз по вредоносным (вирусным) программам, которые проводятся лишь в МВД России,

---

¹ По материалам работы прокуратуры Хабаровского края.

² По материалам работы прокуратуры Кировской области.

³ По материалам работы прокуратуры Республики Татарстан.

⁴ По материалам деятельности прокуратуры Республики Бурятия.

экспертном подразделении ФСБ и лаборатории «Касперского». Сроки их проведения составляют несколько месяцев, что увеличивает сроки дознания. В ЭКЦ ГУ МВД России по Нижегородской области технические средства и программно-аппаратные комплексы, используемые для проведения компьютерных экспертиз по мобильным телефонам с операционной системой «Android», отсутствуют.

Как правило, экспертизы проводятся в ЭКЦ субъектов Российской Федерации. Однако в случае их загруженности проведение экспертизы поручалось образовательным организациям. Например, в целях преодоления сложившейся ситуации в некоторых регионах (Владимирская, Кировская, Тюменская области) для производства экспертных исследований привлекались представители научных и образовательных организаций.

Например, по уголовному делу, возбужденному 24 мая 2017 г. СЧ СУ УМВД России Тюменской области по признакам предусмотренного ч. 2 ст. 272 УК РФ преступления в отношении неустановленного лица по факту неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся на сервере мониторинга систем видеонаблюдения компании ООО «Ин Нова», повлекшего блокирование и модификацию компьютерной информации, проведение компьютерно-технической судебной экспертизы было поручено экспертам кафедры информационной безопасности института математики и компьютерных наук Тюменского государственного университета.

В ходе предварительного расследования немаловажным остается и вопрос о *возмещении причиненного компьютерными преступлениями ущерба*.

В целом прокуроры оценивают деятельность органов предварительного следствия по обеспечению ущерба по данной категории уголовных дел как достаточную. В ходе расследования с обвиняемыми (подозреваемыми) проводится работа, направленная на инициирование добровольного возмещения причиненного преступлением ущерба, разъясняются положения действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства о правовых последствиях, смягчающих положение виновного лица при добровольном возмещении причиненного ущерба¹. В добровольном порядке ущерб, как правило, возмещался лишь частично.

В ряде регионов прокурорами налажена комплексная работа по обеспечению возмещения вреда от преступлений в сфере ИКТ.

Так, в целях обеспечения прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного преступлением, а также исполнения приговора в части возможной конфискации и иных взысканий по уголовным делам следователями территориальных органов СУ УМВД России по Ярославской области проводились обыска по месту жительства обвиняемых, запрашивались сведения о наличии у привлекаемых к ответственности лиц имущества (в частности недвижимости, автотранспорта, оружия и др., подлежащего обязательной регистрации имущества), счетов в банках, на которые может быть наложен арест, направлялись поручения в подразделения МВД России, уполномоченные проводить оперативно-разыскные мероприятия.

---

¹ По материалам деятельности прокуратуры Магаданской области.

Работа в рассматриваемой сфере организована в соответствии с совместным приказом прокуратуры Ярославской области, СУ СК России по Ярославской области, УФСБ России по Ярославской области, УМВД России по Ярославской области, УФССП России по Ярославской области, ГУ МЧС России по Ярославской области № 40/36/30/223/209/211 от 25.04.2019 «Об организации межведомственного взаимодействия при возмещении причиненного преступлением ущерба».

Вопросы возмещения причиненного преступлением ущерба обсуждены 23 апреля 2019 г. на заседании межведомственного совещания руководителей правоохранительных органов Ярославской области «О результатах анализа состояния работы правоохранительных и иных уполномоченных органов по возмещению ущерба, причиненного преступлением».

В соответствии с решением указанного межведомственного совещания прокуроры, изучая уголовные дела, поступившие с обвинительным заключением (актом, постановлением), устанавливают полноту принятых правоохранительными органами мер по возмещению ущерба, причиненного преступлением, а также пресечению фактов возможной легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем. Нарушение прав потерпевших на возмещение причиненного преступлением ущерба рассматривается как самостоятельное основание для возвращения уголовного дела на дополнительное расследование.

На особом контроле у прокуроров находится исполнение требований УПК РФ относительно обеспечительных гражданского иска иных мер процессуального принуждения.

В целом в ходе расследования уголовных дел для отыскания имущества подозреваемых и обвиняемых запрашиваются необходимые сведения в органах Росреестра о наличии у подозреваемого прав на недвижимое имущество и земельные участки; в органах ГИБДД – о наличии зарегистрированных транспортных средств, прицепов; в органах Ростехнадзора – о наличии прав на спецтехнику; в Инспекции по маломерным судам – о наличии прав на плавсредства; в органах ФНС России – о том, является ли лицо руководителем либо учредителем юридического лица, индивидуальным предпринимателем; в организациях, оказывающих услуги держателей реестра акционеров – о наличии у лица в собственности акций; в банках – о наличии счетов, банковских карт, а также банковских ячеек.

Представляется необходимым отдельно рассмотреть практику *установления причин и условий, способствующих совершению преступлений* в сфере ИКТ.

Очевидно, что способ совершения дистанционных мошенничеств заключается в психологическом, моральном воздействии на потенциальную жертву. Противодействие посредством предупреждения таким преступлениям может быть эффективным только при наличии активной пропагандистской работы ввиду массово развивающихся электронных и платежных систем.

Представляется, что, несмотря на выраженный комплексный характер проблемы, все-таки приоритетную роль в защите прав и законных интересов граждан должны иметь предупредительные и пресекающие правовые механизмы. Констатация факта совершенного преступления неизбежно инициирует не только дорогостоящий правозащитный государственный механизм. Высокая

латентность и низкая раскрываемость зарегистрированных преступлений в сфере ИКТ может быть причиной повышения угрозы стабильности социально-политической обстановке.

С учетом требований УПК РФ (ч. 2 ст. 158) следователями практически повсеместно принимались меры по установлению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Например, по всем оконченным производством уголовным делам следователями направлены представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в том числе в исправительные учреждения, где находились обвиняемые на момент совершения преступлений. Однако в 2020 г. указанная проблема остается актуальной. В целях усиления контроля за организацией профилактической деятельности следователей органов внутренних дел по уголовным делам, находящимся в производстве, обеспечении применения ст. 17.7 КоАП РФ, в случаях невыполнения требований следователя по исполнению представления, вынесенного в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, ГСУ ГУ МВД России по Пермскому краю издано распоряжение № 5/2503 от 14 марта 2019 г. и разработаны методические рекомендации.

Основной их массив касается требований усиления службами органов внутренних дел по месту совершения преступления профилактической работы среди соответствующих категорий населения, усиления мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей. Также представления направлялись в администрацию социальных сетей.

По уголовным делам, предварительное следствие по которым приостановлено, в адрес начальников территориальных подразделений внутренних дел направляются также информационные письма о необходимости усиления профилактической работы с населением.

Ответы о результатах рассмотрения поступают практически по всем направленным представлениям.

Как правило, в ответах содержится информация о заслушивании на служебных (оперативных) совещаниях должностных лиц, допустивших нарушения закона, в ходе которых им, как правило, строго указывается на ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, также проводятся дополнительные занятия с личным составом с целью недопущения подобных нарушений впредь.

Использовались меры профилактического воздействия, в том числе с доведения до общественности форм и методов дистанционных мошенничеств, необходимый алгоритм действий потенциальных потерпевших с привлечением сотрудников службы участковых уполномоченных полиции, о появлении новых видов совершения хищения имущества и денежных средств у законопослушных граждан, меры к обеспечению сохранности имущества.

Например, в целях профилактики мошенничеств общеуголовной направленности с использованием мобильных средств связи и сети Интернет, МВД России по Республике Башкортостан разработана памятка для распространения среди населения. Анализ принятых органами предварительного расследования мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, свидетельствует, что соответствующие представления вносятся своевре-

менно, однако, качество принятых органами предварительного расследования мер остается на неудовлетворительном уровне и зачастую носит формальный характер: не отражают суть выявленных нарушений, причин и условий, способствовавших совершению преступлений; описательная (мотивационная) часть представления излагается общими фразами, в этой связи ответы на них не содержат сведений о принятии каких-либо конкретных мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению преступления. Как следствие, принимаемые меры в своем большинстве не оказывают должного влияния на количество совершенных преступлений анализируемой категории. Примеров реального влияния внесенных представлений на состояние законности в рассматриваемой сфере практически не имеется.

Важно отметить, что следователями и дознавателями не всегда используются полномочия, предоставленные ч. 2 ст. 158 УПК РФ по внесению представления о принятии мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления. Зачастую, это обусловлено спецификой совершения таких преступлений, а также действиями самого потерпевшего, способствовавшим совершению преступления (например, при совместном распитии спиртного потерпевший сам передает банковскую карту малознакомому лицу и сообщает ее PIN-код).

Как представляется, заложенный предупредительный потенциал рассматриваемых норм УПК РФ практически не реализуется ввиду крайне недостаточного процессуального регулирования. Тем не менее это единственное полномочие для недопущения повторной и новой виктимизации в рамках уголовных процедур. УПК РФ не содержит конкретной формы самих требований, порядок (кроме срока) их рассмотрения. Научные категории «причины и условия совершения преступления» носят междисциплинарный характер и имеют ярко выраженную криминологическую природу, которая среднестатистическому следователю и дознавателю просто подчас непонятна.

Не менее важное значение имеет понимание у практических работников сути и правовой природы данного полномочия. Так, неясно, к какому роду полномочий закон относит данные требования? Какие подходы и методики применяются на практике для определения того, что именно стало причиной и условием совершения преступления? Какими процессуальными и следственными действиями это устанавливается в процессе предварительного расследования?

Представляется, что в контексте определения процессуальной природы данного полномочия не до конца определена роль надзирающего прокурора. По форме, основанию и механизму внесения представление может быть логично и обосновано соотнесено с актами прокурорского реагирования при реализации им надзорной функции. С учетом ранее проведенных исследований полагаем, что перспективной моделью развития рассматриваемого полномочия будет передача его прокурору, реализацию которого правильнее всего перенести на момент утверждения им обвинительного заключения (акта, постановления).

Следует отметить, что за последние годы проблемы законного и обоснованного *определения подследственности* уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере ИКТ, отмечается многими прокурорами. Как правило, сложности возникают в ситуации, когда потерпевший и злоумышленник находятся в

различных административно-территориальных образованиях, а также в разных субъектах Российской Федерации.

Как показало проведенное исследование, практически в абсолютном большинстве территориальных субъектов в деятельности органов предварительного расследования имеются существенные проблемы с определением места расследования преступлений по сообщениям о совершении хищений в сфере ИКТ денежных средств с банковских карт потерпевших. Рассматриваемые преступления обычно имеют трансграничный и высокотехнологичный характер, не позволяющий своевременно и однозначно определить точное место его совершения.

Правоохранительные органы эффективно противодействовать этому виду правонарушениям не всегда способны в силу сложившейся и пока непреодоленной в стране практики их расследования. Причиной чему являлось отсутствие в территориальных субъектах единого подхода при определении подследственности с учетом процессуально установленных фактических данных, что в свою очередь приводило к многократному и, зачастую, необоснованному направлению материалов проверок по сообщениям о преступлениях и уголовных дел по территориальной и ведомственной подследственности, это отрицательно сказывалось на соблюдении разумных сроков уголовного судопроизводства, а также приводило к утрате доказательств и усложняло ход расследования уголовного дела.

Помимо принятия незаконных процессуальных решений, характерным нарушением является практика необоснованного неоднократного перенаправления таких сообщений о преступлениях из одного территориального подразделения органов внутренних дел в другое, в том числе неединичные факты незаконного направления сообщений о преступлении в пределах одного или смежных административно-территориальных делений.

Основные проблемы, указанные прокурорами, связаны с неоднозначностью практической реализации положений федерального законодательства, регламентирующие вопросы определения места совершения преступления и места (момента) окончания преступления.

При отсутствии в материалах проверки информации о месте совершения преступления и месте его окончания далеко не всегда органы предварительного расследования незамедлительно возбуждают уголовные дела. Положения п. 7 ч. 3 Положения о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, утвержденного приказом Генпрокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ 3 780, Минэкономразвития РФ № 353, ФСКН РФ № 399 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» в случае, если не представляется возможным определить место совершения преступления, оно подлежит учету по месту его выявления, по понятным причинам не всегда применяются на практике – следовательно после поступления к ним сообщения о преступлении вместо незамедлительного проведения необходимых процессуальных действий необоснованно направляли его в другой орган предварительного расследования.

В соответствии с положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», если предметом преступления при мошенничестве

являются безналичные денежные средства, такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб. Таким образом, местом совершения преступления является место открытия банковского счета, с которого похищены денежные средства потерпевших. Однако по уголовным делам данной категории преступлений нередки случаи, когда уголовное дело расследуется по месту нахождения виновного лица, при этом банковские счета, с которых похищаются денежные средства, открыты в разных субъектах Российской Федерации. В таких случаях в порядке, установленном ст. 152 УПК РФ, по каждому уголовному делу необходимо определить место производства предварительного расследования, что влияет на сроки предварительного следствия.

Так, возникает вопрос места производства предварительного расследования в случаях, когда с банковской карты происходит несанкционированный владельцем (держателем) данной карты перевод денежных средств путем услуг «Мобильный банк» либо интернет-банкинг на банковскую карту злоумышленника или счет его мобильного телефона. В таких ситуациях практически невозможно определить место нахождения злоумышленника. При этом, если в случае перевода денежных средств на счет мобильного телефона можно определить место и время его выхода в эфир в момент непосредственного зачисления на счет, то в случае перевода денежных средств с одной банковской карты на другую практически невозможно определить конкретное место проведения активных действий по принудительному (помимо воли потерпевшего) электронному переводу.

Также следует отметить, что в случае обналичивания денежных средств, переведенных помимо воли потерпевшего, возможно определить место нахождения в данный момент злоумышленника.

На практике возникает вопрос с местом окончания преступления в случае, если обналичивание произошло спустя продолжительное (более суток) время после перевода денежных средств потерпевшего либо не происходило вообще (совершен перевод денежных средств на третью банковскую карту, в QIWI, Yandex кошелек либо произведена оплата за услугу или товар в интернет-магазине и т. п.).

Аналогичные вопросы (денежные средства не обналичивались либо обналичивались через продолжительное время) возникают и в случаях хищения путем обмана и злоупотребления доверием денежных средств, переведенных потерпевшими со своих банковских карт.

На практике отмечается несколько подходов определения органами дознания и предварительного следствия места производства расследования преступления. Вариантами являются: определение места предварительного расследования по месту нахождения потерпевшего; по месту открытия банковского счета (место открытия банковского счета не всегда являлось безусловным основанием для направления материалов проверки сообщения о преступлении по территориальности, на что надзирающие прокуроры обращали внимание. Справедливости ради следует отметить, что далеко не всегда на практике можно с очевидностью определить территориальную «привязку» подследственности материалов по сообщению о преступлении, в которых фигурирует открытый бан-

ковский счет. Это также касается примеров из практики, когда место действия потерпевшего в момент совершения преступления и местонахождения открытия счета не идентично); «привязанное» к месту изъятия банковской карты, используемой в процессе совершения преступления; принимались во внимание не тот территориальный субъект, где открыт банковский счет, а тот счет, куда переведены деньги потерпевших; по месту снятия денежных средств потерпевшего через банкомат; по месту реальной возможности использовать похищенное имущество; по месту открытия банковского счета и места проживания виновных лиц.

С учетом складывающейся ситуации в территориальных субъектах прокуратурами приняты меры для организации эффективного взаимодействия со стороны прокуроров.

В ряде субъектов Российской Федерации на межведомственных совещаниях руководителей прокуратуры и органов внутренних дел приняты решения, в соответствии с которыми признано недопустимым направление материалов по заявлениям и сообщениям о преступлениях в иные подразделения правоохранительных органов в целях опроса лиц, приобщения предметов и документов, проведения иных процессуальных действий¹.

Прокурорами с учетом сложности данного участка работы принимались предупредительные меры.

Так, прокуратурой Саратовской области активно используется практика проверки и изучения документов и материалов, находящихся, что называется, «на руках» у сотрудников полиции. Это приводит к положительным результатам по выявлению скрытых от учета преступлений. Так, проверка непосредственно в ОП № 3 в составе УМВД России по г. Саратову КУСП и других материалов показала, что по ряду зарегистрированных сообщений нет отметок об их разрешении. Было установлено, что, несмотря на наличие явных признаков преступлений, материалы неоднократно необоснованно направлялись по территориальности в другие отделы полиции ГУ МВД России по Саратовской области и иных субъектов Российской Федерации. Например, материал по заявлению А. о хищении ее денежных средств с банковской карты в сумме 17 тыс. руб., зарегистрированный в отделе полиции 27 октября 2016 г., 13 раз необоснованно направлялся по территориальности. По указанию прокуратуры области, по данному сообщению, 19 марта 2019 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Всего в указанном отделе полиции установлено более 40 таких материалов, по 33 из которых по требованию прокуратуры области возбуждены уголовные дела.

---

¹ См.: указание Прокурора Волгоградской области и Главного управления МВД России по Волгоградской области от 1 октября 2014 г. № 97/15-1/2707; указание Прокурора Республики Карелия и МВД по Республике Карелия «О порядке разрешения сообщений о происшествиях, по которым возник спор о территориальной подследственности, в органах МВД по Республике Карелия» от 30 декабря 2014 г. № 82/15/1/2255; Совместный приказ Прокурора Ивановской области и начальника УМВД России по Ивановской области от 21 июня 2015 г. № 72/467 Об утверждении Инструкции о порядке принятия решений по сообщениям о происшествиях, по которым возник спор о территориальной подследственности».

В качестве иных предупредительных мер предусмотрено направление проектов постановления о направлении сообщения о преступлении надзирающим прокурорам.

В целях совершенствования механизма контроля и надзора, исключения фактов незаконной передачи по подследственности в ряде территориальных субъектов введен порядок направления материалов только через аппарат надзирающих прокуратур.

С июля 2016 г. действует изданное совместно с УМВД России по Брянской области, СУ СК России по Брянской области, УФССП России по Брянской области, ГУ МЧС России по Брянской области указание «О мерах по укреплению законности при передаче сообщений о преступлениях по подследственности». Указанием закреплена обязанность соответствующих должностных лиц территориальных подразделений правоохранительных органов области, в случае вынесения постановления о передаче сообщения о преступлении по территориальной подследственности в другой регион Российской Федерации, предоставлять материалы проверки надзирающему прокурору в суточный срок с момента принятия такого решения. Только после проверки прокурором законности данного постановления осуществляется направление указанных сообщений в другие регионы. Разработанный в регионе механизм позволил полностью исключить факты необоснованного направления сотрудниками правоохранительных органов сообщений о преступлениях по подследственности в иные субъекты Российской Федерации.

Например, положительное влияние на состояние законности в указанной сфере оказало и совместное указание прокуратуры Ростовской области и ГУ МВД России по Ростовской области от 17 марта 2015 г. № 35/373 «О повышении эффективности прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях», которое направлено на исключение фактов необоснованной передачи сообщений о преступлениях между органами внутренних дел вместо принятия решения, предусмотренного п. 1, 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ. В соответствии с ним сообщения о преступлениях по подследственности передаются исключительно через надзирающего прокурора, которым проверяется законность и обоснованность принятого решения. Результатом организованного таким образом надзора за законностью принятия сотрудниками органа дознания решений в порядке п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ стало увеличение с 62 до 111 числа восстановленных на учет преступлений, ранее укрытых путем необоснованной передачи сообщения о преступлении по подследственности¹.

С целью контроля обоснованности передачи материалов проверок по подследственности (территориальности) 5 июля 2018 г. прокуратурой Алтайского края совместно с ГУ МВД России издан приказ № 532/380 «О порядке передачи сообщений о преступлениях по территориальности», согласно которому направление таких материалов в другие субъекты осуществляется через аппарат прокуратуры края.

---

¹ По материалам деятельности прокуратуры Ростовской области.

В Вологодской области продолжается реализация совместного указания региональной прокуратуры и Главка МВД от 1 октября 2014 г. №97/15/1/2707 «О дополнительных мерах, направленных на обеспечение законности при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях», которым регламентирован обязательный порядок согласования с прокурором постановлений о передаче сообщений о преступлениях по подследственности (территориальности). Положения названного организационно-распорядительного документа во многом предвосхитили новеллы Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 499-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», связанные с обязательным уведомлением прокурора о передаче сообщения по подследственности. В территориальных прокуратурах организована работа по согласованию таких процессуальных решений, а также ведение накопительных дел.

Отсутствие единообразия в применении норм закона о территориальной подследственности является существенным препятствием в соблюдении прав участников уголовного процесса на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок.

Внесенные Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 499-ФЗ изменения подтверждают приведенные нами исследования о роли прокурора в механизме доступа потерпевших от преступления к правосудию, о чем свидетельствует практика ряда прокуратур территориальных субъектов.

Вместе с тем, как представляется, направление копии процессуального решения о передаче сообщения о преступлении по подследственности не содержит механизма оперативного устранения нарушений требований закона, когда материал проверки незамедлительно направлен адресату (логично было бы внести в закон слова «после получения прокурором копии постановления о направлении ...»). Кроме того, вызывает вопрос порядок реализации новой ч. 4 ст. 145 УПК РФ, когда споры о подследственности возникают не только между прокурором и должностными лицами органов предварительного следствия, но и прокурорами одного уровня. Нельзя также однозначно ответить, с какого момента начинает течь этот срок и каков порядок его продления.

Выводы и предложения:

Опыт противодействия преступлениям в сфере ИКТ демонстрирует проблемы правоприменения, адаптации и возможные варианты модернизации отдельных норм и институтов современного уголовного процесса.

Представляется, что основными направлениями по совершенствованию правообеспечительной и правоприменительной практики по эффективному *выявлению и раскрытию преступлений* в сфере ИКТ могут быть признаны оперативность получения информации о используемых преступниками технических средствах; неотложное проведение оперативно-разыскных мероприятий, особенно в регионе нахождения подозреваемого; своевременное получение сведений о цифровом следе соединений преступника и потерпевшего, о движении денежных средств и др.

Основные проблемы выявления и пресечения преступных деяний относятся не к процессуальной, а к оперативно-разыскной деятельности, к сфере предваритель-

ного обеспечения сохранности электронных следов, оперативного взаимодействия с поставщиками услуг в области ИКТ, шифрования (в особенности сквозного в мессенджерах, Dark net и т. д.) и анонимизации в сети Интернет и мессенджерах.

Следует признать, что в условиях высокого уровня латентности компьютерной преступности, опережающего развитие способов совершения преступлений в сфере компьютерной информации по отношению к механизмам обеспечения информационной безопасности, выявление и пресечение преступлений не в полной мере соответствует существующим угрозам – современный уровень развития науки и техники не соответствует субъективным ожиданиям общества к готовности их внедрения и применения в деятельности правоохранительных органов.

С учетом повсеместного быстрого распространения цифровых технологий необходимость создания центров реагирования на компьютерные инциденты и правонарушения в качестве структурного подразделения специализированных государственных органов более чем очевидна (создание специализированных подразделений по расследованию компьютерных преступлений). Как нам представляется, такой подход позволит направлять в органы предварительного расследования качественные материалы с необходимым перечнем документов и мотивированной правовой оценкой, выполненной профильными специалистами. Данное предложение обусловлено спецификой выявления компьютерных преступлений.

Фактически отсутствует достаточная нормативно-правовая база для оперативного реагирования на преступления. Повсеместно отмечается длительная процедура получения сведений из банков и поставщиков телекоммуникационных услуг. Указанное обстоятельство крайне негативно отражается на оперативности проведения первоначальных оперативных мероприятий. Следует отметить, что нередко банки (кредитные организации) оказывают пассивную помощь правоохранительным органам в раскрытии и расследовании названных преступлений, путем предоставления сведений по запросам и судебным решениям (срок исполнения которых исчисляется месяцами), при этом располагая большей информацией, которую можно предоставить оперативно.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть на законодательном уровне вопрос упрощения механизма получения сведений о движении денежных средств по банковским счетам, а также сведений о соединении абонентов и их идентификационных данных. Кроме того, необходимо усовершенствовать федеральное законодательство путем введения электронного документооборота и установления единого разумного срока для банков при исполнении запросов оперативных подразделений и следственных органов, направляемых в целях раскрытия и расследования данных преступлений (оперативный обмен информации об IP-адресах владельцев аккаунтов в социальных сетях, их географическом местоположении; установление лиц, получивших доступ к банковским картам потерпевших; создание и внедрение программного обеспечения, позволяющего находить лиц, фактически похитивших денежные средства и др.).

Для повышения эффективности работы на данном направлении необходимо установить обязательные для исполнения на всей территории России правила, связанные с запретом анонимной регистрации в социальных сетях, в платежных системах, в сети сотовых операторов мобильной связи. Например, открытие

банковских счетов только с личным присутствием лица в банке, на которого открывается счет, с копированием всех документов личности. Подтверждение личности возможно также посредством использования электронной цифровой подписи либо с помощью портала «Госуслуги».

Одним из *основных факторов, способствующих совершению рассматриваемого вида преступлений*, является низкая информированность населения при использовании электронных средств и платежей уровня и степени необходимой информационной безопасности, и цифровой гигиены. Изучение практики внесения и рассмотрения представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления, направленных на предупреждение повторной и новой виктимизации, свидетельствует о формальном подходе в отдельных случаях ответственных должностных лиц органов предварительного расследования к выполнению требований данной нормы закона и, как следствие, не оказывают какого-либо профилактического воздействия на уровень и состояние преступности. Причиной этого, как нам представляется, видится в отсутствии в УПК РФ норм, подробно регулирующих порядок реализации требований ст. 73, 158 УПК РФ.

Также актуальным является *возмещение причиненного материального ущерба* по делам данной категории. Для повышения эффективности процессуальной деятельности в данной сфере необходимо: создание единой системы учета наличия имущества, вкладов (счетов) в банках и т. п. (например, для отыскания вклада (счета) в банковских учреждениях сотрудникам органов предварительного расследования необходимо направлять соответствующие запросы в десятки банков, филиалов и отделений банков; для отыскания недвижимости – в территориальные регистрирующие органы, которыми учет объектов недвижимости и их собственников ведется не в полном объеме, а только с момента создания соответствующих структур); внедрение возможности оперативной блокировки расчетных счетов, куда были перечислены похищенные денежные средства (действующее в настоящее время порядок нередко приводит к невозможности своевременно заблокировать их перечисление и, соответственно, вернуть потерпевшим (эта особенность хорошо известна преступникам, например, по данным прокуратуры Республики Татарстан, пик совершения хищений приходится на четверг, как предпоследний рабочий день); включение в УПК РФ правовых возможностей по принятию обеспечительных мер на стадии процессуальной проверки и проведения ОРМ.

Хочу отметить, что совсем недавно эту проблемы в очередной раз подняли на федеральном уровне, предложив новые подходы к возмещению ущерба (Ассоциация банков России (АБР) предложила внести поправки в закон в части наложения ареста на имущество предполагаемых преступников. В случае выявления мошенничества банк передает пострадавшему клиенту данные предполагаемого мошенника для последующего обращения с иском в суд. А чтобы у пострадавшего было достаточно для этого времени, законопроект устанавливает

возможность заблокировать сомнительную операцию на 25 дней¹) и разработки единой учета системы².

Отсутствие единообразия в применении норм закона о территориальной *подследственности* является существенным препятствием в соблюдении прав участников уголовного процесса на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок и доступа к правосудию. Внесенные Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 499-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» изменения подтверждают приведенные нами исследования о роли прокурора в механизме доступа потерпевших от преступления к правосудию, о чем свидетельствует практика ряда прокуратур территориальных субъектов.

Вместе с тем, как представляется, оптимальным вариантом видится установление в УПК РФ обязанности следователей и дознавателей согласовывать с надзирающим прокурором постановление о передаче сообщения о преступлении и сам материал по подследственности перед фактическим исполнением данного процессуального действия. Изложенное логично вытекает из устоявшихся в УПК РФ положений ч. 7, 8 ст. 151 УПК РФ, согласно которым, во-первых, при соединении уголовных дел о компьютерных преступлениях, относящихся к органам предварительного расследования разных ведомств необходимо исходить из того, что определение подследственности возложено на прокурора; во-вторых, все споры о подследственности разрешает прокурор – в случае, когда следователь принимает решение о направлении материалов проверки по подследственности, по делам рассматриваемой категории фактически имеет место спорная ситуация.

Также перспективным выходом из сложившейся ситуации представляется также запланированное создание специального сервиса, доступного в том числе на мобильных устройствах, с помощью которого каждый гражданин сможет подать заявление о преступлении в правоохранительные органы в электронном виде, которое далее автоматически будет направляться по подследственности³.

---

¹ Банки предложили способ, как увеличить шансы россиян на возврат украденных денег. URL: <https://ria.ru/20201122/dengi-1585747231.html> (дата обращения 25.11.2020).

² Распоряжение Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 3003-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по созданию государственной информационной системы учета арестованного, конфискованного и иного изъятого и подлежащего обращению в собственность государства имущества».

³ Интервью Генерального прокурора РФ Ю. Я. Чайки газете «Известия». URL: <https://goo.gl/kvHNV6> (дата обращения: 20.02.2018).

Кузнецова А. Д.¹,

*слушатель Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Маламагамедова А. Р.,

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В силу развития цифровых технологий, а также постоянного совершенствования законодательства Российской Федерации, которое на сегодняшний день вызвано стремительным процессом цифровизации общественных отношений, реализующихся в наиболее разнообразных сферах, существенное значение приобретают также вопросы, которые связаны с необходимостью решения проблем, связанных с цифровой реальностью. К числу таковых относятся и проблемы с доказательственным правом, которое находит свое проявление в уголовном судопроизводстве.

В. Б. Вехов предложил считать в качестве цифровой информации «сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов»². При этом, по мнению В. А. Мещерякова, который ввел понятие электронно-цифрового объекта, в качестве такой информации следует понимать «систему дискретных электронных сигналов, предназначенную для обозначения какой-либо информации и представленной в форме, пригодной для ее автоматизированной обработки, хранения и передачи с использованием средств вычислительной техники (компьютеров)»³.

Однако, анализируя приведенные понятия, Н. А. Иванов подверг их справедливой критике, поскольку авторы не выходят за рамки рассмотрения компьютерной информации как источника доказательств по уголовному делу⁴. В действительности же компьютерная информация является лишь частью массива цифровой информации. На этом акцентирует внимание С. П. Кушниренко, рассматривая цифровую информацию как любую информацию, представлен-

---

¹ © Кузнецова А. Д., 2021.

² Вехов В. Б. Электронные следы в системе криминалистики / В. Б. Вехов. Волгоград : ВА МВД России, 2016. С. 14–15.

³ Агибалов В. Ю. Виртуальные следы в расследовании преступлений / В. Ю. Агибалов. Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2013. С. 56–57.

⁴ Иванов Н. А. Преступность и научно-технический прогресс / Н. А. Иванов. Омск : Омск. юрид. ин-т, 2011. С. 53–56.

ную в виде последовательности цифр, доступную для ввода, обработки, хранения, передачи с помощью технических устройств¹.

Сам же процессуальный порядок, который подлежит соблюдению при получении доказательств, в том числе и в виде цифровой информации, урегулирован положениями в ст. 176, 182 и 183 УПК РФ. Особую значимость в данном вопросе имеет ст. 164.1 УПК РФ, которая регламентирует особенности изъятия электронных носителей информации.

В определенных случаях разрешается осуществление копирования, однако, здесь следует предпринять все возможные действия, которые направлены на неразглашение данной информации. Вместе с тем соответствующий специалист может запретить осуществление копирования, что обосновывается угрозой искажения либо вовсе утраты информации².

Анализ положений, регламентирующих участие специалиста при изъятии электронных носителей информации, вызывает ряд вопросов. Часть 2 ст. 164.1 УПК РФ определяет его обязательное участие в данных следственных действиях. Специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями. В свою очередь электронными носителями информации могут выступать такие относительно простые объекты, как, например, флеш-карта, или CD диск. Вряд ли для их изъятия необходимо применение специальных познаний.

Возникает вопрос, насколько действительно обоснованно и целесообразно привлечение к участию в следственном действии специалиста? Полагаем, что было бы возможным сформулировать уголовно-процессуальную норму, оставляя этот вопрос на усмотрение следователя с тем, чтобы должностное лицо привлекало специалиста в тех случаях, когда действительно требуются специальные знания, а не априори для формального соблюдения уголовно-процессуальной нормы³.

Следует отметить, что такое следственное действие, как производство осмотра места происшествия по уголовным делам, которые отнесены к соответствующей категории, должно носить в целом заблаговременный и спланированный характер. С этой целью следует произвести следующие мероприятия:

1. В обязательном порядке наметить круг лиц, которые будут принимать участие в соответствующем осмотре. Следует отметить, что соответствующий круг участников данного следственного действия зависит от той или иной ситуации, сложившейся на момент производства расследования.

---

¹ Кушниренко С. П. Проблемы осуществления уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых в сфере высоких информационных технологий / С. П. Кушниренко. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. С. 74–90.

² Гаврилов Б. Я. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей / Б. Я. Гаврилов. М. : Проспект, 2017. С. 78.

³ Маламагамедова А. Р. Участие специалиста при изъятии электронных носителей информации / А. Р. Маламагамедова // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Электронное издание, 2020. С. 166.

2. Определить последовательность действия лиц, которые в соответствии с возложенными на них обязанностями уполномочены осуществлять осмотр места происшествия по уголовному делу.

3. Пригласить соответствующих квалифицированных специалистов, которые имеют знания и опыт в работе с цифровыми носителями информации.

4. Перед началом производства соответствующего осмотра разъяснить специалистам все возможные цели проведения следственного действия, а также обосновать задачи, которые стоят в данном случае перед ними. Отдельно следует озвучить их права, а также обязанности, предусмотренные законом.

5. Провести подбор, а также полный инструктаж лиц, приглашенных в качестве понятых, которые тоже в данном случае должны обладать хотя бы минимально необходимыми знаниями в соответствующих областях информационных и компьютерных технологий. Отдельно следует озвучить в данной категории лиц их права, а также обязанности, предусмотренные законом¹.

Кроме того, в данном случае следует обратить внимание на то обстоятельство, что к изменению либо же к полному уничтожению информации, которая представляет важность для уголовного дела (поскольку несет в себе следы совершенного уголовно наказуемого деяния) может привести любое целенаправленное вмешательство со стороны заинтересованных в этом лиц.

В рамках данных следственных действий следует произвести допросы лица либо лиц, которые являются потерпевшими по уголовному делу, а также материально ответственное лицо в том случае, если соответствующие носители информации находятся в учреждении, предприятии и т. д. Допросу подлежат также очевидцы. Последние могут владеть информацией, которая касается изменений, в свою очередь, внесенных в обстановку места совершенного преступления. При этом установлению подлежит следующая информация:

Что касается производства осмотра средств компьютерной техники, то в данном случае следует учитывать также определенные особенности. Так, прежде всего, данное следственное действие преследует следующие цели:

а) обнаружение следов, которые в целом могли образоваться как результат совершенного уголовно наказуемого деяния. Обнаружение иных вещественных доказательств, которые могут впоследствии способствовать установлению всех необходимых по уголовному делу обстоятельств;

б) выяснение обстановки, которая имела место при совершении происшествия. Это необходимо для восстановления определенного и максимально точного механизма совершения уголовно наказуемого деяния;

в) установление технического состояния средств компьютерной техники, оценку которого должны дать специалисты².

---

¹ Муратова Н. Г. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт / Н. Г. Муратова. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 111.

² Абрамов А. С. Вещественные доказательства: сборище и возможности исследования / А. С. Абрамов. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 111–112.

Развитие общества, внедрение в повседневную жизнь все больших цифровых технологий не может не отражаться и на криминогенной обстановке. Все чаще преступления совершаются с помощью электронных технических средств, что требует от законодателя своевременного совершенствования уголовно-процессуальной формы. Уголовно-процессуальное законодательство должно совершенствоваться с учетом результатов практики и достижений науки.

*Мысина А. И.*¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПЕРЕДОВЫЕ ПРАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Транснациональные преступления в сфере информационных технологий на сегодняшний день представляют собой достаточно распространенное явление. Государства всего мирового сообщества признают необходимость противодействия киберпреступности в глобальном масштабе и предпринимают совместные усилия по развитию международного сотрудничества в рассматриваемой области.

Согласно данным, полученным в результате анализа интерактивной карты киберугроз Лаборатории Касперского, в современных условиях развития общества Российская Федерация занимает первое место в мире по количеству кибератак, которым она подвергается, далее следуют Германия Бразилия, США и Италия².

Современные международные организации прилагают значительные усилия для решения обозначенной проблемы³. В частности, следует отметить совместный проект Интерпола, Совета Европы и Европейского союза «Глобальные действия в борьбе с киберпреступностью» GLACY+, по укреплению киберпотенциала государств Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Карибского бассейна⁴. В пятилетнем проекте (2017–2021 гг.) основное внимание уделяется политике, законодательству и расследованиям в сфере информационных технологий⁵.

В целях поступательного развития проекта GLACY+, Европейский союз, Совет Европы и Интерпол совместно разработали специальное Руководство по статистике расследования киберпреступности и электронным доказательствам (далее – Руководство), чтобы оказать содействие государствам в наиболее полном понимании глобальной проблемы развития преступлений в сфере информационных технологий. В Руководстве изложены особенности сбора информа-

¹ © Мысина А. И., 2021.

² Интерактивная карта киберугроз Лаборатории Касперского // Официальный сайт Лаборатории Касперского. URL: <https://cybermap.kaspersky.com/ru/stats/> (дата обращения: 24.11.2020).

³ Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность». Проблемы и решения / Е. А. Русскевич. М. : Инфра-М: Научная мысль, 2019; Федулов В. И. Международно-правовые аспекты защиты компьютерной информации : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.10 / В. И. Федулов. М., 2006.

⁴ Global Action on Cybercrime Extended (GLACY)+ // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/glacyplus> (дата обращения: 24.11.2020).

⁵ Пузырева Ю. В. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий : монография / Ю. В. Пузырева, А. И. Мысина. М. : Инфра-М, 2020 ; Assisting priority countries in investigating cybercrime and managing digital evidence. GLACY+ // Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime/Cyber-capabilities-development/Glacy> (дата обращения: 24.11.2020).

ции, ее анализа и проведения статистики относительно расследования киберпреступлений и электронных доказательств. Статистические данные, полученные Интерполом и Советом Европы в ходе сотрудничества с правоохранительными органами государств-участников, предоставляют актуальную информацию о развитии преступлений в сфере информационных технологий, что позволяет определять стратегические индикаторы для измерения эффективности противодействия киберпреступности. Кроме того, детальная статистика может стать незаменимой основой для разработки индивидуальных национальных мер повышения эффективности противодействия преступлениям в сфере информационных технологий. Успех глобального сотрудничества в борьбе с киберпреступностью во многом зависит от возможностей современных государств, а также от их подходов относительно расследования преступлений в сфере информационных технологий и особенностей работы с электронными доказательствами¹.

Позиция Интерпола и Совета Европы заключается в том, что обстоятельная статистика может стать мощным инструментом противодействия киберпреступности, в связи с чем указанные международные организации призывают правоохранительные органы государств всего мирового сообщества принять во внимание положения Руководства, направленные главным образом на укрепление усилий по эффективному международному сотрудничеству в борьбе с киберпреступностью путем сбора, анализа и обмена точной и последовательной статистикой². В большинстве случаев ведение статистики является лишь сопутствующим элементом деятельности правоохранительных органов, однако, чем детальнее она прорабатывается, тем больше открывает возможностей для повышения эффективности дальнейшей деятельности главным образом посредством обеспечения высокой степени вероятности выявления актуальных угроз, выработки эффективных ответных мер и прогнозирования развития преступлений в сфере информационных технологий.

Руководство включает три основных раздела:

- 1) передовые практики по работе со статистическим материалом о киберпреступности и электронных доказательствах;
- 2) особенности сбора статистических данных о киберпреступности и электронных доказательствах;

---

¹ Водянов А. В. Информационное обеспечение сотрудничества государств по линии Интерпола / А. В. Водянов, Ю. В. Пузырева // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1. С. 48–51 ; Guide for Criminal Justice Statistics on Cybercrime and Electronic Evidence // Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/Building-a-solid-foundation-for-measuring-the-impact-of-cybercrime> (дата обращения: 24.11.2020).

² Шалягин Д. Д. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью / Д. Д. Шалягин, Ю. В. Пузырева. М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. 2018 ; Guide for Criminal Justice Statistics on Cybercrime and Electronic Evidence // Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/Building-a-solid-foundation-for-measuring-the-impact-of-cybercrime> (дата обращения: 24.11.2020).

3) рекомендации по совершенствованию статистики¹.

Первый раздел посвящен анализу передового опыта в области проведения статистики киберпреступности и работы с электронными доказательствами. Результаты анализа могут способствовать развитию понимания современных угроз в данной сфере, с которыми сталкиваются правоохранительные органы различных государств. Кроме того, анализ позволил выявить актуальные проблемы нормативно-правового регулирования в рассматриваемой области, в частности, пробелы в законодательных актах.

В качестве положительного опыта современных государств в Руководстве отмечена инициатива Европейского Союза по отнесению ведения статистики к одной из ключевых функций правительств государств-членов. Так, например, ст. 14 «Мониторинг и статистика» Директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2013/40/ЕС от 12.08.2013 об атаках на информационные системы (далее – Директива) предусматривает, государства-члены должны обеспечить наличие системы учета, обработки и предоставления статистических данных о таких видах преступлений, как незаконный доступ к информационным системам (ст. 3 Директивы), незаконное вмешательство в систему (ст. 4 Директивы), незаконное нарушение сведений (ст. 5 Директивы), незаконный перехват информации (ст. 6 Директивы), инструменты, используемые при совершении преступлений (ст. 7 Директивы). При этом статистические данные должны включать сведения о количестве зарегистрированных преступлений, а также о лицах обвиняемых и осужденных за совершение обозначенных преступлений. Государства-члены передают указанную информацию в Европейскую Комиссию, которая обеспечивает публикацию и передачу консолидированного обзора статистических данных в уполномоченные специализированные агентства и органы ЕС².

Аккумуляция сведений о преступлениях, связанных с сексуальной эксплуатацией детей, осуществляется аналогичным образом в соответствии с Директивой Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2011/92/ЕС от 13.12.2011 по борьбе с сексуальным насилием и сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографии³.

Среди положительных примеров, представленных в Руководстве, следует также отметить Австралийскую сеть онлайн-сообщений о киберпреступлениях (ACORN) 4, которая представляет собой информационную систему, обеспечивающую гражданам возможность безопасно сообщать о различных актах ки-

¹ Guide for Criminal Justice Statistics on Cybercrime and Electronic Evidence // Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/Building-a-solid-foundation-for-measuring-the-impact-of-cybercrime> (дата обращения: 25.11.2020).

² Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2013/40/ЕС от 12.08.2013 об атаках на информационные системы и о замене Рамочного Решения 2005/222/ПВД Совета ЕС // ИПП «Гарант сервис». URL: <http://base.garant.ru/70557982/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954/#ixzz6etp4xxLh> (дата обращения: 26.11.2020).

³ Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2011/92/ЕС от 13.12.2011 по борьбе с сексуальным насилием и сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографии, а также о замене Рамочного решения 2004/68/ПВД Совета ЕС // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/homepage.html> (дата обращения: 26.11.2020).

берпреступности и получать советы о том, как своевременно их распознать и избежать негативных последствий. Инициатива реализуется всеми полицейскими ведомствами, а также правительством Австралии¹.

Во втором разделе рассматриваются различные аспекты сбора статистических данных о киберпреступности и электронных доказательствах, в частности, относительно современной правоприменительной практики, и осуществления международного сотрудничества в рассматриваемой сфере.

Значительное внимание в данном контексте уделяется тому обстоятельству, что сбор и использование статистических данных в области киберпреступности имеют определенные особенности, которые отличают обозначенные сведения от статистических данных, собираемых в отношении других видов преступлений. В результате анализа второго раздела Руководства представляется возможным прийти к выводу о том, что к числу особенностей сбора и использования статистических данных в области киберпреступности следует относить следующие:

- транснациональный характер киберпреступности и необходимость использования каналов международного сотрудничества;
- использование технических средств в процессе осуществления преступной деятельности; необходимость изъятия и исследования технических устройств;
- использование электронных платежных средств в преступной деятельности;
- использование специальных инструментов для сбора электронных доказательств во время расследования;
- интенсивное использование электронных доказательств в ходе расследования².

В третьем разделе сосредоточены рекомендации по совершенствованию процессов сбора информации и взаимного обмена статистическими данными в области противодействия преступлениям в сфере информационных технологий, ключевыми среди которых являются:

- 1) учет при проведении статистики подробной информации относительно временного периода, видов киберпреступлений, общего количества киберпреступлений, среднего количества киберпреступлений, регионов, в которых наиболее часто совершаются те или иные виды преступлений в сфере информационных технологий, пола, возраста, криминологической характеристики личности киберпреступника, типа жертвы;
- 2) выявление изменений по сравнению с предыдущими результатами статистического анализа, включая тенденции и обстоятельства, которые ранее оставались без внимания;
- 3) создание агрегированных отчетов на основе заранее определенных параметров;
- 4) использование современных методов сбора статистической информации;

---

¹ Guide for Criminal Justice Statistics on Cybercrime and Electronic Evidence // Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/Building-a-solid-foundation-for-measuring-the-impact-of-cybercrime> (дата обращения: 24.11.2020).

² Guide for Criminal Justice Statistics on Cybercrime and Electronic Evidence // Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/Building-a-solid-foundation-for-measuring-the-impact-of-cybercrime> (дата обращения: 24.11.2020).

5) учет статистических данных в процессе разработки мер реагирования, а также политики в области противодействия преступлениям в сфере информационных технологий и устранения пробелов в законодательстве;

6) учет статистической информации при разработке и реализации инициатив гражданского общества в области противодействия преступлениям в сфере информационных технологий;

7) использование статистических данных при разработке системы мер предупреждения преступлений в сфере информационных технологий, а также при проведении кампаний по повышению осведомленности;

8) налаживание межведомственного обмена статистической информацией в целях получения наиболее полной и объективной картины развития преступлений в сфере информационных технологий;

9) сопоставление статистических данных полиции с данными прокуратуры судебных органов;

10) активное участие в осуществлении международного сотрудничества с государствами, а также международными организациями правоохранительной направленности, по вопросам проведения статистики преступлений в сфере информационных технологий¹.

Подводя итоги всему вышеизложенному, представляется обоснованным сделать вывод о том, что в современных условиях расследования транснациональных преступлений в сфере информационных технологий значительная роль отводится использованию передовых практик в деятельности национальных правоохранительных органов. Интерпол как ведущая международная полицейская организация аккумулирует лучшие решения государств-членов, а также разрабатывает новационные подходы в области противодействия преступлениям в сфере информационных технологий. Одной из последних инициатив в данной области стала разработка Интерпола совместно с Советом Европы Руководства по статистике расследования киберпреступности и электронным доказательствам, которое содержит главным образом передовые практики по работе со статистическим материалом о киберпреступности и электронных доказательствах, а также рекомендации по совершенствованию статистики. Учет положений обозначенного документа в определенной степени может оказать положительное влияние на развитие международного сотрудничества по противодействию преступлений в сфере информационных технологий и на совершенствование процесса расследования преступлений в данной области.

---

¹ Guide for Criminal Justice Statistics on Cybercrime and Electronic Evidence // Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/Building-a-solid-foundation-for-measuring-the-impact-of-cybercrime> (дата обращения: 24.11.2020).

Мягкова А. В.¹,

*студент юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации;*

Леонтьев С. В.²,

*студент юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации;*

Научный руководитель:

Григорьева Н. В.,

*доцент Департамента международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

XXI век – время информационных технологий. Технологии затрагивают все сферы нашей жизни, в том числе институт уголовного судопроизводства:

- подача ходатайств, заявлений и жалоб в электронном виде;
- электронные носители информации признаются вещественными доказательствами, определен порядок их изъятия и хранения (ч. 4 ст. 81, ст. 81.1, ч. 2.1 ст. 82, ст. 164.1 УПК РФ);
- признание документами материалов, содержащих сведения как в письменном, так и в ином виде (фото- и киносъемки, аудио-и видеозаписи и иных носителей информации – ч. 2 ст. 84 УПК РФ);
- введение с 1 октября 2019 г. аудиопротоколирования в судебном заседании судов первой и апелляционной инстанций (ч. 1 ст. 259 УПК РФ);
- результаты контроля и записи переговоров и информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами признаются доказательствами (ст. 186, 186.1 УПК РФ);
- по судебному решению осуществляется осмотр и выемка электронных сообщений или иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи (ч. 7 ст. 185 УПК РФ).

Введение электронного документооборота в уголовный процесс России рассматривается скорее как необратимое будущее, но пока что не наступающее по ряду причин как технического, так и процессуального характера. Если говорить о технических проблемах, препятствующих введению электронного документооборота, к ним можно отнести:

- 1) необходимость разработки эффективного программного обеспечения, единого для всех органов уголовного преследования и по всей стране;

---

¹ © Мягкова А. В., 2021.

² © Леонтьев С. В., 2021.

2) решение важных вопросов о надежности хранения данных, вопрос доверия граждан к электронному документообороту, безопасности электронного уголовного дела от попыток взлома и вирусов;

3) оснащение следователей, дознавателей, их руководителей, а также вышестоящих органов, которые осуществляют контроль и надзор, автоматизированными системами для создания материалов уголовных дел в электронном виде;

4) обучение сотрудников правоохранительных органов по работе с электронным документооборотом;

5) обеспечение доступа к электронному производству лицам, не имеющим возможности ознакомления с документами электронно или не умеющими это делать;

б) необходимость привлечь множество выдающихся специалистов в области программирования и информационных технологий, чтобы создать специальную программу, более того, разработка защиты от вирусов, которые могут использовать хакеры для взлома приложения. Технология разработки подобной программы должна будет быть включена в перечень объектов, составляющих государственную тайну, так как если программу взломают, то могут от имени органов следствия, дознания или суда создать соответствующие публичные документы, которые выносятся только от имени этих лиц.

По поводу модернизации уголовного-процессуального закона в сфере электронного документооборота стоит отметить, что его нормы должны быть изменены так, чтобы при применении цифровых технологий не возникало рисков для ограничения или нарушения прав граждан на доступ к справедливому правосудию.

Следственная практика полна примеров, демонстрирующих устаревание процессуальных норм и действий при осуществлении досудебного производства. Бывают случаи, когда обвинительное заключение состоит из нескольких томов, доходящих до сотни, с учетом того, что нужно еще сделать копии всех этих томов при вручении их обвиняемым может потребоваться грузовая машина. Вместо того, чтобы создавать бумажный вариант уголовного дела, дешевле и, что немаловажно, экологичнее использовать электронные носители или компьютеры и предоставить их обвиняемым для ознакомления с материалами уголовного дела.

Обратимся к опыту Республики Казахстан по внедрению электронного документооборота в уголовном процессе. Законом РК от 21 декабря 2017 г. № 118Л/1 УПК РК дополнена статьей 42-1, которая предусматривает ведение уголовного производства на бумаге и (или) в электронном формате. Выбор формата остается на усмотрение лица, проводящего расследование. Если по каким-либо причинам невозможно продолжить ранее отобранное производство в электронном формате, лицо, ведущее расследование, переходит на бумажный формат и принимает соответствующее решение¹. Нововведение весьма разумно, современно и экономически обосновано.

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.11.2020) // Казахстанская правда. № 133 (27754).

По законодательству Казахстана форма электронного документа разнообразна: гражданский иск; запрос на истребование уголовного дела для подачи ходатайства, лицами, имеющими право на внесение представления; протокол главного судебного разбирательства; принесение протеста на вступившие в законную силу судебные акты; ходатайство, протест или представление о пересмотре вступивших в законную силу судебных актов; заявление об уголовном правонарушении.

Также в Республике Казахстан создан «Единый реестр досудебного расследования» и ресурс «Электронные уголовные дела», у Генерального прокурора появились полномочия по вынесению решений по уголовным делам в электронном формате, обязательных для исполнения всеми органами досудебного расследования, закрепленных в Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате¹.

Решение о выборе электронного формата уголовного дела принимает лицо, на которое возложено досудебное расследование, при принятии его в собственное производство (пункт 10 Инструкции), по которому выносится мотивированное постановление. После вынесения постановления надзирающему прокурору отправляется автоматическое уведомление в течение 24 часов.

На основе сказанного логично проявить инициативу о внесении изменений в УПК РФ, дополнив его положениями об оформлении заявлений, ходатайств, доказательств и др. в электронной форме.

Хорошо себя зарекомендовала введенная в 2006 г. система ГАС «Правосудие», представляющая свободную информацию о судебном делопроизводстве, обеспечивающая информационную интеграцию судебной деятельности в России, которая открыла доступ к информации о движении уголовного дела, текстам судебных решений, в том числе приговорам. Что мешает пойти дальше и создать платформу досудебного производства?

Безусловно, составление электронных процессуальных документов досудебного производства требует существенного дополнения и детальной переработки уголовно-процессуального законодательства нашей страны. Появление электронных доказательств и их процессуальное оформление и хранение несет за собой разработку логичной модели объединения бумажного и электронного документооборота при производстве по уголовному делу. Если это будет осуществлено, то у лица, имеющего электронную цифровую подпись, будет возможность быстро подготовить и прислать следователю электронный документ и получить от него электронные документы, не нужно отрицать, что данная модель экономит время и ресурсы сторон. Существует сложность применения электронной цифровой подписи, так как протокол следственного действия должен быть подписан всеми участниками, а электронная подпись может быть не у всех участников. Можно сделать предложение при такой ситуации: во-первых, организовать видеофиксацию следственного действия, во-вторых, составить протокол на бумажном носителе, но с условием его будущего перевода на электронный носитель и последующее приобщение к материалам электронного уголовного дела.

---

¹ Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате // Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде, 26.01.2018.

Эффективная диджитализация уголовно-процессуальной деятельности позволит решить существующие кадровые проблемы, даст возможность высвободить сотрудников на решение более важных задач, при этом будет наблюдаться сохранение темпов и объемов выполняемых процессов, за счет чего в целом повысится эффективность предварительного расследования. Различные цифровые технологии позволяют лучше отслеживать качество работы должностных лиц¹.

Важно заметить, что все описанное выше должно быть осуществлено с гарантией сохранения данных электронных документов, без их утечки и попадания «не в те руки», т. е. с гарантией безопасности электронного уголовного дела от попыток взлома и вирусов. Многие люди именно по этой причине боятся электронного документооборота, они боятся потерять свои документы, опасаются, что их данные будут использованы против них. Именно поэтому нужно проводить работу с населением, «прививать» доверие к электронным услугам и документообороту, а для этого нужно доказать на практике, что создана действительно надежная защита данных граждан. Для защиты информации потребуются дополнительные меры безопасности, что сопряжено с лишними расходами. Необходимо принять меры и по повышению сохранности электронной подписи. Также не нужно забывать об экологической стороне вопроса, описанная электронная модель сократит потребление бумаги во много раз.

Безусловно, можно сказать, что успех включения цифровизации приходит со временем, подобные изменения должны носить постепенный характер, а не полностью молниеносно менять систему, которая работала годами и ставить на ее место абсолютно другую. Необходимо найти разумный баланс между существующей системой досудебного процесса, включающей живое общение между участниками дела и ведение бумажных документов, с нововведениями цифрового плана, предусматривающими наличие электронного документооборота, цифровой подписи и общения в онлайн формате. На начальном этапе у граждан должен быть выбор, какой формат им ближе, для каждого желающего будет проведена инструкция, в дальнейшем можно создать единую инструкцию по пользованию платформы, где все будет объяснено четко и понятно, необходимо также создание горячей линии.

---

¹ Григорьева Н. В. Основные направления и перспективы развития информационных технологий в публичном праве при производстве по уголовному делу в условиях цифровизации экономики [Н. В. Григорьева и др.]; под ред. Г. Ф. Ручкиной, М. А. Лапиной // Публично-правовые средства эффективности развития экономики и финансов : монография. Том 1. Часть 2. Публично-правовые средства развития искусственного интеллекта, цифровизации финансов и институтов юридической ответственности. М. : Издательство Русайнс, 2020. С. 207–217.

Синявина Д. А.¹,

*курсант 375 учебного взвода Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Маламагамедова А. Р.,

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

В настоящее время с достаточно большой скоростью происходит развитие киберпреступности. На официальном сайте МВД России представлена статистика за различные временные периоды. Проведя ее анализ, автор обращает внимание на тот факт, что в январе-июле 2020 г. зарегистрировано 272,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 74,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В современное время технологии развиваются с достаточно большой скоростью, именно поэтому остро стоит вопрос о преступлениях, совершенных с их использованием. Также статистика показывает, что данный вид преступлений относится к категории сложнораскрываемых.

В 2012 г. в УПК РФ была включена ст. 164.1, устанавливающая требования к изъятию электронных носителей информации. Помимо прочего, данная уголовно-процессуальная норма определяет круг субъектов, уполномоченных производить изъятие электронных носителей информации. Электронные носители информации изымаются по решению уполномоченного на то лица (следователя, дознавателя) при производстве отдельных следственных действий. Но сам процесс изъятия осуществляет специалист.

Если рассматривать само содержание производства обыска, осмотра, выемки, то в обязательном порядке следует сказать о значительной роли, которую выполняет специалист. Следует разграничивать субъектов, которые обладают специальными познаниями. Во-первых, существует субъект использования, в качестве которого выступает лицо, осуществляющее предварительное следствие. Во-вторых, необходимо выделить субъекта непосредственного применения, в роли которого и выступает специалист.

По мнению В. Н. Григорьева, участие специалиста в следственных действиях, в результате которых электронная информация извлекается, позволило бы устранить значительную долю сомнений в достоверности полученных доказа-

---

¹ © Синявина Д. А., 2021.

тельств, и послужило гарантией защиты прав участников процесса при производстве указанных действий¹.

Статус следователя достаточно понятен и изучен, но что касается специалиста, то автор считает, в данном случае возникают некоторые вопросы.

Необходимо определиться с процессуальным статусом сведущего лица. Статус специалиста как иного участника уголовного судопроизводства закреплен в главе 8 УПК РФ. Часть 1 ст.58 УПК РФ представляет дефиницию, согласно которой: «Специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию».

Стоит определить основные критерии, исходя из которых, можно будет считать конкретное лицо именно специалистом в определенной сфере.

Во-первых, исходя из определения, закрепленного законодательно, специалистом признается «лицо, обладающее специальными знаниями». Стоит учитывать тот факт, что круг данных знаний нигде не закреплен, то есть нет определенного перечня тем, которыми должно владеть сведущее лицо. Ясно лишь то, что данные познания должны являться узкопрофильными, не общедоступными, то есть они должны быть присущи определенному кругу лиц. Помимо этого, необходимо постоянно усовершенствовать данные познания, что напрямую связано с темпами развития технического прогресса, который, в свою очередь, вносит в общественную жизнь различные достижения науки и техники, зачастую используемые в дальнейшем в преступных целях. Именно поэтому для противодействия преступности специалист должен обладать не просто специальными знаниями в определенной сфере своей деятельности, но и постоянно их совершенствовать. Для начала автор считает целесообразным определить, что такое в целом «специальные познания», что включает в себя данный термин.

В. Н. Махов определил специальные знания как «присущие различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу в случаях и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством»². Полагаем, данное определение является допустимым, так как содержит общие положения о лице, обладающем данными познаниями. Помимо этого, В. Н. Махов в своем определении прямо указывает не только на специфику необходимых знаний, но и закрепляет их за лицом, которому они должны быть присущи. То есть в данном случае речь идет о специалисте.

---

¹ Григорьев В. Н. Тенденции и проблемы развития законодательства в области информационных технологий, регулирующего уголовное судопроизводство / В. Н. Григорьев // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 57.

² Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений / В. Н. Махов. М., 2000. С. 84.

П. М. Филиппова и А. А. Мохова определяют специальные знания, как «объем накопленных сведений о фактах действительности или статистическое знание в отличие от познания как способа применения знаний конкретной личности»¹.

Автор считает, что данное определение нельзя назвать исчерпывающим. Так как в данном случае под присущими специалисту знаниями подразумевается опыт, который ранее был накоплен. Не следует отождествлять знания специалиста, полученные в процессе обучения с одной лишь совокупностью практических навыков. Опыт не подразумевает под собой научность и теоретическую обоснованность, которые должны составлять познания.

Таким образом, по нашему мнению, специальные знания – теоретически и научно обоснованные факты, полученные из достоверных источников, которые применяются специалистом в электронной сфере, то есть узкопрофильном направлении, и являются исчерпывающими в разбирательстве по конкретному уголовному делу.

Следующим признаком, характеризующим статус специалиста, являются основные формы использования помощи привлекаемого лица. К ним относится следующее. Во-первых, участие в производстве следственных действий. Во-вторых, привлечение специалиста для применения технических средств. Сведущее лицо обладает не только специальными теоретическими знаниями в определенной сфере, но и умеет использовать различные технические средства, которые способствуют облегчению производства как отдельных следственных действий, так и процесса расследования и раскрытия преступления в целом. Выбор необходимых приспособлений, правильное их применение способствуют обнаружению значительного количества материальных следов. В-третьих, для разъяснения сторонам и суду вопросов, которые входят в профессиональную компетенцию сведущего лица. В-четвертых, специалист привлекается для постановки вопросов эксперту. Так как при обнаружении некоторых предметов, невозможно в короткие сроки сказать, являются ли они вещественными доказательствами, то в этом случае проводится экспертиза, а в постановлении о назначении конкретного вида экспертизы следователем ставятся определенные вопросы. Например, при обыске был обнаружен жесткий диск, который, предположительно, должен содержать определенную информацию о совершенном преступлении. Для того, чтобы обнаружить необходимые данные на этом предмете, следователь принимает решение о назначении компьютерно-технической или программно-технической экспертизы. Для правильной постановки вопросов, и, следовательно, получения информации, которая будет иметь доказательственное значение, уполномоченное лицо должно составить ряд конкретных вопросов. Так как следователь в большинстве случаев не обладает обширными знаниями в дан-

---

¹ Поздняков М. А. Понятие «специальные знания» и его значение для уголовно-процессуальной деятельности / М. А. Поздняков // Актуальные вопросы юридических наук : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). Челябинск : Два комсомольца, 2015. С. 132–134. URL <https://moluch.ru/conf/law/archive/140/7242/> (дата обращения: 16.12.2019).

ной сфере, целесообразно будет привлечь сведущее лицо не только для процесса изъятия устройства, но и для корректного составления вопросов.

Часть 2 ст. 164.1 УПК РФ определяет обязательное участие специалиста при изъятии электронных носителей информации. Электронными носителями информации могут выступать разные объекты, в том числе такие относительно простые предметы, как, например, флеш-карта, или CD-диск. Вряд ли для их изъятия необходимо применение специальных познаний. Возникает вопрос, насколько действительно обоснованно и целесообразно привлечение к участию в следственном действии специалиста¹. Возможно, участие специалиста при изъятии электронных носителей информации на законодательном уровне можно было бы оставить на усмотрение следователя. Тем не менее законодатель решил иначе, а значит необходимо обязательное соблюдение требования об участии специалиста при изъятии электронных носителей информации.

---

¹ Маламагамедова А. Р. Участие специалиста при изъятии электронных носителей информации / А. Р. Маламагамедова // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. В сборнике научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Электронное издание, 2020. С. 166.

Соломатина А. Г.¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

СИНЕРГИЯ ИНТЕЛЛЕКТОВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Искусственный интеллект – эта тема родилась не сегодня и не вчера. И хоть принято считать основоположником данной теории Алана Тьюринга², первым изобрел вычислительную машину наш соотечественник Семен Николаевич Корсаков – русский дворянин, изобретатель механических устройств, «интеллектуальных машин» для информационного поиска и классификации, пионер применения перфорированных карт в информатике³.

За это время она прошла немислимый путь. Если ранее упоминание об искусственном интеллекте было схоже с идеей полета на Марс, то сегодня Илон Маск готовится не только к полету на Марс, но и к его колонизации⁴.

В системе здравоохранения изменения происходят с беспрецедентной скоростью – специалисты проводят операции на расстоянии в 5000 километров от пациента с помощью робота-хирурга «Да Винчи». Конечно, это большой прогресс – нуждающийся может получить помощь, которая ранее была недоступна в его городе или стране.

Искусственный интеллект стал применяться почти во всех сферах жизнедеятельности, даже в тех, о которых раньше невозможно было подумать. Еще недавно автор настоящей статьи выступала с инициативой о необходимости использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, в судебной экспертизе. Сейчас о возможностях использования искусственного интеллекта для нужд судопроизводства ученые стали говорить с такой же частотой, как о стадии возбуждения уголовного дела или защите прав участников уголовного судопроизводства.

Год назад можно было дискутировать о двух проблемах: нужен ли искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве и что делать замещаемому роботом правоприменителю, то в настоящее время задача иная – нужно понимать, как объединить интеллекты в целях эффективного расследования преступлений и правосудия.

Несомненно, искусственному, цифровому интеллекту быть. Это уже звучит как аксиома. И трудно было представить год назад такое стремительное, лавинообразное развитие инструментов искусственного интеллекта. Ученые созда-

---

¹ © Соломатина А. Г., 2021.

² Тьюринг А. Вычислительная техника и интеллект / А. Тьюринг. М., 1950. С. 433–460.

³ Корсаков С. Н. Начертание нового способа исследования при помощи машин, сравнивающих идеи / С. Н. Корсаков ; пер. с франц. под ред. А. С. Михайлова. М. : МИФИ, 2009.

⁴ Герасюкова М. Через пару-тройку лет»: Илон Маск собрался в космос // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/12/07/13390069/musk_space.shtml (дата обращения: 08.12.2020).

ют не просто робота, а мыслящего робота, то есть искусственный интеллект все больше приближается к человеческому. Уже сейчас можно смело заявить, что их использование планируется на государственном уровне, а некоторые уже эффективно внедряются в уголовно-процессуальную деятельность. Так, МВД России планирует использовать искусственные нейросети для расследования серийных преступлений и составления «фоторобота» по ДНК нарушителя.

МВД России намерено активно использовать искусственный интеллект в программном обеспечении, которое должно позволить автоматически выявлять признаки серийных (взаимосвязанных) преступлений, а также определять внешние анатомические признаки преступников (цвет глаз и волос, форму лица и головы) по полученному с мест преступлений биоматериалу, например следам крови¹.

В настоящее время вся информация об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, устанавливается посредством когнитивных способностей субъекта доказывания и участников уголовного процесса, оказывающих ему содействие. Сервис с использованием потенциала искусственного интеллекта позволит автоматически, с высокой степенью вероятности и скорости анализировать необходимую информацию по расследуемому уголовному делу, вычлняя нужный контент из свидетельских показаний, заключений эксперта и специалиста, фототаблиц, материалов видеозаписи и др.

Внешность преступника можно восстановить, составляя фоторобот, а также по найденным на месте преступления биоматериалу и дактилоскопической информации. Так, Министерство внутренних дел рассчитывает провести научно-исследовательские работы по внедрению искусственного интеллекта для определения внешности преступника в 2021–2022 гг., планируя ввести в эксплуатацию систему в 2024 г.². Конечно, для последующей криминалистической идентификации обученной машине необходимо владеть богатой базой data set.

Выполнимой задачей является и задействование искусственных нейронных сетей для структурирования цепочек взаимосвязанных преступлений, для чего необходимо описать признаки преступления, которые в будущем сравниваются с аналогичными.

Искусственный интеллект может быть задействован при планировании, выдвижении следственных версий, определении круга следственных действий и необходимых сил и средств для их проведения, для получения информации из баз данных и ее анализа, принятия процессуальных решений, дачи поручений, составления процессуальных документов, проведения экспертиз, использовании специальных знаний, производства процессуальных действий в труднодоступных и опасных для жизни и здоровья местах.

При производстве допроса, очной ставки, обыска и других следственных действий искусственные нейронные сети, обрабатывая изображение лица, спо-

---

¹ МВД внедрит нейросети для поиска серийных убийц и созданий фотороботов. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/11/2020/5fae6ad49a79470ca94aff66?from=newsfeed (дата обращения: 08.12.2020).

² Дмитрий Чернышенко провел заключительную стратегическую сессию по искусственному интеллекту для руководителей цифровой трансформации федеральных ведомств. URL: <http://government.ru/news/40846/> (дата обращения 09.12.2020).

способны определять эмоциональное состояние человека и с частотой две тысячи раз в секунду фиксировать движения его глаз, отражающих уровень и направленность внимания. Состояние бодрствования или сна можно определить по ритмам мозга, особенностям речи или электропроводимости кожи.

В настоящее время нужно определиться: какие технологии необходимы для расследования уголовных дел и все имеющиеся разработки использовать для содействия следователю, дознавателю, прокурору и суду в расследовании преступлений. Следует допустить интеллектуальные машины ко всем рутинным техническим работам. Конечно, для реализации этого проекта нужно преодолеть некоторые проблемы, связанные с финансированием и созданием информационного банка данных.

Для науки уголовного процесса стоят и другие задачи – создание нормативно-правового поля для использования искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности, и, что особенно важно – продумывание механизмов соблюдения прав участников уголовного судопроизводства, обеспечения уголовно-процессуальных гарантий.

Необходимо предусмотреть ответственность за ненадлежащее выполнение уголовно-процессуальных функций. И здесь, несмотря на существующую полемику в уголовно-процессуальной доктрине, вывод, на наш взгляд, должен быть один – юнит искусственного интеллекта не может нести ответственность. Вся ответственность возлагается на должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Мир меняется. Искусственный интеллект стремится к доминированию, но, несмотря на прогрессивное внедрение искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство, следует понять главное, что речь идет не о замене естественного интеллекта, а об их синергии. Основная задача правоприменителя состоит в том, чтобы научиться сосуществовать с искусственным интеллектуальным миром, найти баланс между искусственным и человеческим интеллектом. Цифровые технологии обязательно должны быть управляемыми и не выйти из-под контроля человека.

Обоснованы ли опасения о том, что искусственный интеллект заменит человеческий и наши следователи потеряют свои рабочие места? Мы уже отмечали¹, что поддаться этому страху – значит вообще остановить прогресс и развитие цивилизации. Не стоит бояться потери рабочих мест. Юриспруденция – это искусство, осуществление доказывания по делу – творческий процесс, непосильный роботу. Несомненно, искусственный интеллект изменит юридическую профессию, характер и структуру полномочий правоприменителя. Поэтому уместно говорить о развитии иных компетенций, о подготовке нового поколения следователей, дознавателей, способного работать в условиях информатизационной глобализации и искусственной интеллектуализации общества. Правоприменитель должен стать специалистом, обладающим гибкими когнитивными навыками, как в сфере искусственного, так и естественного интеллекта.

---

¹ Соломатина А. Г. Допустимость искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // А. Г. Соломатина // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 97–100.

Подводя итог изложенному, сделаем вывод, что использование искусственного интеллекта при осуществлении уголовного судопроизводства целесообразно и необходимо. Безусловно, нужно продолжать изучать феномен искусственного интеллекта и внедрять его технологии для облегчения труда правоприменителя. Но не меньшее значение нужно уделять изучению человеческого мозга, возможности которого задействованы всего лишь на 5 процентов. Не забывать, что «мозг – это посланник к сознанию»¹. Нельзя допустить ситуацию, при которой искусственный интеллект выйдет из-под контроля человеческих возможностей. Правоприменитель будущего должен научиться управлять искусственным интеллектом, при этом развитию своего собственного уделять не меньшее значение и, используя потенциал этих двух сил, синергично осуществлять уголовное судопроизводство.

---

¹ Penfield W. The Mystery of Mind. Princeton: Princeton University Press, 1975.

Тхазепова А. З.¹,

*студент юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации;*

Научный руководитель:

Григорьева Н. В.,

*доцент Департамента международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ИНТЕРНЕТ-ТЕРРОРИЗМ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Современное общество – это информационное общество. Роль сети Интернет в жизни каждого человек неумолимо растет с каждым днем. Интернет весьма легок в использовании, там есть огромное количество информации, и он открыт для пользования всему человечеству. Именно эти факторы привлекли террористические организации для его использования в своих целях.

Являлась главным инструментом дестабилизации общества и государства, терроризм вышел на новый уровень. Террористы нашли более легкий способ достижения своих целей благодаря возможности использования Всемирной информационной сети.

По данным МВД России сеть Интернет чаще всего используется для публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма. Обвинения в терроризме с использованием информационно-телекоммуникационных технологий возрастает. Если в 2019 г. МВД России было выявлено 25,4 % преступлений террористического характера с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по ст. 205.2 УК РФ, то за январь–август 2020 г. количество преступлений по этой статье уже составляет 23,2 %. Стоит отметить, что строка со сведениями по ст. 205.2 УК РФ в статистике МВД России появилась лишь в 2019 г.², что определяет актуальность рассматриваемого вопроса.

Согласно официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2019 г. количество преступлений террористического характера возросло на 7,6 % (с 1 679 до 1 806). При этом преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации зарегистрировано 294 409 (+68,5 %). Данные 2020 г. также свидетельствуют об увеличении, более чем на четверть, числа преступлений террористического характера (+28,1 %, 1 419). При этом почти половина из них приходится

---

¹ © Тхазепова А. З., 2021.

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения 23.10.2020).

на регионы Северо-Кавказского федерального округа (+18,2 %, 674)¹. По данным судебной практики за 2018 г. по ст. 205.1-205.6 и 206 УК РФ в общем поступило 324 дела, в 2019 г. по этим же делам количество поступивших дел увеличилось на 89 и составило 413 дел. На первую половину 2020 г. количество дел по этим категориям составляет 229 дел².

В начале 2020 г. суд заочно вынес приговор бывшему Министру обороны Украины Анатолию Гриценко и приговорил к шести годам лишения свободы за совершение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности на территории Российской Федерации с использованием средств массовой информации (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ)³.

В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы предварительного расследования терроризма в сети Интернет.

Террористическую деятельность в сети Интернет квалифицируют следующим образом⁴: активизм; хакерство; кибертерроризм. На данный момент законодательство Российской Федерации не дает правового понятия этим явлениям. Данные преступления регулируются ст. 205.2 и главой 28 УК РФ.

Террористы зачастую используют Интернет для вербовки; пропаганды; поиска финансов; подготовки исполнителей; подстрекательства совершения террористических актов; сбора и распространения информации в террористических целях; внутренней связи террористических группировок; обмена и передачи информации о планируемых террористических актах.

В Республике Татарстан группа местных жителей признана виновной в организации деятельности террористической организации и участия в ней. Следствием и судом установлено, что злоумышленники организовывали в городе Казани деятельность структурного подразделения запрещенной на территории Российской Федерации международной террористической организации «Партия Исламского Освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»). Так, с августа 2015 г. по февраль 2017 г. на съемных квартирах подозреваемые проводили нелегальные агитационные собрания участников подразделения «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», а также склоняли граждан, исповедующих Ислам, к участию в деятельности террористической организации, в том числе посредством размещения различных материалов в социальных сетях. Также установлено, что злоумышленниками осуществлялся сбор денежных средств на финансирование террористической организации. Приговором суда участникам террористиче-

---

¹ Состояние преступности в России // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/>. (дата обращения: 23.10.2020).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018, 2019 г. и шесть месяцев 2020 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461>. (дата обращения: 23.10.2020).

³ Следственный комитет РФ // Официальный сайт. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1442095/> (дата обращения: 23.10.2020).

⁴ Мухамбетов Ж. С. Терроризм в сети / Ж. С. Мухамбетов // Молодой ученый. 2018. № 11 (197). С. 59–62.

ской организации назначено наказание в виде лишения свободы на срок от 11 до 22 лет в колонии строгого режима¹.

Одна из особенностей терроризма в сети Интернет в том, что террористы быстро приспосабливаются к технологическим открытиям. Использование новых методов распространения и обработки информации позволяет террористическим организациям успешно совершать террористические акты.

Сложность расследования терроризма в сети Интернет в том, что это требует особых знаний и технологий. Эффективное расследование данной категории преступлений не представляется возможным без информационных знаний позволяющих понять методы осуществления незаконной деятельности в сети. Отсутствие данного «особого» элемента может привести к затрудненному расследованию и судебному разбирательству по этой категории дел.

Специфика данного преступления порождает специфику доказательств по данным категориям дел. Доказательства террористических преступлений информационно-технологического характера будут представлять из себя цифровые данные, которые придется анализировать органам, занимающимся расследованием данного преступления, – следователям Следственного комитета РФ. Учитывая указанные обстоятельства, могут возникнуть проблемы в ходе расследования, поскольку данная категория дел требует не только компетентности и владения набором специальных навыков и знаний, но и опыта ведения данного характера дел, позволяющего определить имеющуюся информацию в качестве доказательств.

Компетентность следователя в вопросах получения и изъятия цифровых улик позволит собрать не только нужный объем допустимых доказательств, но и обеспечит качество полученной информации для отнесения к данному делу.

Другая проблема состоит в анализе и хранении цифровых доказательств. Проблема заключается в том, что цифровые улики очень легко потерять, изменить или же удалить. Цифровые доказательства очень легко стереть или сфальсифицировать, причем во время производства следственного действия – выемки. Именно поэтому полагаем, что выемка информации с сервера должна проводиться исключительно специалистом.

Подобрать правильный механизм действия при расследовании данной категории дел весьма сложно, поскольку террористы используют широкий круг инструментов и каналов связей в сети, что также не позволяет всегда вовремя и корректно фиксировать противозаконные явления.

В случаях использования террористами различных платформ Интернета с использованием пакета цифровых данных органы расследования попадают в затруднительную для них ситуацию. Им сложно установить точность информации, указывающей на время и местонахождения террористов в определенный промежуток времени.

Приемы террористов разнообразны, если при использовании пакетов цифровых данных и использования беспроводной сети еще как-то дают возможность идентифицировать IP-адрес, то в случаях использования черновигов

---

¹ Следственный комитет РФ // Официальный сайт. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1436747/> (дата обращения: 23.10.2020).

электронной почты¹ это почти невозможно. Суть данных действий заключается не в отправке информации, а в сохранении нужной. Иными словами, определенный круг террористов имеет доступ к электронному почтовому ящику и, заходя в сохраненные письма с разных устройств и мест, разные люди могут получить нужную информацию для совершения террористических актов. Это создает проблемы для выявления всех участников действующей террористической группировки.

Как уже говорилось ранее, террористические организации используют Интернет для сбора данных и распространения своей идеологии. Активные террористические организации имеют в своем распоряжении веб-сайты, поддерживающие несколько языков для «облегчения» передачи информации. Используя эти возможности, террористы пытаются не только распространить нужную им информацию, но и находить любую информацию в деталях, причем анонимно и с минимальными человеческими и материальными затратами.

Определенную проблему создает использование Wi-Fi. Когда беспроводная сеть открыта для доступа любой пользователь может ее использовать, не оставляя никаких данных. Такая проблема возникает из-за присвоения цифровым данным IP-адреса той сети Wi-Fi, которую использовал террорист, и поэтому его личность остается неидентифицированной. Поскольку иногда такой Интернет имеет большую зону распространения, нельзя сразу установить точное местоположение нужного пользователя сети.

Из выделенных нами методов использования сети Интернет террористическими организациями вытекают проблемы, от решения которых зависит правильность и оперативность деятельности правоохранительных органов, включая предварительное следствие.

Оперативная деятельность Управления «К» и других подразделений МВД России в области терроризма с использованием сети Интернет имеет определенные успехи. В 2017 г. правоохранительным органам удалось остановить готовящийся террористический акт в г. Москве. Органами был задержан уроженец Киргизской Республики, который, находясь на территории Российской Федерации, размещал в социальной сети Интернет текстовые комментарии, публично оправдывающие терроризм, а также при ведении интернет-переписки с жителями Кировской области склонял последних к совершению террористических актов на территории Российской Федерации, выезду за рубеж и присоединению к деятельности запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации².

Но, несмотря на это, наблюдается отставание от зарубежных стран в организационно-тактическом плане. Большое внимание следует уделить профессиональной подготовке специалистов в сфере защиты сведений и обработки цифровых данных.

---

¹ Моисеенко А. С. Расследование преступлений террористического характера в сети Интернет. Уязвимые каналы сети Интернет, используемые террористами при совершении преступлений / А. С. Моисеенко // Ростовский научный журнал. 2016. №4. С 28–41.

² Новости Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1191327/> (дата обращения: 23.10.2020).

Решением проблем в сфере кибертерроризма могут стать:

- увеличение разносторонних специализированных структур правоохранительных органов для постоянного мониторинга и своевременного принятия мер по пресечению террористической деятельности;
- усиления действий по агитации и пропаганде противодействия терроризму на различных платформах Интернет, направленных на молодежную среду;
- расширения законодательства путем внедрения новых законов, основанных на положительном опыте зарубежных стран в борьбе с кибертерроризмом;
- использование возможностей технологии искусственного интеллекта.

Учитывая изложенные выше рассуждения и опираясь на положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ¹ в части преступлений террористического характера с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, мы приходим к выводу, что для повышения эффективности предварительного расследования и вынесения судом обоснованного и справедливого решения по делам стоит создать центры на базе МВД России для подготовки сотрудников межведомственных правоохранительных органов, для обучения их специфике ведению работы по раскрытию и расследованию преступлений террористического характера с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (в ред. 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

Тютерева Ю. С.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Мичурина О. В.,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ПУТЕМ ВНЕДРЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ПРОЦЕДУР

К важнейшему принципу уголовного судопроизводства относится его осуществление в разумный срок. В свою очередь, указанный принцип является одним из основных для обеспечения прав граждан при производстве по уголовному делу. В ст. 6.1 УПК РФ прямо указывается, что обстоятельства, связанные с организацией работы правоохранительных органов, не учитываются в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства. Вместе с тем именно проблемы в надлежащей организации их деятельности, отсутствие современного и эффективного порядка производства являются основными причинами затягивания процессуальных сроков. Сложная эпидемиологическая ситуация, связанная с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, лишний раз показала российскому уголовному судопроизводству на необходимость внедрения именно таких процедур, которые могли бы обеспечить его осуществление в разумные сроки.

Согласно Обзору по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), утвержденному Президиумом Верховного Суда РФ от 21 апреля 2020 г. № 1, введение в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» правовых режимов, предусматривает ограничения нахождения граждан в государственных и иных учреждениях, предполагает возложение на них обязанностей публично-правового характера. В обзоре содержится указание на то, что введение правовых режимов может являться основанием для отложения судебного разбирательства в силу ч. 1 ст. 253 УПК РФ. Однако относительно досудебных стадий производства документ положений не содержит. Напротив, введенные ограничения лишь усугубили и без того уже имеющиеся проблемы осуществления надлежащего порядка производства следственных действий, ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела и пр. Актуальность темы ста-

---

¹ © Тютерева Ю. С., 2021.

ты обусловлена поиском путей повышения эффективности уголовного судопроизводства в условиях новой цифровой реальности.

Перспективным направлением в решении назревшей проблематики является дистанционный порядок производства по уголовному делу, который позволит более эффективно реагировать на возникающие угрозы и складывающуюся цифровую действительность. Дистанционный порядок производства по уголовному делу позволит ограничить распространение болезни, а также станет одним из аспектов реализации конституционного права граждан на охрану здоровья. Положительные стороны внедрения дистанционных процедур весьма широки. Так, к значительному преимуществу, существенно оптимизирующему работу правоохранительных органов, следует отнести сокращение сроков рассмотрения дела и издержек участников процесса. Однако в юридической литературе с сожалением отмечается, что дистанционное участие в проверочных, а тем более следственных действиях в уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрено¹. Учитывая правоприменительные потребности, указанная проблематика требует безотлагательного решения.

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что понятия дистанционного порядка производства по уголовному делу в нем не содержится. Таким образом, предлагаем следующую его интерпретацию: под дистанционным порядком производства по уголовному делу следует понимать процессуальную форму уголовного судопроизводства, реализуемую с помощью информационно-телекоммуникационной сети и информационных систем, при соблюдении прав и законных интересов его участников.

По мнению В. П. Малахова, логично начинать анализ проблемы выражения права в контексте той или иной формы общественного сознания с установления корреляций между базовым понятием и некоторой совокупностью понятий, имеющих отчетливый правовой смысл². Понятие *дистанционный порядок производства* коррелирует с такими понятиями, как: 1) уголовно-процессуальная форма³; 2) информационное пространство⁴; 3) объекты критической информационной инфраструктуры; 4) информационные технологии⁵; 5) информационная система; 6) информационно-телекоммуникационная сеть.

Таким образом, понятие дистанционный порядок производства по уголовному делу объединяет вокруг себя весьма широкий спектр иных определений,

¹ См. об этом, например: Овчинникова О. В., Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы / О. В. Овчинникова // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2019. С. 108–116.

² Малахов В. П. Право в контексте форм общественного сознания. Принцип правопонимания : монография / В. П. Малахов. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015.

³ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса в 2-х томах / М. С. Строгович. Т.1. М. : Наука, 1968. С. 51 ; Строгович М. С. Уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальная форма / М. С. Строгович ; под. ред. В. М. Савицкого // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М. : Наука, 1979. С. 16.

⁴ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. Федеральный выпуск № 0(4131).

закрепленных как в законодательстве, так и в юридической науке. Все их необходимо рассматривать в четкой взаимосвязи друг с другом.

Внедрение дистанционных процедур в уголовно-процессуальную деятельность есть назревшая необходимость и будущая реальность, ведь вопросы оптимизации уголовного судопроизводства давно рассматриваются как юридической наукой, так и правоприменительной практикой. Так, в рамках круглого стола, состоявшегося 15 октября 2020 г. «Практические аспекты цифровизации деятельности адвоката и уголовного судопроизводства» было отмечено, что для адвокатов удаленное участие в уголовном судопроизводстве и других видах правосудия становится неизбежностью¹.

В юридической литературе А. В. Победкиным и Ю. В. Гаврилиным справедливо было отмечено, что в условиях информационного общества ни одно направление государственной деятельности не может не испытывать на себе влияние данных технологий. Вместе с тем в области уголовного судопроизводства цифровые технологии используются пока в минимальной степени². По мнению Н. В. Разумова и Д. Г. Запрутина, при анализе УПК РФ становится очевидным наличие положений об использовании технических средств, которые не соответствуют проблемам современной жизни, многие моменты не принимаются во внимание и остаются без практического применения³.

Рассмотрим диапазон применения технических средств в процессе производства по уголовному делу. На основании ст. 164 УПК РФ допускается применение технических средств и способов обнаружения, фиксации, изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Также в процессе судебного производства уже около 10 лет активно применяется система видеоконференцсвязи для допроса свидетеля. При необходимости проведения допроса в указанной форме суд выносит соответствующее решение (ст. 278.1 УПК РФ). Тем не менее стадия досудебного производства нуждается в введении подобных изменений совсем не меньше. Данные, представленные Верховным Судом РФ, указывают на то, что с момента первого использования системы видеоконференцсвязи с ее помощью в суде было рассмотрено более 350 тысяч уголовных дел⁴. Практический опыт использования систем видеоконференцсвязи указывает на соответствие внедренных технических средств коммуникации потребностям современного уровня судебного разбирательства.

¹ URL: <https://fparf.ru/news/fpa/na-pervykh-podstupakh-k-tsifrovizatsii/>.

² Гаврилин Ю. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества / Ю. В. Гаврилин, А. В. Победкин // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38.

³ Разумов Н. В, Использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве / Н. В. Разумов, Д. Г. Запрутин // Уголовный процесс и расследование преступлений. 2018. С. 13–17.

⁴ Кравец Е. Г. Результаты анализа проекта федерального закона «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видеоконференцсвязи)» / Е. Г. Кравец, И. В. Казначей // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2.

Проблема применения систем видеоконференцсвязи в уголовно-процессуальную деятельность на досудебных стадиях производства неоднократно поднималась на законодательном уровне. В 2015 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 764131-6 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видеоконференцсвязи)»¹, в пояснительной записке к которому было отмечено, что для практических работников возможность использования систем видеоконференцсвязи в ходе уголовного судопроизводства очевидный плюс. В первую очередь, это касается сокращения сроков следствия (соблюдение требований ст. 6.1 УПК РФ) и уменьшения финансовых затрат на обеспечение процесса расследования. Мы разделяем позицию автора законопроекта в части необходимости внесения в УПК РФ соответствующих изменений. В результате рассмотрения в первом чтении законопроект был отклонен, было отмечено, что реализация законопроекта может привести к значительному увеличению нагрузки на следователей, дознавателей. Данное заключение видится нам как недостаточно обоснованное и несоответствующее практической реальности правоохранительных органов Российской Федерации.

Также в 2018 г. был внесен проект федерального закона № 434998-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о допросе свидетеля следователем посредством видеоконференцсвязи)»². Предлагаемая норма позволяет следователю лично допросить свидетеля, не покидая территорию производства предварительного следствия и не дожидаясь приезда свидетеля на допрос, то есть способствует сокращению сроков расследования уголовного дела, что также удобно и для самих свидетелей. Законопроект был рассмотрен в первом чтении, в рамках которого Правительство РФ вынесло заключение, резюмирующее, что реализация законопроекта может привести к значительному увеличению дополнительных финансовых затрат из федерального бюджета. С учетом состоявшегося обсуждения Совет Государственной Думы принял решение отложить рассмотрение указанного проекта федерального закона. 5 ноября 2020 г. Федеральная палата адвокатов анонсировала новость, что сенатор Российской Федерации Андрей Кутепов подготовил обновленный проект федерального закона № 434998-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о допросе свидетеля следователем посредством видеоконференцсвязи)»³.

---

¹ О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видеоконференцсвязи): проект федерального закона № 764131-6 // Официальный сайт. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/764131->

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о допросе свидетеля следователем посредством видеоконференц-связи): проект федерального закона №434998-7 // Официальный сайт. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7>.

³ URL: <https://fparf.ru/news/fpa/ustranit-beskonechnuyu-volokitu-v-rassledovanii/>.

Учитывая вышеизложенные законодательные инициативы, можно выявить назревшую объективную необходимость внедрения дистанционных технологий на досудебных стадиях производства по уголовному делу, а затраты, понесенные государством на обеспечение правоохранительных органов необходимыми техническими средствами, резонируют на фоне финансовых затрат, затрачиваемых на обеспечение процесса расследования. По-нашему мнению, внедрение дистанционных процедур позволит:

– сократить письменные поручения следователя органу дознания по месту производства предварительного расследования (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ); поручения органу дознания или другому следователю вне места предварительного расследования (ч. 1 ст. 152 УПК РФ);

– снизить финансовые затраты на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием потерпевшего, свидетеля, их законных представителей, эксперта, специалиста, переводчика, понятых, а также адвоката по назначению (расходы на проезд, наем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства);

– устранить проблемы правоприменения, возникающие при производстве по уголовному делу в условиях пандемии, глобальных бедствий, природных катаклизмов или иных особых условиях, когда личное участие человека затруднено, либо вообще невозможно;

– обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства в условиях пандемии, глобальных бедствий, природных катаклизмов или иных особых условиях.

Таким образом, необходимость внедрения дистанционных процедур в производство по уголовному делу, особенно в досудебной части, не вызывает сомнений. В решении этого вопроса российский уголовный процесс не может оставаться в стороне, он должен соответствовать тому высокому уровню, на который вышли многие страны. Цифровая телекоммуникационная инфраструктура доказала свою эффективность тем, что обладает способностью быстро адаптироваться к серьезным вызовам, выдерживать большую нагрузку и работать без сбоев в непростых условиях.

Угольникова Н. В.¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент;

Шibaева Ю. Н.²,

курсант 372 взвода Института подготовки сотрудников

для органов предварительного расследования

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ

В настоящее время активно используется видеоконференцсвязь при проведении судебных заседаний. Данное новшество позволило облегчить судебный процесс и решить проблему невозможности лица присутствовать лично на заседании суда, например, из-за нахождения в другом регионе страны. 2020 г. выдался тяжелым, и на все мировое сообщество выпала тяжелая доля, каждое государство нашей планеты настигла пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19). К сожалению, на данный момент вирус не отступает, а наоборот, мутирует, и в связи с ростом количества заболевших некоторым судам нашей стран пришлось внести определенные коррективы в организацию своей работы (предоставление различного рода заявлений по электронной почте, присутствие в здании суда только участников судопроизводства, при этом все лица должны иметь при себе средства индивидуальной защиты). Суды, исходя из ситуации, принимают решения, рассматривать ходатайства органов предварительного следствия в зале суда или же по видеоконференцсвязи³.

Что же такое «видеоконференцсвязь»? Это технологический процесс, обеспечивающий обмен видео- и аудио- информацией и переработки ее в технологическом режиме, обеспечивающийся при помощи средств телекоммуникации. Он помогает заменить физическое присутствие в определенном месте лиц виртуальным. Использование видеоконференцсвязи (далее – ВКС) – составляющая часть цифровизации в сфере судопроизводства.

Также ВКС может использоваться в отношении лиц, которые находятся в местах лишения свободы. Чтобы не осуществлять перемещение человека из одного места в другое, здесь идет речь о дальних расстояниях, можно осуществить процесс судебного слушания в визуальном формате с помощью современ-

---

¹ © Угольникова Н. В., 2021.

² © Шibaева Ю. Н., 2021.

³ Зуб О. Ю. Видеоконференция как средство упрощения гражданского судопроизводства / О. Ю. Зуб // Вестник Харьковского национального университета им. В. Каразина № 1106. Серия «Право». 2020. Выпуск № 17. С. 3.

ных технологических средств¹. Это также будет являться большим плюсом, так как вышеуказанное решение поспособствует сохранению федерального бюджета и временных ресурсов².

Использование судами ВКС закреплено в Постановлении Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 21.05.2020) «О федеральной целевой программе. Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»³. В 2017 г. данное новшество использовалось почти во всех федеральных судах общей юрисдикции Российской Федерации.

Из анализа п. 16 ч. 4 ст. 47, ч. 13 ст. 109, ч. 1 ст. 240, ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ видно, что с нормативно-правовой точки зрения усматривается обязательно присутствие обвиняемого при судебном разбирательстве в суде первой инстанции, когда решается вопрос о продлении сроков содержания под стражей самого обвиняемого. В УПК РФ представлены нормы, где закреплено право обвиняемого не присутствовать на судебном заседании по продлению срока содержания под стражей – это ч. 14 ст. 109, ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ. Но стоит упомянуть, что положения ст. 109 УПК РФ носят общий характер, то есть затрагивают стадии уголовного судопроизводства.

Также, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» говорится о реализации законного права обвиняемого на присутствие обвиняемого в суде первой инстанции, когда идет процесс решения о продлении сроков содержания его под стражей. В п. 4 данного постановления отражена информация о том, что обвиняемое лицо, находящееся под стражей, может защищать свои права и законные интересы самостоятельно, при желании, а это подразумевает его желание участвовать в судебном разбирательстве. Тогда суд обязан обеспечить обвиняемому в таком случае реализацию права на участие в судебном заседании – права на его физическое присутствие в зале суда или же виртуально (проведение судебного заседания по видеоконференцсвязи), что предусматривается ч. 6.1 ст. 241 и ч. 2 ст. 399 УПК РФ⁴.

Пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета опре-

---

¹ Махмутов М. В. Принцип процессуальной экономии начало положено / М. В. Махмутов // Законность. 2017. № 12. С. 209.

² Антонов И. А. Цели уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальной реформы на современном этапе развития Российского государства / И. А. Антонов, В. А. Горленко // Уголовное судопроизводство. 2018. № 3. С. 65.

³ Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

⁴ Иванов В. В. Использование систем видеоконференцсвязи в современном уголовном процессе / В. В. Иванов // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 171.

деленных действий»¹ закреплено то, что в общезначимых правилах ч. 4 ст. 108 и ч. 13 ст. 109 УПК РФ содержатся исключения, когда при разрешении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражей и о продлении данной меры пресечения, присутствие обвиняемого лично в зале суда необязательно:

а) ситуация, когда принимается решение об избрании данной меры пресечения для лица, которое находится в международном розыске;

б) применение решения об избрании вышеуказанной меры пресечения в отношении лица, скрывшегося от суда, но не содержащегося под стражей. Необходимо, чтобы этот факт был с полной достоверностью известен органам суда;

в) при рассмотрении ситуации, когда возникает вопрос о том, продлевать ли данную меру пресечения в отношении лица, которое находится на стационарной судебно-психиатрической экспертизе и из-за своего психического состояния обвиняемый не может принять участие в судебном разбирательстве. Или же, когда есть документы, удостоверяющие факт невозможности обвиняемого присутствовать на судебном заседании;

г) в случае избрание таковой меры пресечения в суде вышестоящей инстанции, если осужденный был проинформирован на должном уровне о дате, месте и времени проведения судебного разбирательства, но не захотел принимать участие в данном процессе именно в том суде, который избирал для него меру пресечения.

Неоднократно указано Европейским Судом по правам человека, что применение видеоконференцсвязи для организации судебного разбирательства с присутствием самого обвиняемого не противоречит закону, так как здесь не усматривается нарушения норм ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных, а именно содержащего в ней «принципа публичности и справедливости судебного разбирательства». Но стоит помнить о том, если суд решит применять видеоконференцсвязь, то это с его стороны должно поясняться и подкрепляться необходимостью применения данной системы. Если вдруг и возникла ситуация, когда судебное разбирательство проходит с использованием видеоконференцсвязи, то обязательно нужно проследить за тем, чтобы обвиняемый мог четко слышать и видеть остальных лиц, участвующих при проведении судебного разбирательства, каких-либо технических сбоев длительных не должно образовываться. Обязательно еще должно обеспечиваться право на ведение переговоров обвиняемого со своим защитником².

При рассмотрении вопросов применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в ответ на запрос правоприменителей о законности использования систем ВКС при рассмотрении судами уголовных дел и материалов в период пандемии – Верховный Суд РФ указал, что использовать в ходе судебного разбирательства системы видеоконференцсвязи, безусловно, воз-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

² Волеводз А. Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса / А. Г. Волеводз. М. : ООО «Юрлитинформ», 2019. С. 247.

можно. Верховный Суд РФ в обосновании своей позиции апеллировал к понятию справедливого и открытого слушания. Данный ответ усилен ссылкой на правовые позиции Европейского Суда: использование ВКС не противоречит ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; суд должен гарантировать возможность обвиняемому эффективно участвовать в судебном разбирательстве и быть выслушанным без технических препятствий. Верховный Суд РФ указал на необходимость обеспечения непосредственного видео и аудио наблюдения за ходом судебного процесса как обвиняемым, так и участниками процесса, а также права этих лиц беспрепятственно высказывать свою позицию.

С одной стороны, использование ВКС – безусловный способ решения проблем в период пандемии коронавируса. С другой стороны, массовое использование ВКС началось в условиях правовых пробелов и низкой технической готовности суда районного уровня.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ¹ было рассмотрено: уголовных дел с использованием ВКС 3357 (в 1 полугодии 2019 г.) и 7621 (в 1 полугодии 2020 г.), дел об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу с использованием ВКС – 307 (в 1 полугодии 2019 г.) и 5953 (в 1 полугодии 2020 г.).

Как видно из представленных данных, использование ВКС увеличилась вдвое по всем уголовным делам, но при этом были выявлены ряд процессуальных проблем. Рассмотрим их на примере ходатайств, подаваемых в суд порядке ст. 108, 109 УПК РФ (здесь количественные показатели использования ВКС возросло в 18 раз).

Во-первых, возникли проблемы с реализацией процедуры судебного заседания: обвиняемый (подозреваемый), находящийся под стражей, не мог быть ознакомлен с материалами производства в оригинале, не мог иметь консультации с защитником.

Во-вторых, возникли проблемы, вытекающие из ограниченности технического обеспечения, когда обвиняемый (подозреваемый) не мог участвовать в производстве по причине отсутствия свободного оснащенного кабинета (так как количество мест, оборудованных в СИЗО под ВКС, ограничено, часть из них «зарезервирована» под суды субъекта для апелляционных производств с использованием ВКС), что привело опять же к массовым нарушениям сроков производства. В результате ряд обвиняемых безосновательно вышли из-под стражи за истечением сроков.

Также здесь следует отметить позицию ЕСПЧ о приоритете участия защитника при использовании ВКС (см. дела: «Шулепов против России», «Григорьевских против России» и др.).

---

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» (за 1 полугодие 2019 г.) // Официальный сайт. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 26.10.2020) ; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (за 1 полугодие 2020 г.) // Официальный сайт. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 26.10.2020).

Как справедливо отмечают эксперты, цифровизация уголовного судопроизводства должна способствовать повышению доступности и упорядочению производства по делу, а не препятствовать доступности и реализации права на справедливое судебное разбирательство¹.

Технология видеоконференцсвязи на фоне пандемии стала одним из самых актуальных и распространенных инструментов. Однако примеры из практики ЕСПЧ, приведенные Верховным Судом РФ в одном из обзоров, показывают, что не всегда такой сервис может полноценно заменить оффлайн-правосудие. Например, в деле «Сахновский против России»² подсудимый познакомился и побеседовал с назначенным защитником непосредственно за 15 минут до заседания через контролируемую систему связи. При этом вопрос о защите информации и персональных данных при использовании ВКС остается открытым, многие эксперты указывают на необходимость технической и правовой доработки этого вопроса³.

С одной стороны, разумность срока как таковая при использовании ВКС соблюдается, но проблема защиты персональных данных – нет.

Еще одной проблемной стороной использования ВКС является допустимость и достоверность собранной информации. Достоверность и допустимость полученных с помощью видеоконференцсвязи доказательств зависит, в том числе, от качества изображения и звука.

Обобщая материал, отметим, что внедрение современных технологий в процесс проведения судебных заседаний неизбежен, ведь время не стоит на месте, и технологические способы сейчас уже используются во всех сферах. Главное, о чем необходимо помнить, что все современные технологии приходят человеку на помощь, он должен их использовать не для уклонения от исполнения своих прямых профессиональных задач, а для разрешения сложных обстоятельств, возникших в ходе служебной деятельности⁴. Поэтому сейчас в столь непростой период времени для всего мирового сообщества система видеоконференцсвязи эффективна и необходима для проведения судебных разбирательств, так как она способна заменить реальное общение участников судебного заседания на виртуальное, что позволит избежать новых случаев заражения COVID-19, при условии должной правовой регламентации и отработки вопросов цифровой безопасности.

---

¹ Александров А. С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А. С. Александров, О. И. Андреева, О. А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.

² Постановление по существу дела, вынесенное Большой Палатой Суда Постановление ЕСПЧ от 02.11.2010 по делу «Сахновский (Sakhnovskiy) против Российской Федерации» (жалоба № 21272/03) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.

³ Спесивов Н. В. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства / Н. В. Спесивов, А. А. Титов // Вестник СГЮА. 2020. № 3 (134). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-covid-19-kak-faktor-vynuzhdennoy-tsifrovizatsii-rossiyskogo-ugolovno-go-sudoproizvodstva> (дата обращения: 26.11.2020).

⁴ Панюшкин В. А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство / В. А. Панюшкин. Воронеж, 2019. С. 180.

Шестак В. А.¹,

*профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД России,
доктор юридических наук, доцент;*

Савенкова П. Г.²,

*студент 3 курса Международно-правового факультета
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД России*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И БУДУЩЕЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Судебные системы любого государства, вне зависимости от их принадлежности к той или иной правовой семье, сталкиваются с различными проблемами в вопросах перспектив дальнейшего развития. Это обусловлено многими факторами и, в том числе внедрением новых цифровых технологий в правоприменительную деятельность. Одна из них – загруженность судов, равно как и новейшее препятствие на пути отправления правосудия – глобальная пандемия коронавирусной инфекции COVID-19.

Несмотря на то, что эпидемия COVID-19 стала серьезным вызовом для всех сфер жизнедеятельности человека, благодаря ей были внедрены различные новые технологии, и процесс цифровизации в целом существенно продвинулся. Так, была создана международная платформа для помощи государственным судебным органам «Удаленные суды по всему миру» (Remote courts worldwide)³. Российская Федерация является частью данной инициативы наряду с другими 55 странами. Целью создания данного проекта было стремление ускорить глобальную трансформацию деятельности судов. На этой площадке страны-участники делятся опытом. Проект «Удаленных судов» предлагает систематизацию действующих методов и разработок, применяемых в условиях пандемии. На сайте публикуются официальные постановления судов стран-участников, а также последние новости из сферы судопроизводства⁴. В частности, был отмечен вклад Верховного Суда РФ в борьбе с возникающими трудностями, а именно, выпущенный 30 апреля 2020 г. Обзор № 2 «По отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

¹ ©Шестак В. А., 2021.

² ©Савенкова П. Г., 2021.

³ Официальный сайт проекта Удаленных судов по всему миру (Remote courts worldwide). URL: <https://remotecourts.org/> (дата обращения: 04.10.2020).

⁴ Ковид-2019: Удаленные суды по всему миру (COVID-19: REMOTE COURTS WORLDWIDE). 2020. URL: [https://www.newLawJournal.co.uk/content/covid-19-remote-courts-worldwide](https://www.newlawjournal.co.uk/content/covid-19-remote-courts-worldwide) (дата обращения: 04.10.2020).

Сегодня, когда обстановка меняется практически ежедневно, невозможно спрогнозировать дальнейшее развитие событий, однако, совершенно очевидно, что в ближайшее время не получится полностью искоренить вирус, и возможно речь идет о месяцах или даже годах. Исходя из этого, можно предположить, что возвращение к привычному положению дел невозможно, поэтому важно уже сегодня разрабатывать альтернативные методы работы судебных органов¹. Во время введения на территории России жестких ограничений многие судебные слушания проводились с использованием системы видеоконференцсвязи. В соответствии с обозначенным ранее обзором Верховного Суда РФ проведение подобных заседаний не противоречит основным принципам судопроизводства (осуществление правосудия только судом, равенство всех перед законом и судом, гласность и открытость судебного разбирательства и т. д.).

Так, Верховный Суд РФ ссылается на позицию Европейского суда по правам человека, где указывается, что проведение судебных заседаний при помощи видеоконференцсвязи не противоречит понятию справедливого и публичного слушания, если подозреваемый, обвиняемый или подсудимый может беспрепятственно следить за ходом процесса, видеть и слышать его участников, а также быть заслушанным самим. Европейский суд постановил, что судом должна быть гарантирована возможность обвиняемому эффективно участвовать в судебном разбирательстве и быть выслушанным без технических препятствий², более того, видеоконференция может применяться и без согласия обвиняемого, однако необходимость такой меры должна быть мотивирована. Хотя это стало важным шагом на пути развития судопроизводства по гражданским или административным делам – стороны или их представители могут находиться в разных городах и разных часовых поясах, но при этом присутствовать на судебном заседании, это, однако, на данный момент не применимо к рассмотрению всех категорий уголовных дел.

Нельзя не отметить и иные трудности – на данном этапе крайне сложно предоставить переводчика, если одна из сторон дела в нем нуждается, помимо этого вставал вопрос конфиденциальности данных. В первое время многими странами не были созданы специальные программы или платформы, отвечающие нуждам судебных органов, в результате чего использовались сервисы, предназначенные для широкого пользования, что не могло не поставить под угрозу безопасность данных³.

Технологии сегодня – это неотъемлемая часть жизнедеятельности человека, исключением не является и судебная система. Тем не менее в работе любого

---

¹ Сасскинд Р. Будущее судов (The Future of Courts) / Р. Сасскинд. № 5. 2020. URL: <https://thepractice.law.harvard.edu/article/the-future-of-courts/> (дата обращения: 04.10.2020).

² Позиции ЕСПЧ об участии заключенного в уголовном процессе по видеоконференцсвязи и об участии заключенного в судах по гражданским делам. 2014. URL: http://www.echr.ru/news/msg.asp?id_msg=3100 (дата обращения: 04.10.2020).

³ Аллсоп Дж. Технологии и будущее судов (Technology and the Future of the Courts) / Дж. Аллсоп // Журнал Университета Квинсленд. 2019. URL: https://www.fedcourt.gov.au/digital-law-library/judges-speeches/chief-justice-allsope/allsope-cj-20190326#_ftn1a (дата обращения: 04.10.2020).

суда заложен, прежде всего, человеческий фактор и полностью заменить деятельность человека не представляется возможным. Одним из принципов любого судопроизводства является принцип справедливости и соответственно встает вопрос о реализации данного принципа в условиях удаленного рассмотрения дел. Мнения юристов разделяются: одни говорят, что подобные слушания не могут быть прозрачными и не являются справедливыми, другие, наоборот, заявляют о повышении доступности таких слушаний. В любом случае будущее судебных систем не ограничивается сменой зданий суда онлайн-конференциями, речь идет о более масштабных изменениях¹.

Как уже было сказано ранее, наиболее сложным представляется вопрос о рассмотрении уголовных дел о тяжких преступлениях. Это связано с наличием определенных прав обвиняемого или подозреваемого, реализация которых достаточно затруднительна с использованием функций видеоконференций. Так, например, право на конфиденциальное общение с адвокатом, пребывание подзащитного и его представителя в разных местах зачастую затрудняет осуществление этой важной части судебного разбирательства.

Последние события, произошедшие в мире, внесли существенные коррективы в работу судебных органов. С одной стороны, технологии позволили судам продолжать работу – доступ поддерживался благодаря использованию видео и аудио связи. Работа судов стала прозрачнее – многие действия осуществлялись через Интернет, что позволило выполнять их быстрее и расширило доступ к правосудию. С другой стороны, из-за невозможности рассмотрения отдельных категорий дел с использованием технологий, возникали трудности с исчислением процессуальных сроков, многие слушания были отложены на неопределенный период времени.

---

¹ Сасскинд Р. Будущее судов (The Future of Courts) / Р. Сасскинд. № 5. 2020. URL: <https://thepractice.law.harvard.edu/article/the-future-of-courts/> (дата обращения: 04.10.2020).

РАЗДЕЛ III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Артемова В. В.¹,

*заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Проверка сообщения о преступлении является отправным, а в ряде случаев первоначальным и одновременно завершающим, этапом уголовно-процессуальной деятельности, в рамках которой принимается решение, соответственно, о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом. В силу специфики деятельности на данном этапе, связанной с определенным кругом участников, способами доследственной проверки и ограниченными сроками ее осуществления, закономерно встает вопрос о необходимости должной регламентации правоприменительной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела.

Следует отметить, что на этапе предварительной проверки выявляется значительное число нарушений. В частности, за первое полугодие 2020 г. органами прокуратуры в рамках надзорной деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства выявлено 2,8 млн нарушений, почти две трети из них – при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях².

Отмечаются как нарушения учетно-регистрационной дисциплины, допущенные должностными лицами, осуществляющими прием и регистрацию сообщений о преступлениях, так и те, которые связаны с непосредственной деятельностью следователя, дознавателя по проверке сообщения о преступлении. К ним следует отнести нарушения при составлении документа, фиксирующего повод для возбуждения уголовного дела, неполноту проверки поступивших заявлений, необоснованность итогового решения по результатам доследственной проверки.

На страницах юридических изданий к причинам нарушений на первоначальной стадии уголовного процесса справедливо относят: отсутствие четкой законодательной регламентации порядка проверки сообщений о преступлениях и несовершенство ведомственного регулирования процедур приема и рассмот-

---

¹ © Артемова В. В., 2021.

² Доклад Генерального прокурора РФ на Коллегии, посвященной итогам работы в 1 полугодии 2020 г. и задачам по повышению эффективности надзора на второе полугодие // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1884166>.

рения заявлений, сообщений о преступлениях, что приводит к различной правоприменительной практике¹.

Соглашаясь с данным мнением, следует также отметить отсутствие должного внимания к вопросам проведения проверки сообщения о преступлении в отношении несовершеннолетних и с их участием. Законодательно не закреплены дополнительные гарантии, направленные на обеспечение их конституционных прав применительно к рассматриваемому этапу процессуальной деятельности. Права участников и гарантии их обеспечения, отчасти предусмотренные в ст. 144 УПК РФ, ориентированы на любого участника проверки сообщения о преступлении (без учета возраста), в связи с чем применяются и в отношении несовершеннолетнего, вовлеченного в эту проверку. Тем не менее они недостаточны для защиты интересов несовершеннолетнего лица.

В связи с этим считаем правильным обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», п. 2 которого указывает судам на необходимость соблюдения при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних не только норм уголовного и уголовно-процессуального законов, но и положений ряда международных актов, а именно: Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил, 1985 г.)². В соответствии с п. 7.1 Пекинских правил, закрепляющим права несовершеннолетних, основные процессуальные гарантии, такие, как презумпция невиновности, право хранить молчание (право на отказ давать показания), право иметь адвоката, право на присутствие родителей или опекуна и право на обращение с жалобой в вышестоящую инстанцию должны быть гарантированы несовершеннолетним на всех этапах производства по делу (судопроизводства). Кроме того, в правиле 2.3 говорится о необходимости разработки в рамках каждой национальной юрисдикции комплекса правил и положений, которые относятся непосредственно к несовершеннолетним правонарушителям³. Изложенное свидетельствует о целесообразности законодательного закрепления правил, регламентирующих порядок производства проверки сообщения о преступлении с участием несовершеннолетних⁴.

---

¹ См.: Румянцева М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы : монография / М. О. Румянцева. М. : Юстицинформ, 2019. С. 17.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «Консультант Плюс».

³ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.

⁴ См.: Солонникова Н. В. Несовершеннолетний участник проверки сообщения о преступлении: его права и обязанности / Н. В. Солонникова // Общество и право. 2008. № 2. С. 223–225.

Основываясь на положении ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, несовершеннолетнему, участвующему при проведении проверки сообщения о преступлении, должны разъясняться его права и обязанности: право не свидетельствовать против самого себя и близких родственников, право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения следователя и иных должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, а также право пользоваться услугами адвоката.

Некоторые авторы предлагают включить в перечень прав участников проверки, проводимой в том числе с участием несовершеннолетнего, возможность пользоваться услугами защитника¹.

Как указывалось ранее, в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, регламентирующей права участников проверки, предусматривается право на адвоката, а не на защитника. В противоречие с этой нормой вступает законодательное предписание п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, согласно которому защитник вступает в уголовное дело с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ. Очевидно, что такая несогласованность норм не способствует единому пониманию возможности привлечения защитника к участию в доследственной проверке. Еще более это усугубляется формулировкой законодателя в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ о том, что защитник, представляющий интересы лица, в отношении которого проводится предварительная проверка, вступает *в уголовное дело* (курсив мой – В. В.). Получается, что речь идет об участии защитника в уголовном деле до возбуждения уголовного дела, что представляется нелогичным.

Отметим, что Верховный Суд РФ прямо указывает, правом на защиту обладает, в том числе лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ². Принимая во внимание тот факт, что право на защиту включает в себя право пользоваться помощью защитника, нельзя сказать, что предложение о закреплении этого права применительно к участнику проверки, в том числе несовершеннолетнему, лишено основания.

Между тем, не совсем верным представляется буквальное распространение прав защитника, указанных в ст. 49 УПК РФ, на этап проверки сообщения. Очевидно, что объем полномочий защитника, предлагаемого в качестве участника доследственной проверки и защитника, как участника со стороны защиты, вступающего в процессуальную деятельность с появлением подозреваемого, обвиняемого, не может быть одинаков. В сущности, предполагаются два разных участника с различным объемом полномочий, но одинаково называемых защитником.

Реализация предложения об участии защитника в ходе предварительной проверки потребует детальной законодательной регламентации с разработкой

---

¹ См. Ростова В. Н. Правосубъектность участников уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела / В. Н. Ростова // Законность. 2019. № 3. С. 49–53; Солонникова Н. В. Несовершеннолетний участник проверки сообщения о преступлении: его права и обязанности / Н. В. Солонникова // Общество и право. 2008. № 2. С. 225.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «Консультант Плюс».

соответствующего комплекса норм, регулирующих права и обязанности этого участника, порядок его приглашения, назначения и др. В противном случае такой шаг может повлечь вольную трактовку объема полномочий защитника как участника проверки сообщения о преступлении и, как следствие, отсутствие единообразия правоприменительной практики и породит массу нарушений, ставящих под сомнение возможность использования результатов проверки в доказательственной деятельности на последующих этапах расследования.

Кроме того, в случае включения защитника в круг участников проверки, встает вопрос о разграничении полномочий защитника и адвоката. Одновременное участие адвоката и защитника как участников доследственной проверки возложит на следователя обязанность в каждом конкретном случае решать вопрос, кому из опрашиваемых требуется защитник, кому адвокат, что лишено здравого смысла.

На наш взгляд, включение защитника в число участников стадии возбуждения уголовного дела излишне; привлечение адвоката в качестве участника проверки сообщения о преступлении в полной мере обеспечит право на защиту лица, в том числе не достигшего совершеннолетия. Адвокат может представлять как интересы лица, в отношении которого проводится проверка и имеются соответствующие подозрения, так и любого другого опрашиваемого, которому могут быть известны сведения, имеющие отношения к совершенному деянию. При этом следует законодательно закрепить процессуальный статус адвоката и порядок его участия в ходе проверки сообщения о преступлении.

В целях обеспечения прав несовершеннолетних на этапе доследственной проверки считаем необходимым предусмотреть участие законного представителя, это согласуется с позицией Верховного Суда РФ о том, что право на защиту включает в себя не только право пользоваться помощью защитника, но и право защищаться лично и (или) с помощью законного представителя.

Ахмадуллин А. Р.¹,

*адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России*

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМАЛЬНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОЛУЧЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется активным влиянием международного права на развитие национальных правовых систем. Глобализация преступности, стремительное развитие которой все чаще затрагивает интересы двух и более государств, существенно затрудняет достижение целей уголовного судопроизводства силами и средствами одного государства. Ввиду указанного актуализируется потребность в расширении и укреплении межгосударственных взаимоотношений в борьбе с преступностью.

В уголовно-процессуальной сфере особое значение предается такой форме взаимодействия, как оказание взаимной правовой помощи по уголовным делам, осуществляемой в рамках международного сотрудничества посредством производства процессуальных действий на территории запрашиваемого государства. Однако указанная форма взаимодействия государств в борьбе с преступностью не является исключительной. Достаточно сильным потенциалом в борьбе с преступностью обладает такая форма международного сотрудничества, как осуществления оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) на территории запрашиваемого государства при оказании взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Следует отметить, что посредством проводимых в рамках ОРД оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами могут быть получены сведения о преступлении, имеющие отношение к предмету доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), а также предметы и документы, несущие такую информацию, что не всегда достижимо в ходе производства следственных действий. Данное обстоятельство указывает на объективную необходимость реализации результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании, что в правоприменительной практике осложняется ввиду ряда причин.

Проведенный анализ международных нормативных правовых актов², допускающих проведение на территории иностранного государства ОРД, показал,

---

¹ © Ахмадуллин А. Р., 2021.

² Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.; Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.; Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступностью 1998 г.; Соглашение о сотрудничестве между МВД России и МВД Республи-

что на уровне международных договоров Российской Федерации урегулированы основания, порядок, пределы оказываемой правовой помощи, однако, не урегулированы вопросы реализации рассматриваемых результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем вопросы реализации таких результатов ОРД в уголовном судопроизводстве не урегулированы и в национальном законодательстве Российской Федерации. Наряду с указанным, в российском законодательстве не нашли закрепления вопросы взаимодействия (основания, порядок, пределы) при осуществлении ОРД с компетентными органами иностранных государств, направленного на исполнение запроса об оказании правовой помощи.

Положение ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» лишь закрепляет правило, требующее обязательного исполнения запросов, поступивших от международных правоохранительных организаций, правоохранительных органов и специальных служб иностранных государств на основе и в порядке, предусмотренном международными договорами Российской Федерации. Кроме того, указанный закон уточняет содержание ОРД, осуществляемой лишь на территории Российской Федерации, закрепляя систему гарантий законности при проведении ОРМ. Практически не урегулирован порядок взаимодействия компетентных органов, сотрудничающих государств при оказании друг другу правовой помощи в осуществлении рассматриваемой деятельности на территории запрашиваемого государства, и в указанных выше нормативных правовых актах, имеющих целью правовую регламентацию международного сотрудничества, включающего осуществление ОРД.

Не прекращаются дискуссии в научных кругах по вопросам использования в уголовном судопроизводстве результатов ОРД, полученных посредством проведения гласных и негласных ОРМ на территории Российской Федерации. В настоящий период проведение указанных мероприятий, предоставление их органу дознания, следователю или в суд, наряду с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», регламентируется совместным приказом, утвердившим Инструкцию о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд¹. Данная Инструкция, действовавшая в прежней редакции до 2013 г., по мнению К. К. Горяинова, не обеспечивала единообразие процессуальной практики по использованию результатов ОРД в доказывании по уголовным делам². Как отмечает О. А. Малышева, издание нового совместного

ки Казахстан 1993 г.; Соглашение о сотрудничестве МВД России и МВД Словацкой Республики 1994 г. и др.

¹ Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // ИПП «Гарант сервис». URL: <https://base.garant.ru/70531824/> (Дата обращения: 29.11.2020).

² Горяинов К. К. Вопросы интеграции уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства / К. К. Горяинов // Уголовно-процессуальная деятельность со-

приказа в 2013 г., утвердившего анализируемую Инструкцию, не повлекло оптимизации правового регулирования представления результатов ОРД властным субъектам уголовно-процессуальной деятельности. Одна из причин этого – недостаточность юридической силы, которой обладает данный приказ¹.

Наряду с отмеченным следует указать, что УПК РФ, устанавливающий порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации, не содержит четкой регламентации реализации результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, а ограничивается лишь указанием на запрет использования в процессе доказывания результатов ОРД, не отвечающих требованиям УПК РФ, предъявляемых к доказательствам (ст. 89 УПК РФ).

Раскрывая проблему оптимальности правового регулирования использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов ОРД, полученных за пределами территории Российской Федерации, необходимо уточнить, что в соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», п. 4 гл. 1 Инструкции результаты ОРД могут:

– служить поводом для возбуждения уголовного дела, неся в себе сведения информационного характера, способные стать доказательствами;

– быть использованы для подготовки и производства предусмотренных УПК РФ следственных и иных процессуальных действий, выступая при этом в качестве источников формирования доказательств;

– использоваться непосредственно в доказывании по уголовным делам в соответствии с регламентирующими процесс доказывания (собираение, проверка и оценка доказательств) требованиями уголовно-процессуального законодательства, на что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве РФ не указано.

В данной связи нельзя не согласиться с позицией А. В. Победкина, который пишет: «В строгом смысле результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД) сами по себе требованиям, предъявляемым к доказательствам, не соответствуют и не могут соответствовать, пока не будут преобразованы в доказательства»².

Безусловно, результаты ОРД и полученные при производстве по уголовному делу доказательства имеют единую гносеологическую природу происхождения. Соответственно, получение как результатов ОРД, так и доказательств протекает в соответствии со свойственными познавательной деятельности закономерностями познания человеком объективной действительности, что их бесспорно объединяет. Кроме того, оперативно-розыскное, в том числе осуществляемое за пределами территории Российской Федерации, и уголовно-процессуальное познания направлены на достижение общих целей и задач. Однако познание,

трудников оперативных аппаратов ФСИН России : материалы межведомственного научно-практического семинара. Псков, 2007. С. 35.

¹ Малышева О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы : монография / О. А. Малышева ; под ред. Б. Я. Гаврилова. М., 2020. С. 83.

² Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание : монография / А. В. Победкин. М., 2009.

осуществляемое в ходе ОРД, имеет существенные различия от познания, осуществляемого в ходе уголовно-процессуальной деятельности.

К одному из таких различий следует отнести правовые режимы, в рамках которых осуществляется оперативно-разыскное и уголовно-процессуальное познания. На другое различие совершенно верно указывает Б. Т. Безлепкин, поясняя, что «в результате уголовно-процессуальных (следственных действий) добываются сведения, которые служат доказательствами по уголовному делу, а сведения, полученные в результате оперативно-разыскной деятельности, сами по себе доказательствами не являются»¹.

В продолжение рассмотрения вопроса о возможности преобразования результатов ОРД, полученных как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами, в доказательства, отвечающие требованиям УПК РФ, заметим, что в настоящее время отсутствует четкая, единообразная правовая регламентация уголовно-процессуальным законодательством подобного механизма.

Возвращаясь к анализу содержания ст. 89 УПК РФ, отметим, что последнее также не раскрывает вопроса формы использования результатов ОРД в процессе доказывания по уголовным делам. Очевидное наличие пробела в законодательстве, регламентирующем уголовное судопроизводство в части использования в процессе доказывания результатов ОРД, вызывает достаточно активную дискуссию со стороны ученых-процессуалистов. Одни авторы² высказываются о процессуальной недоброкачественности результатов ОРД, выступая «против» их прямого, непосредственного использования в процессе доказывания по уголовным делам как полноценных доказательств. Аналогичную точку зрения занимал В. И. Зажицкий³. Другие же приветствуют использование результатов ОРД в процессе доказывания по уголовным делам. Так, О. А. Корягина указывает на важность ОРД в современном уголовном судопроизводстве, а также необходимость внесения ряда изменений в Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности», УПК РФ и ведомственные инструкции, разъясняющих, какие именно результаты ОРД, а также при каких условиях можно использовать результаты ОРД в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве⁴. А. С. Шаталов, А. Ю. Антипов также полагают о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, посредством изменения диспозиции ст. 89 УПК РФ, а именно замены констатации запре-

---

¹ Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России : учебник / Б. Т. Безлепкин. М., 2003. С. 146.

² Астафьев А. В. Оперативно-разыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания / А. В. Астафьев // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : матер. Междунар. научн.-практ. Конференции. Иркутск, 2014. С. 20–26 ; Петрухин И. Л. Судебная власть и расследование преступлений / И. Л. Петрухин // Государство и право. 1993. №7. С. 81–91.

³ Зажицкий В. И. Результаты оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика / В. И. Зажицкий. Спб., 2006. С. 449.

⁴ Корягина О. В. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам: проблемы разграничения процессуальной и непроцессуальной информации / О. В. Корягина // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2015. № 2. С. 65.

щенности на четкие процессуальные условия и многовариантный правовой режим использования в процессе доказывания результатов ОРД¹.

Вместе с тем автор разделяет точку зрения Е. А. Доля, который обращает внимание на объективный характер потребности в расширении потенциала результатов ОРД в доказывании по уголовным делам, мотивируя это невозможностью успешного раскрытия, расследования и разрешения уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях исключительно уголовно-процессуальными средствами². Не требует дополнительных аргументов тот факт, что эффективное изобличение преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, лиц их совершивших, а также своевременное обнаружение и изъятие доказательств, представляется практически невозможным вне рамок ОРД. Таким образом, зависимость реализации назначения уголовного-судопроизводства от ОРД бесспорна.

Ввиду указанного и, несмотря на имеющиеся пробелы в правовом регулировании использования результатов ОРД, полученных на территории Российской Федерации, рассматриваемые результаты широко используются в уголовно-процессуальном доказывании и кладутся нередко следователем, дознавателем в основу обвинения.

Указанное не распространяется на порядок применения результатов ОРД, полученных за пределами территории Российской Федерации в рамках международного сотрудничества. Отсутствие процессуальной формы их использования в уголовно-процессуальном доказывании, как показывает анализ правоприменительной практики, а также личный практический опыт автора, ограничивает взаимодействие компетентных органов сотрудничающих государств обычным обменом оперативной информацией, не имеющей юридической силы доказательства. Последнее препятствует использованию потенциала ОРД в уголовном судопроизводстве, как следствие – достижению его назначения.

Проведенное исследование позволяет заключить о наличии потребности правоприменительной практики в оптимизации правового регулирования, обеспечивающего законное и обоснованное использование в уголовно-процессуальном доказывании результатов ОРД, полученных на территории иностранного государства в рамках международного сотрудничества.

---

¹ Шаталов А. С. Использование в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: тенденции и перспективы / А. С. Шаталов, А. Ю. Антипов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 4–2. С. 65.

² Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. М., 2009. С. 7.

Баклыкова Е. Ю.¹,

соискатель кафедры предварительного расследования

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА В ХОДЕ НАДЗОРА ЗА ПРИЕМОМ И РЕГИСТРАЦИЕЙ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Рассмотрение сообщений о происшествии является важной частью уголовно-процессуального института «Возбуждение уголовного дела». Полномочиями по рассмотрению сообщения о происшествии обладают дознаватели, следователи, начальники подразделений дознания, руководители следственного органа, начальники органа дознания.

Сообщение о происшествии, содержащее признаки преступления, является начальным моментом уголовно-процессуальных правоотношений. Поступление данного документа в органы внутренних – обязательное основание для проведения проверочных действий. Сообщением о происшествии принято называть письменное заявление о событиях, напрямую связанных с личной или общественной безопасностью. В законодательстве предусмотрены и ряд иных событий, подлежащих проверке. Сообщения о происшествии подлежат обязательной регистрации в КУСП с указанием персональных данных о лице, уполномоченного принимать заявление, заявителе и непосредственном содержании сообщения, после чего начинается стадия проверочных мероприятий.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ различают следующие процессуальные документы, которые выступают поводами для возбуждения уголовного дела: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Вышеприведенные документы также являются и формами сообщений о происшествии.

Начальная стадия уголовно-процессуальных правоотношений имеет некоторые признаки, среди которых считаем целесообразным выделить: кратковременность, многоступенчатость и сложную структурированность. В соответствии со ст. 145 УПК РФ, помимо приема сообщения о происшествии, законодатель устанавливает следующие процессуальные действия: а) регистрация сообщения о готовящемся или совершенном преступлении; б) проверка содержащейся в сообщении информации; в) принятие процессуального решения.

Считаем важным дать характеристику каждому процессуальному действию на начальной стадии уголовно-процессуальных правоотношений.

Необходимо отметить, что своевременный прием и последующая регистрация сообщения о преступлении в соответствии с нормативными требованиями выступает залогом успешного и качественного выполнения задач, которые сто-

---

¹ © Баклыкова Е. Ю., 2021.

ят перед правоохранительными органами. Под приемом сообщения о преступлении понимается специальная деятельность должностных лиц правоохранительных органов по получению информации о готовящемся, совершаемом либо совершенном преступлении. Данное положение установлено ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Следует отметить, что уголовно-процессуальным законодательством порядок приема сообщения о преступлении не установлен.

Регистрация сообщения о преступлении выступает следующим этапом начальной стадии уголовно-процессуальных правоотношений. Сущность регистрации заключается в последовательных действиях уполномоченных лиц правоохранительных органов, направленных на фиксацию сообщения о преступлении в КУСП с учетом законодательно установленных требований.

На начальном этапе уголовно-процессуальных правоотношений создаются правовые основания и условия для последующего уголовного преследования и осуществления процессуальных действий. Строгое соблюдение нормативных требований обеспечивают высокую вероятность качественного выполнения задач, стоящих перед правоохранительными органами. Отклонение от установленных уголовно-правовым законодательством норм может повлечь за собой неполноту или недостоверность сведений о содержания сообщения о преступлении. «Это, в свою очередь, приведет к некорректному определению вектора борьбы с преступностью», – отмечает Н. Г. Шурухнов¹.

Одной из проблем начальной стадии уголовно-правовых отношений является выявление систематических фактов нарушения норм, регламентирующих порядок принятия и регистрации заявлений и сообщений о преступлении, несмотря на то, что В. П. Божьев, В. М. Быков, Н. А. Власова, Л. А. Воскобитова, С. П. Ефимичев, Н. В. Жогин, С. П. Зайцев, О. С. Капинус, А. В. Капранов, А. П. Кругликов, П. Г. Марфицин, Р. Д. Рахунов, А. Б. Соловьев, М. С. Строгович, А. Г. Халиулин, Ф. Н. Фаткуллин, М. А. Чельцов и др. внесли существенный вклад в юридическую науку по исследованию реализации процессуального статуса прокурора в стадии возбуждения уголовного дела.

Многие специалисты отмечают, что девиация от норм законодательства при приеме и регистрации сообщений о преступлении влекут за собой отрицательные факторы для профессиональной деятельности полиции.

Например, распространенным явлением выступает значительный промежуток между поступлением сообщения о преступлении, его последующей регистрацией и проверкой. В связи с этим могут быть утрачены и не учтены важные факты (следы, вещественные доказательства, показания очевидцев и т. д.), имеющие основополагающее значение при расследовании преступлении. Как отмечают М. М. Старосельцева и С. А. Старосельцев, недоверие граждан к деятельности правоохранительных органов и государству в целом вызывает наличие факта пре-

---

¹ Шурухнов Н. Г. Повышение эффективности прокурорского надзора за исполнением требований законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях / Н. Г. Шурухнов // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2013. № 5–6. С. 124–125.

небрежительного и некомпетентного отношения сотрудников правоохранительных органов к приему и регистрации сообщения о правонарушении¹.

Действующий УПК РФ никак не закрепляет обязанность регистрации сообщений о преступлениях; отсутствует и законодательное положение, закрепляющее порядок и срок, в течение которого после поступления сообщения должно быть зарегистрировано.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ исполнение требований закона при регистрации сообщений о преступлениях является предметом прокурорского надзора, что является косвенным упоминанием о регистрации².

Ведомственные нормативно-правовые акты обеспечивают наличие доступных прокурору средств, которые он может использовать для качественной реализации норм права. Однако, на наш взгляд, данные средства имеют существенный недостаток в отсутствие законодательного закрепления. В УПК РФ отсутствуют положения, согласно которым прокурор правомочен проводить опрос, сверку документов и другие средства, позволяющие устанавливать наличие нарушения законодательства. Данное обстоятельство негативно сказывается на определении процедуры и процессуального значения результатов, полученных в ходе досудебного производства.

---

¹ Старосельцева М. М., Проблемы учетно-регистрационной дисциплины в органах внутренних дел / М. М. Старосельцева, С. А. Старосельцев // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 4. С. 77.

² Артемова В. В. Обеспечение прав заявителя при принятии заявления о преступлении / В. В. Артемова // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 119.

Баловина И. В.¹,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Уфимского юридического института МВД России

ЗНАЧЕНИЕ «НАУЧНОГО СЛЕДСТВИЯ» И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ НЕНАУЧНЫХ ПРИЕМОВ РАССЛЕДОВАНИЯ

Правосудию во все времена было присуще стремление к установлению материальной истины. Но формы поиска истины в различное время и у разных народов были не постоянны, так как с переходом на высшие ступени экономической культуры они менялись и, по мере накопления знаний, способы искания истины и целые системы их отходили в прошлое, заменяясь новыми, более совершенными. От родового быта с его мезью и расправой как средствами правосудия общество постепенно перешло к установлению истины в уголовном деле посредством суда. Образовалась первоначальная форма суда – «обвинительное судопроизводство», в процессе которого уголовные доказательства сводились к свидетельским показаниями, но главным образом к «суду божьему» – физическому испытанию огнем, водою, железом и к поединкам.

Обвинительное судопроизводство сменилось следственной или «инквизиционной» формой суда, при которой выработалась система судебных доказательств, так называемая «система формальных или легальных доказательств»². В случае непризнания обвиняемым вины применялись пытки для получения признания, которое рассматривалось как «лучшее из всех доказательств». Пытки были самым распространенным и излюбленным способом раскрытия уголовной истины. Особенно они процветали с XIII в. в католических странах, где была учреждена для преследования неверных и еретиков «Священная Инквизиция».

Оценка свидетельских показаний производилась по формальным признакам, причем значение придавалось не существу показания, а личности свидетеля, давшего показание. Поэтому целый ряд лиц вовсе не допускался к свидетельствованию (судимые, малолетние, близкие родственники, лица, имеющие интерес к делу), другие же допускались только при отсутствии более полноценных свидетелей (подвластные, слуги), причем в случае наличия противоречий в показаниях предпочтение отдавалось показаниям более уважаемых в глазах суда граждан. Обязательным для свидетеля являлось принесение присяги, которая считалась гарантией его правдивости, без нее показание не имело цены.

Другие доказательства по уголовному делу возникали как результаты обыска, осмотра и представления документов, но они считались «несовершенными» доказательствами.

На смену системы формальных доказательств в Западной Европе в конце XVIII в. пришла новая система «свободной оценки уголовных доказательств», утвердившаяся сначала во время Великой Революции во Франции, а затем

---

¹ © Баловина И. В., 2021.

² Косарев С. Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений / С. Ю. Косарев. М. : Юридический центр Пресс. 2006. С. 46.

и в других европейских государствах¹. Сущность ее в том, что судья совершенно свободен в оценке всевозможных уголовных доказательств и постановляет приговор по велению своей совести, в зависимости от того, как воздействовали на его разум доказательства, представленные ему на судебном процессе. В Англии эта система «свободной оценки доказательств» сложилась несколько иначе, нежели на континенте, и особенность ее в том, что только суд решает вопрос допустимости тех или иных доказательств, относящихся к делу, и бремя доказывания лежит не только на обвинении, а в течение процесса переходит к обеим сторонам, в зависимости от того, кто из них подтверждает или отвергает какое-либо обстоятельство в деле. Так, английская система доказательств есть метод исследования уголовной истины, а не только совокупность разнообразных правил, относящихся к уголовным доказательствам². Но и при этих формах исследования доказательств по-прежнему главенствовали свидетельские показания, с той только разницей, что оценивались они уже не по личности свидетеля, а по существу, хотя гарантией их достоверности, как и раньше, считалась присяга.

Способ установления материальной истины в уголовном деле опирался главным образом на свидетельские показания, господствовал на всех стадиях уголовного процесса как при судебном разбирательстве, так и в период предварительного расследования дела. Однако многолетний судебный опыт и наука показали, что на свидетельские показания как достоверный источник доказывания полагаться нельзя, а потому и появилось разочарование в них, а затем стремление если не вовсе отказаться, то наряду с этим найти другие более достоверные доказательства, которые были бы неспособны исказить истину. Таким требованиям, как оказалось, наиболее отвечают материальные доказательства, легко и удобно поддающиеся объективному научному изучению и оценке. Поэтому с середины XIX в. наблюдаются, одновременно с скептическим отношением к свидетельским показаниям, попытки подвести научную базу под учение об уголовных доказательствах и установить научный критерий их судебной оценки³.

Успехи, достигнутые в изучении вещественных доказательств, дали возможность поставить на строго научную почву не только вопросы, связанные с исследованием и научной оценкой доказательств по уголовному делу, но и целиком предварительное расследование, то есть тот период уголовного процесса, когда ведется поиск вещественных доказательств и следов, и при их помощи устанавливается материальная сторона преступления.

Большая заслуга в деле научного подхода к изучению материальной стороны («вещественного» состава) преступления и способов ее исследования принадлежит основоположнику нового научного течения, вскоре вылившегося в отдельную самостоятельную науку, профессору Грацского университета Гансу

---

¹ Аверина Ю. А. Теория формальных доказательств и судебное правоприменение / Ю. А. Аверина // Правоведение. 2006. № 5. С. 33.

² Косарев С. Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений / С. Ю. Косарев. М. : Юридический центр Пресс. 2006. С. 59.

³ Якимов И. Н. Криминалистика / И. Н. Якимов. Уголовная тактика. М. : НКВД РСФСР. 1929. С. 154.

Гроссу, автору известного «Руководства для судебных следователей» 1892 г.¹ Ганс Гросс имел предшественников в этой научной области, среди которых следует назвать известного баденского юриста Людвиг фон Ягеманна, почти за полвека до Гросса составившего «Руководство по следственному искусству» (1832 г.), немецкого ученого-правоведа в области теории уголовного права и уголовного процесса Антона Бауэра, выступившего в своем труде (1841 г.) с критикой свидетельских показаний как достоверного уголовного доказательства и выдвинувшего на первое место материальные улики, и начальника прусской политической полиции, Вильгельма Штибера, занимавшегося при Бисмарке шпионажем, написавшего не потерявшее до сих пор свою ценность практическое руководство для уголовной полиции (1860 г.)².

Г. Гросс, в последующих изданиях своего руководства назвавший учение о научных способах расследования преступлений «Криминалистикой», определяет ее как науку «о реальностях уголовного права». Он говорит, что «надобность в ней начинается там, где уголовное право прекращает свою работу»³. Предметом этой науки по Гроссу является учение о фактической стороне совершаемых преступлений, а также сведения, необходимые для производства отдельных действий при расследовании преступлений. Метод, который применяет эта наука, по Гроссу, смешанный, одновременно правовой и естественно-научный. В ней соединены как теоретические, так и практические сведения.

У Гросса было много научных последователей в разных странах, своими трудами расширивших проложенный им научный путь. Из них особенно известны французский ученый Альфонс Бертильон и швейцарский профессор Роберт Рейсс. Если Гросса называют «отцом криминалистики», то Бертильона следует назвать «творцом научной криминалистики», особенно в области идентификации личности преступников. Им разработаны теоретически и практически антропометрия, словесный портрет, приметоизобразительная (сигналетическая) и измерительная (метрическая) фотография и графическая идентификация почерков. Профессор Рейсс, автор «Курса Научной Полиции» (так называли криминалистику в романских странах), понимает под ней учение о формах и характере деятельности преступников и о научных методах расследования преступлений. Исходя из особой ценности и важности для суда вещественных доказательств и результатов их изучения и исследования, Рейсс придает громадное значение научной экспертизе вещественных доказательств и считает необходимым участие специалиста-эксперта в предварительном расследовании с первых же его шагов, отводя следователю роль научно подготовленного, а потому способного критически отнестись к экспертизе, руководителя следствия. Можно назвать еще целый ряд ученых, таких, как Вейнгардт, Шнейкерт и Гейндль – в Германии, Локар, Бальтазар и Годфруа – во Франции и Бельгии, Оттоленги и Ницефоро – в Италии,

¹ Ищенко Е. П. Криминалистика : учебник / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков ; под ред. Е. П. Ищенко. М. : ИНФРА-М, 2008. С. 17.

² Там же. С. 19.

³ Косарев С. Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений / С. Ю. Косарев. М. : Юридический центр Пресс. 2006. С. 156.

Е. Ф. Буринский, М. Н. Гернет, И. Я. Фойницкий, П. С. Семеновский – в России, разработавших новые способы изучения уголовных доказательств и научные методы расследования преступлений.

Русский криминалист профессор Л. Е. Владимиров еще четверть века назад в своем труде «Учение об уголовных доказательствах» писал, что «... если бы новые научные методы расследования преступлений были поставлены на место существующей теории уголовного судопроизводства, они вывели бы его из стадии ненаучного повторения статей закона, разбавленного водянистыми рассуждениями о его формах и обрядах, и, таким образом, была бы создана действительно научная теория уголовного процесса как метода исследования истины в области уголовного суда»¹. Длительное время криминалистика не находила себе полного признания и применения у юристов – приверженцев формальной теории процесса. Основатель французской школы судебной медицины и криминальной антропологии А. Лакассань называет таких юристов-теоретиков «застывшей кастой китайских мандаринов», а А. Ницефоро про них указывает, что оперирующие уголовным законодательством и опытные в соблюдении мелких формальностей судебного процесса эти юристы также приспособлены к борьбе с современными преступлениями, как великолепная музейная коллекция доисторических орудий пригодна к технике нашего века².

Так в чем же заключается научность следствия и чем научный способ следствия отличается от прежних приемов его ведения? Предлагаем рассмотреть данный вопрос на примере научных методов ведения следствия, предложенных в свое время немецкими криминалистами А. Вейнгардтом («Уголовная тактика»), А. Ницефоро («Научное следствие и полиция») и Э. Анушатов («Искусство раскрытия преступлений и законы логики»), рассмотренных подробно в книге доктора юридических наук, профессора МГУ И. Н. Якимова (1884–1954).

Научный метод раскрытия преступлений по А. Вейнгардту распадается на главный и дополнительный (подсобный) метод. Целью главного метода ставится выяснение личности виновного. Дополнительный метод предназначен для расширения круга отдельных улик, то есть поиска и разработки улик, наиболее свойственных данному виду преступления.

Для краткости метод А. Вейнгардта предлагается изложить таким образом.

Главный метод:

- данные, характеризующие личность совершившего преступление;
- данные, ведущие непосредственно к установлению его личности (присутствие лица на месте преступления; обладание средствами и орудиями совершения преступления; обладание необходимыми для совершения преступления качествами и знаниями; мотив к преступлению; умысел на преступление; физические и психические следы преступления на виновном).

¹ Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Харьков, 1881 / Л. Е. Владимиров // Юридическая психология и не только. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/vladim/05.htm> (дата обращения 29.11.2020).

² Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика / И. Н. Якимов. М. : НКВД РСФСР. 1929. С. 157.

Дополнительным методом устанавливаются и детально разрабатываются следующие улики по делу:

- присутствие на месте преступления (показаниями свидетелей; оставленными виновным предметами; оставленными виновным следами на месте преступления и на путях к нему и от него);
- обладание орудиями и средствами преступления;
- физические и профессиональные качества виновного;
- мотив, цель и умысел, обнаруженные при преступлении;
- знание определенных обстоятельств, связанных с преступлением и могущих быть известными только виновному;
- последствия совершенного преступления;
- сознание виновного;
- обладание добытым;
- физические последствия и психические последствия, наблюдаемые у виновного¹.

У А. Ницефоро в его научном труде «Научное следствие и полиция» имеется специальная глава, в которой излагается научный метод расследования преступлений. Он рассматривает расследование преступления как логический процесс, этапы которого совпадают с определенными моментами расследования, и различает в нем три периода: 1) сбор данных по уголовному делу, 2) их изучение и 3) предъявление обвинения определенному лицу на основании этих данных. А. Ницефоро рекомендует основывать следствие на классификации и анализе добытых уголовных доказательств и, только опираясь на научно-проверенный материал, делать вывод о виновности определенного лица, избегая в своих логических выкладках предвзятости и односторонности.

Таким образом, если детализировать метод А. Ницефоро, то следствие разделяется на три части, а именно на: сбор данных; изучение данных и пользование ими; обследование предполагаемого виновника преступления.

Сбор данных включает в себя:

- исследование: места совершения преступления; трупа; предметов (вещественных доказательств);
- допрос: свидетелей факта преступления; свидетелей всего предшествовавшего этому факту; людей, знавших жертву преступления, а также всех лиц, имеющих отношение к преступлению.

После следует изучение полученных данных и их использование. В этом случае необходимо классифицировать данные путем:

- перечисления;
- распределения (главные и второстепенные).

Изучив полученные данные, необходимо произвести первые логические построения, используя такие научные методы, как анализ и синтез, индукцию и дедукцию.

Создание и проверка гипотезы подразумевает:

---

¹ Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика / И. Н. Якимов. М. : НКВД РСФСР. 1929. С. 157.

- создание: по ассоциации идей; по аналогии с другими преступлениями;
- меры предосторожности: отсутствие предвзятой мысли; скептицизм;
- проверка: опытами; наблюдением фактов; обзором собранных данных.

Обследование предполагаемого преступника производится путем:

- исследования, включающего в себя установление тождества субъекта и установление его прежних судимостей;
- осмотром жилища субъекта и самого субъекта;
- изучением таких аспектов личности, как физические и физиологические особенности субъекта; чувствительность; умственное развитие; условия жизни; патологические и наследственные черты;
- в ходе допроса о самом преступлении, но необходимо учитывать, что ответы субъекта проверяются и обследуются по отношению к мотивам преступления, к собранным данным и к физическому и психическому состоянию субъекта, а также посредством «испытания», иными словами, в ходе очной ставки с жертвой преступления либо со свидетелями (при этом запрещается применять недостойные методы «испытания», такие как анестезирование, гипноз, моральная пытка);
- посредством наблюдения над субъектом (на свободе, в тюрьме, в больнице, в санатории)¹.

Э. Анушат в своей небольшой работе «Искусство раскрытия преступлений и законы логики» рассматривает следствие как логический процесс, заканчивающийся выводением умозаключения, в которое должны входить все искомые элементы данного уголовного дела. Как всякое умозаключение, результат исследования уголовного дела выводится из двух посылок, малой и большой. В результате логической работы должны быть разрешены такие вопросы, как: произошло ли событие, и если событие произошло, является ли оно преступным, и если оно преступно, кто виновен в его совершении. Опорные пункты на пути построения вывода из посылок, или даже из целой цепи умозаключений, могут быть как объективные, так и субъективные. К объективным следует отнести обстановку, время, предшествующую жизнь потерпевшего, сведения об имущественном благе, которое стало предметом посягательства. К субъективным, в свою очередь, мотив, цель совершения данного преступления.

Таким образом, метод Э. Анушата можно изложить следующим образом.

Малая посылка – улики по данному делу. Для ее составления необходимо:

- собирание фактов (осмотр, допрос);
- проверка улик;
- наблюдение (физическое и умственное);
- опытное исследование (проверка результатов наблюдения).

Большая посылка – криминалистические знания, житейский опыт, аналогия с другими делами. Для ее составления применяется:

- выводение из общего к частному – «дедукция» (научные данные), и выводение из частного к общему – «индукция» (житейский опыт и суждение по сходству).

---

¹ Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика / И. Н. Якимов. М. : НКВД РСФСР. 1929. С. 169.

Умозаключение – построение рабочей гипотезы (предположения).

Проверка гипотезы.

Цепь умозаключений и окончательный вывод из них (заключение о причастности определенного лица к совершению преступления)¹.

Исходя из анализа приведенных нами научных методов, следует отметить, что они выражают одну и ту же научную мысль, которая, как отмечает И. Н. Якимов, заключается в том, что следствие не должно быть совокупностью случайных и бессистемно предпринятых процессуальных действий, а должно являться единым, логически стройным целым, в котором каждый последующий этап развития вытекает из предыдущего, как логическое следствие из его причины. В этом и состоит эволюционная теория формирования доказательств. А. Ницефоро и Э. Анушат выделяют три периода расследования, указывая, какие процессуальные действия в каждый из них следует производить. А. Вейнгардт разделяет процесс следствия на два периода, из которых первый устанавливает пределы расследования уголовного дела (главный), а второй, или дополнительный, предназначается для детального исследования отдельных обстоятельств уголовного дела.

В каждом рассмотренном нами методе присутствуют и недостатки. Метод А. Вейнгардта настолько разбит на мельчайшие составные части, отдельные рубрики и классификации уголовных доказательств, что за ними не видна общая конструктивная мысль автора. Метод А. Ницефоро выдвигает психологию следственного процесса, придавая излишне большое значение изучению мотива и цели преступления (логика процесса) и личности преступника (психология процесса). Метод Э. Анушата искусственно упрощен сведением следствия к логическому выведению заключения из посылок, взятых из материалов данного уголовного дела. Однако в частях и целиком следственный процесс не может быть сведен к решению криминалистической проблемы средствами одной только логики.

Рассмотренные нами методы могут облегчить сложность построения научного метода расследования преступления и, несмотря на то, что разработаны данные методы были еще в XIX в., можно сказать, на заре развития криминалистики, данные научные методы не потеряли актуальность и могут применяться как рабочие приемы в практике сотрудников следственных и оперативно-разыскных служб.

---

¹ Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика / И. Н. Якимов. М. : НКВД РСФСР. 1929. С. 159.

Безверхов С. А.¹,

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России*

ЗНАЧЕНИЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В современном обществе криминалистические исследования продвинулись на новую ступень развития и совершенствования. В основном это заслуга технических и научных достижений в данной области. Но в то же время не стоит не принимать во внимание и факт множественных исследований в сфере эффективности расследования преступных посягательств. Значимое место в процессе раскрытия преступления занимает такой раздел криминалистики, как трасология, то есть исследование материальных следов преступления.

Трасология – раздел криминалистической техники, который изучает механизм возникновения различных видов следов преступного посягательства, разработку средств их собирания и исследования в целях расследования и раскрытия преступлений.

Трасология изучает только лишь следы отображения, то есть образующиеся при контактном взаимодействии двух объектов, имеющих устойчивые пространственные границы, в результате чего внешнее строение первого объекта (следообразующего) отображается на другом.

Материальные следы в науке криминалистике подразделяются на следы-предметы, следы-отображения и следы-вещества (рук человека, ног человека, зубов человека, орудий и инструментов, транспорта, животных).

Они же, в свою очередь, подразделяются на статистические и динамические (соответственно оттиски, отпечатки, качения и скольжения, резания), поверхностные и объемные (соответственно отслоения, наслоения и деформации, формования, частичного разрушения, переноса части следовоспринимающего объекта), локальные и периферические².

Работа с трасологическими следами складывается из их обнаружения, осмотра, фиксации, изъятия и предварительного исследования.

Проблематика выбранной темы, на мой взгляд, состоит в постоянно меняющемся и совершенствующемся преступном мире, а именно в том, что преступность развивается с колоссальной скоростью. Лица, посягающие на жизнь и здоровье личности, общественную безопасность и безопасность государства, совершая противоправные деяния, каждый раз стараются сделать все возможное для того, чтобы скрыть следы своего поступка: изучают работу органов внутренних дел, их методы и способы обнаружения и собирания этих следов.

Что же включает в себя трасологическая экспертиза?

---

¹ © Безверхова С. А., 2021.

² Мелтоян Р. М. Объекты традиционных трасологических исследований: описание и образцы заключений эксперта : учебное пособие / Р. М. Мелтоян, С. В. Булатецкий, Л. М. Бабкин. Рязань, 2016.

Трасологическая экспертиза – одна из видов судебно-криминалистической экспертизы, являющаяся процессуальным действием, в процессе которой лицо, обладающее специальными познаниями в данной области науки, осуществляет исследование материальных следов с целью получения доказательств для расследования по уголовному делу¹.

Основанием для ее проведения является постановление следователя (определение суда).

Назначение трасологических экспертиз состоит в следующем:

- получение информации об объекте, оставившем след (человек, животное, инструмент, транспортное средство);
- установление механизма совершения преступления, обстоятельств происшествия (где, когда, каким образом, кем было совершено то или иное преступление, правонарушение);
- идентификация слеодообразующего объекта;
- установление личности неизвестного трупа по следам, оставленным без вести пропавшим человеком;
- ведение криминалистических учетов.

Следовательно, данный вид экспертизы предоставляет возможность установления обстоятельств расследуемого события.

Для производства такого рода экспертизы необходимо осуществление следующих действий:

- изначально для возможности определения целесообразности проведения экспертизы необходимо определить, какие задачи должны решить результаты ее проведения;
- необходимо подготовить и предоставить те материалы уголовного дела, которые влекут необходимость проведения трасологической экспертизы;
- главным этапом практической части в подготовке к проведению такого вида экспертизы является подбор и предоставление объектов исследования;
- для обеспечения правового обеспечения возможности проведения экспертизы необходимо подготовить постановление о ее проведении².

При предоставлении предметов для использования их как объектов исследования, зачастую, необходимо фиксировать информацию, при каких условиях они изымались и какие внешние факторы могли способствовать дополнительному изменению объектов, что усложняет установление именно тех следов, которые имеют связь с преступным деянием.

Подготовка материалов для трасологической экспертизы, а также ее ход и все полученные в процессе результаты должны быть зафиксированы в соответствующего образца протоколах, для того, чтобы оказать помощь в сборе вещественных доказательств, следователи могут приглашать специалистов.

---

¹ Термины и определения в трасологической экспертизе : справочное пособие / сост. М. О. Козлов. Волгоград, 2007. С. 32.

² Курин Г. И. Трасологическая экспертиза установления целого по частям : учебное пособие / Г. И. Курин, В. Н. Черниговский. Волгоград, 2008. С. 19.

Сложность в сфере правового закрепления результатов производства данного вида экспертизы качественно отразилась на развитии правовых и методологических основ ее производства и использования в ходе производства по уголовному делу. На современном этапе развития знаний многие правоведы считают, что рассматриваемый нами вид экспертизы давно приобрел комплексный характер и эксперт должен обладать знаниями не по узкоспециализированному направлению.

На основании данных предоставленных результатов производства трасологической экспертизы, лицо производящее расследование уголовного дела, сможет раскрыть ряд важных вопросов, которые без участия экспертов не представлялось возможным понять и охарактеризовать. В основном такого рода экспертиза разрешает два немаловажных вопроса: это способ совершения преступления и способ нанесения каких-либо дефектов поверхности, которые каким-либо образом относятся к расследуемому уголовному делу, а также, зачастую, делает возможным установить более точно время образования следов, что часто совпадает со временем совершения преступлений.

Заключения экспертов прилагаются к материалам уголовного дела и могут быть доказательствами по уголовному делу, либо служить источником информации, которая ранее была неизвестна и не входила в следственные версии, что предполагает проведение процессуальных действий по установлению других тождественных данных, которые в своей совокупности будут служить доказательствами.

Так, можно сказать, что назначение трасологической экспертизы зачастую помогает установить такие обстоятельства, которые не могли быть установлены иными действиями, без использования специальных знаний. И эти данные могут быть исходной информацией для формирования следователем или дознавателем следственных версий.

Белоус Т. Н.¹,

*курсант 181 учебного взвода факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Емельянова Н. Ю.,

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ была внесена новая мера пресечения – запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ). Эта мера стала восьмой мерой пресечения для подозреваемых и обвиняемых, наряду с заключением под стражу, домашним арестом, залогом, подпиской о невыезде, личным поручительством, наблюдением командования воинской части и присмотром за несовершеннолетним обвиняемым.

Запрет определенных действий применяется в том же порядке, что и заключение под стражу и домашний арест – по решению суда, но отличается более мягким режимом ограничений к лицу, в отношении которого она избрана. Также человеку не приходится находиться в стенах дома, он может его покидать, ходить в магазин, театр, кино и т. д. Достаточно будет соблюдать лишь один из запретов: на общение, передвижение, доступ к информации или посещение определенных мест. На мой взгляд, чаще всего запрет касается пользования Интернетом, телефоном, прогулок в вечернее и ночное время. Что касается звонков, то субъектам разрешено звонить в медицинские учреждения, аварийно-спасательные службы, правоохранительные органы, а также общаться со следователями и дознавателями, осуществляющими уголовное судопроизводство.

Суд может установить запрет совершать как одно определенное действие, так и одновременно несколько². Например, обозначить адрес населенного пункта, где будет действовать запрет, наименование объектов, к которым нельзя приближаться, периоды времени, в течение которых запрещено покидать жилое помещение и др.

Так нужна ли вообще данная мера пресечения?

На мой взгляд, есть как положительные моменты ее существования, так и отрицательные. С одной стороны, запрет на совершение определенных дейст-

---

¹ © Белоус Т. Н., 2021.

² Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)». Паспорт проекта Федерального закона № 900722-6 // СПС «Консультант плюс».

вий призван сократить государственные расходы на содержание обвиняемых и подозреваемых под стражей.

Также с появлением данной меры пресечения появляется спрос на аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля.

Еще, несомненно, к положительной стороне можно отнести тот момент, что законодательство при включении этой меры пресечения пошло по пути их гуманизации и индивидуализации.

С другой стороны, судам необходимо будет провести видимую грань между домашним арестом и запретом на совершение определенных действий, так как домашний арест также предполагает ограничение на выход из жилого помещения, а в роли дополнительных мер могут выступать запреты на общение с определенными лицами, использование средств связи.

Еще при имеющихся ресурсах ФСИН не способна осуществлять надлежащий контроль за подозреваемыми (обвиняемыми), которым запрещено совершать определенные действия. Для этого необходимо улучшить технические средства контроля, что, безусловно, требует большого количества времени и ресурсов¹.

Подводя общий итог, можно отметить следующее. Конституция Российской Федерации гарантирует права и свободу. Такую меру пресечения, как запрет определенных действий, с моей точки зрения, стоит рассматривать с положительной стороны, ведь суд может выбрать более мягкую меру пресечения по сравнению, например, с домашним арестом и заключением под стражу. Данная мера пресечения смягчает положение подозреваемого (обвиняемого), что тоже убеждает в положительной оценке этой меры пресечения. Запрет определенных действий относительно недавно введен в законодательство, и насколько успешно он будет исполняться в правоприменительной деятельности, покажет время.

---

¹ Малекина К. А. Новая мера пресечения в виде запрета, установленного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, – новый пробел в уголовно-процессуальном законе // Мировой судья, 2020, № 9.

Бибикова О. В.¹,

курсант 581 учебного взвода международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Алонцева Е. Ю.,

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью государства. В наибольшей степени права и свободы затрагиваются в рамках государственной деятельности по осуществлению уголовного судопроизводства. Ограничение конституционных прав является необходимой мерой в целях достижения назначения уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 6 УПК РФ содержанием назначения уголовного судопроизводства является процессуальная деятельность, направленная на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, возмещении ущерба, причиненного преступлением. Участниками уголовного судопроизводства, с одной стороны, являются лица, совершившие преступление, с другой стороны, – лица, которым причинен ущерб в результате совершения преступления.

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает три вида вреда, причиненного преступлением: имущественный, моральный и физический вред. Важное значение для достижения назначения уголовного судопроизводства приобретают правовые механизмы по созданию условий по возмещению вреда и исполнению судебных решений в части возмещения гражданского иска. Мерой процессуального обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска является наложение ареста на имущество.

Обязанность, связанная с возмещением вреда, причиненного преступлением, возлагается на следователя, осуществляющего расследование по уголовному делу. И следует этот вывод не только из положений ст. 6 УПК РФ, но и из положений ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод граждан», в соответствии с которой следователь, дознаватель, прокурор, суд обязаны разъяснить потерпевшему о наличии у него прав, среди них закреплено право на возмещение имущественного вреда, а также разъяснить порядок возмещения. Это в свою очередь обеспечивает реализацию прав потерпевшего (ст. 42 УПК РФ).

По официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ ежегодно в течение последних трех лет судами общей юрисдикции рассматри-

---

¹ © Бибикова О. В., 2021.

вается порядка 40–50 тыс. ходатайств органов предварительного расследования о наложении ареста на имущество, 70–80 % из которых удовлетворены судами.

В настоящее время законодатель четко обозначил принадлежность данного процессуального действия к мерам процессуального принуждения. Ранее это процессуальное действие не считалось мерой принуждения. В отличие от действующего УПК РФ, в УПК РСФСР 1960 г. наложение ареста на имущество относилось к следственным действиям (ст. 175). Считалось, что, зачастую, значимые для уголовного дела предметы и факты, такие, как, например, наличие драгоценностей, иных ценностей, денежных средств, имущества, которые обнаружены и указаны в протоколе наложения ареста на имущество, изъяты и впоследствии отнесены к вещественным доказательствам, могли быть обнаружены в ходе производства наложения ареста на имущество, что в значительной степени характерно для следственного действия. Считаем, что подобного рода рассуждения в плане получения доказательств не совсем справедливы, поскольку и предметы, обнаруженные в ходе процессуальных действий, могут быть признаны вещественными доказательствами по делу и по силе доказательств, равнозначны предметам, изъятым в ходе следственных действий. Так же, как в случае задержания лица и производства личного обыска в рамках задержания, являющегося процессуальным действием, могут быть обнаружены предметы, документы, имеющие значение для уголовного дела. Тем не менее доказательства могут быть получены путем производства следственных действий и иных процессуальных действий, предусмотренных законодательством.

В продолжение рассуждений нельзя не отметить, что в действующем УПК РФ сам законодатель в ч. 5 ст. 165, устанавливающей судебный порядок получения решения для производства следственных и процессуальных действий, называет наложение ареста на имущество процессуальным действием. Однако наложение ареста на имущество преследует другие цели, нежели следственные действия. Так, следственные действия направлены на получение доказательственной информации и являются одним из основных способов получения доказательств. Тогда как арест на имущество имеет своей целью «обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». Полагаем, что законодатель ошибочно упоминает наложение ареста на имущество в числе следственных действий, равно как и уничтожение и утилизацию вещественных доказательств.

Важным условием законности и обоснованности наложения ареста на имущество является соблюдение требований закона, устанавливающих процессуальный порядок применения данной меры принуждения. Несмотря на то, что данная мера процессуального принуждения регламентирована законодателем (ст. 115 УПК РФ), имеют место проблемы законодательного и правоприменительного характера, которые требуют изучения.

В первую очередь, следует остановиться на проблеме необходимости возмещения вреда в случае, когда гражданский иск по делу не заявлен. Эта проблема существует с периода применения предыдущего уголовно-процессуального кодекса, нормы которого устанавливали для следователя обязанность

наложения ареста на имущество во всех случаях причинения преступлением вреда, даже когда гражданский иск по делу не заявлен. Такая позиция высказывалась авторами и с учетом современного законодательства, исходя из ч. 3 ст. 42 и ст. 230 УПК РФ, трактуемых авторами о необходимости возмещения вреда в результате преступления не только гражданскому истцу, но и потерпевшему, не признанного таковым¹. В УПК РФ такое правило не предусмотрено законодателем. Полагаем, что за исключением случаев, установленных ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, наложение ареста на имущества без требования об этом, влечет ограничение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Обоснованно считать, что в досудебном и судебном производстве именно заявленный гражданский иск является основанием для применения меры процессуального принуждения и сам факт принятия искового заявления и признания лица гражданским истцом позволяет принять соответствующее решение, установить размер иска и объем имущества, подлежащего аресту.

Следующая проблема связана с определением самого имущества, которое может подлежать аресту. Так как следователю при предъявлении гражданского иска необходимо незамедлительно составить постановление о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество, он, как было сказано выше, не всегда в курсе, какое имущество есть у подозреваемого или обвиняемого. И чтобы это выяснить, необходимо сделать запрос в соответствующие органы. Поэтому в постановлении не всегда указывается конкретное имущество, на которое налагается арест, но не всегда суд удовлетворяет такие ходатайства. Суд во многих случаях принимает решение, не соглашаясь с ходатайством следователя, так как в решении должна быть определена стоимость, местонахождение, кому принадлежит и прочие обстоятельства. На практике следователю сложно найти и выявить имущество, на которое возможно наложить арест. Такие сведения можно получить спустя время при производстве следственных действий, осмотре места происшествия, допросе и т. д. На выполнение оперативных мероприятий требуется время, и имущество может быть скрыто.

Во многих юридических изданиях по данному вопросу высказываются противоположные точки зрения. Так, С. И. Герасимова, А. П. Короткова, А. В. Тимофеева, считают, что следователь обязан в ходатайстве перед судом сразу указать конкретное имущество, на которое должен будет наложен арест².

Противоположной точки зрения придерживаются С. М. Юткина, О. В. Ростовщикова, и др., полагающие, что законодатель не устанавливает обязанность следователя в ходатайстве перед судом указать основание для производства данного процессуального действия и само имущество, подлежащее аресту³.

---

¹ Прасковин Д. А. Обеспечение гражданского иска: правовая природа и система средств / Д. А. Прасковин. М. : 2006. С. 64.

² Искандров В. Б. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.09 / В. Б. Искандров. Челябинск 2012. С. 18.

³ Юткина С. М. О наложении ареста на имущество как мере уголовно-процессуального принуждения: история, теория, практика / С. М. Юткина, О. В. Ростовщикова // Вестник Волгоградской академии МВД. 2012. № 4 (23). С. 144 ; Искандров В. Б. Наложение ареста на

Считаем, что указание на конкретное имущество, подлежащее аресту необходимо в ходатайстве следователя перед судом для того, чтобы произвести результативно само процессуальное действие. Также в аспекте данной проблемы нельзя согласиться с некоторыми авторами (Н. С. Куванов и др.), полагающими, что наложение ареста на имущество противоречит принципу презумпции невиновности и что до решения суда о виновности лица нельзя сделать вывод о том, что имущество добыто преступным путем. По нашему мнению, наложение ареста на имущество связано с запретами пользования и распоряжением имуществом, и только после вынесения судебного решения возможно обращение его в пользу потерпевшего для возмещения вреда. До того момента, как судебное решение состоялось и вступило в силу, имеется только предварительный вывод о том, что оно добыто преступным путем, либо о том, что оно может быть обращено в пользу возмещения вреда.

Считаем целесообразным обратить внимание на определение круга лиц, имущество которых арестовано. В отличие от УПК РСФСР, действующий УПК предусматривает возможность наложения ареста на имущество, не только подозреваемого, обвиняемого, и лиц, несущих материальную ответственность по закону (родители, попечители, опекуны, законные представители), но и других лиц, не имеющих процессуального статуса по уголовному делу, но в распоряжении которых, находится имущество, подлежащее изъятию. При этом неважно, по какой причине имущество оказалось в ведении этих лиц. Затруднено определение их процессуального статуса и возможность защиты прав и законных интересов указанных субъектов. Согласно законодательной регламентации понятия участников судопроизводства все лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство, являются участниками уголовного судопроизводства, в то же время, указанные лица, не имеют конкретного процессуального статуса, что влечет большую вероятность возможного ущемления либо нарушения их прав.

С учетом вышеизложенного и в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, полагаем, что алгоритм действий по производству рассматриваемой меры принуждения складывается из следующих этапов:

1) определение основания применения данной меры, им является предположение о вероятности сокрытия имущества, которое подлежит аресту. Только если следователь имеет достоверную информацию о том, что лицо пытается уклониться от возмещения вреда по иску, например, продать или оформить имущество на иное лицо, должностные лица незамедлительно должны применить принудительную меру – наложение ареста на имущество;

2) установление условий производства:

- причинение имущественного либо морального вреда (ст. 44 УПК РФ);
- предположение о том, что имущество добыто преступным путем либо предназначалось для таковых действий (ст. 104.1 УПК РФ) и подлежит конфискации;
- наличие процессуальных издержек, подлежащих взысканию, либо вероятность назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа;

3) следователь при наличии основания для применения данной меры процессуального принуждения с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, либо иных лиц, в чьем пользовании находится имущество. Обратиться самостоятельно в суд без согласия руководителя следственного органа или прокурора невозможно;

4) п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ устанавливает исключительное право суда вынести решение о наложении ареста на имущество в ходе досудебного производства по уголовному делу. Судья обязан рассмотреть ходатайство о наложении ареста на имущество не позднее 24 часов с момента поступления постановления и принять соответствующее решение. В безотлагательных случаях, возможно производство процессуального действия в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ с последующим судебным контролем и проверкой законности.

Таким образом, наложение ареста на имущество, являясь процессуальным действием, связанным с принуждением и существенным ограничением конституционных прав и свобод граждан, производится по судебному решению, что позволяет обеспечить законность данной меры процессуального принуждения. При этом следователь, прежде чем обратиться в суд, должен определить основания для его производства и условия, определить имущество, на которое может быть наложен арест, и лицо, в отношении которого применяется данная процессуальная мера.

Блинова Е. В.¹,

*старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Достижение определенного в ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства на изучаемом этапе уголовного процесса возможно лишь при соблюдении установленного УПК РФ процессуального порядка такой деятельности, а также достижении обоснованности и своевременности принимаемых решений².

Одними из проблем, с которыми сталкивается правоприменитель на стадии возбуждения уголовного дела, остаются процессуальные сроки проведения доследственной проверки.

Согласно ч. 1 ст. 145 УПК РФ после истечения трех суток по результатам проведенной проверки должностное лицо принимает итоговое процессуальное решение, что обусловлено требованием быстрее реализовать цели уголовного судопроизводства.

Однако здесь следует подробнее исследовать вопрос о необходимости оптимизации сроков проведения доследственной проверки. Нынешняя система сроков уголовного судопроизводства в сфере предварительной проверки, необходимая для достижения ее целей, базируется на следующих компонентах: начало и окончание изучаемой стадии уголовного процесса; процессуальные инструменты, посредством которых уполномоченные должностные лица решают задачи, стоящие перед указанной стадией уголовного судопроизводства. Проанализируем данные компоненты, обозначив их место в системе обеспечения разумного срока уголовного производства, и приведем главные проблемы, их касающиеся.

После регистрации сообщения о преступлении следователь, дознаватель приступает к проверке сведений, и после их анализа принимается итоговое решение. Основной срок проведения доследственной проверки составляет трое суток, он может быть продлен до десяти и тридцати суток (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Ранее продлевать срок проверки сообщения о преступлении до 30 суток можно было лишь при необходимости проведения документальных проверок и ревизий. Это означало, что продлить срок предварительной проверки на месяц можно было только по сообщениям о преступлениях в сфере экономики, превышении должностных полномочий и т. д. Ныне этот перечень расширен весьма значительно и включает в себя производство документальных проверок, производство ревизий, исследований документов, предметов, исследование трупов, проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

---

¹ © Блинова Е. В., 2021.

² Предварительное следствие : учебник / под ред. М. В. Мешкова. 3-е издание. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 236.

Такая длительная проверка фактически по любому сообщению о преступлении значительно затрудняет доступ граждан Российской Федерации к правосудию. Европейский Суд по правам человека, в частности, в постановлении «Бурдов против России» 2009 г. обязал Российскую Федерацию имплементировать правовое понятие «разумный срок судопроизводства» в российское законодательство, указав на необходимость разработки комплекса правовых мер и создания эффективного внутреннего механизма правовой защиты, которые бы обеспечили адекватное и достаточное возмещение большому числу людей, компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, установленный в п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹. В связи с этим законодатель дополнил ст. 6.1 УПК РФ частью 1.1, которая теперь позволяет положения о разумном сроке переносить и на стадию возбуждения уголовного дела, чего ранее не было.

По мнению Т. Ю. Вилковой и др., «важным шагом в преодолении нарушений сроков в досудебном производстве (и тем самым – соблюдении принципа разумного срока уголовного судопроизводства) должно стать упразднение стадии возбуждения уголовного дела в существующем виде, отсчет начала предварительного расследования с момента регистрации сообщения о преступлении либо с совершения первого процессуального действия, но без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и проведения доследственной проверки, как это принято в большинстве европейских государств (Австрия, Германия, Франция, Швеция, Швейцария и др.)»².

Вместе с тем эффективность законодательного предписания по срокам проведения доследственной проверки сомнительна, поскольку органы расследования стараются по любому поводу продлить сроки проверки, соответственно, было бы логичным сократить основания для проведения сроков проверки.

В частности, возможно исключение из перечня в ч. 3 ст. 144 УПК РФ оперативно-разыскных мероприятий, что позволило бы привести работу правоохранительных органов на данном этапе в разумные сроки. Кроме того, в соответствии с упомянутым принципом целесообразно обязать следователя или дознавателя при принятии решения о продлении срока предварительной проверки до 30 суток направлять копию решения прокурору, который обязан отреагировать на него.

Правоприменители, желая увеличить сроки проведения доследственной проверки, не успев провести ее в полном объеме, выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, с тем, чтобы данное решение было отменено и предоставлены дополнительные процессуальные сроки для проведения более полной доследственной проверки.

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 по делу «Бурдов против Российской Федерации» (№ 2) (жалоба № 33509/04) // СПС «Консультант Плюс» URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 20.05.2020).

² Вилкова Т. Ю. Недостатки «разумного срока» как оценочного понятия и пути их преодоления на начальном этапе уголовного судопроизводства / Т. Ю. Вилкова, Е. Н. Куркин // Перспективы развития институтов права и государства : сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции. Курск, 2020. С. 237.

В научной литературе встретилось справедливое предложение, основанное на изучении практики, согласно которому, выявлено, что «чаще всего первичная информация уже содержит достаточные данные, свидетельствующие о наличии или отсутствии признаков состава преступления. Решение о возбуждении уголовного дела в таких случаях принимается сразу. Полноценная доследственная проверка требуется, лишь если отсутствуют достаточные данные о признаках преступления; об объективной стороне преступления; не определен правовой характер произошедшего события»¹.

Также, наряду с вышесказанным, отметим справедливое мнение С. М. Пикалова, о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела, с сокращением круга разрешенных на данной стадии средств (кроме осмотра места происшествия), а также срока проверки – до трех дней без возможности продления².

Проблема, как представляется, кроется в установлении оптимальных сроков доследственной проверки, поскольку порой не всегда хватает даже 30-ти суток для проведения экспертизы, которая необходима для принятия итогового решения по результатам проведения доследственной проверки. Поэтому вполне логично законодательное закрепление положения о разумности срока проведения и доследственной проверки.

Также в качестве проблемы, с которой правоприменитель сталкивается в изучаемой стадии, видятся противоречия, возникающие между надзирающим прокурором и следователем по вопросам проведения доследственной проверки и принимаемым по ней решениям. Они связаны с несогласием прокурора с решением следователя или дознавателя, как правило, об отказе в возбуждении уголовного дела. Порой прокуроры по надуманным основаниям отменяют решения следователя или дознавателя о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела, тем самым увеличивая свои статистические показатели работы, связанные с их надзорной деятельностью.

Разрешение таких противоречий приводит к увеличению сроков проведения доследственной проверки и непосредственно сроков возбуждения уголовного дела.

Изученные материалы доследственных проверок и уголовных дел позволили сделать вывод о необходимости решения проблемы нарушения процессуальных сроков. В частности, получив материалы доследственной проверки, следователь может не получить информации, достаточной для того, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии основания для принятия решения в порядке ст. 145 УПК РФ. При этом установленный УПК РФ срок проверки истекает, работа проведена, а окончательное решение принять невозможно. Ведомственные приказы предлагают решение: возвращение материала проверки с пере-

---

¹ Акперов Р. С. Возбуждение уголовного дела в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. С. Акперов. Самара, 2010. С. 16.

² Пикалов С. М. Совершенствование законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела / С. М. Пикалов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2019. № 4 (39). С. 59.

числением мероприятий и действий для дополнительной проверки. Данный механизм, имеющий место на практике, удобен для правоприменителя, однако он ограничивает конституционное право граждан на доступ к осуществлению правосудия и разумные сроки уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, с целью повышения эффективности проведения доследственной проверки законодатель предоставил правоприменителю возможность проведения экспертиз, но, как было отмечено, сроки проведения отдельных экспертиз превышают 30-ти суточный срок доследственной проверки, что создает проблемы следователю и дознавателю в соблюдении сроков ее проведения. Следует также учитывать и загруженность экспертных учреждений, также не способствующую соблюдению разумных сроков в ходе проведения доследственных проверок.

Следует обратить внимание и на то, что в ст. 144 УПК РФ введена часть 1.2, в которой отдельно обговаривается: если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Вместе с тем присутствует вероятность того, что при проведении доследственной проверки потребуется проведение экспертизы, однако, и после возбуждения уголовного дела эта необходимость может возникнуть. Но в этом случае имеется вероятность, что провести такую экспертизу будет невозможно по причине израсходования после проведения первой материалов экспертного исследования. В свою очередь, это может привести к утрате доказательств, полученных в ходе экспертиз.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что заключение эксперта, полученное до возбуждения уголовного дела, будет признано допустимым доказательством лишь в том случае, если подозреваемым, обвиняемым, их защитником не заявлено ходатайство о проведении дополнительной или повторной экспертизы. Бесспорно, это – дополнительная гарантия обеспечения прав и законных интересов граждан, которые по некоторым причинам не могли быть реализованы на стадии возбуждения уголовного дела. Однако не стоит забывать, что значительное количество уголовных дел возбуждается по факту совершения преступления, то есть не установлено лицо – субъект преступления. При проведении экспертизы до возбуждения уголовного дела, в последующем, будучи установленным и приобретя статус подозреваемого (обвиняемого) такое лицо получит право на удовлетворение ходатайства о проведении дополнительной или повторной экспертизы.

Ученые-процессуалисты, которые высказываются против сохранения изучаемой стадии уголовного процесса, справедливо подчеркивают, что значительное число материалов, содержащихся в материалах доследственной проверки, получены, впрочем, как этого и требуют регламентирующие их получение нормативные акты, без соблюдения процессуальной формы. Сюда мы отнесем объяснения, акты, справки об исследовании. Они в обязательном порядке

требуют формировании на основе той же, уже имеющейся информации, доказательств в ходе предварительного расследования¹.

По нашему мнению, исключение стадии возбуждения уголовного дела из уголовного процесса в настоящий момент несколько преждевременно, поскольку она позволяет установить перспективность расследования уголовного дела по отдельно взятому заявлению.

Нельзя не отметить при этом, что законодатель продолжает поступательно расширять перечень следственных действий, предоставляя правоприменителю новые, дополнительные возможности для собирания информации в рамках проверки сообщения о преступлении. С другой стороны, все чаще появляется необходимость использовать информацию, полученную в ходе проверки, в качестве доказательств. Происходящее представляет собой некое смещение границ между являющимися самостоятельными и отдельными стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. В итоге, это может привести к нивелированию стадии возбуждения уголовного дела и отказу от нее как самостоятельной стадии уголовного процесса.

---

¹ Гаврилов Б. Я. Роль института возбуждения уголовного дела в обеспечении прав потерпевших на их доступ к правосудию / Б. Я. Гаврилов // Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России. 2018. № 2 (31). С. 22 ; Ильюхов А. А. Проблемные вопросы правового и организационного характера, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела / А. А. Ильюхов // Юридические науки: стратегия развития в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов, 2019. С. 192 ; Александров А. С. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить / А. С. Александров, С. А. Грачев // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 106.

Валов С. В.¹,

*старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЙ ЗАКОННОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Законность рассматривается в качестве обязательного свойства уголовно-процессуальной деятельности властных участников уголовного судопроизводства и достигнутых ими результатов². Данное свойство присуще деятельности и результатам только в том случае, если они соответствуют правовой модели, закрепленной в уголовно-процессуальном праве, под которым понимается не только совокупность правовых норм, систематизированных в нормативном правовом акте, но и содержащихся в иных признаваемых государством источниках права (ч. 3 ст. 1, ч. 2 ст. 3, ч. 2 ст. 160.1, ч. 1 ст. 453, ст. 455 УПК РФ) соответствующей отрасли, имеющей единый предмет правового регулирования³.

Обязательность свойства производна от признака общеобязательности правовой нормы, в которой зафиксирована правовая модель деятельности или ее результата. Властные участники уголовного судопроизводства обязаны действовать в соответствии с принципом «дозволено только то, что прямо предусмотрено законом», на основе которого построены нормы ст. 7, ч. 2 ст. 21, п. 41 ст. 5, ч. 1, п. 6 ч. 2 ст. 38 и др. статьях УПК РФ. Такое понимание сущности законности увязывает воедино выявленные и описанные в теории государства и права формы ее проявления в сфере должного (принцип) и сущего (метод и режим), а также объясняет выполняемые ею инструментальные функции по отношению к иным правовым явлениям.

Наука в изучении нарушений, допускаемых в ходе уголовного процесса, прошла путь от подготовки востребованных практикой систематизированных сборников решений кассационных департаментов Правительствующего Сената⁴

¹ © Валов С. В., 2021.

² Афанасьев В. С. Обеспечение законности: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата: 12.00.01 / В. С. Афанасьев. М., 1993. С. 10–11.

³ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2014 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом депутатов Государственной Думы // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804 ; Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О по жалобе С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2006. № 5. Ст. 633.

⁴ Решения кассационных департаментов Правительствующего Сената. СПб., 1866 ; Нарушения Устава уголовного судопроизводства, признанные Уголовным кассационным департаментом безусловно существенными : сост. Г. Трахтенберг. СПб. : Судебный вестник, 1870.

до познания сущности и классификации отступлений от правовых моделей судопроизводственных порядков, отграничения их от ошибок¹.

Среди изменений, вызванных нарушениями законности, выделяют правовые последствия. Вряд ли можно согласиться с мнением, что существуют нарушения, которые не влекут и даже не создают угрозы наступления каких-либо последствий². Любое деяние влечет за собой изменения в виде последовательно развивающихся за ним событий, процессов, явлений или их определенного состояния. По своему характеру они бывают разные: позитивные и негативные, благоприятные и неудобные.

Негативные последствия нарушений законности – это носящий объективно вредный характер результат сознательного или непреднамеренного отступления властных субъектов уголовного судопроизводства от предписанной им правовой модели процессуальной деятельности, выразившийся в нежелательных с точки зрения права изменениях общественных отношений, в которые были вовлечены лица в связи со своим участием в уголовном процессе или исполнением возложенных на них служебных обязанностей.

При этом по своей природе они могут быть не только правовыми, поскольку упорядочение общественных отношений достигается, помимо применения правовых норм, воздействием и иных социальных регуляторов.

По характеру связи с другими возникающими фактами в социальной действительности последствие нарушения законности может выступать причиной или условием появления новых явлений, событий, процессов.

По объективно-субъективным характеристикам негативные последствия нарушения законности подразделяются на наступившие и выявленные; по временным характеристикам – на возникшие в досудебном и судебном производстве. Негативные последствия нарушений законности в досудебном производстве по частоте встречаемости делятся на характерные для стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

По возможности снижения негативного воздействия выделяются незамедлительно устранимые и длящиеся последствия. В ряде случаев продолжительность существования последствий зависит от правовой процедуры установления обоснованности требований заинтересованного лица о признании факта нарушения, видового состава и характера последствий, вида и размера компенсации.

Негативные последствия нарушения законности по субъектному признаку подразделяются на затрагивающие:

1) лицо, за которым государством признается право на реабилитацию (ст. 133 УПК РФ);

---

¹ См., например, Калинкина Л. Д. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и их отграничение от несущественных : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л. Д. Калинкина. Казань, 1981; Ширванов А. А. Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А. А. Ширванов. М., 2005.

² Ширванов А. А. Указ. соч. С. 13.

2) близких родственников, родственников и иждивенцев подозреваемого, обвиняемого (ч. 2 ст. 134, ч. 3, 4 ст. 136 УПК РФ)¹;

3) потерпевшего или его родственников (ч. 8 ст. 48 УПК РФ);

4) юридическое лицо (ст. 139 УПК РФ);

5) следственный орган или орган дознания (репутационные, временные, организационные и другие);

6) государство, от имени которого действовали должностные лица (финансовые, репутационные, организационные, правовые и другие);

7) конкретное должностное лицо, действиями (бездействием) или решениями (несоответствующими в той или иной мере предписаниям правовых норм) которого причинен вред в связи с досудебным производством по уголовному делу (организационные, репутационные, финансовые и др.);

8) сотрудников следственных органов (органов дознания), непосредственно вовлеченных в процесс устранения недостатков (организационные, морально-этические, временные и иные).

Между выделенными группами негативных последствий нарушений законности существуют содержательные различия. Задача их классификации по различным основаниям состояла в том, чтобы с одной стороны, расширить научные представления о социальных последствиях, возникающих в результате нарушения законности в досудебном производстве по уголовному делу, с другой, – показать разнообразие и масштабы таких последствий одного нарушения, которыми затрагиваются различные сферы социальной практики и интересы различных по своему правовому статусу субъектов правовых отношений. Возникает определенный эффект «кругов на воде», возмущений в сопредельных сферах социальной практики, имеющих обратную силу в отношении инициатора такого воздействия.

Восприятие последствий через призму личных переживаний конкретных лиц и осознание множественности субъектов, в социальной активности которых в результате нарушения происходят существенные изменения, являются факторами, которые помогут следователям (дознавателям) осознать значимость принимаемых ими решений и выполняемых действий в сфере уголовного судопроизводства.

Владение данной информацией имеет и прагматическое значение, поскольку оно позволяет руководителю следственного органа (начальнику органа дознания) верно выстроить социальные коммуникации в ходе реализации мер по устранению негативных последствий нарушения законности, допущенного подчиненными ему сотрудниками, не ограничиваясь при этом организационными рамками территориального подразделения федерального органа власти.

---

¹ См., также Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П по делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко // СЗ РФ. 2011. № 30 (2). Ст. 4698.

Горач Н. Н.¹,

*доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат педагогических наук;*

Лаврова О. Н.²,

*заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗРЕШЕНИЯ ХОДАТАЙСТВ, ЗАЯВЛЕННЫХ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ОЗНАКОМЛЕНИИ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В УПК РФ ходатайствам посвящена самостоятельная глава 15 «Ходатайства», регламентирующая круг лиц, имеющих право заявлять ходатайства, сроки и порядок их заявления, рассмотрения и разрешения (ст.ст. 119–122 УПК РФ).

В соответствии с ч. 4 ст. 217 УПК РФ по окончании ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела следователь выясняет, какие у них имеются ходатайства или иные заявления. При этом у обвиняемого и его защитника выясняется, какие свидетели, эксперты, специалисты подлежат вызову в судебное заседание для допроса и подтверждения позиции стороны защиты.

Принимая решение по заявленному ходатайству, следователь, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, уполномочен самостоятельно принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий. В то же время, на основании ч. 2 ст. 159 УПК РФ, обвиняемому и его защитнику не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела. Указанное требование уголовно-процессуального закона требует разрешать заявленное стороной защиты ходатайство уже не по усмотрению следователя, а на основании имеющихся в деле доказательств и обоснованности изложенных в ходатайстве обстоятельств.

Порядок принятия решений по ходатайствам, заявленным в ходе или после окончания выполнения требований ст. 217 УПК РФ, указан в ст. 219 УПК РФ. Так, в случае удовлетворения ходатайства, заявленного одним из участников производства по уголовному делу, следователь дополняет материалы уголовного дела, что не препятствует продолжению ознакомления с материалами уголовного дела другими участниками. По окончании производства дополнительных следственных действий следователь уведомляет об этом лиц, указанных

---

¹ © Горач Н. Н., 2021.

² © Лаврова О. Н., 2021.

в ч. 1 ст. 216 и ч. 1 ст. 217 УПК РФ, и предоставляет им возможность ознакомления с дополнительными материалами уголовного дела. В случае полного или частичного отказа в удовлетворении заявленного ходатайства следователь выносит об этом постановление, которое доводится до сведения заявителя. При этом ему разъясняется порядок обжалования данного постановления.

Безусловно, наиболее проблемным вопросом при разрешении ходатайств в ходе (или после выполнения) требований ст. 217 УПК РФ является зачастую преследуемая стороной защиты цель затянуть срок предварительного следствия. При этом в силу ч. 2 ст. 219 УПК РФ в случае удовлетворения ходатайства и производства по нему дополнительных следственных и иных процессуальных действий для ознакомления предъявляются только дополнительные материалы уголовного дела, что лишает сторону защиты возможности затягивания процесса ознакомления с материалами уголовного дела путем повторного ознакомления, что особенно актуально, когда их объем является значительным.

Проблемным вопросом остается также производство следственных и иных процессуальных действий в ходе или после окончания выполнения требований ст. 217 УПК РФ, о которых сторона защиты заранее намеренно не ходатайствует, но необходимость их производства вытекает из заявленного ходатайства или из произведенных по нему дополнительных следственных действий. В данной ситуации сторона защиты понимает, что невыполнение данных следственных действий может повлечь неполноту предварительного следствия, следовательно, возможен возврат уголовного дела прокурором для производства дополнительного следствия, что повлечет затягивание сроков предварительного следствия.

Заметим, что действующим законодательством не предусмотрено выполнение следователем по его усмотрению следственных и иных процессуальных действий в ходе или после окончания выполнения требований ст. 217 УПК РФ. При возникновении такой необходимости следует прекратить выполнять требования ст. 217 УПК РФ и продолжить следственные действия путем вынесения соответствующего постановления в порядке п. 25 ст. 5, ст. 38 УПК РФ с последующим ознакомлением сторон вновь со всеми материалами уголовного дела, в том числе и с теми, с которыми они ранее были ознакомлены. При этом в случае большого объема уголовного дела это ведет к неизбежному затягиванию сроков предварительного следствия.

На наш взгляд, выходом из указанной ситуации может стать расширенное толкование ходатайства, заявленного стороной защиты. Заявляя ходатайство, сторона защиты преследует цель отработки определенной версии, которая может свидетельствовать о невиновности обвиняемого. В связи с этим, как правило, в своих ходатайствах обвиняемый и его защитник просят выполнить конкретные следственные и иные процессуальные действия, которыми, по их мнению, возможно проверить выдвинутую ими версию. Вместе с тем, как показывает практика, в случае удовлетворения ходатайства и при выполнении указанных в нем действий, зачастую, в силу разного подхода стороны защиты и обвинения к процессу доказывания по уголовному делу, возникает необходимость в производстве следователем дополнительных следственных и иных процессуальных действий. В таких случаях следователю необходимо уяснить версию,

о которой ведет речь сторона защиты в заявленном ходатайстве. После чего представляется возможным и не противоречащим требованиям УПК РФ, при наличии к тому оснований, принять решение об удовлетворении ходатайства с отражением в соответствующем постановлении необходимости проверки версии стороны защиты, в том числе, путем производства следственных и иных процессуальных действий, заявленных стороной защиты.

Еще одним проблемным вопросом, с которым сталкиваются органы предварительного следствия после окончания выполнения требований ст. 217 УПК РФ, является желание обвиняемого, ранее отказывавшегося от дачи показаний, с учетом изученных им материалов уголовного дела, дать показания по существу предъявленного ему обвинения, что может расцениваться, как попытка затянуть сроки предварительного следствия.

Вместе с тем в п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ закреплено право обвиняемого возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. Согласно ч. 4 ст. 173 УПК РФ повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе может проводиться только по просьбе самого обвиняемого. Анализ приведенных правовых норм позволяет прийти к выводу о том, что первоначальный отказ от дачи показаний не лишает обвиняемого права в дальнейшем в ходе предварительного следствия давать показания по предъявленному ему обвинению.

В связи с тем, что право обвиняемого возражать против обвинения включает в себя право приводить доводы в свою защиту, а бремя опровержения этих доводов, в силу требований ч. 2 ст. 14 УПК РФ, возложено на сторону обвинения, просьба обвиняемого о повторном допросе может быть заявлена им на любой стадии предварительного расследования и, при отсутствии явных признаков злоупотребления правом, подлежит удовлетворению вне зависимости от согласия обвиняемого или его отказа дать показания в ходе первого допроса.

Горбатов И. М.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Одним из условий реализации назначения уголовного судопроизводства является установленное нормами УПК РФ право государственных органов и их должностных лиц применять меры пресечения, ограничивающие права и свободы участников уголовного процесса. Особое внимание заслуживает введенная Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ мера пресечения в виде запрета определенных действий, которая является более мягкой альтернативой мере пресечения в виде заключения под стражу и, как отмечается в юридической литературе, представляет собой усовершенствованный и более гуманный вариант домашнего ареста².

Введение в уголовно-процессуальное законодательство меры пресечения в виде запрета определенных действий не только направлено на гуманизацию российского уголовного судопроизводства, но и позволяет более широко применять альтернативные меры пресечения. Следует отметить, что подобная мера пресечения широко применяется во многих зарубежных странах.

Однако анализ правоприменительной практики показывает о незначительном применении данной меры пресечения в сравнении с другими мерами пресечения, применяемыми при производстве по уголовному делу. Так, статистические данные о деятельности федеральных судов общей юрисдикции Российской Федерации³ и Белгородской области⁴ за 2018–2020 гг. свидетельствуют, что большинство ходатайств перед судами связано с избранием наиболее строгой меры пресечения в виде заключения под стражу. Доля залога и домашнего ареста в общей массе ходатайств об избрании мер пресечения, которые удовлетворили суды, не превысила 5,9 % в 2018 г.; 6,9 % в 2019 г.; 7,4 % в первом полугодии 2020 г.

На наш взгляд, причиной сложившейся ситуации, во-первых, является безынициативность органов предварительного расследования. Так, только в первом полугодии 2020 г. судами Белгородской области при рассмотрении ходатайств

---

¹ © Горбатов И. М., 2021.

² Гришина Е. Б. Запрет определенных действий как новая мера пресечения в УПК РФ / Е. Б. Гришина // К 300-летию российской полиции : сборник материалов международной научно-практической конференции. МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. С. 131–135. URL: www.elibrary.ru (дата обращения 16.11.2020).

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018, 2019 и 1 полугодие 2020 г. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 17.11.2020).

⁴ Сводные статистические отчеты о работе районных (городских) судов и мировых судей Белгородской области. URL: <http://usd.blg.sudrf.ru> (дата обращения: 17.11.2020).

об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу принято пять решений о применении запрета определенных действий (по России – 328). В то же время рассмотрено только две инициативных ходатайства органов предварительного расследования (по России – 867). Например, Старооскольским городским судом Белгородской области 25 июня 2020 г. отказано в удовлетворении ходатайства об избрании С. Е. А., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 ч. 6 п. «а» УК РФ, меры пресечения в виде заключения под стражу. Избран запрет определенных действий с возложением двух запретов: не выходить за пределы жилого помещения в установленное время; не управлять автомобилем или иным транспортным средством.

Во-вторых, неправильное применение уголовно-процессуального законодательства. Так, в исследуемом периоде 6 ходатайств отклонены судами по указанной причине. Например, постановлением Старооскольского городского суда Белгородской области от 27 февраля 2020 г. отказано в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий Г. Ю. А., подозреваемому в совершении трех умышленных корыстных преступлений. В этот же день дознавателем отменена ранее избранная в отношении Г. Ю. А. мера процессуального принуждения в виде обязательства о явке в связи с отсутствием оснований для применения какой-либо меры процессуального принуждения.

Изучение статистических данных за период с 2018 по 2020 гг., несмотря на определенные трудности, показывает стабильный рост количества принимаемых решений по применению меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Однако процедура применения данной меры пресечения может быть затруднена в связи с некоторыми неточностями в нормах уголовно-процессуального закона. С одной стороны, ст. 97, 105.1, 106, 107 УПК РФ допускают одновременное применение запрета определенных действий с залогом или домашним арестом, с другой, – ч. 1 ст. 97 УПК РФ обязывает следователя (дознавателя) применять только одну из предусмотренных УПК РФ мер пресечения.

В то же время анализ правоприменительной практики в целом в Российской Федерации и Белгородской области показывает об активном применении меры пресечения в виде запрета определенных действий совместно с мерами пресечения в виде залога или домашнего ареста. При этом данное противоречие неоднократно обсуждалось в юридической литературе¹.

На наш взгляд, целесообразно привести ч. 1 ст. 97 УПК РФ в соответствие с ч. 1 и 1.1 ст. 97 УПК РФ, указав на возможность одновременного применения нескольких мер пресечения.

Исчерпывающий перечень запретов сформулирован в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. В то же время сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства показывает применение иных востребованных практикой запретов, эффективность которых не вызывает сомнений. Так, в Латвийской республике использу-

---

¹ Николаева М. И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России / М. И. Николаева // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2 (47). С. 117–123 ; Бурганов Р. С. Запрет определенных действий: первые результаты применения / Р. С. Бурганов, Р. Г. Бикмиев // Уголовный процесс. 2019. № 5 (173). С. 56–59.

ется мера пресечения «Запрет на определенные занятия» (ст. 243 УПК Латвийской Республики)¹, в Республике Армения – «Временное прекращение занятия должности» (ст. 152 УПК Республики Армения)², в Азербайджанской Республике «Передача под надзор полиции», «Отстранение от должности» (ст. 169, 172 УПК Республики Азербайджан)³, в Республике Казахстан «Запрет на приближение» (ст. 165 УПК Республики Казахстан)⁴ и др.

По нашему мнению, расширение перечня запретов или создание открытого перечня запретов, с учетом конкретных обстоятельств преступления, соответствует тенденциям исторического развития России и позволит индивидуализировать запреты в зависимости от личности подозреваемого или обвиняемого⁵. Создание открытого перечня запретов, безусловно, расширит практику применения меры пресечения, предусмотренной ст. 105.1 УПК РФ.

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской республики. URL: <http://www.pravo.lv> (дата обращения: 16.11.2020).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения // Министерство юстиции Республики Армения. Ереван, 2004. С. 234.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. URL: <https://online.zakon.kz>. (дата обращения: 16.11.2020).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 16.11.2020).

⁵ Николаева Н. А. Генезис запрета определенных действий в Российском Уголовном процессе / Н. А. Николаева // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 3 (45) . С 44–47.

Грачева А. С.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Волинская О. В.,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОХРАНИТЕЛЬНЫХ И ПОПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 160 УПК РФ

Для детального анализа содержания ст. 160 УПК РФ был проведен сравнительный анализ УПК РСФСР 1960 г., УПК Республики Беларусь (далее – УПК РБ), УПК Республики Узбекистан (далее – УПК РУ), УПК Республики Казахстан (далее – УПК РК). При этом были рассмотрены и определены: месторасположение соответствующих норм в тексте национального уголовно-процессуального законодательства; меры, направленные на обеспечение сохранности имущества (понятие приведено в соответствии со ст. 160 УПК РФ), основания их применения и вопросы, связанные с их финансированием; меры попечения, порядок их применения, категории лиц, к которым они применяются, круг должностных лиц, реализующих их. Кроме того, представляется значимым обратить внимание и на обстоятельства, учитываемые при избрании мер процессуального принуждения, так как это напрямую связано с порядком реализации попечительных мер.

Данная норма ст. 160 фактически представлена в изначальной редакции и содержалась в УПК РФ с момента его принятия. При этом положения, составляющие ее содержание, предопределены относительно небольшим историческим опытом возникновения и развития, что, на наш взгляд, является одной из причин существования на сегодняшний день относительно минимальной правоприменительной практики. Единственный закон, содержащий прототип данной нормы в России – это УПК РСФСР 1960 г. При этом сложно сказать, что законодателем использовался уже существовавший с того времени алгоритм применения данных мер попечения.

Основным и одним из главных отличий является месторасположение статьи в уголовно-процессуальном кодексе, так в УПК РСФСР ст. 98 «Меры попечения о детях и охраны имущества заключенного под стражу» содержалась в главе 6, регламентирующей меры пресечения, и применялась лишь в случаях, заключения обвиняемого под стражу. Кроме того, до сих пор в законодательстве некоторых государств сохраняется аналогичный порядок, так, в ст. 218 УПК РУ «Меры попечения об иждивенцах и по охране имущества лица, задержанного, за-

---

¹ © Грачева А. С., 2021.

ключенного под стражу или помещенного в медицинское учреждение» содержится в разделе 4 – «Процессуальное принуждение», ст. 154 УПК РК «Право на попечение и присмотр за имуществом» отнесена к главе 18 – «Меры пресечения».

В настоящее время данная норма относится к общим условиям предварительного расследования. Подобное видение представлено лишь в тексте УПК РБ. Полагаем такой законодательный подход к вопросу о месторасположении исследуемой нормы не вполне логичен. В этом контексте обратимся к мнению авторов, сформулировавших, что именно понимается под общими условиями предварительного расследования. Так, С. А. Скворцова, Н. В. Угольникова и С. С. Шуренкова предложили следующее определение общих условий предварительного расследования – совокупность требований закона, закрепляющих наиболее общие правила и требования, которые определяют содержание порядка расследования в целом, от ее начала до полного завершения¹.

Содержание ст. 160 УПК РФ ориентирует ее применение не только в отношении заключенного под стражу подозреваемого (обвиняемого), но и лица, задержанного в порядке ст. 91 УПК РФ. Отмечаем, что в последнем случае существенно усложняется процедура применения охранительных и попечительных мер, ввиду того, что мера процессуального принуждения – задержание – является краткосрочной, так как максимальный срок задержания в соответствии с ч. 2 ст. 94 УПК РФ не может превышать 48 часов, и лишь в исключительных случаях может быть продлен на срок не более 72 часов. Полагаем, расширение круга лиц, на которых распространяется реализация положений ст. 160 УПК РФ, необходимо, поскольку в противном случае, несмотря на краткосрочность задержания, подозреваемый лишается возможности осуществления своих обязанностей по воспитанию (присмотру и помощи) за иждивенцами, так и лишается права пользования имуществом и, соответственно, возможности присмотра за ним. Таким образом, это расширяет круг прав подозреваемого (обвиняемого), что является существенным шагом на пути к гуманизации уголовно-процессуального законодательства России.

Кроме того, несмотря на наличие двух оснований применения попечительных и охранительных мер, до сих пор существует некоторая пробельность права, связанная с необходимостью помещения подозреваемого (обвиняемого) в медицинское учреждение для производства экспертизы, которое имеет все признаки физического принуждения, в свою очередь ограничивающего их свободу передвижения, что фактически не «привязано» к разделу 4 УПК РФ «Меры уголовно-процессуального принуждения». Анализ современного состояния проблемы по законодательству вышеупомянутых государств, свидетельствует, что только УПК РУ предусматривает применение попечительных и охранительных мер и при задержании, и при заключении под стражу, и при помещении в медицинское учреждение для производства экспертизы. А УПК РК предусматривает право на попечение и присмотр за имуществом как при содержании под стражей, а также в случаи других действий органа, ведущего уголов-

---

¹ Скворцова С. А. Уголовный процесс : учебное пособие / С. А. Скворцова, Н. В. Угольникова, С. С. Шуренкова. М. : ИНФРА-М, 2003. С. 70.

ный процесс, не устанавливая конкретных видов оснований, что предполагает их расширительное толкование.

УПК РФ и УПК РБ предусматривают меры по обеспечению сохранности имущества. Представляется, что такие меры направлены на уменьшение потенциальных потерь, связанных с повреждением или утратой имущества, в том числе жилища. Наряду с формулировкой «обеспечение сохранности имущества», также встречается термин охрана имущества. Под охраной в данном случае следует понимать комплекс мероприятий, гарантирующих сохранность имущества, при этом он включает именно подготовку и организацию охранного режима, а также непосредственную реализацию мер по охране имущества.

Меры охраны были закреплены еще в УПК РСФСР. Они нашли свое современное выражение в действующем УПК РУ. УПК РК предусматривает «присмотр по просьбе лица» за имуществом. При этом присмотр подразумевает за собой надзор, постоянное наблюдение¹, кроме того, он осуществляется в отношении имущества, интересно, что в последнее включается и наличие животных, принадлежащих лицу, содержащемуся под стражей (в ст. 154 УПК РК есть прямое указание на это). Значимым на наш взгляд представляется и то, что только в УПК РК – единственном из рассмотренных уголовно-процессуальных кодексов, предусматривается финансирование осуществляемых мер присмотра за имуществом за счет подозреваемого (обвиняемого), который ходатайствует об их применении.

В ст. 160 УПК РФ входят положения, регламентирующие применение не только охранительных мер, но и мер попечительного характера. В законодательстве рассмотренных стран одним из обстоятельств, учитываемым при избрании меры процессуального принуждения, является семейное положение лица, к которому она применяется. Тем не менее немаловажным является и установление наличия иждивенцев подозреваемого (обвиняемого), задержанного или заключаемого под стражу. Установление наличия в семье иждивенцев, предусмотрено лишь ст. 138 УПК РК. Если при решении вопроса о необходимости применения меры пресечения и определения ее вида помимо обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, будет устанавливаться и наличие иждивенцев, находящихся на попечении подозреваемого (обвиняемого), к которому применяется мера пресечения, дознаватель (следователь) уже на этапе подготовки к ее избранию будут обладать данной информацией и смогут предвидеть необходимость применения мер попечения.

В рамках настоящей статьи не представляется возможным осуществить полноценный анализ попечительных мер в силу объемности изученного по данной проблематике материала. Это связано, прежде всего, с тем обстоятельством, что он предполагает сопоставление имеющихся научных изысканий как российских ученых, так и мнений, высказанных зарубежными процессуалистами и правоприменителями.

Не раз предпринимались попытки совершенствования института попечительных и обеспечительных мер, однако, на сегодняшний день, ст. 160 УПК РФ

---

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. Москва : Азбуковник, 2000 .С. 500

представлена в первоначальной редакции. При этом необходимость в более подробной регламентации и установлении механизма реализации попечительных и охранительных мер возрастает. Так, Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ внес ряд новых положений в Конституцию РФ достаточно разной направленности. Интересной представляется ст. 67.1 Конституции РФ, введенная указанным законом, ч. 4 этой статьи закрепляет детство как важнейший приоритет государственной политики. Кроме того, закрепляет положение о том, что государство берет на себя обязанности родителей по воспитанию несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей. Несомненно, рассмотренный зарубежный опыт может помочь в восстановлении пробелов и позволит эффективно обеспечивать права и свободы граждан, как вовлеченных в уголовное судопроизводство и наделенных процессуальным статусом, так и лиц, находящихся в зависимом от них положении, но не являющихся участником уголовного судопроизводства.

Егорова Т. И.¹,

*преподаватель кафедры профессиональной подготовки
Уфимского юридического института МВД России*

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Актуальность выбранной темы обусловлена, прежде всего, тем, что рост преступлений в сфере экономической деятельности не только создают угрозу для формирования эффективной и конкурентной деятельности в предпринимательской среде, но и способствуют снижению результативности финансово-экономических преобразований в государстве.

К основным причинам совершения таких преступлений относятся корыстные интересы коррумпированных должностных лиц и организованных преступных групп, желающих обогатиться за счет государственных средств, в значительной степени формируемых налогоплательщиками. Такие хищения совершаются, как правило, под видом или в процессе законных хозяйственных операций, а наступающие вслед за ними последствия подрывают авторитет государственной власти, способствуют усилению недовольства населения и оказывают отрицательное влияние на социально-экономическую обстановку в стране².

Доказать факт совершения экономического преступления является непростой задачей, еще до возбуждения уголовного дела следственные органы сталкиваются с рядом сложностей, без которых расследование невозможно. Попробуем коротко рассмотреть некоторые из них.

Во-первых, на наш взгляд, одной из наиболее важных задач, стоящей перед следователем, является то, что на первоначальном этапе, при рассмотрении материала доследственной проверки, достаточно сложно разграничить экономическое преступление от гражданско-правовых отношений. Как правило, еще до возбуждения уголовного дела следователь вынужден назначить ряд судебных экспертиз как традиционных, например криминалистических, так и специфических для конкретного вида преступления, в том числе экономических, финансовых, бухгалтерских, строительных и других, позволяющих выяснить, имеются ли в действиях лица признаки преступления, или же лицом совершены действия, которые следует отнести к гражданско-правовым деликтам.

Второй, немаловажный момент, который мы хотели бы отметить – это то, что лица, совершающие преступления в сфере экономической деятельности, являются высококвалифицированными специалистами, обладающими глубокими познаниями в экономической, финансовой и правовой системах, в связи с чем следственным органом необходимо постоянно самосовершенствоваться, а именно углублять свои знания как в сфере экономики, финансов, так и в правовой системе, что позволит им быть «на шаг впереди» злоумышленников.

---

¹ © Егорова Т. И., 2021

² Доронина Н. Ю. Проблемы квалификации преступлений в сфере экономики / Н. Ю. Доронина // Молодой ученый. 2020. № 3 (293).

В-третьих, в процессе расследования экономического преступления необходимо выполнить большой объемом следственных и иных процессуальных действий, что затягивает сроки расследования на длительное время. Не стоит забывать и о качестве расследования указанной категории преступлений, так как они отличаются от обычных преступлений (краж, грабежей и т. д.).

Так, при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности, следователю необходимо обратить внимание на следующие моменты:

1) исследование бухгалтерских документов, которые позволят определить в денежном выражении состояния имущества, обязательств и капитала организации и их изменений;

2) исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов с целью определения состояния и изменения налоговых обязательств;

3) исследование финансового состояния и финансовых результатов деятельности с целью определения состояния и изменения финансовых показателей (финансово-аналитическая экспертиза и исследования);

4) исследование стоимости, позволяющее определить рыночную и иные виды стоимости, а также ее изменения.

Учитывая особенности расследования преступлений в сфере экономической деятельности, для улучшения качества расследования и выявления новых преступлений, на наш взгляд, необходимо создать отдельную службу при Правительстве РФ для расследования преступлений экономической направленности – «Экономическую полицию». При этом стоит обратить особое внимание на подготовку сотрудников (специалистов), которые будут работать в «экономической полиции», они должны обладать знаниями не только в юриспруденции, но и обладать знаниями в области экономики и финансов, а также иметь помимо юридического образования еще и экономическое.

Вопрос о создании отдельной службы экономической полиции рассматривается уже несколько лет. Однозначного мнения о необходимости создание отдельной службы в данной области нет. Так, значительная часть практиков считают создание отдельной службы нецелесообразным, так как в полиции уже имеются отделы по расследованию преступлений в сфере экономики. В Главном следственном управлении по Республике Башкортостан имеется отдел по расследованию преступлений в сфере экономики, а также отдел по расследованию коррупционных преступлений. Проблема заключается в том, что указанные преступления расследуют следователи, не имеющие экономического образования, в связи с чем они вынуждены в ходе расследования уголовного дела обращаться к специалистам данной области, стараться вникать в бухгалтерские документы, что значительно осложняет ход расследования.

На наш взгляд, создание экономической полиции позволит улучшить качество расследования преступлений экономической направленности, позволит создать штат специалистов, обладающих специальными познаниями в сфере экономики, что сократит сроки расследования, улучшит качество собранных доказательств, избавит от необходимости самостоятельно разбираться в тонкостях бухгалтерских документов, проводить анализ финансового состояния

предприятий, кроме того, все это также разгрузит экспертов, проводящих судебные бухгалтерские, финансово-аналитические экспертизы.

Подводя итог вышесказанному, мы хотели бы акцентировать внимание на сложности расследования преступлений в сфере экономической деятельности, которая обусловлена не только большим объемом проведения следственных и процессуальных действий, длительным сроком расследования, но и качеством расследования. В связи с чем нами предложено создание отдельной службы экономической полиции, сотрудники которой будут не только производить расследовать преступления на высоком уровне, но и выявлять новые, латентные, что позволит улучшить экономическое состояние государства и соответственно качество жизни граждан.

*Емельянова Н. Ю.*¹,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Свойственным качеством уголовно-процессуального регулирования, несомненно, является принуждение. Меры уголовно-процессуального принуждения носят нормореализующий характер, одновременно определяя уголовную политику. Состояние института мер процессуального пресечения определяет положение личности в правовом конфликте с государством. Не так давно в правоприменительной практике имело место повсеместное избрание заключения под стражу, а ее альтернатива – домашний арест практически не применялась.

Тем не менее с 2010 г. происходит некое изменение и количество применения по уголовным делам домашних арестов увеличивается. По данным Верховного Суда РФ, в 2010 г. домашний арест был применен в 667 случаях, в 2011 г. – в 1346, в 2012 г. – в 1990, в 2013 г. – в 3300, в 2014 г. – в 3455, в 2015 г. – в 4146, в 2016 г. – в 6101, в 2017 г. – в 6442, в 2018 г. – в 6329, в 2019 г. – в 6037. Тем не менее, если сравнить, что в 2014 г. заключение под стражу применено в 132 тыс. случаях, в 2015 г. – в 140 тыс., а в 2016 г. – 123 тыс., в 2017 г. – 113 тыс., в 2018 г. – в 211 тыс., в 2019 г. – в 94 тыс. случаев², то в настоящее время говорить о том, что домашний арест – это альтернатива заключению под стражу, довольно сложно.

Тем самым намерения законодателя не оправдались, поскольку государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство по сей день, отдают предпочтение иным мерам пресечения, а именно заключению под стражу и подписке о невыезде.

Под домашним арестом следует понимать меру пресечения, избираемую по решению суда в отношении обвиняемого (подозреваемого), сущность, которой сводится к ограничению свободы его передвижения путем полной или частичной изоляции в пригодном к проживанию жилище и установлении предусмотренных законодательством правоограничений. Ограничение прав и свобод обвиняемого (в исключительных случаях подозреваемого) реализуется посредством судебного установления ограничений и запретов, связанных со свободой передвижения, когда полная изоляция лица не вызвана необходимостью; общением с определенными лицами; получением и отправлением корреспонденции; ведением переговоров с использованием любых средств связи с учетом возраста лица, состояния его здоровья, семейного положения и других факторов. Домашний арест важно рассматривать, как способ осуществления уголовно-процессуального принуждения

---

¹ © Емельянова Н. Ю., 2021.

² Статистические данные, характеризующие избрание и продление судами меры пресечения в виде заключения под стражу и применение альтернативных мер пресечения. URL: <http://www.cdep.ru>.

более дифференцированным применительно к предмету уголовного конфликта, особенностям правового статуса обвиняемого (подозреваемого)¹.

Под условиями избрания меры пресечения в виде домашнего ареста следует понимать совокупность уголовно-процессуальных и фактических обстоятельств, позволяющих избрать данную меру пресечения и обеспечить законность указанного избрания.

Домашний арест, будучи альтернативой заключения под стражу, должен рассматриваться судом в каждом (почти) случае обсуждения ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или о продлении срока ее действия – по собственной инициативе или по ходатайству участников уголовного судопроизводства. Судье важно руководствоваться тем, что содержание лица под стражей является крайней и неизбежной мерой, которую следует избирать исключительно при отсутствии реальной возможности для того, чтобы освободить лицо под залог или взять его под домашний арест. Поскольку на момент рассмотрения или пересмотра уголовного дела судом часть из обстоятельств, указанных в ст. 97 УПК РФ, теряет свою актуальность (например, угроза «уничтожения доказательств»), суду важно всесторонне и объективно проанализировать и оценить необходимость нахождения лица под стражей².

Несмотря на то, что положительная тенденция увеличения количества фактов избрания домашнего ареста и его динамика на сегодняшний день является слабовыраженной, домашний арест все же – это важная, необходимая и действенная составляющая системы мер пресечения. Вместе с тем его эффективное использование требует устранения ряда субъективных и объективных факторов, а именно: неконкретности предписаний закона; отсутствия возможности обеспечить изоляцию обвиняемого (подозреваемого), подвергнутому домашнему аресту; неопределенности в отношении системы контроля за лицом, находящимся под домашним арестом. Также необходимо обратить внимание на важность изменения отношения практических работников (как органов расследования, так и судов) к домашнему аресту для «определенной категории лиц».

Устранение вышеуказанных негативных факторов должно дать дополнительные гарантии соблюдения прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве.

---

¹ Вершинина С. И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ / С. И. Вершинина // Журнал рос. права. 2017. № 6. С. 115–125.

² Гарипова Р. А. Мера пресечения: закон и практика / Р. А. Гарипова // Символ науки. 2016. № 1.

Ендольцева А. В.¹,
 профессор кафедры уголовного процесса
 Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор юридических наук, профессор;

Шамиданова А. Д.²,
 курсант 283 факультета подготовки сотрудников полиции
 для подразделений по охране общественного порядка
 Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ДОПУСТИМОСТЬ И НЕДОПУСТИМОСТЬ РАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Неразглашение данных предварительного расследования, так называемая тайна следствия, имеет важное значение в аспекте эффективности защиты прав и интересов всех участников уголовного судопроизводства. Статья 161 УПК РФ привлекла нас как исследователей ввиду неоднозначности толкования ее положений и возникающих вопросов в практике ее применения. Незаглашение данных предварительного расследования представляет собой определенный базис в реализации ряда принципов: законность при производстве по уголовному делу, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Нарушение запрета, закрепленного законодателем в ч. 1 ст. 161 УПК РФ, несомненно, влечет за собой нарушение положений закона, лежащих в основе уголовно-процессуальной деятельности.

Следует также отметить, что «обнародование» каких-либо данных в процессе расследования может сказаться на собирании, проверке доказательств, на установлении личности преступника, привести к инсинуации различных сведений³. В этом состоит особенное значение и важность института тайны следствия в реализации объективного и полного исследования всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а также защиты прав и интересов участников, вовлеченных в производство по уголовному делу.

В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закреплено: «участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ». Но в ней регламентируется недопустимость разглашения лишь данных предварительного расследования, а не тех, которые получены в процессе проверки сообщения о преступлении. Часть 1.1 ст. 144 УПК РФ распространяет действие ст. 161 УПК РФ

¹ ©Ендольцева А. В., 2021.

² ©Шамиданова А. Д., 2021.

³ См. об этом: Шурухнов Н. Г. Конкретизация положений о недопустимости разглашения данных предварительного расследования / Н. Г. Шурухнов // Вестник экономической безопасности. 2017. № 1. С. 75.

и на стадию возбуждения уголовного дела. Полагаем, что это правильно, поскольку обеспечение конфиденциальности самого предварительного расследования зависит и от неразглашения сведений еще проверяемых обстоятельств на начальной стадии уголовного судопроизводства. Дело в том, что лицо, совершившее преступление и получившее некие сведения на стадии возбуждения уголовного дела, имеет реальную возможность повлиять на эффективность предварительного расследования, поскольку может уничтожить следы преступления, воздействовать на потерпевших, свидетелей, скрыться от уголовного преследования.

Часть 2 ст. 161 УПК РФ гласит: «данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя или дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым...». С. Ю. Богомоллов отмечает в части данного положения оценочное суждение законодателя в аспекте процессуальной самостоятельности в принятии решения о том неустановленном объеме данных, который должностное лицо вправе придать огласке¹. Закон не устанавливает четкий перечень тех сведений, которые следователь или дознаватель может предать гласности, а может запретить их разглашение, что, соответственно, придает их деятельности дискреционный характер. Данное положение, по мнению С. Ю. Богомоллова, является условием для произвола должностных лиц и вызывает трудности в правоприменительной практике. Таким образом, в теории и практике уголовного процесса необходимо определить круг данных досудебного производства, на разглашение которых следователем или дознавателем в рамках ст. 161 УПК РФ, а также ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ может быть наложен запрет. Полагаем, что это сведения: о самих участниках уголовного судопроизводства, вовлеченных в уголовный процесс в связи с совершением преступления и являющихся в нем заинтересованными лицами (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, свидетель), сведения об их частной жизни, сведения о проведенных по уголовному делу следственных действиях и их результатах.

В дискурсе недопустимости (допустимости) разглашения данных предварительного расследования является важным определением тех сведений, на которые запрет, наложенный ч. 1 ст. 161 УПК РФ, не распространяется. Укажем их:

1) ч. 5 ст. 161 УПК РФ определяет, что разглашение данных о частной жизни уголовного процесса не допускается без их согласия. Значит, если участник дал свое согласие на разглашении таких сведений, то информация может быть «обнародована»;

2) Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» ст. 161 УПК РФ была дополнена частями 4 и 6, определяющими перечень данных предварительного расследования, которые могут быть преданы гласности. Таковыми являются сведения: во-первых, о нарушении закона органами государственной власти и их должностными лицами; во-вторых, распространенные следователем, дознавателем или прокурором в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети

---

² Богомоллов С. Ю. К вопросу об отдельных проблемах обеспечения тайны предварительного расследования / С. Ю. Богомоллов // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 1(31). С.103.

Интернет или иным публичным способом; в-третьих, оглашенные в открытом судебном заседании. Однако непонятны критерии, определяющие возможность predания гласности сведений, распространенных следователем, дознавателем или прокурором, которые также должны соблюдать тайну следствия. Полагаем, что они могут публично огласить лишь некую информацию, когда предварительное расследование по уголовному делу закончено и если тем самым не будет нанесен вред правам и законным интересам участников уголовного судопроизводства;

3) п. 1 ч. 6 ст. 161 УПК РФ определяет, что не является разглашением данных предварительного расследования «изложение сведений по уголовному делу в ходатайствах, заявлениях, жалобах и иных процессуальных документах, а также в заявлениях и иных документах, подаваемых в государственные и межгосударственные органы по защите прав и свобод». Считаем, что это правильное дополнение, нацеленное на реализацию обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, их защиту, что может достигаться любыми способами.

Механизм действия недопустимости разглашения данных предварительного расследования, как считает И. В. Кутазова, является особым способом урегулирования уголовно-правовых отношений посредством обеспечения конфиденциальности информации и сведений, имеющих значение для уголовного дела, в целях достижения назначения уголовного процесса, с одной стороны, с другой – лимитации доступа к сведениям с помощью применения уголовно установленных санкций к тем лицам, которые нарушили данный порядок пользования¹.

В качестве меры, обеспечивающей реализацию положений ч. 1 ст. 161 УПК РФ, закон предусмотрел необходимость подписки об обязанности не разглашать данные предварительного расследования с предупреждением лица об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ. Такая подписка оказывает профилактическое воздействие на участников уголовного процесса и формирует у них сознательное отношение к требованиям закона. Кроме того, подписка подтверждает тот факт, что следователь или дознаватель предупредил конкретное лицо о недопустимости разглашения определенных данных, тем самым создавая реальную возможность привлечения лица к уголовной ответственности, если возложенная обязанность не будет выполнена.

Отметим, что хотелось бы, чтобы законодатель в ст. 161 часть 3 УПК РФ внес дополнение о том, что в подписке следователь (дознаватель) должен указывать конкретные данные, которые участник уголовного процесса не должен разглашать. Например, сведения, полученные из допроса какого-либо лица, результаты судебной экспертизы, результаты других следственных действий (очной ставки, проверки показаний на месте, предъявления для опознания, следственного эксперимента) и пр.

У нас возник еще один вопрос: а кого можно и нужно предупреждать о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предва-

---

¹ См. об этом: Кутазова И. В. Механизм уголовно-процессуального обеспечения недопустимости разглашения данных уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Кутазова. Барнаул, 2011. С. 189.

рительного расследования? В ч. 3 ст. 161 УПК РФ говорится об участниках уголовного судопроизводства. Возможно ли выше обозначенную подписку отбирать у подозреваемого, обвиняемого, законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого? Полагаем, что нет. Такой вывод позволил нам сделать анализ ст.ст. 46, 47, 426 УПК РФ, регламентирующих их процессуальный статус, поскольку они не содержат положений об их какой-либо ответственности в отличие от правового статуса других участников уголовного процесса, которые по закону не вправе разглашать данные предварительного расследования, если они были заранее об этом предупреждены в порядке ст. 161 УПК РФ.

Однако следователь или дознаватель вправе привлечь к участию в следственном действии: должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность (ч. 7 ст. 164 УПК РФ); врача для проведения освидетельствования в порядке ч. 4 ст. 179 УПК РФ; педагога (психолога) для участия в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). В случае необходимости их также целесообразно предупреждать о недопустимости разглашения данных. Представляется, что в ст. 164 УПК РФ (Общие правила производства следственных действий) нужно закрепить положение о том, что следователь в случае необходимости предупреждает привлеченных к производству следственных и иных процессуальных действий лиц о недопустимости разглашения данных предварительного расследования с предупреждением их об ответственности по ст. 310 УК РФ, о чем вправе отобрать у них подписку, обязывающую сохранять в тайне определенные данные.

Таким образом, особенностью ст. 161 УПК РФ являются не только положения, подчеркивающие дискреционный характер деятельности следователя или дознавателя в определении объема сведений, которые могут быть отнесены к следственной тайне, а также устанавливающие пределы допустимости (недопустимости) их разглашения, но и закрепляющие правило о том, что при отсутствии соответствующей подписки, лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ.

В заключение сделаем такой вывод: несмотря на внесение дополнений в ст. 161 УПК РФ, ее положения о недопустимости (допустимости) разглашения данных предварительного расследования являются дискуссионными, в связи с чем необходимо дальнейшее исследование обозначенных и иных вопросов, возникающих в практике применения данной нормы.

*Ерохина М. П.*¹,
адъюнкт Академии управления МВД России

ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: МЕЖОТРАСЛЕВОЙ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Уголовно-процессуальное право – публичная отрасль права. Именно интересы общества и государства, защищаемые в ходе уголовного судопроизводства, обусловили вычленение из судопроизводства его самостоятельного направления – производства по общественно-опасным деяниям, в том числе преступлениям².

Реализация в уголовно-процессуальном законодательстве идей о состязательности крайней формы, договорных процедур, компенсационных механизмов, сводящих производство к банальному спору сторон и вытесняющих общество и государство из числа заинтересованных как в ходе, так и в исходе судопроизводства субъектов – тенденция, которая весьма распространена в последние годы. Вместе с тем она генетически несовместима с природой уголовного судопроизводства романо-германской правовой системы, а также отечественными ценностями, на которых изначально строилось уголовное судопроизводство в России.

Нельзя при этом отрицать, что процессуальная деятельность в целом не только имеет черты, которые не могут не характеризовать любой вид процесса, но и основывается на отдельных закономерностях, не являющихся собственно процессуальными, однако, выступающих для судопроизводства системообразующими. В части этих закономерностей судопроизводство, основанное на нормах любой отрасли права, не может и не должно иметь кардинальных различий. В связи с этим использование межотраслевого подхода продуктивно для исследования отдельных проблем уголовного судопроизводства.

К сожалению, такой подход зачастую игнорируется. При наличии значимых общетеоретических работ советского периода в современной России не сложилось преемственной общетеоретической традиции исследования вопросов применения права, да и вообще правореализации³. Так, например В. М. Горшеневым, П. Е. Недбайло и их научной школой была достаточно детально разработана общая теория юридического процесса (зачатки ее находим в дореволюционной юридической науке), сущность которой заключалась в том, что процессуальное право необходимо не только для регламентации определенных процедур разрешения дел, но и для регулирования деятельности по применению материальных норм любых отраслей права.

Основополагающим элементом судопроизводства любого вида является доказывание, т. е. порядок установления обстоятельств, на основе которых при-

---

¹ © Ерохина М. П., 2021

² Победкин А. В. Метод уголовно-процессуального регулирования и его взаимосвязь с функцией публичности уголовного судопроизводства / А. В. Победкин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2 (88). С. 80–89.

³ Правоприменение как искусство и наука : материалы десятых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В. Г. Графский. М. : Норма, 2016. С. 176.

нимается процессуальное решение. Доказывание и в самом деле представляет собой «центральный узел всей системы судопроизводства, душу всего процесса, начало движущее, образующее статью процесса самую существенную, которая обуславливает и устройство судов, и все главные формы судопроизводства»¹.

Конечно, не исключается разный подход к доказыванию. Таковым можно считать деятельность любого содержания, приводящую к определенному результату, который законодатель позволяет использовать для обоснования процессуальных решений. Такого рода процедуры не обязательно должны предполагать познание обстоятельств, вполне достаточным может быть их простое обозначение, вне зависимости от того, насколько утверждение о них соответствует реальной действительности. Представляется, однако, что такое доказывание неизбежно дискредитирует судопроизводство любого вида, а за ним и судебную систему в целом.

Полагаем, процессуальная форма доказывания призвана выполнять другую задачу: с ее помощью происходит соединение гносеологических закономерностей познания, имеющих фундаментальную основу с постоянно меняющимися, подстраивающимися под изменения, происходящими в обществе, особенностями разума познающего субъекта, с учетом особенностей звеньев, выступающих посредниками. Важно здесь то, что в основе познания субъекта в процессе любого вида должны быть именно гносеологические закономерности, которые не могут не быть едиными. Где же, как не в видах процессуальной формы доказательств, прежде всего, должно находить отражение это единство? Доказательственная деятельность теснейшим образом связана с познавательным процессом, и хотя в различных отраслях процессуального права и имеется ее определенная специфика, природа процессуальных доказательств является единой. Именно природа получаемых сведений должна определять ее форму удостоверения, так как неправильно примененная форма фиксации сведений может приводить к их утрате либо искажению.

Однако именно в этой части процессуальное законодательство разных отраслей права кардинально различается.

Особый интерес вызывает подход законодателя к доказательствам, процессуальная форма которых не имеет внутренней структуры, а сами доказательства не обладают четкой законодательно заданной определенностью содержания. Речь идет о доказательствах, именуемых «иные документы» (ст. 84 УПК РФ).

В ст. 74 УПК РФ в первых пяти источниках доказательств процессуальную форму их закрепления обуславливает физическая природа каждого из них. Содержанием являются сведения, существующие либо в сознании конкретного лица, либо в объектах материального мира. Иные документы могут обладать различной физической природой и формой: знаковой, аудиальной, наглядно-образной. Законодатель не предусматривает, однако, для каждой из них определенной процессуальной формы их закрепления в деле, и тем более не дифференцирует ее в зависимости от особенностей формы, указывая лишь на необходимость их приобщения к делу по общим правилам, что чревато утратой доказательственного значения сведениями. Например, правоприменитель склонен применять к иным доку-

---

¹ Спасович В. Д. Избранные труды и речи / В. Д. Спасович. Тула, 2000. С. 17.

ментам процессуальную форму вещественных доказательств, что ставит под сомнение допустимость доказательств по критерию законности их источника.

Несмотря на то, что УПК РФ и ГПК РФ были приняты в сопоставимое время, они содержат разные подходы к перечню источников доказательств. В ГПК РФ такого доказательства, как «иные документы» не содержится. Законодатель определяет процессуальную форму доказательств с учетом особенностей их физической природы: самостоятельными доказательствами являются письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, объяснения сторон и другие. Иные документы являются лишь видом письменных доказательств, содержащие сведения, которые могут быть представлены на разных материальных носителях и с использованием различных средств фиксации.

КАС РФ в буквальном смысле «перенял» все, что касается доказывания из гражданского судопроизводства. АПК РФ в качестве самостоятельного вида доказательства рассматривает «иные документы и материалы», что также не решает проблему процессуальной формы.

Таким образом, наиболее близко к решению вопроса процессуальной формы иных документов законодатель подошел в ГПК РФ, где перечень источников доказательств дан с учетом особенностей физической природы сведений. Следующей задачей, которая должна быть решена – установление особой процессуальной формы для каждого вида доказательств, имеющего особую физическую природу, которые в УПК РФ не в полной мере обоснованно охвачены одним источником – «иные документы».

Есина А. С.¹,

*доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;*

Макеева Н. В.²,

*доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В ВИДЕ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ: ПРАКТИКА И ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации все участники уголовного судопроизводства, задействованные в производстве по уголовному делу, имеют не только право на охрану предоставленных им прав, но и в равной степени должны добросовестно исполнять возложенные на них обязанности. С целью обеспечения непрерывного и эффективного порядка производства по уголовному делу законодатель предусмотрел для должностных лиц (субъектов расследования и суда) полномочие по применению мер уголовно-процессуального принуждения к тем участникам судопроизводства, которые не исполняют должным образом возложенные на них обязанности.

Глава 14 УПК РФ содержит ряд норм, определяющих круг участников, основания, виды мер уголовно-процессуального принуждения и порядок их применения к участникам уголовного судопроизводства.

Вместе с тем в правоприменительной практике из-за недопонимания смысла законодательных установлений возникают спорные ситуации, связанные с применением денежного взыскания в порядке ст. 118 УПК РФ и привлечения участников уголовного судопроизводства к административной ответственности за невыполнение процессуальных обязанностей по ст. 17.7 КоАП РФ.

Обозначенная проблема, прежде всего, обусловлена отсутствием единообразного толкования и применения норм отраслевого законодательства практическими органами. Не способствует устранению разночтений и судебная практика. Как показывает анализ судебных решений, суд положительно решает вопрос о применении денежного взыскания к участникам уголовного судопроизводства как по ст. 118 УПК РФ, так и на основании ст. 17.7 КоАП РФ. Данное обстоятельство приводит к тому, что правоприменителям затруднительно разграничить правовые основания по применению мер уголовно-процессуального принуждения от административного правонарушения. Нет четкого понимания

---

¹ © Есина А. С., 2021.

² © Макеева Н. В., 2021.

круга лиц и оснований, при которых следует применять ст.ст. 117, 118 УПК РФ, а в каких случаях есть основания для применения ст. 17.7 КоАП РФ.

Для разрешения обозначенной проблемы, прежде всего, следует определиться с участниками уголовного судопроизводства, к которым могут применяться меры уголовно-процессуального принуждения, в том числе в виде денежного взыскания. В соответствии со ст. 111 УПК РФ такими участниками являются: потерпевший, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист, переводчик и понятой. Очевидно, что круг участников исчерпывающий и не подлежит расширительному толкованию. Однако при производстве по уголовному делу порой складываются такие ситуации, когда не исполняют своих обязанностей и такие участники процесса как подозреваемый, обвиняемый. Например, они могут не прибыть на допрос или на другие следственные действия с их участием; нарушают избранную меру пресечения, не связанную с лишением свободы; не являются для производства экспертиз с их участием и т. д. Изучение правоприменительной практики показало, что в некоторых регионах подозреваемому (обвиняемому) в виде санкции за недобросовестное исполнение процессуальных обязанностей субъекты расследования составляют протокол об административном правонарушении и направляют материал в суд для применения денежного взыскания в порядке ст. 17.7 КоАП РФ. Более того, отдельные судебные органы поддерживают подобную практику и, применяя ст. 17.7. КоАП РФ, выносят решения о наложении денежного взыскания и на свидетелей, и потерпевших, и на обвиняемых, которые не прибыли по вызову дознавателя, следователя¹.

Подобную практику следует признать незаконной. Во-первых, за недобросовестное выполнение процессуальных обязанностей к подозреваемому (обвиняемому) могут быть применены только такие меры принуждения, которые предусмотрены для них в УПК РФ, а именно: привод, мера пресечения (если было оформлено обязательство о явке), изменение меры пресечения на более строгую и т. д. Во-вторых, законодатель категоричен в своих требованиях: если нарушение допущено в ходе досудебного производства, то дознаватель, следователь составляет протокол о нарушении, который составляется в порядке ст. 118 УПК РФ и направляется в районный суд. Для какой цели и в связи с чем судебные органы посчитали возможным наказывать участников процесса за нарушение норм УПК РФ пользуясь нормами административного закона, остается неясным.

Мы полагаем, что ошибочность правоприменителей происходит из-за отсутствия четкого определения оснований применения ст. 17.7. КоАП РФ. Содержание данной нормы закона о том, что «невыполнение законных требований следователя, дознавателя влечет применение административного штрафа» вводит в заблуждение отдельных правоприменителей, полагавших, например, что

---

¹ Постановление о назначении административного наказания мирового судьи судебного участка № 23 Звенигородского судебного района Республики Марий Эл от 19.02.2019 Дело №5-197/19 ; Постановление о назначении административного наказания мирового судьи судебного участка № 3 Няганского судебного района Ханты-Мансийского автономного округа от 03.04.2019 Дело №5-430-2203/2019 ; Постановление о назначении административного наказания мирового судьи судебного участка №4 Санкт-Петербурга от 20.04.2016 Дело №5-256/2016-4 и др.

неявка по законному требованию следователя явиться на допрос и образует состав административного правонарушения. В действительности это не так. Основанием для применения денежного взыскания в порядке ст. 17.7 КоАП РФ служит умышленное невыполнение законных требований дознавателя, следователя, которые обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами, а не умышленное неисполнение участником процесса своих обязанностей. Частью 4 ст. 21 УПК РФ установлена обязательность исполнения требований, поручений, запросов следователя (дознателя) всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами, в чей адрес они были направлены. Например, умышленное неисполнение организацией или должностным лицом представления следователя об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 158 УПК РФ) может быть основанием для привлечения руководителя организации (учреждения) к административной ответственности.

В качестве лиц, на которые могут быть направлены административные меры воздействия, признаются учреждения, предприятия, организации, должностные лица и граждане, а не участники уголовного судопроизводства. В этом ключевое и существенное отличие применения денежного взыскания в порядке ст. 118 УПК РФ от ст. 17.7. КоАП РФ.

Согласно постановлению Верховного Суда РФ от 18 января 2008 г. № 3-Ад-08-1 следует: если основания и условия привлечения к ответственности за допускаемые в ходе уголовного судопроизводства нарушения прямо установлены уголовно-процессуальным законом, то лицо подлежит привлечению к ответственности только в рамках УПК РФ.

Другая ситуация складывается, когда до возбуждения уголовного дела у лиц, задействованных в проверочных действиях, нет статуса участников уголовного процесса, а потому соответственно нет и процессуальных обязанностей. В этом случае неисполнение участниками доследственной проверки законных требований дознавателя, следователя, вытекающих из его обязанностей, закрепленных в ст. 144 УПК РФ, как: вызов лица для получения объяснения, требование о получении образцов для сравнительного исследования, истребование предметов и документов и другие – может быть основанием для применения ст. 17.7 КоАП РФ к лицам, участвующим в доследственной проверке.

При определении оснований применения денежного взыскания в порядке УПК РФ либо в порядке КоАП РФ субъектам расследования следует разграничивать требования, которые они предъявляют при производстве по уголовному делу к участникам уголовного дела с целью выполнения этими участниками возложенных на них процессуальных обязанностей, от требований, запросов и поручений, которые адресуются руководителям учреждений и организаций, а также должностным и физическим лицам, при осуществлении уголовного преследования.

Таким образом, основанием наложения денежного взыскания в порядке ст.ст. 117, 118 УПК РФ является уголовно-процессуальное правонарушение, включающее в себя следующие элементы:

а) действия или бездействия участника процесса, нарушающие его обязанность, предусмотренную УПК РФ;

б) вина участника процесса. Он должен знать о своей обязанности и умышленно или по неосторожности ее не выполнить. Как подчеркивает Конституционный Суд РФ, «наличие вины – общепризнанное основание привлечения к юридической ответственности во всех отраслях права»¹;

в) отсутствие объективных причин, препятствующих исполнению процессуальной обязанности. При наличии уважительных причин неисполнения участником процесса процессуальной обязанности денежное взыскание не накладывается. Анализ судебной практики показал, что решение мирового судьи о наложении денежного взыскания на участника процесса отменялось вышестоящей судебной инстанцией только на том основании, что участник процесса в ходе апелляционного производства подтверждал объективную причину своей неявки по вызову следователя (дознавателя) (например, предъявлял больничный лист)². В данном случае, безусловно, имеет место недобросовестность участника процесса, скрывшего наличие объективных причин, при которых он не мог прибыть по вызову дознавателя, хотя должен был это сделать, реализуя требование ч. 3 ст. 188 УПК РФ. Но мы полагаем, что и субъект расследования должен до суда принимать меры к установлению причин неисполнения участником процесса своих обязанностей.

Нормы УПК РФ, как нормы любого нормативного правового акта, должны всегда рассматриваться в их взаимосвязи. Ни одно право (процессуальное полномочие) нельзя считать правом субъективным, использование которого зависит от личного усмотрения должностного лица. Нормы, определяющие конкретные права и обязанности участников уголовного судопроизводства, также всегда взаимосвязаны с общими положениями уголовно-процессуального закона, устанавливающими назначение уголовного судопроизводства, его принципы, основы осуществления уголовного преследования, применения мер процессуального принуждения.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П; Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. № 186-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: ksrf.ru.

² Апелляционное постановление судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 19.06.2019 Дело № 22-1041/19.

*Ильяшевич Т. А.¹,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
старший преподаватель кафедры «Цифровая криминалистика»
Московского государственного
технического университета имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

В настоящее время международное сообщество стремится к упрощению уголовного судопроизводства. Россия не является исключением и также активно внедряет упрощенные производства в уголовный процесс. Возникновение дознания в сокращенной форме вызвано необходимостью упрощения процедуры расследования, несмотря на короткий срок существования дознания в сокращенной форме в российской правовой системе, в регулирующие его нормы уже дважды вносились изменения: Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ и Федеральным законом от 14 декабря 2015 г. № 380-ФЗ.

В то же время, следует заметить, что эти изменения не отличались масштабностью: первое коснулось исключения ч. 2 ст. 226.3 УПК РФ, которая закрепляла: «Физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен вред, не позднее трех суток со дня возбуждения уголовного дела признается потерпевшим и наделяется всеми правами, предусмотренными ст. 42 настоящего Кодекса»; второе ввело ч. 4 и 5 в ст. 226.8 УПК РФ относительно обжалования постановления прокурора о возвращении уголовного дела дознавателю для пересоставления обвинительного постановления или о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке.

Р. М. Хазиев предлагает «сменить дознание, фактически не отличающееся от следствия, другим дознанием, приближенным к розыскному виду деятельности, более оперативному и эффективному в плане выполнения возложенных на него задач»². В современных условиях эта идея вновь актуальна, но в аспекте совершенствования дознания в сокращенной форме.

О. В. Химичева отмечает, что «необходима новая форма досудебного производства по малозначительным деяниям, по аналогии с протокольной формой», но не дублирующая ее в полной мере, «в виду недостаточности гарантий прав лица, в отношении которого осуществлялось данное уголовное производство без возбуждения уголовного дела»³.

---

¹ © Ильяшевич Т. А., 2021.

² Хазиев Р. М. Вопросы усовершенствования дознания в сокращенной форме как реальная необходимость / Р. М. Хазиев // Вестник уфимского юридического института МВД России. 2015. № 4(70). С. 49–52.

³ Химичева О. В. Вопросы дифференциации уголовного судопроизводства / О. В. Химичева // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел, 2019. Т.2. №1 (1). С. 243.

А. А. Брестер и А. С. Быковская, сравнивая упрощенные производства в Германии и России, выделяют в упрощенном процессе Германии «два основных принципа: во-первых, Принцип исключительности. Во-вторых, Принцип компенсации за отсутствие непосредственного исследования доказательств в суде»¹.

Проанализировав все представленные позиции, можно отметить, что, реформируя дознание в сокращенной форме, в основу вносимых изменений должны быть положены принципы, присущие упрощенному процессу Германии:

1) принцип исключительности, позволяющий проводить упрощение только в отношении категории преступлений небольшой тяжести, наказание за которые не превышают три года лишения свободы, при совершении преступления в условиях очевидности:

– когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;

– когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;

– когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления;

– подозреваемый в совершении преступления, не оспаривает факт совершения данного преступления;

2) принцип компенсации подозреваемому за упрощение процесса доказывания 1/3 размера наказания, реализующийся, в частности, общим, а не особым порядком рассмотрения уголовного дела в суде, что предоставит право на обжалование решения суда не только из-за нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, но и касаясь фактических обстоятельств дела;

3) принцип компенсации потерпевшему за снижение размера наказания за счет полноценного возмещения причиненного ему вреда.

Итак, для реализации возможных упрощений срок дознания в сокращенной форме можно ограничить десятью сутками как это и было при протокольной форме. Исчисление начинать с момента возбуждения уголовного дела и до направления его прокурору для дальнейшей передачи в суд.

До составления обвинительного постановления должны производиться только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых допускается до возбуждения уголовного дела. Доказательства должны быть получены в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления.

---

¹ Брестер А. А. Сравнительно-правовой анализ упрощенного производства в уголовном процессе России и Германии / А. А. Брестер, А. С. Быковская // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 165

Кирюхин А. Б.¹,

начальник кафедры криминологии

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В криминологической науке насильственная преступность представлена лишь несколькими видами преступлений, посягающих на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, собственность и общественную безопасность. Чаще всего к этим преступлениям относят убийство, умышленное причинение вреда здоровью, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, изнасилование, разбой и насильственный грабеж. В понимании, ставшем уже традиционным, «указанные насильственные посягательства образуют относительно самостоятельный блок преступлений, характеризующихся внутренним единством, обусловленным, прежде всего, социально психологическим механизмом преступного поведения», в основе которого лежит агрессивно пренебрежительное, жестокое отношение к человеку»². При этом в уголовной статистике отдельная группа насильственных преступлений до сих пор не выделяется.

Состояние и динамика вышеназванных преступлений характеризует далеко не всю насильственную преступность, поскольку уголовный закон содержит запрет совершения более 70 преступлений, которые также следует рассматривать в качестве насильственных. Это, как правило, двуобъектные преступные насильственные деяния, в составе которых насилие выступает в качестве квалифицирующего либо особо квалифицирующего признака, превращающего деяние, изначально ненасильственное, в насильственное. Ответственность за их совершение предусмотрена всеми разделами и практически всеми главами Особенной части уголовного законодательства.

Первым обстоятельством, позволяющим констатировать значительный отрыв в понимании насильственного преступления и насильственной преступности в криминологической науке и в уголовном праве, стало отнесение к насильственным тех деяний, которые никогда ранее ими не являлись. В последние годы в криминологической науке термину «преступное насилие» некоторые исследователи стали необоснованно придавать чрезвычайно широкое значение³. Появились такие виды преступного насилия, как «интеллектуальное насилие», «насилие над животными» и тому подобное⁴. Полагаю, что ошибка этих авто-

¹ © Кирюхин А. Б., 2021.

² Антонян Ю. М. Состояние насильственной преступности в России / Ю. М. Антонян, В. А. Верещагин // Агрессия и психическое здоровье. СПб., 2002. С. 24.

³ См.: Сердюк Л. В. Криминологическое и уголовно-правовое исследование насилия : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Л. В. Сердюк. Саратов, 2003. С. 15.

⁴ См., например, Фатеев А. Н. Домашнее насилие: опыт криминологического исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Фатеев. М., 2006 ; Калманов Г. Б. Патопсихологические механизмы насильственного преступного поведения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. Б. Калманов. М., 2002.

ров заключается в неверном понимании содержания «силы» и «насилия» как относительно самостоятельных способов совершения преступления. Не насилие, а сила выступает в указанных случаях способом совершения этих деяний. Так, при совершении кражи виновный может использовать силу для устранения различных препятствий, например, убить собаку, охраняющую имущество. Однако такой поступок не является основанием для того, чтобы рассматривать такую кражу в качестве преступления, совершенного с применением насилия. И конечно, совершенная таким способом кража никоим образом не может быть отнесена к насильственному хищению.

В любом случае, сила, направленная не на подавление законных интересов личности, а на иные объекты уголовно-правовой охраны, насилием признаваться не может. Феномен преступного насилия заключается именно в его способности причинить вред исключительно личности. Поэтому объектом насилия не могут выступать животные, психика, интеллект человека, отношения собственности и прочее. Ошибочное понимание содержания термина «преступное насилие» и породило заблуждение, что практически все преступления, совершенные с применением физической силы либо ее угрозы, являются насильственными деяниями. Такая ошибка привела к искажению понимания насилия как способа совершения преступления в его традиционном значении. Все это привело, в частности, к тому, что появились и стали активно муссироваться предложения, исходящие, в первую очередь, от ряда правозащитников, ориентированных на европейскую систему права, принять законодательство о так называемом «домашнем насилии». Эти предложения в итоге были реализованы в проекте соответствующего закона, получившего, однако, массу негативных откликов от представителей юридической общественности и рядовых граждан.

Ко второму обстоятельству, свидетельствующему о существующем отрыве, следует отнести выводы авторов ряда криминологических исследований, в соответствии с которыми преступное насилие и насильственная преступность являются тождественными понятиями. Например, С. Л. Мазур пишет, «...что всем насильственным преступлениям присущ криминологически однородный феномен...общность причинной детерминации, которая обуславливает принципиальное сходство их криминологических характеристик, а также социальных и нравственно-психологических свойств лиц, совершающих данные деяния»¹.

Рассмотрим более подробно содержательную сторону такого вывода. В ряде работ справедливо отмечается, что понятие преступное насилие образуется совокупностью отдельных насильственных преступлений. Однако из этого утверждения делается неверный, на мой взгляд, вывод, что само преступное насилие представляет собой качественно особое общественно опасное социальное явление, определяемое закономерностями развития этого явления и определенными тенденциями его роста или снижения². Полагаю, в этом случае, как раз, и происходит смешение понятий – «преступное насилие» и «насильственная преступность».

¹ Мазур С. В. Криминологическая характеристика насильственной преступности среди военнослужащих внутренних войск МВД России и ее предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Мазур. М., 2004. С. 15.

² См., например: Криминология : учебник. Алматы: «Международный центр научных исследований и правовой экспертизы РК», 2008. С. 271.

Действительно, преступное насилие характеризуется рядом социальных и правовых признаков, основными из которых являются правовые признаки, определяющие криминологическую и уголовно-правовую характеристику соответствующих преступных деяний. Эти признаки включают в себя: общее понятие всех преступлений этого вида, сами преступные насильственные деяния, мотивацию насильственного поведения субъекта, социальные негативные последствия этих преступлений, личность субъекта, причины и условия, способствующие их совершению, а также меры предупреждения этих преступлений.

В свою очередь, насильственная преступность – есть сугубо социальное явление с закономерностями своего существования и развития, внутренними связями с иными общественными и социальными процессами. Социальная природа насильственной преступности проявляется, прежде всего, в том, что она непосредственно связана с насильственными деяниями. Однако в отличие от них насильственная преступность как многофакторное социальное явление представляет собой многогранную совокупность нескольких самостоятельных видов преступного поведения, включающую в свое содержание, как понятие «преступное насилие», так и понятие «насильственное преступление».

От четкого понимания этого и других поставленных вопросов зависит не только правильная квалификация действительно преступных насильственных деяний, но и юридически грамотное использование терминологии самого преступного насилия. Нельзя допустить увеличение количества обвинительных приговоров, содержащих грубые ошибки терминологического характера, свидетельствующих о непонимании отдельными судами сущности насилия как способа совершения преступления против личности. Примером такого непонимания служит, в частности, обвинение М. «в причинении насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ»¹. Нетрудно заметить, что вместо четкого изложения положения закона, предусматривающего ответственность за «нанесение побоев и совершение иных насильственных действий», суд демонстрирует факт явной тавтологии – «причинение насильственных действий, причинивших физическую боль».

Таким образом, одной из главных задач криминологического учения о насильственной преступности является скорейшая ликвидация отрыва в понимании насильственной преступности и преступного насилия от базовых понятий уголовного права – насильственного преступления и преступления, совершенного с применением насилия или с угрозой его применения. Решение этой задачи также предполагает разработку, последующее обсуждение и реализацию изменений ряда положений Общей, а также Особенной части уголовного законодательства об ответственности за совершение этих преступлений.

---

¹ См.: Постановление № 10-46/2013 от 12.08.2013 г. Центральный районный суд г. Тюмени (Тюменская область).

Кияева Е. Ю.¹,

курсант 682 учебного взвода Института судебной экспертизы
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Прохорова Е. А.,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О ВЫБОРЕ ФОРМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Стадия возбуждения уголовного дела является, своего рода, отправной точкой в уголовном судопроизводстве, от слаженных и своевременных действий на данном этапе зависит успех дальнейшего расследования.

Зачастую, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела требуется привлечение лиц, обладающих специальными знаниями в различных областях науки, техники, искусства или ремесла, без использования которых не удастся обнаружить некоторые признаки преступления. Применение специальных знаний на первоначальном этапе уголовного судопроизводства позволяет принять правильное решение и защитить граждан от необоснованного наделения статусами подозреваемого или обвиняемого.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает две основные формы использования специальных знаний на данной стадии: назначение и производство судебной экспертизы и проведение исследований документов, предметов, трупов (ч. 1 ст. 144 УПК РФ)².

Вопрос о выборе форм использования специальных знаний на начальной стадии уголовного судопроизводства является дискуссионным. Во-первых, законодатель не определил, чем следует руководствоваться при выборе обозначенных форм и какой из них отдать предпочтение в конкретной ситуации. Во-вторых, изучение правоприменительной деятельности путем анкетирования следователей и дознавателей показало, что и на практике нет единообразия в данном вопросе, проводятся как экспертизы, так и исследования.

Полагаем, что вывод о приоритете той или иной формы использования специальных знаний может быть сделан только в результате глубокого анализа и сравнения их основных характеристик.

Главным преимуществом назначения судебной экспертизы является бесспорное доказательственное значение ее результатов, поскольку заключение эксперта обозначено в п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве самостоятельного вида

---

¹ © Кияева Е. Ю., 2021.

² Участие специалиста в производстве следственных действий является, на наш взгляд, вспомогательной формой использования специальных знаний и в настоящей статье не рассматривается.

доказательств. Доказательственное значение справки об исследовании, которой оформляются результаты исследования, неоднозначно. Отнесение ее к доказательствам теоретически возможно в качестве предусмотренного п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ иного документа, но на практике такой подход не применяется, в связи с чем после возбуждения уголовного дела по объектам исследования обычно назначается судебная экспертиза. Таким образом, данная справка важна, в основном, для решения задач стадии возбуждения уголовного дела, позволяет перейти на вторую стадию уголовного судопроизводства, но на перспективу не работает. Очевидно, в немалой степени изложенное объясняется тем, что одной из гарантий правильности заключения эксперта является то, что эксперт несет уголовную ответственность в соответствии со ст. 307 УК РФ за заведомо ложные ответы на поставленные перед ним вопросы, в отличие от специалиста, уголовная ответственность которого за проведенное исследование не предусмотрена.

В решении выбора форм использования специальных знаний большое значение имеют сроки стадии возбуждения уголовного дела. Для следователя (дознавателя) важно максимально быстро получить ответы на поставленные им вопросы и принять решение о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела в установленный ч. 1 ст. 144 УПК РФ трехсуточный срок либо в максимально возможный тридцатисуточный срок, разрешенный ч. 3 ст. 144 УПК РФ.

Практика показывает, что, как правило, срок производства исследования значительно короче срока производства экспертизы. И именно на данное обстоятельство указали опрошенные следователи и дознаватели, пояснив, что отдают предпочтение исследованию перед экспертизой, когда требуется ответить на вопросы, требующие специальных знаний, максимально быстро. В определенной мере это связано с регламентацией данного вопроса ведомственными нормативными правовыми актами.

Так, согласно п. 55.1 Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, утвержденного приказом МВД России от 11 января 2009 г. № 7, исследования проводятся в порядке очередности поступивших материалов в срок не позднее трех суток со дня их регистрации.

На производство экспертизы, согласно п. 12 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511, отводится срок, не превышающий 15 суток.

Такое расхождение в сроках объясняется тем, что при производстве экспертизы объем проводимых действий обычно больше. Например, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, объем и методика в проведении исследования и экспертизы значительно различаются – при экспертизе должны быть изучены все изъятые и представленные объекты, а при исследовании достаточно определенного минимального количества изъятого вещества¹ для того, чтобы определить принадлежность к наркотическим средствам с помощью экспресс-теста.

---

¹ Прохорова Е. А. О производстве судебных экспертиз и исследований на стадии возбуждения уголовного дела / Е. А. Прохорова, Н. А. Золотухин // Актуальные проблемы совершенств-

В то же время определенные приказами МВД России сроки могут быть продлены. Максимально возможный срок исследования составляет 30 суток (п. 55.1 Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России).

Срок производства экспертизы свыше 15 суток устанавливается руководителем в случаях, когда требуется исследование значительного объема материалов, применение продолжительных по времени методик исследования, а также при наличии в производстве у эксперта значительного количества экспертиз (п. 12 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации). При этом максимально возможный срок производства экспертизы указанным ведомственным нормативным правовым актом не установлен, но думается, что он ограничен регламентацией данного вопроса в ч. 3 ст. 144 УПК РФ – 30 суток.

Примечательно, что ч. 3 ст. 144 УПК РФ допускает возможность продления срока проверки сообщения о преступлении до 30 суток в равной мере как при необходимости производства судебных экспертиз, так и исследований предметов, документов, трупов. Таким образом, тот факт, что срок производства исследования короче срока экспертизы, весьма относителен.

В свете рассматриваемого вопроса, кроме того, необходимо отметить, что важен не срок проведения исследования или экспертизы сам по себе, а его способность укладываться в рамки срока стадии возбуждения уголовного дела. С этой позиции следует признать, что регламентированный ведомственными нормативными актами срок экспертизы – 15 суток – вполне отвечает указанному требованию.

С учетом изложенного, критерий продолжительности проведения исследования или экспертизы не может считаться определяющим в выборе формы использования специальных знаний.

Еще один аспект, на который стоит обратить внимание – возможность полного или частичного уничтожения объектов либо изменения их внешнего вида или основных свойств в результате проведения исследования или экспертизы.

Нередко на стадии возбуждения уголовного дела на исследование или экспертизу поступают самодельное огнестрельное оружие, боеприпасы. Перед специалистом или экспертом ставятся такие вопросы: «Является ли огнестрельным оружием предмет, представленный на исследование?», «Пригодно ли данное оружие к стрельбе?», «Пригоден ли представленный патрон для производства выстрела?». Ответы на данные вопросы потребуют производства выстрела, после которого оружие может прийти в неисправность, а если к тому же поступает всего один патрон, то второй попытки сделать выстрел у специалиста или эксперта уже не будет. Соответственно, необходимо позаботиться о том, чтобы обеспечить доказательственную базу сразу, то есть проведение экспертизы в данном случае явно целесообразнее, нежели проведение исследования.

Конечно, в создавшейся ситуации можно допросить специалиста, который проводил исследование до возбуждения уголовного дела, получив такое доказательство, как показания специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), однако, будут ли при этом показания специалиста альтернативой заключению эксперта? Ответ на данный вопрос, по нашему мнению, должен быть отрицательным ввиду различий в порядке и сущности полученных результатов.

Предпочтение экспертизе на стадии возбуждения уголовного дела, как показал опрос практических работников, отдается и в случаях ее обязательного назначения, предусмотренных ст. 196 УПК РФ, чтобы исключить дублирование проводимого исследования путем экспертизы в ходе предварительного расследования. Так, на практике к часто проводимым до возбуждения уголовного дела экспертизам относится судебно-медицинская экспертиза.

Нельзя не отметить и тот факт, что, с точки зрения регламентации, а значит гарантий прав личности, порядок назначения и производства экспертизы является более проработанным в УПК РФ, в то время как требования к проведению и оформлению результатов исследований относятся к предмету регулирования подзаконных нормативных правовых актов (Наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России). Несмотря на то, что права личности при производстве экспертизы до возбуждения уголовного дела определены в самом общем виде в ч. 1.1 и 1.2 ст. 144 УПК РФ, более половины опрошенных следователей и дознавателей ответили, что применяют сформулированные для стадии предварительного расследования положения, изложенные в ч. 3 ст. 195 и ст. 198 УПК РФ, и при проверке сообщений о преступлениях, в частности, знакомят лицо, в отношении которого проводится проверка, с постановлением о назначении экспертизы и с заключением эксперта и т. п.. Такой подход представляется правильным с точки зрения обеспечения прав лиц, участвующих в производстве процессуальных действий на данном этапе.

Изложенное показывает, что единственным, причем небесспорным, преимуществом исследования перед экспертизой на стадии возбуждения уголовного дела является быстрота производства. В свою очередь, преимуществами экспертизы являются доказательственное значение ее результатов, регламентация порядка производства и гарантий прав лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении, в уголовно-процессуальном законе, отсутствие необходимости повторного производства тех же действий, что нашло отражение и в правоприменительной практике.

По нашему мнению, дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно состоять в исключении исследований из системы средств проверки сообщений о преступлениях и детализации правового регулирования назначения и производства экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Кольшевский М. В.¹,

слушатель факультета заочного обучения

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Мичурина О. В.,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Любое совершенное преступление несет в себе серьезные негативные последствия для личности, ее прав и свобод. Вместе с тем ежегодно по достаточно большому количеству уголовных дел, в силу различных причин, производство предварительного расследования приостанавливается, что, зачастую, позволяет виновным избежать ответственности за совершенные деяния. Данный факт подтверждается статистическими данными, которые приведены на официальном сайте МВД России. Так, в 2018 г. из 1991,5 тыс. зарегистрированных преступлений (+3,3 %), было раскрыто 1088,0 тыс. (-2,7 %). Не раскрыто было 860,4 тыс. (-3,0 %), из них остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого 839,9 тыс. (-3,1 %). В 2019 г. из 2024,3 тыс. зарегистрированных преступлений (+1,6 %), было раскрыто 1052,4 тыс. (-3,3 %). Не раскрытыми остались 915,2 тыс. (+6,4 %), из них 895,0 тыс. были не раскрыты по основаниям, предусмотренным в ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В январе–августе 2020 г. из 1367,4 тыс. преступлений (+0,9 %) было раскрыто 698,2 тыс. (-2,3 %). Из 554,9 тыс. (+3,3 %) не раскрытых преступлений – 534,7 тыс. (+2,3 %) не были раскрыты в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого².

Таким образом, приостановлением предварительного расследования уголовное судопроизводство не выполняет своего назначения, предусмотренного ст. 6 УПК РФ, так как затрудняет доступ участникам уголовного судопроизводства к правосудию. В связи с этим исследование проблем института приостановления предварительного расследования является актуальным как для теории уголовного процесса, так и практики правоприменения. Обусловлено это и тем, что, несмотря на внесенные в УПК РФ изменения и дополнения, рассматриваемый институт до сих пор нуждается в совершенствовании.

Анализ становления и формирования института приостановления предварительного расследования показал, что за время своего существования он преобразовался из отдельных, неупорядоченных норм в самостоятельную дефини-

---

¹ © Кольшевский М. В., 2021.

² Данные МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 22.10.2020).

цию. Однако при столь значительных его изменениях, стоит отметить, что как действующий УПК РФ не дает легального понятия «приостановление предварительного расследования», так и процессуальная теория до сих пор не выработала единого непротиворечивого его понимания.

Сущность приостановления предварительного расследования заключается, в первую очередь в том, что данная процессуальная процедура указывает, что цели расследования достигнуты не были, то есть государственные органы и должностные лица, в ведении которых находится расследование дела, не выполнили в надлежащей степени первоначальных процессуальных задач, поэтому принимают активные меры для устранения обстоятельств, вызвавших необходимость приостановления предварительного расследования.

Для принятия решения о приостановлении предварительного расследования необходимо наличие оснований, имеющих непосредственное отношение к процессуальной фигуре подозреваемого или обвиняемого и возникающих из невозможности осуществлять с ним процессуальные действия. Для каждого основания необходимо соблюдение как общих, так и специальных условий, которые не только указаны в ст. 208 УПК РФ, но и вытекают из смысла всего уголовно-процессуального закона. Условия приостановления предварительного расследования традиционно предлагается подразделять на общие и специальные¹.

Общие условия представляют собой обязательные правила для приостановления по всем основаниям, предусмотренным п. 1–4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Так, например, в каждом случае должно иметь место отсутствие реальных оснований для прекращения производства по делу; обязательное осуществление всех процессуальных действий, для которых не требуется присутствие подозреваемого или обвиняемого.

Специальные условия предусмотрены для конкретных оснований приостановления, например, в качестве такового назовем истечение срока предварительного расследования, что предусмотрено для оснований, закрепленных в п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Решение о приостановлении предварительного расследования представляет собой правовой акт в форме постановления, в котором следователь (дознаватель) в пределах своей компетенции и в установленном законом порядке, при наличии реальных оснований, указанных в законе, формулирует собственные выводы о невозможности дальнейшего осуществления предварительного расследования уголовного дела и необходимости его приостановления. Так, обоснованное решение, которые содержит в себе выводы, соответствующие всем обстоятельствам дела, может быть признано законным. И только законное решение, которое полностью соответствует правовым нормам, регламентирующим основания, условия и порядок принятия решения о приостановлении предварительного расследования, может являться обоснованным. Как любой процессуальный документ постановление о приостановлении предварительного

---

¹ См., например: Мичурина О. В. Глава 17. Приостановление и возобновление предварительного следствия / О. В. Мичурина // Уголовный процесс : учебник / под ред. А. М. Багмета, М. Х. Гельдибаева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 502.

расследования состоит из трех частей: вступительной, описательно - мотивировочной и резолютивной.

Институт приостановления предварительного расследования постоянно реформируется, однако до сих пор не изменился подход к правовой регламентации его сроков. Специальное условие приостановления производства по уголовному делу по п. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ представляет собой требование приостанавливать предварительное следствие и дознание только по истечении их сроков. Если первоначальный срок расследования истек, но все необходимые следственные действия осуществить не удалось, то срок предварительного следствия или дознания должен быть продлен в установленном законом порядке. Какой срок продления предварительного расследования можно было бы считать наиболее оптимальным для того, чтобы успеть провести все следственные процессуальные действия в отсутствие подозреваемого, обвиняемого? Ответа в законе нет.

И, если для дознания существуют нормативные пределы такого продления, то срок предварительного следствия пределами не ограничен. Без установленного ограничения срока предварительного расследования следователь или дознаватель может приостановить уголовное дело слишком рано или, наоборот, растянуть расследование на длительное время.

С нашей точки зрения, оптимальность срока предварительного расследования может зависеть, прежде всего, от сложности уголовного дела, объема следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, которые необходимо выполнить для установления всех обстоятельств совершенного преступления. Если выполнены все следственные действия и приняты меры к установлению подозреваемого или обвиняемого, то нет необходимости ждать окончания срока предварительного следствия и дознания, а нужно незамедлительно принимать процессуальное решение о его приостановлении. В данном случае определяющим фактором, влияющим на качество и полноту расследования уголовных дел, является добросовестность и исполнительность следователя (дознавателя), а также надлежащий процессуальный контроль руководителя следственного органа (начальника органа дознания, начальника подразделения дознания).

Работа следователя и дознавателя после приостановления предварительного расследования должна быть направлена на устранение имеющихся препятствий к дальнейшему расследованию уголовного дела и, в конечном счете, на его восстановление и доведение до конечного результата, в который входит установление виновного лица и всех обстоятельств дела, доведение его до суда и вынесения законного, обоснованного, справедливого решения.

Поскольку приостановленное уголовное дело приобретает особое правовое состояние, особенностями будут обладать и те действия, которые совершает по нему уполномоченное должностное лицо. В силу того, что ч. 3 ст. 209 УПК РФ категорически запрещает производство следственных действий после приостановления предварительного расследования, деятельность следователя (дознавателя) по уголовному делу становится значительно ограниченной. Заметим при этом, что производство по уголовному делу не заканчивается полностью, работа, направленная на устранение препятствий к расследованию, должна проводиться активно.

Обозначенные выше проблемы, а также имеющие место быть, но не отмеченные нами в силу ограниченного объема статьи, отчасти обусловлены и отсутствием нормативного понимания исследуемого института. На основании изложенного, необходимо законодательно закрепить в терминологическом аппарате используемых в ст. 5 УПК РФ основных понятий, в том числе и понятие приостановления предварительного расследования. Под ним следует понимать вынужденный временный перерыв в производстве следственных и процессуальных действий, в течение которого дознаватель, следователь, а также орган дознания по поручению дознавателя или следователя в пределах своих полномочий принимают меры, направленные на возобновление приостановленного предварительного расследования.

Коновалова Е. А.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
следователь по ОВД СЧ по РОПД СУ УМВД России по Тверской области;*

Научный руководитель:

Есина А. С.,

*доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТАВЕ ОПГ

Задержание подозреваемого входит в систему мер уголовно-процессуального принуждения. Расследуя уголовные дела о преступлениях, совершенных организованными преступными группами, следователь, как правило, использует задержание практически по каждому уголовному делу, что продиктовано высокой общественной опасностью данных преступных деяний и лиц, их совершивших. Для усиления борьбы с проявлениями организованной преступности необходимо совершенствовать уголовно-процессуальные средства. Полагаем, что назрела необходимость адаптировать нормы института уголовно-процессуального задержания к лицам, которые совершили преступления в составе ОПГ. Законодатель уже неоднократно использовал принцип дифференцированного подхода при регулировании отдельных сегментов уголовно-процессуальной деятельности в зависимости от категории преступлений (например, ч. 2 ст. 100, п. 1.1. ч.1 ст. 108 УПК РФ). В связи с этим не видим препятствий к тому, чтобы использовать подобный механизм для совершенствования норм института процессуального задержания (глава 12 УПК РФ) применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 210 УК РФ.

Следует отметить, что в научных кругах широко развернута дискуссия по поводу значения и процедуры уголовно-процессуального задержания. Особый интерес представляет полемика, развернувшаяся между такими учеными, как С. Б. Россинский и С. А. Шейфер, поддерживаемая их последователями: о сущности и процессуальном значении задержания.

В своих работах С. Б. Россинский указывал, что задержание подозреваемого имеет многоуровневую, многогранную природу и выступает в нескольких, а точнее, в четырех ипостасях: как мера процессуального принуждения, как процессуальная комбинация, как тактическая операция и как совокупность режимных мероприятий, связанных с помещением в изолятор временного содержания и нахож-

---

¹ © Коновалова Е. А., 2021.

дением под стражей¹. Несмотря на самобытный подход автора, мы разделяем его мнение относительно комплексной сущности задержания как меры принуждения.

Вместе с тем указанный автор высказывает предложения, с которыми трудно согласиться. Например, он утверждает, что у задержания отсутствует познавательный характер, что оно является обеспечительной мерой и не может использоваться в качестве доказательства. Кроме того, он предлагает разработать Федеральный закон «О задержании», устранить следователя от принятия решения о задержании и отказаться от протокольной формы задержания, заменив ее на обращение в суд с ходатайством об избрании меры пресечения².

Мы разделяем позицию тех авторов, которые признают за задержанием свойство доказательства. Совершенно справедливо С. А. Шейфер отмечает, что в протоколе задержания фиксируются юридически значимые обстоятельства по уголовному делу, такие, как время, место и обстоятельства фактического задержания, что особенно актуально, когда преступник задержан непосредственно на месте преступления, а также имеют важное значение и результаты личного досмотра³. Порядок задержания предусматривает обязательный допрос подозреваемого не позже 24 часов с момента задержания, что является отдельным следственным действием, а показания подозреваемого – самостоятельным источником доказательств (ст. 92 УПК РФ). Фактические данные, полученные в ходе выполнения действий, сопровождающих задержание, могут иметь важное юридическое значение в процессе расследования, а сам протокол задержания оказаться доказательством на основании п. 6 ч. 2. ст. 74 УПК РФ. Как практикующий следователь автор статьи может подтвердить, что при составлении обвинительного заключения (особенно по преступлениям, совершенным ОПГ) протокол задержания указывается как самостоятельный источник доказательства. Поддерживают эту практику и представители судебной власти. В научно-практическом комментарии к УПК РФ под редакцией председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева сказано, что протокол задержания со сведениями о поведении подозреваемого в момент задержания (подчинение требованиям задерживающего или, наоборот, активное сопротивление); состоянии задержанного (опьянение, наличие травм, состояние одежды, оказание ему медицинской помощи); применении при задержании физической силы, оружия или спецсредств; наличии (причинении) у задержанного телесных повреждений и об оказании ему медицинской помощи является не только процессуальным документом, фиксирующим

---

¹ Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография / С. Б. Россинский. Москва : Проспект, 2019.

² Россинский С. Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 134–146.

³ Тарасов А. А. О познавательной сущности задержания подозреваемого / А. А. Тарасов, С. А. Шейфер // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. С. 63–67. URL: <http://journals.ssau.ru/index.php/jjsu/article/view/60+43>.

факт применения меры процессуального принуждения, но и источником сведений, которые могут иметь существенное значение для дела¹.

Относительно предложения С. Б. Россинского по поводу издания отдельного Федерального закона «О задержании», следует отметить нецелесообразность данного предложения. Если следовать логике автора, то мы непременно придем к необходимости издания отдельных федеральных законов по каждому процессуальному и следственному действию. Всегда найдутся моменты, нуждающиеся в уточнении, конкретизации, расширении. Мы полагаем, что в случае необходимости совершенствовать отдельные положения института процессуального задержания необходимо путем внесения дополнений в главу 12 УПК РФ.

Категорически нельзя согласиться с предложением С. Б. Россинского об устранении следователя от задержания подозреваемых лиц. Именно следователь определяет наличие оснований для задержания; оценивает доказательства, имеющиеся в уголовном деле; несет персональную ответственность за соблюдение конституционных прав граждан, в том числе право на неприкосновенность личности; обеспечивает соблюдение прав участника уголовного процесса с момента задержания. Мы убеждены, что никакое иное должностное лицо не сможет в ситуации с задержанием заменить субъекта расследования.

Отказ от протокольной формы задержания с заменой на ходатайство в суд о мере пресечения представляется сомнительным и затратным для правоприменителей. Сегодня задержание рассматривается как срочная, неотложная мера принуждения, и порядок ее применения прост, с учетом предусмотренных гарантий, что обеспечивает достижение целей задержания. Ходатайство в суд о мере пресечения предполагает расход гораздо большего времени для оформления данного процессуального решения: необходимо время на подготовку материалов в суд, время на закрепление доказательств (то есть на проведение неотложных следственных действий), время на проведение судебного заседания. Возникает закономерный вопрос: если исключить задержание, то где должно находиться лицо, в отношении которого решается вопрос о мере пресечения, и в каком статусе оно пребывает? Законодатель предусмотрел возможность задержания лица только в случае, если следователь обращается в суд с ходатайством о заключении под стражу (ч. 2 ст. 91 УПК РФ). Полагаем, что данное основание целесообразно расширить и предусмотреть право на задержание лица в порядке ст. 91 УПК РФ и в том случае, если субъект расследования обращается в суд с ходатайством о применении любой меры пресечения, требующей судебного согласия. Данное предложение было бы востребовано практиками, расследующими преступления, совершенные ОПГ, поскольку зачастую речь идет об одновременном задержании и решении вопроса о мере пресечения в отношении нескольких лиц. В подобных ситуациях физическая нехватка времени на оформление процессуальных документов в суд приводит к некачественному, недостаточно мотивированному и аргументированному изложению обстоятельств, которые следователь выдвигает

---

¹ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : ИНФРА-М, 2014. URL: <http://www.consultant.ru/>.

в качестве основания для избрания меры пресечения. Возможность задержать нескольких лиц в порядке ст. 91 УПК РФ на том основании, что должностным лицом готовится ходатайство в суд для избрания меры пресечения, требующей судебного разрешения, было бы целесообразно.

На практике зачастую происходит подмена уголовно-процессуальных процедур административными или оперативно-разыскными мерами. В момент возбуждения уголовного дела довольно редко устанавливается такой квалифицирующий признак, как «организованная преступная группа», поскольку данный признак требует совокупности собранных доказательств, которые на этапе доследственной проверки чаще всего еще не установлены. Бывают ситуации, когда сотрудники оперативных подразделений в своем стремлении не упустить лиц, которые могут быть в составе ОПГ или причастны к группе, в необходимости сохранить доказательства и не допустить утечки информации, не имея достаточных оснований к задержанию лиц в порядке ст. 91 УПК РФ, применяют к лицу административное задержание в порядке ст. 27.5 КоАП РФ. С одной стороны, данная мера обусловлена необходимостью изолировать одного или нескольких членов ОПГ за день до массового задержания, с целью получения сведений о местах хранения похищенного имущества и средств совершения преступления, о месте и времени совершения готовящегося преступления, а также недопущения утечки информации о готовящейся следственной операции (реализации материалов ОРД). С другой стороны, по мнению Конституционного Суда РФ, такую практику следует признать неправомерной, поскольку недопустимо применение в делах об уголовных правонарушениях административного задержания, которое может применяться только как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях¹. В связи с этим представляется целесообразным дополнить УПК РФ положением следующего содержания: при наличии достаточных данных о причастности лица к организованной преступной группе, лицо может быть задержано в порядке ст. 91 УПК РФ на срок не более пяти суток. По истечении указанного срока с момента составления протокола о задержании подозреваемый подлежит освобождению, если в отношении него не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания в порядке, установленном п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ.

Автор попытался обозначить лишь некоторые проблемы, касающиеся задержания и кратко аргументировать предложения по их разрешению с позиции практикующего следователя, поскольку при расследовании преступлений, совершенных ОПГ, именно задержание имеет важное тактическое и доказательственное значение.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1997 г. № 11-П // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 19.09.2020).

Криволап Ю. И.¹,

курсант факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Ендольцева А. В.²,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Несовершеннолетним по смыслу уголовного закона является лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет. Законодатель в главе 14 УК РФ определяет особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

Процессуальное производство по уголовным делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности, однако, не обладающих полной дееспособностью, наступающей с 18 лет, и не способных в силу этого представлять свои интересы в ходе производства по уголовному делу, относится к отдельной категории уголовных дел, производство по которым имеет особенности. Специфика процессуального производства в отношении несовершеннолетних представлена в УПК РФ в главе 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», регламентирующей систему общих и специальных правил такого производства, в основе которых лежит особая социально-правовая и психолого-возрастная характеристика данного субъекта преступления.

Прежде всего, законодатель в ст. 421 УПК РФ определяет расширенный предмет доказывания (помимо предписаний ст. 73 УПК РФ доказыванию также подлежат: возраст несовершеннолетнего, условия его воспитания, уровень развития в психическом плане, влияние на подростка взрослых, наличие заболеваний, которые бы препятствовали его помещению в учебно-воспитательные учреждения закрытого типа). Можно отметить и сложности в построении тактики проведения следственных действий, необходимость особых процессуальных гарантий прав и законных интересов не достигшего совершеннолетия подозреваемого, обвиняемого. Несмотря на особое внимание законодателя к такому субъекту преступления, производство по уголовным делам в порядке главы 50 УПК РФ до сих пор содержит в себе проблемы, которые порождаются сложностями толкования норм и пробелами в уголовно-процессуальном законодательстве.

---

¹ © Криволап Ю. И., 2021.

² © Ендольцева А. В., 2021.

Дискуссионным является вопрос применения положений названной главы в отношении лиц, совершивших преступление, в несовершеннолетнем возрасте, но которые во время проведения разбирательств по факту совершения противоправного деяния достигли совершеннолетия. Исходя из положений ч. 2 ст. 9 УК РФ, ко времени совершения преступления относят момент совершения противоправного деяния. Значит, если лицо совершило общественно опасное деяние в несовершеннолетнем возрасте, а в процессе производства по делу достигло совершеннолетия, правила ведения разбирательств по данному уголовному делу опираются на ретроспективу, то согласно предписаниям ч. 1 ст. 420 УПК РФ к ответственности такое лицо будет привлекаться в порядке, предусмотренном статьями главы 50 УПК РФ.

Именно здесь и возникают юридические коллизии. Согласно ст. 60 Конституции РФ гражданин России вправе самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет. Однако, если руководствоваться положениями уголовно-процессуального закона (ч. 1 ст. 420 УПК РФ), досудебное и судебное производство в отношении восемнадцатилетнего лица будет проводиться в порядке главы 50 УПК РФ со всеми особенностями, определяющими процессуальный статус несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого.

Получается, что в соответствии со ст. 426 и 428 УПК РФ в ходе досудебного производства, а также в судебном заседании обязательно участие законного представителя.

Возникает вопрос: а кто им является? В отношении несовершеннолетних это понятно, их определяет п. 12 ст. 5 УПК РФ. А в отношении дееспособных совершеннолетних лиц, кто будет являться их законными представителями и самое главное, а нуждаются ли они в их участии?

Статья 424 УПК РФ регламентирует вызов несовершеннолетних к следователю (дознавателю) и в суд через их законных представителей. Вряд ли это логично в случае достижения лицом совершеннолетия, – отмечают авторы¹. По этому поводу разъяснения дает Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», где в п. 12 говорится о том, что в случае, если на момент начала судебных разбирательств, виновное лицо достигло совершеннолетия, все полномочия законного представителя утрачивают свое действие (однако суд может продлить осуществление указанных полномочий, если увидит в этом необходимость, основанную на характере совершенного преступления и данных о личности субъекта преступления, который находится в возрасте от 18 до 20 лет).

Кроме того, требует комментария применение к достигшему совершеннолетия лицу положений о порядке допроса несовершеннолетнего подозреваемого,

---

¹ См., например: Овсянников И. В. Проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / И. В. Овсянников // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 3. С. 123–127; Тройнина И. С. Задержание по подозрению в совершении преступления и применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / И. С. Тройнина. Воронеж, 2013.

обвиняемого (ст. 425 УПК РФ). Так, обязательное участие в допросе педагога или психолога, ограничение времени проведения допроса (не более четырех часов, с перерывом после двух часов) являются, с нашей точки зрения, излишними требованиями, так как особых на то оснований в данном случае не имеется. Также считаем необоснованным выделение дела в отдельное уголовное производство в порядке ст. 422 УПК РФ, если подозреваемому или обвиняемому, совершившему преступление в соучастии с взрослым, исполнилось 18 лет.

Высказывая свою точку зрения, мы основываемся на конституционном предписании, сформулированном в ст. 60 Конституции РФ, поскольку лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, является не только правоспособным, но и дееспособным субъектом правоотношений, возникающих в этот период, следовательно, относить его к категории лиц, нуждающихся в особом производстве, и оценивать его на основе той же позиции, что и несовершеннолетнего, в данной ситуации неуместно.

Следует отметить также, что согласно ч. 2 ст. 87 УК РФ, одной из мер, применяемой к несовершеннолетним, совершившим преступления, является помещение их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, осуществляемое на основе обвинительного приговора суда. Если исходить из положений ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», подобная мера может быть применена исключительно к несовершеннолетним (лицам от восьми до восемнадцати лет, которым требуется индивидуальный педагогический уход). Из этого следует, что подобная мера не применяется в отношении лица, достигшего совершеннолетия, даже если на то имеются основания, прописанные в указанном федеральном законе. Напомним, что уголовный закон в исключительных случаях предусматривает возможность применения судом положений главы 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» к лицам, совершившим преступление в возрасте от 18 до 20 лет, за исключением направления их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа или воспитательную колонию (ст. 96 УК РФ). Полагаем, что аналогичное положение необходимо закрепить и в главе 50 УПК РФ, где в ст. 422 УПК РФ предусмотрено право суда освободить несовершеннолетнего подсудимого от наказания с направлением в такое учреждение.

Кстати, полагаем, что уголовный закон справедливо закрепляет правило о возможности применения судом норм главы 14 УК РФ к совершившим преступление в молодежном возрасте (18–20 лет), так как грань между психолого-возрастным состоянием преступников в возрасте 17–20 лет весьма расплывчата, в силу чего особые уголовно-правовые последствия совершенного преступления, обозначенные в главе 14 УК РФ (виды и размеры наказаний, назначаемые несовершеннолетним, дополнительные основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, иной порядок исчисления сроков давности и сроков погашения судимости), вполне применимы к этой категории лиц, а не только к несовершеннолетним. Ведь тем самым не нарушается конституционное право человека, предоставленное ему ст. 60 Основного закона государства. Эти уголовно-правовые особенности главы 14 УК РФ направлены на смягчение

участи лица, совершившего преступление, будучи несовершеннолетним, поэтому являются его законным интересом.

Что касается уголовного судопроизводства, то здесь речь идет не о правовых последствиях совершенного в несовершеннолетнем возрасте преступления, а об особенностях досудебного и судебного производства, их специальном порядке. Поэтому полагаем, что положения ст.ст. 424, 425, 426, 428, 429 УПК РФ в целях обеспечения законных интересов личности могут применяться к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, который достиг восемнадцатилетнего возраста в период производства по уголовному делу, только по его ходатайству либо такое решение может принять самостоятельно следователь, дознаватель, суд с учетом заключения судебной экспертизы, назначавшейся по вопросу наличия у подозреваемого, обвиняемого психического расстройства или отставания в психическом развитии. Полагаем, что такие предписания следовало бы закрепить в ст. 420 УПК РФ.

Что касается обязательного участия защитника, то здесь ответ на данный вопрос неоднозначен. Казалось бы, что в случае, если на момент уголовного судопроизводства несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый достигает восемнадцати лет, то участие защитника становится уже необязательным, и, руководствуясь положениями ст. 52 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый вправе в любой момент отказаться от его помощи. Однако полагаем, что в данном случае участие защитника в производстве по уголовному делу необходимо. Это связано, прежде всего, со специфичным предметом доказывания, и поскольку защитник является субъектом доказывания, то его отсутствие не позволит должным образом обеспечить реализацию прав и законных интересов лица рассматриваемой категории, в частности, его права на справедливое наказание (ст. 6 УК РФ). В связи с этим в п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ «Обязательное участие защитника» следует внести дополнение «...или лицом, достигшим возраста 18 лет в период производства по уголовному делу».

Как видим, проблема законодательной регламентации рассмотренных вопросов оставляет желать лучшего, поскольку глава 50 УПК РФ требует модернизации, дабы восполнить возникший законодательный пробел в определении специального производства по уголовному делу в отношении лица, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте, но в ходе досудебного или судебного производства достигшего совершеннолетия.

Крылова Д. С.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
преподаватель-методист учебного отдела Тверского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Клещина Е.Н.,

*профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент*

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ НЕКОТОРЫХ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ СТАДИЮ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Современный уголовный процесс России состоит из совокупности стадий, связанных между собой общими едиными задачами и принципами, и в то же время отличающихся друг от друга прямыми (непосредственными) задачами, субъектным составом, различным спектром следственных и процессуальных действий, конкретным сроком и индивидуальным процессуальным итоговым решением².

В настоящей статье речь будет идти о досудебном производстве, включающем в себя стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Вряд ли кто-то сможет однозначно сказать, какая из этих стадий важнее и имеет большее значение, поскольку они обе решают задачи первостепенной важности в рамках своих границ, но постоянно меняющийся и преобразовывающийся уголовный процесс так или иначе сглаживает эти границы, в результате чего отдельные нормы переносят свое действие в совершенно иной этап уголовного судопроизводства. Мы не говорим о том, что это неприемлемо или недопустимо, однако, такие транспозиции должны быть строго регламентированы законом, а не осуществляться по аналогии, как зачастую и происходит.

По-нашему мнению, каждую самостоятельную стадию уголовного процесса, помимо ее задач, особенных субъектов, сроков и так далее, детерминируют отдельные, специфичные правила – общие условия, «... которые определяют наиболее существенные требования, предъявляемые к порядку выполнения следственных действий и принятию процессуальных решений, обеспечивают единство уголовно-процессуальной процедуры, направлены на реализацию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства...»³.

---

¹ © Крылова Д. С., 2021.

² Галузо В.Н. Уголовный процесс : учебник / В. Н. Галузо, Р. Х. Якупов. 7-е изд., перераб. М. : ТЕИС, 2013.

³ См. пример: Алонцева Е. Ю. К вопросу о системе следственных действий по УПК Российской Федерации и УПК Азербайджанской Республики (сравнительно-правовой анализ) / Е. Ю. Алонцева // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 4.

Система общих условий предварительного расследования закреплена главой 21 УПК РФ и состоит из 14 элементов, которые выделяют стадию предварительного расследования в качестве самостоятельной и обособленной, чего нельзя сказать о стадии возбуждения уголовного дела, хотя, по мнению некоторых ученых, в УПК РФ наличествуют отдельные теоретические и нормативные положения, позволяющие рассматривать их в качестве общих условий стадии возбуждения уголовного дела¹. Да и мы полагаем, что такие правила и требования на стадии возбуждения уголовного дела, безусловно, имеются, но они не систематизированы, то есть не кодифицированы, а рассредоточены по разделу, посвященному данной стадии. Возникает дилемма: необходимо ли такое группирование нормативных положений, регламентирующих стадию возбуждения уголовного дела, и отдельное их закрепление в УПК РФ? На этот вопрос у нас нет однозначного ответа, поскольку стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования настолько схлестнулись, что, возможно, необходима разработка совершенно новой системы общих условий – общих условий досудебного производства.

К данному выводу мы пришли на основании следующих умозаключений: во-первых, вряд ли кто оспорит, что стадия возбуждения уголовного дела значительно прогрессировала за последнее время. Действительно, законодатель систематично вносит изменения в этап проведения проверки сообщения о преступлении, наращивая ее возможности и пределы по производству следственных и процессуальных действий, необходимых для принятия законного и обоснованного решения по ее итогам. Так, в результате планомерных преобразований данной стадии, лицо, уполномоченное проводить проверку сообщения о преступлении, имеет право в том числе, получать образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр документов, предметов, освидетельствование, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий. Все перечисленное – ни что иное, как следственные и иные процессуальные действия, которые производятся следователями и дознавателями в рамках расследования уголовного дела и регламентируются ст. 164 «Общие правила производства следственных действий», ст. 168 «Участие специалиста», ст. 170 «Участие понятых», глава 27 «Производство судебной экспертизы» и др., в которых декларируется исключи-

---

С. 15–18 ; Горленко С. В. Общие условия предварительного следствия в уголовном процессе (понятие, история и современность) : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Горленко. М., 2000. С. 4, 5, 74 ; Никандров В. И. Общие условия предварительного следствия в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. И. Никандров. М., 1973. С. 5 ; Павлов Н. Е. Общие условия предварительного расследования : учебное пособие / Н. Е. Павлов. М. : Академия МВД СССР, 1982. С. 3 ; Сумин А. А. Проблемы обеспечения конституционных прав граждан в условиях дифференциации предварительного расследования / А. А. Сумин // 20-летие Конституции Российской Федерации. Становление, проблемы и тенденции развития : сборник статей. Московский университет МВД России. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. С. 210–214.

¹ См. например: Мигушин К. И. Досудебное производство как стадия современного уголовного процесса России : дис. ... канд. юрид. наук / К. И. Мигушин. Н. Новгород, 2004. С. 112.

тельно о компетенции следователя (дознателя), а расширенная ст. 144 УПК РФ даже не отсылает должностное лицо к указанным выше нормативным положениям, за исключением деятельности по получению образцов для сравнительного исследования, истребования документов и предметов, их изъятия.

Для исполнения участниками стадии возбуждения уголовного дела новой обязанности не разглашать данные досудебного производства законодатель вообще переадресовывает их к общему условию предварительного расследования «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования» (ст. 161 УПК). И это не единственная ситуация, в которой происходит перенаправление должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, к нормативным предписаниям, регламентирующим расследование уже возбужденных уголовных дел: к примеру, в рамках стадии возбуждения уголовного дела передача сообщения о преступлении по подследственности регламентирована ст. 151 УПК – «Подследственность», являющейся также общим условием предварительного расследования.

И таких переплетений норм, регулирующих две самостоятельные стадии досудебного производства – возбуждение уголовного дела и предварительное расследование, еще множество, поэтому, на наш взгляд, кодификация некоторых норм, регламентирующих возбуждение уголовного дела, по типу общих условий предварительного расследования приведет к дублированию уже существующих правил и требований, что только перегрузит современный уголовный процесс. Более того, такая систематизация может привести к бесконечному «измельчению» не только стадий, но и других институтов уголовного процесса, к примеру, могут появиться «общие условия подследственности» или «общие условия допроса».

Во-вторых, целесообразность выделения системы общих условий досудебного производства, включающей в себя правила и требования, регламентирующие, в том числе стадию возбуждения уголовного дела, обусловлена необходимостью совершенствования механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе. Мы неоднократно говорили о том, что одной из задач общих условий стадии является соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства, а, если эти правила и требования не выделены, не обособлены в конкретной стадии, то присутствует недостаточная законодательная регламентация защиты прав и свобод граждан, участвующих в уголовном процессе. Так, внесенные изменения в ст. 144 УПК РФ уполномочивают должностных лиц разъяснять участникам их права и обязанности, в том числе о возможности приносить жалобы на их действия (бездействия), а об обязательности их рассмотрения должностными лицами законодатель умолчал, в то время как на стадии предварительного расследования действует отдельная статья, посвященная защите прав участников в этой части – «Обязательность рассмотрения ходатайства» (ст. 159 УПК РФ).

Таким образом, приведенные выше доводы говорят о наличии теоретических проблем в регламентации порядка производства следственных и иных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела, необходимости выделения конкретных правовых предписаний, упорядочивающих деятельность должностных лиц при проверке сообщения о преступлении в рамках усовершенствованной системы общих условий досудебного производства.

Курбатова Е. В.¹,

курсант Института психологии

служебной деятельности органов внутренних дел

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Клементьева Е. С.,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РОЛЬ ПЕДАГОГА-ПСИХОЛОГА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Последние тенденции в сфере ювенальной юстиции свидетельствуют о важности охраны и защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. Несмотря на определенные позитивные сдвиги, система уголовного судопроизводства Российской Федерации недостаточно ориентирована на обеспечение прав несовершеннолетних участников. Особое значение, в связи с этим имеет роль как педагога, так и психолога в производстве следственных действий и представляет как научный, так и практический интерес.

В первую очередь, полагаем, необходимо определиться с понятиями педагога и психолога. Пункт 62 ст. 5 УПК РФ содержит определение педагога: это педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Анализ ст.ст. 191, 280 и 425 УПК РФ свидетельствует о законодательной неопределенности компетенции лица, которое приглашается в качестве специалиста при производстве в следственных действиях с участием несовершеннолетних. Так, ст. 191 и 425 УПК РФ допускают участие педагога или психолога, в то время как в ч. 4 ст. 191 говорится об участии только психолога, а в ст. 280 УПК РФ – только педагога. И если УПК РФ содержит понятие педагога, то понятие психолога не раскрывает. Не каждый педагог может владеть специальными знаниями и навыками по работе с несовершеннолетними. На наш взгляд, необходимо дополнительно предусмотреть в уголовно-процессуальном законе требования, предъявляемые к такому специалисту, среди которых обязательное знание детской и подростковой психологии, особенностей психического развития детей. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» содержится требование к специализации судей по делам несовершеннолетних, а именно, их профессиональной компетентности не только по вопросам права, но и по вопросам педагогики, социологии, подростковой психологии, криминологии, виктимологии, применения ювенальных техноло-

---

¹ © Курбатова Е. В., 2021.

гий, используемых в рамках процессуального законодательства. Полагаем, что подобные требования должны распространяться и на специалиста (педагога или психолога) с обязательным знанием особенностей личности несовершеннолетнего, в связи с чем используем термин «педагог-психолог».

Еще один момент, на который хотим обратить внимание, педагог-психолог участвует в следственных действиях как на стороне защиты (при допросе несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля), так и на стороне обвинения (при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого). Законом не регламентируется ситуация участия одного и того же педагога-психолога в уголовном деле как на стороне защиты, так и на стороне обвинения.

Взаимодействие педагога-психолога с обвиняемым либо с потерпевшим несовершеннолетним должно происходить с помощью применения психологических и педагогических знаний, умений и навыков, которыми обладает данный специалист. Применение определенных техник способствует более тесному контакту между взаимодействующими для того, чтобы расположить к себе ребенка, выяснить у него мельчайшие подробности преступления, для комфортного эмоционального состояния несовершеннолетнего, оказания психологической поддержки и помощи. Педагогические навыки используются для правильного взаимодействия с ребенком, нахождения контакта и проведения допроса, который сопровождается записью и оформлением протокола допроса несовершеннолетнего.

Следует отметить, что педагог или психолог – это, в первую очередь, процессуальная фигура, участвующая в некоторых следственных действиях, ими являются: допрос, предъявление для опознания, очная ставка, проверка показаний на месте. Но есть другие следственные действия, в которых педагог (психолог) может принимать участие, но оно не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством.

В теоретической науке выделяются две формы участия педагога или психолога: процессуальное и непроцессуальное. К процессуальным формам можно отнести: участие в следственных действиях; допрос педагога и психолога либо в качестве свидетеля, либо в качестве эксперта (если он проводил судебную экспертизу); участие педагога в качестве личного поручителя несовершеннолетнего при решении вопроса об избрании меры пресечения. Непроцессуальное участие находит свое отражение в виде дачи консультаций следователю или дознавателю о тактических аспектах производства следственных действий с участием конкретного подростка, обусловленных его личностными особенностями.

Основными задачами и функциями педагога или психолога в процессе допроса несовершеннолетнего подозреваемого являются: содействие следователю в производстве следственных действий, а также защита законных права и интересов несовершеннолетних участников.

Наиболее удачным нам представляется сформулированные М. В. Лифановой задачи педагога и психолога при оказании содействия лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, к ним относятся:

– помощь в установлении психологического контакта с несовершеннолетним, в изучении личности подростка, выявлении индивидуальных особенностей

стей, специфики формирования личности, что может быть использовано при определении тактики следственных действий;

– помощь в формулировке вопросов, обращенных к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а также в оценке полученных показаний и результатов допроса несовершеннолетнего. Именно педагог (психолог) с учетом возраста, степени развития, внушаемости и прочих критериев способен правильно определить содержание и структуру вопросов, а также их последовательность;

– помощь в закреплении доказательств, в частности, последовательность изложения показаний несовершеннолетнего в протоколе допроса. В этой связи специалист вправе по окончании допроса ознакомиться с протоколом допроса и сделать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Данное право педагогу и психологу озвучивается следователем в начале производства следственных действий;

– защита несовершеннолетнего от негативного и нежелательного воздействия со стороны следователя и других лиц, участвующих в следственных действиях. Также данный специалист должен охранять морально-психологическое здоровье несовершеннолетнего и ограждать его от отрицательного воздействия внешней среды на момент проведения следственных действий¹.

В экстренных ситуациях, где физическое и психологическое здоровье несовершеннолетнего отклоняется от нормы, необходимо применять как психологические, так и педагогические знания, которыми должен обладать рассматриваемый специалист. Как верно отмечает М. А. Шувалова, нельзя не обратить внимание на то, что ч. 4 ст. 421 УПК РФ предусматривает лишь один раз проведение медицинского освидетельствования несовершеннолетнего, тогда как на практике бывают случаи, когда физическое и психологическое состояние несовершеннолетнего может ухудшиться, из-за чего показания искажаются или вообще становятся неверными². В должной мере данный факт необходимо учитывать при допросе несовершеннолетнего лица.

Следователь или дознаватель обеспечивает участие педагога или психолога в допросе по собственной инициативе или ходатайству защитника, то есть самостоятельно принимать участие в следственных действиях педагог-психолог не может. В ст. 191 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего» прописываются правила обязательного участия педагога или психолога в следственных действиях с участием несовершеннолетнего, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, в остальных случаях педагог или психолог приглашается к участию в деле по усмотрению следователя.

Присутствие педагога или психолога дает возможность учесть и устранить все факторы, способные нарушить или ограничить права и интересы несовер-

---

¹ Лифанова М. В. Участие педагога и психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого / М. В. Лифанова // Эксперт-криминалист. 2011. № 3. С.18–20.

² Шувалова М. А. Процессуальные действия психолога и педагога в уголовном судопроизводстве / М. А. Шувалова // Вестник Нижегород. университета. 2019. № 6. С. 198.

шеннолетних участников, а также причинить вред их психологическому и эмоциональному состоянию и развитию организма в целом. Также его участие нужно не всегда, его привлекают к следственным действиям только тогда, когда необходим вербальный контакт с несовершеннолетним, некое взаимодействие с личностью ребенка для восстановления определенных фактов и развития событий, для фиксации показаний и выявления более достоверной информации.

Насущная проблема участия педагога и психолога в следственных действиях состоит в том, что эти лица плохо понимают свою роль в данных юридических и правовых процессах, позиционируя себя как представителя государственных образовательных организаций, который помогает органам расследования. Непонимание своих фундаментальных функций можно проследить в работе педагога-психолога при расследовании дела, где они проявляют себя пассивно или бесполезно¹.

Следует обратить внимание, что нормы уголовно-процессуального закона недостаточно конкретизируют, какое положение занимает педагог-психолог в производстве по делам с участием несовершеннолетних. Сомнения также существуют и относительно процессуального положения педагога-психолога: согласно ст.ст. 57 и 58 УПК РФ они могут участвовать в производстве и как эксперты, и как специалисты. Если педагог-психолог имеет статус специалиста, привлеченного для участия в деле, то в данном случае не могут в полной мере реализоваться процессуальные возможности педагога-психолога, так как, на наш взгляд, его роль как специалиста не должна быть ограничена лишь содействием следователю в производстве допроса.

Интересно роль педагога представляет С. В. Тетюев: во время допроса педагог должен фиксировать и собирать информацию, помогающую в расследовании дела и передавать материалы либо следователю либо в суд для дальнейшего расследования; полученные данные, безусловно, помогут в последующих следственных действиях². В этом случае сложно определить статус такого участника. Если считать педагога специалистом, то такие действия являются внепроцессуальными и, соответственно, использование такой информации оставляет вопросы.

Таким образом, необходимо совершенствование положений уголовно-процессуального закона, регламентирующего участие педагога-психолога в уголовном судопроизводстве. Эти поправки помогут рассматриваемым участникам в полной мере исполнять свои функции, уверенно взаимодействовать с органами следствия, дознания и суда, и как следствие, выступать дополнительным гарантом прав и законных интересов несовершеннолетних.

---

¹ Хисматуллин Р. С. Проблемы апелляционного производства по делам несовершеннолетних / Р. С. Хисматуллин // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России : Межвузовский сборник научных трудов. Уфа : РИО БашГУ, 2003. С. 38.

² Тетюев С. В. Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве / С. В. Тетюев // Судья. 2014. № 10. С. 29–32.

*Левашова П. Д.*¹,

курсант Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Кокорева Л. В.,

доцент кафедры уголовного процесса Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Высшей ценностью в правовом демократическом государстве является человек, а именно, его права и свободы. Поэтому в настоящее время уголовно-процессуальная политика России направлена на повышение правовой защищенности личности участников уголовного судопроизводства при расследовании уголовных дел. В целях реализации данного направления законодатель ввел институт досудебного соглашения о сотрудничестве, иначе «делка с правосудием» («делка с законом», «делка о признании»²), который регламентирует сотрудничество участников групповых преступлений с правоохранительными органами. Отметим, что в современном правовом понимании термин «делка с правосудием» возник в конце XIX в. в США³. Полагаем, это и явилось прототипом отечественной новеллы.

По мнению И. И. Шурыгиной, досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения⁴. Данное соглашение, на наш взгляд, носит односторонний характер, поскольку состоит в согласии подозреваемого или обвиняемого на содействие правоохранительным органам, не обязывая прокурора к совершению каких-либо действий, которые законодатель мог указать в ст. 317.3 УПК РФ.

---

¹ © Левашова П. Д., 2021.

² Кокорева Л. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы теории и практики / Л. В. Кокорева, Е. В. Кузнецова // Электронное издание сетевого распространения. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск : ВСИ МВД России, 2018. С. 90.

³ Холмогорова Н. Ю. «Делка с правосудием» в России и США: сравнительно-правовой анализ процессуального законодательства / Н. Ю. Холмогорова // Вестник Удмуртского университета. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sdelka-s-pravosudiem-v-rossii-i-ssha-sravnitelno-pravovoy-analiz-protsessualnogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 09.10.2020).

⁴ Шурыгина И. И. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве: проблемы адаптации в современных правовых реалиях / И. И. Шурыгина // ВЭПС. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-dosudebnogo-soglasheniya-o-sotrudnichestve-problemy-adaptatsii-v-sovremennyh-pravovyh-realiyah> (дата обращения: 09.10.2020).

Введение института досудебного соглашения о сотрудничестве первоначально имело своей целью расследование групповых преступлений, о чем свидетельствует ряд следующих факторов.

По каким обстоятельствам дает показания участник, которому посвящена ст. 56.1 УПК РФ? Согласно ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый содействует в изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления в рамках расследуемого уголовного дела. Однако в п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ сказано, что в прокурорском представлении указываются преступления, которые были обнаружены благодаря сотрудничеству с обвиняемым, следовательно, показания последнего не ограничены расследуемым уголовным делом. В целях устранения коллизии был разработан проект Федерального закона № 615143-5 «О внесении изменений в ст. 317.1 УПК РФ», который регламентировал получение сведений об иных преступлениях. Однако он был отклонен, так как вопрос о частичном выполнении соглашения, когда в силу объективных причин обязательства в отношении иных преступлений исполнить не представилось возможным, но по конкретному уголовному делу получены необходимые сведения, оставался открытым¹.

Обратим внимание на следующий момент. Из анализа норм уголовно-процессуального закона можно сделать вывод, что в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве принимают участие следователь, прокурор, подозреваемый или обвиняемый и защитник, причем первый на этапе составления соглашения его не подписывает и выступает в качестве наблюдателя. Напомним, что досудебное соглашение о сотрудничестве – это «сделка» между стороной обвинения и защиты. Заинтересованным в исходе уголовного дела является представитель стороны обвинения – потерпевший, но его мнение не учитывается ни при решении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, ни при рассмотрении дела в особом порядке. Кроме этого, отношение таких участников стороны обвинения, как законный представитель и представитель потерпевшего, гражданского истца и его представителя, к ходатайству подозреваемого или обвиняемого также не учитывается².

На наш взгляд, публичные интересы государства имеют первостепенное значение, так как раскрытие групповых преступлений, которые обладают большей общественной опасностью по сравнению с одиночными, наиболее полезно для общества.

После заключения рассматриваемого соглашения участник уголовного судопроизводства со стороны защиты приобретает новый статус, который закреплен в ст. 56.1 УПК РФ, в главе 8 «Иные участники уголовного судопроизводства».

---

¹ О внесении изменения в статью 317.1 УПК РФ: пояснительная записка к проекту ФЗ № 615143-5 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=90213&rnd=A%20B85B1154B8EE612B1C0CE4BB43CA37#07255752355199323> (дата обращения: 02.09.2020).

² Кокорева Л. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы теории и практики / Л. В. Кокорева, Е. В. Кузнецова // Электронное издание сетевого распространения. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск : ВСИ МВД России, 2018. С. 91.

ва». Разумно предположить, что процессуальное положение лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, и свидетеля схожи. Однако имеются явные различия, например, «новый участник» предупреждается об ответственности не за отказ и дачу ложных показаний, а за нарушение условий заключенного соглашения.

Первоначально свидетель является лицом, которому известны обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, так же, как и участник, закрепленный в ст. 56.1 УПК РФ. Однако у первого отсутствует собственный (личный) интерес в уголовном деле¹. Именно по этой причине в судебном заседании лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, не может допрашиваться по правилам допроса свидетеля при получении показаний от его соучастников. Статусом обвиняемого это лицо также не обладает, в отношении него выделено уголовное дело. Правила допроса подсудимого к нему также неприменимы. Несмотря на неопределенность статуса такого лица, Конституционный Суд РФ закрепил возможность допроса лица, заключившего сделку, по основному уголовному делу для дачи показаний о соучастниках, отмечая, что «позицию такого лица – в силу его заинтересованности в исходе дела – нельзя рассматривать как процессуально нейтральную»².

Согласно ст. 111 УПК РФ в отдельных случаях, должностное лицо правоохранительного органа вправе применить к некоторым участникам со стороны обвинения и со стороны защиты, а также иным участникам, а именно – эксперту, специалисту, переводчику и понятому такую меру процессуального принуждения, как привод. Обратившись к ч. 1 ст. 113 УПК РФ, содержащей порядок и условия применения привода, отметим, что наряду с лицами, перечисленными в ст. 111 УПК РФ, в случае неявки по вызову без уважительных причин может быть подвергнуто приводу участник, процессуальное положение которого закреплено в ст. 56.1 УПК РФ. Отсутствие упоминания лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в статье, посвященной основаниям применения иных мер процессуального принуждения, на наш взгляд, обусловлено более поздним введением в уголовное судопроизводство рассматриваемого института, основу которого заложил Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ.

Поводя итог, можем сделать вывод о том, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве продолжает совершенствоваться и для успешного выполнения задач, поставленных перед ним, необходимо устранение существующих коллизий.

---

¹ Аббасов И. И. Роль свидетеля в уголовном процессе / И. И. Аббасов // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-svidetelya-v-ugolovnom-protseesse> (дата обращения: 14.09.2020).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П по делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202199/ (дата обращения: 14.09.2020).

*Лисова А. П.*¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Сумин А. А.,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук

БРЕМЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И КАНАДЫ: НЕКОТОРЫЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Вопросы, связанные с одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства – презумпции невиновности, в правоведческой научной литературе поднимаются все чаще. Связано это с тем, что ряд государств принимает законодательные акты, меняющие обычное представление о таком неотъемлемом аспекте данного принципа, как бремя доказывания. Основной новеллой является перенос бремени доказывания со стороны обвинения на сторону защиты, которая призывается сама доказать свою невиновность, то есть фактически резюмируется принцип «презумпция вины».

Принцип презумпции невиновности закрепляется на международном уровне в ст. 11 Всеобщей Декларации прав человека и гражданина 1948 г. и звучит следующим образом: «бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения». Так, общепризнанные нормы и принципы международного права резюмируют возложение бремени доказывания по уголовным делам на сторону обвинения, которая должна сама доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, обвиняя лицо в совершении преступления. Как уже было сказано ранее, существует ряд исключений из этого общего правила, которые можно проследить, проведя глубокий всесторонний анализ зарубежного законодательства и судебной практики.

Канада относится к англо-американской семье права и во многом унаследовала механизмы правовой системы Великобритании и в вопросах презумпции невиновности, а, следовательно, и бремени доказывания. В Канадской Хартии прав и свобод 1982 г., а именно в п. d ст. 11 закреплено: «Каждый обвиняемый в совершении какого-либо преступления имеет право считаться невиновным до тех пор, пока он в соответствии с законом не будет объявлен виновным независимым и беспристрастным судом в открытом судебном заседании». В целом Канада разделяет общее положение о бремени доказывания, однако, существует ряд исключений, говорящих о реверсе бремени доказывания.

---

¹ © Лисова А. П., 2021.

Так, существует презумпция вины, резюмирующая: если лицо, находящееся под судебным разбирательством скрылось с места наезда на человека (аварии) именно с целью избежания уголовной ответственности, остальные существенные элементы дела будут доказаны по принципу «вне разумных сомнений». Также водитель в такой ситуации обязан доказать, что не допустил халатности при управлении транспортным средством, что повлекло наезд на пешехода.

Кроме того, необходимо вспомнить термин «обоснованное сомнение», применяемый в уголовно-процессуальном законодательстве Канады, который неразрывно связан с презумпцией невиновности. Чтобы опровергнуть презумпцию невиновности, обвинение должно доказать свою правоту в той мере, в какой у разумного человека не может быть никаких сомнений в виновности подсудимого.

Точно такой же реверс бремени доказывания можно проследить и в законодательных актах Канады. Например, Закон о конфискации, распоряжении и апроприации доходов, полученных преступным путем, и орудий преступления (провинция Квебек, Канада) аналогично возлагает бремя доказывания на сторону защиты. Интересно, что в настоящее время Канада, государство, которое долгое время признавало обратное бремя доказывания по делам уголовного характера, сейчас идет по обратному пути. С 2017 г. некоторые аспекты обратного бремени стали отменяться, поскольку большинство преступлений, где резюмировалась презумпция вины, были связаны с владением определенными типами предметов или орудий преступлений, привлечение к уголовной ответственности в таких делах по статистике было редким, тем не менее, поскольку обратное бремя не меняет характера преступного поведения, у полиции, чаще всего, хватало разумных оснований доказать, что лицо виновно и предъявить соответствующее обвинение.

Однако все равно остается широкий спектр прецедентов, где обратное бремя доказывания неоспоримо. Если лицу назначается уголовная ответственность за отсутствие свидетельства о регистрации (лицензии) на владение огнестрельным оружием, то обвиняемый должен сам доказать, что такая лицензия действительно у него была. Таким образом, если обвиняемый продемонстрирует наличие лицензии, он выполнит свое бремя доказывания, если нет, то вне всяких сомнений, Корона выполнит свое. Еще одним ярким примером переноса бремени доказывания являются дела, где лицу инкриминируется «презумпция вменяемости», а если лицо заявляет обратное, на него возлагается обязанность доказать обратное. Нарушает ли такое положение Канадскую Хартию прав и свобод? В деле *R. v. Ejiigu*, 2016 г. Суд постановил, что да, презумпция действительно нарушается, однако, оправдал такое нарушение в соответствии с разделом 1 («права и свободы в Канаде. Канадская Хартия прав и свобод гарантирует права и свободы, которые в ней указаны. Эти права и свободы могут ограничиваться только нормами права в пределах, считаемых разумными, и оправданность которых может быть объяснена в свободном и демократическом обществе»).

В России в ч. 2 ст. 49 Конституции РФ прямо указано, что «обвиняемый не обязан доказывать свою вину». Бремя доказывания в уголовном судопроизводстве России возлагается на сторону обвинения.

Означает ли это, что наше законодательство не является столь гибким в этом вопросе? К. Б. Калиновский отвечает на этот вопрос следующим обра-

зом: «Казалось бы, положительный ответ на данный вопрос не вызывает никаких затруднений даже у студента юридического вуза, поскольку статьей 49 Конституции ... закреплен принцип презумпции невиновности, согласно которому обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а его невиновность предполагается до вступления в законную силу обвинительного приговора суда. Однако, на наш взгляд, ответ на данный вопрос должен быть отрицательным». С такой точкой зрения нельзя не согласиться. Рассмотрение института переноса бремени доказывания, уже и в Российской Федерации имеет место быть.

Таким образом, законодательство Канады, касающееся предоставления бремени доказывания стороне защиты, является более гибким, рассматривается как закрепленное в законодательстве и очень активно применяется канадскими судами на практике, в то время как в Российской Федерации данный институт остается предметом спора.

Маламагамедова А. Р.¹,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

УПК РФ – это нормативно-правовой акт, в который достаточно часто вносятся изменения. Они обусловлены различными причинами: приведение положений Федерального закона в соответствие с иными нормативно-правовыми актами, установление новых требований к проведению следственных и иных процессуальных действий и т. д. Не обходят изменения и нормы, устанавливающие основополагающие положения для всего уголовного процесса. Речь идет о принципах уголовного судопроизводства.

31 июля 2020 г. в УПК РФ в статью 6.1 были внесены изменения, которые устранили существовавшие до этого времени несоответствия данной нормы положениям Конституции РФ. До этого часть 3 ст. 6.1 УПК РФ определяла момент начала исчисления сроков для определения разумности срока уголовного судопроизводства как «период с момента начала осуществления уголовного преследования...». Данная формулировка уголовно-процессуальной нормы порождала неоднозначное ее толкование, что приводило к противоречиям в судебной практике. 23 декабря 2010 г. Пленум Верховного Суда РФ и Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ приняли совместное Постановление № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Данное постановление определило, что при исчислении общей продолжительности досудебного производства по уголовному делу следует учитывать период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора. При этом под началом осуществления уголовного преследования понимается момент, с которого лицо в соответствии со ст. 46 и 47 УПК РФ является (признается) подозреваемым (обвиняемым).

Понятие уголовного преследования дано в ст. 5 УПК РФ и звучит как «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». Данная формулировка не дает конкретного понимания того, что же считать началом осуществления уголовного преследования. Начинается ли эта деятельность лишь с того момента, когда в деле уже есть лицо, наделенное статусом подозреваемого, либо, когда проводятся мероприятия по его установлению? Отсутствие единообразного понимания уголовного преследования, порождает разное отношение к моменту его начала.

---

¹ © Маламагамедова А. Р., 2021.

Достаточно давно назрела потребность в законодательном закреплении момента начала осуществления уголовного преследования. Этот вопрос не раз был обозначен в работах ученых¹, но по сегодняшний день соответствующие изменения в УПК РФ не внесены.

Уголовно-процессуальная форма ст. 6.1 УПК РФ не раз подвергалась критике на предмет несоответствия Конституции РФ. В частности, это было связано с ограничениями в правах потерпевших в случаях не установления лиц, совершивших преступление. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П устанавливает, что потерпевший, как и иное заинтересованное лицо, обратившееся в защиту своих прав с требованием возбудить уголовное дело, не могут быть лишены права на судебную защиту и на доступ к правосудию лишь потому, что по данному уголовному делу не установлены подозреваемые или обвиняемые, т. е. отсутствуют формальные основания для начала публичного уголовного преследования конкретного лица².

Суд подчеркнул, что толкование норм процессуального законодательства, при котором предпочтение отдается защите прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, в ущерб прав потерпевших от преступления, не соответствует положениям Конституции РФ. Было указано на то, что только лишь формальный факт неустановления подозреваемых и обвиняемых по уголовному делу, не препятствует праву на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок.

Судебным актом, который стал одним из ключевых документов, обусловивших необходимость внесения изменений в УПК РФ, стало Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 23-П о проверке соответствия ст. 6.1 УПК РФ Конституции РФ в связи с жалобой Б. А. Сотникова. В результате рассмотрения данной жалобы ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ была признана не соответствующей Конституции РФ, ее статьям 15 (часть 4), 17, 46 (части 1 и 2) и 52, в той мере, в какой она позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред (признанного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке потерпевшим), не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении в случаях, когда производство по данному уголовному делу завершилось постановлением обвинительного приговора³.

¹ Волынская О. В. Начало и окончание уголовного преследования / О. В. Волынская // Российский следователь. 2006. № 2. С. 8–13.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Е. Поповой. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25062013-n>.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 23-П по делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Рос-

Помимо этого, Конституционным Судом РФ было указано на необходимость приведения положений правовых норм в соответствие с Конституцией РФ.

Данная жалоба вновь обнажила существующую проблему в понимании института «разумного срока уголовного судопроизводства», так как показала, что многие правоприменители воспринимают эту норму, в первую очередь, как способ защиты подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе.

Следствием стало внесение изменений в ст. 6.1. УПК РФ. Так, согласно действующей редакции уголовно-процессуального закона определение разумного срока учитывается по-разному в зависимости от того, является ли лицо потерпевшим (иным заинтересованным лицом, которому преступлением причинен вред), либо же подозреваемым (обвиняемым). Для лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, такой срок включает в себя период со дня начала осуществления уголовного преследования, а для потерпевшего – со дня подачи заявления, сообщения о преступлении.

Таким образом, законодателем были учтены интересы лиц, потерпевших от преступления. При этом изменения, внесенные в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ, при определении разумного срока уголовного процесса возложили определенную долю ответственности и на потерпевшего. Согласно новой редакции статьи в обязательном порядке учитывается такой факт, как своевременность обращения лица с заявлением о преступлении. Ранее это обстоятельство не рассматривалось при определении разумности срока. Полагаю, что данное положение не нарушает прав потерпевшей стороны, при этом позволяет объективно учитывать все обстоятельства производства по каждому уголовному делу.

Помимо прочего, внесенными в ст. 6.1 УПК РФ изменениями устранены существовавшие до этого момента противоречия между ч. 3 и 3.1. указанной нормы, когда при определении разумного срока уголовного судопроизводства учитывался период с начала осуществления уголовного преследования, а при определении разумности срока досудебного производства включался период со дня подачи заявления о преступлении.

Полагаю, нынешняя формулировка ст. 6.1 УПК РФ в большей степени отвечает требованиям равенства всех перед законом и судом, баланса соблюдения интересов сторон обвинения и защиты. При этом все же требуется на законодательном уровне закрепление момента начала осуществления уголовного судопроизводства, так как данный факт также влияет на определения разумности срока уголовного судопроизводства.

Микляев Д. В.¹,

следователь отдела по расследованию бандитизма и деятельности организованных преступных сообществ следственной части по расследованию организованной преступной деятельности СУ УМВД России по Тамбовской области, слушатель факультета заочного обучения Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Химичева О. В.,

начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

ОФИЦЕР ПО УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ КАК «ГИБРИД» СЛЕДОВАТЕЛЯ И ДОЗНАВАТЕЛЯ

Создание международной организации Содружество Независимых Государств (СНГ) призвано установить отношения сотрудничества между десятью странами (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан), ранее входившими в состав СССР. Первостепенной сферой совместной деятельности данного содружества выступает обеспечение прав и основных свобод человека, в том числе в области уголовного судопроизводства. Сейчас во всех этих странах приняты и применяются свои уголовно-процессуальные законы (кодексы), содержащие правовые нормы, регулирующие правовые отношения в сфере уголовного судопроизводства. И, несмотря на общие советские традиции в построении уголовного процесса, многие страны существенным образом реформировали уголовное судопроизводство, в том числе круг органов и должностных лиц, его осуществляющих.

Отечественный законодатель сохраняет приверженность сложившемуся в советский период и ставшему традиционным для нашей страны подходу к конструированию уголовного судопроизводства, согласно которому доказательственная база по уголовным делам собирается на стадии предварительного расследования. Исходя из этой модели уголовного процесса, относящейся к инквизиционному типу, формируются основные правила досудебного производства, полномочия органов и должностных лиц, которые его осуществляют. В УПК РФ 2001 г., несмотря на сохранение общих подходов к формированию уголовного процесса, тем не менее претерпели изменения функции ряда участников. К примеру, термин «лицо, производящее дознание», которое использовалось в УПК РСФСР, заменен термином «дознаватель»: при этом не просто терминологическая замена, но и сущностная.

Исходя из п. 7 ст. 5 УПК РФ, дознаватель – это должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания

---

¹ © Микляев Д. В., 2021.

осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия.

В связи с этим А. С. Есина рассматривает дознавателя как представителя органа дознания и указывает, что дознавателем может быть должностное лицо в двух случаях, а именно: если лицо находится в должности дознавателя, и на него возложены уголовно-процессуальные полномочия по расследованию уголовных дел и если лицо находится в иной должности, но уголовно-процессуальные полномочия дознавателя на него возложены начальником органа дознания¹.

В основном процессуальные полномочия дознавателя при осуществлении дознания по уголовным делам аналогичны процессуальным полномочиям следователя. Так, из положений ст. 41 УПК РФ следует, что дознаватель наделен полномочиями, связанными с принятием, а также проверкой и разрешением сообщений о преступлениях. При проверке сообщений о преступлениях дознаватель, как и следователь, уполномочен использовать все предусмотренные УПК РФ способы, в том числе имеет право требовать производство документальных проверок, ревизий и привлекать к данным поручениям специалистов; осуществлять следственные и иные процессуальные действия, а также принимать процессуальные решения, которые разрешены УПК РФ, осуществлять иные полномочия, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом.

Вместе с тем процессуальная самостоятельность дознавателя в российском уголовном процессе минимальна, поэтому некоторые его процессуальные решения (к примеру, обвинительный акт) требуют утверждения процессуального руководителя дознавателя – начальника органа – дознания и лишь в этом случае приобретают юридическую силу. Кроме того, для дознавателя расширен перечень обстоятельств, при наличии которых он исключается из производства по уголовному делу: дознаватель также не может осуществлять дознание, если он в прошлом проводил по данному делу оперативно-разыскные мероприятия.

Обращаясь к уголовно-процессуальному законодательству стран ближнего зарубежья постсоветского периода, отметим, что оно претерпело существенные изменения.

Так, к примеру, согласно УПК Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV предварительное расследование по уголовным не подразделяется на отдельные формы, органы предварительного следствия и дознания отсутствуют, а расследование по уголовным делам проводят офицеры по уголовному преследованию. В уголовном процессе этой страны не предусмотрено традиционных для постсоветских стран участников, какими являются следователь, руководитель следственного органа, орган дознания и его начальник, дознаватель. Нет и частного обвинителя, но введены новые участники – консультант прокурора и пострадавший, пополнившие сторону обвинения, а представители потерпевшего и гражданского истца вместе с представителями других участников процесса и правопреемниками составляют отдельную группу.

---

¹ Есина А. С. Дознание / А. С. Есина. М., 2005. С. 14.

Согласно ст. 57 УПК Республики Молдова «офицер по уголовному преследованию и его полномочия» – это назначенное лицо, которое от имени государства в пределах своих полномочий осуществляет уголовное преследование по уголовным делам и совершает другие действия, специально предусмотренные законом.

Офицер по уголовному преследованию (далее – Офицер) имеет значительно больший круг полномочий, нежели следователь или дознаватель при расследовании уголовного дела в России.

Безусловно, часть полномочий Офицера схожа с полномочиями российских дознавателя и следователя (передача сообщения по подследственности, вызов лиц на допрос, производство осмотра места происшествия, производство обыска, назначение судебных экспертиз и документальных ревизий, дача поручений на производство процессуальных действий, принятие мер по розыску и возмещению причиненного вреда и т. д.).

Однако есть и такие полномочия, которыми наделен Офицер, во многом расширяющие границы его деятельности. К их числу относятся: обеспечение регистрации в установленном порядке сообщения о совершении или подготовке к совершению преступления, если данное сообщение не было зарегистрировано руководителем органа уголовного преследования; начало уголовного преследования в случае, если из содержания акта об осведомлении или из констатирующего акта вытекает разумное подозрение о совершении преступления; внесение предложения прокурору о прекращении уголовного преследования, прекращении производства по уголовному делу либо об отказе начать уголовное преследование.

Отметим, что, если в России регистрация сообщения о преступлении находится в ведении дежурных частей территориальных ОВД, то в Республике Молдова данное полномочие возложено на работников тех ведомств, которые специализируются непосредственно на расследовании преступлений или административных правонарушений. Это снижает нагрузку, приходящуюся на дежурные части, в части регистрации поступающих сообщений о преступлениях или административных правонарушениях.

Офицер обладает полномочием вносить предложение прокурору об обращении с ходатайством в судебную инстанцию для получения санкции на осуществление уголовно-процессуальных действий, специальных розыскных мероприятий или применение процессуальных мер принуждения, осуществляемых только с санкции судьи по уголовному преследованию, которое во многом перекликается с полномочиями российских следователя и дознавателя на получение судебного разрешения на производство следственных действий или применение мер процессуального принуждения. Но следует обратить внимание, что Офицер также получает судебную санкцию на осуществление специальных розыскных мероприятий, а значит, лицо, осуществляющее расследование в Республике Молдова, наделяется полномочиями по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий. Полагаем наличие такого полномочия Офицера правильным, поскольку возможность проведения не только процессуальных действий, но и оперативно-розыскных мероприятий во много ускоряет расследование уголовного дела и не требует написания многочисленных поручений в оперативные подразделения и череды согласований.

Наличие в уголовном процессе Республики Молдова такого участника, как «медиатор», является существенным отличием от российского уголовного судопроизводства. Офицер по уголовному преследованию должен информировать подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, пострадавшего, потерпевшего, гражданского истца о возможности прибегнуть к медиации для разрешения гражданского спора и для примирения сторон в судебном заседании. Кроме того, Офицер представляет медиатору информацию по уголовному делу, необходимую для осуществления процесса медиации, без нанесения ущерба уголовному преследованию.

Требования Офицера, связанные с осуществлением уголовного преследования, предъявленные в соответствии с законом, обязательны для исполнения всеми физическими и юридическими лицами.

УПК Республики Молдова предусматривает процессуальную самостоятельность данного участника. Офицеру по уголовному преследованию предоставлено право действовать в соответствии с предписаниями уголовно-процессуального закона, а также согласно письменным указаниям прокурора и руководителя органа уголовного преследования. Закон запрещает любое вмешательство в деятельность Офицера по уголовному преследованию. При этом заслуживает поддержки установленное ст. 57 УПК Республики Молдова правило, на основании которого Офицер несет ответственность за законное и своевременное осуществление уголовного преследования, что нельзя увидеть в УПК России.

В связи с изложенным полагаю, что разделение должностных лиц на уполномоченных осуществлять предварительное следствие либо дознание нецелесообразно. В целях процессуальной экономии предлагаем наделить единого субъекта расследования таким кругом полномочий, которые включали бы в себя как полномочия следователя, так и органа дознания. В этом отношении возможно было бы использовать опыт правового регулирования данного вопроса в уголовно-процессуальном законе Республики Молдова.

Милованов П. П.¹,

*соискатель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
начальник УОД ГУ МВД России по г. Москве*

СУБЪЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ ДОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Органами внутренних дел Российской Федерации в качестве органов дознания проводится расследование почти по половине всех регистрируемых преступлений в России (в 2018 г. – по 45,8 %)². При этом ответственность за качество проведенного дознания в полной мере возложена на начальника подразделения дознания, который в соответствии со ст. 40.1 УПК РФ осуществляет контроль за деятельностью дознавателей, состоящих в штате специализированного подразделения дознания и осуществляющих расследование в форме дознания по преступлениям, подследственным дознавателям ОВД. Принимаемые государством правовые меры по повышению эффективности уголовно-процессуальной деятельности органов дознания направлены в основном на совершенствование правовой регламентации порядка рассмотрения и разрешения сообщений о преступлении и самого дознания как формы предварительного расследования, в то время как вопросы совершенствования процессуального контроля за производством дознания редко попадают в поле зрения законодателя.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом в системе ОВД процессуальный контроль за производством дознания осуществляет сразу несколько должностных лиц. В силу занимаемой должности правами субъекта процессуального контроля обладают: начальник ОВД, начальник полиции, его заместители, начальник подразделения дознания. Если вспомнить пословицу «у семи нянек – дитя без присмотра», то, очевидно, что такое количество лиц, на которых возложено осуществление процессуального контроля в системе ОВД, не может гарантировать качество проведенного расследования. Об этом свидетельствует и анализ правоприменительной практики подразделений дознания: имеют место доследования, прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям.

В связи с этим представляется целесообразным именно в системе органов внутренних дел оптимизировать уголовно-процессуальные полномочия по осуществлению процессуального контроля между должностными лицами. С 2007 г. начальник подразделения дознания был включен в перечень субъектов уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Именно он согласно ст. 40.1 УПК РФ осуществляет ежедневный процессуальный контроль за дознавателями, пользуясь тем арсеналом процессуальных средств, которые ему предоставил законодатель.

---

¹ © Милованов П. П., 2021.

² Отчет Главного информационно-аналитического центра МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> <https://media.mvd.ru/files/application/1518099>.

В 2015 г. в состав участников уголовного судопроизводства был добавлен и начальник органа дознания (Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ). С точки зрения автора статьи, с момента законодательного закрепления начальника органа дознания как участника уголовного процесса следовало пересмотреть процессуальные полномочия субъектов, осуществляющих процессуальный контроль за уголовно-процессуальной деятельностью дознавателей, дознанием в связи с появлением нового субъекта. Необходимо было более четко разграничить их процессуальные полномочия, определив меру ответственности и место каждого субъекта в системе участников уголовно-процессуальной деятельности.

В настоящее время мы имеем дублирование отдельных полномочий у разных субъектов процессуального контроля в органах дознания, либо не оптимальное их распределение между несколькими должностными лицами, что отрицательно влияет на результаты контроля.

Например, в соответствии с п. 3, 4 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ начальник органа дознания уполномочен проверять материалы проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела, находящиеся в производстве дознавателя, давать дознавателю письменные указания. Аналогичное полномочие есть и у начальника подразделения дознания в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 440). Дознаватель может оказаться «меж двух огней», и польза от такого двойного контроля вряд ли будет. Представляется целесообразным, чтобы в тексте закона были бы уточнены критерии, условия или пределы, при которых начальник органа дознания реализует свои права по отношению к штатным дознавателям. Законодатель уже применил подобный прием, определив пределы процессуальных полномочий начальника подразделения дознания теми, кто находится в его подчинении. Также следовало поступить при регулировании правоотношений начальника органа дознания – штатный дознаватель. В этой цепочке правоотношений начальник подразделения дознания отсутствует, что представляется неверным. Бесспорно, все сотрудники ОВД находятся в служебном подчинении своему руководителю, который возглавляет ОВД (также его заместитель), одновременно являясь начальником органа дознания. Не вызывает сомнений тот факт, что начальник должен иметь полномочие давать поручения своему подчиненному сотруднику и контролировать его деятельность. Но, с точки зрения корректности выстраивания правоотношений в коллективе между участниками уголовного процесса было бы разумно, если начальник ОВД в качестве субъекта уголовно-процессуальных правоотношений будет давать указания своим подчиненным через их непосредственного руководителя, а не напрямую исполнителям. Это полезно еще и потому, что непосредственный руководитель (в нашем случае это начальник подразделения дознания) будет осведомлен об указаниях, полученных его подчиненными от вышестоящего руководителя.

Полагаем, что отдельные полномочия начальника органа дознания следует скорректировать со ссылкой на то, что указания штатным дознавателям необходимо давать через начальника подразделения дознания.

Другой пример: начальник органа дознания уполномочен выносить постановление о восстановлении дознавателем утраченного уголовного дела либо

его материалов (п. 8 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ). С точки зрения автора статьи, данное полномочие было бы оптимальным, если речь идет об уголовных делах, находящихся в производстве у сотрудников других структурных подразделений ОВД. Подобная ситуация может иметь место в некоторых регионах России из-за некомплекта службы дознания или по иным причинам. В этом случае, если утрата уголовного дела будет допущена сотрудником любого иного структурного подразделения, но не подразделения дознания (то есть не штатным дознавателем), то указание со стороны начальника органа дознания вполне правомерно. Однако, поскольку большинство уголовных дел находится в производстве у штатных дознавателей, сотрудников специализированного подразделения дознания, то, очевидно, что в случае утраты уголовного дела подобное указание и постановление о восстановлении материалов уголовного дела должно исходить от их непосредственного руководителя, а именно от начальника подразделения дознания.

Далее Федеральным законом от 23 июля 2010 г. № 172 была дополнена ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ положением о том, что если для расследования уголовного дела была создана группа дознавателей, то начальник подразделения дознания вправе осуществлять полномочия руководителя этой группы. Решение о создании подобной группы принимает начальник органа дознания (ст. 40.2 УПК РФ). Мы полагаем, что определить своевременность и необходимость создания группы дознавателей по конкретному уголовному делу будет очевиднее начальнику подразделения дознания. Другое дело, если бы речь шла о создании смешанной группы, включающей в себя не только дознавателей, но и сотрудников других структурных подразделений ОВД. В этом случае полномочие начальника органа дознания было бы более уместным.

В соответствии с Федеральным законом от 14 декабря 2015 г. № 380-ФЗ дознавателю предоставлено право с согласия начальника органа дознания в порядке, установленном ч. 4 ст. 226 и ч. 4 ст. 226.8 УПК РФ, обжаловать решения прокурора о возвращении ему (дознавателю) уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта или обвинительного постановления, о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке. Обратим внимание, что и в данном дополнении уголовно-процессуального закона начальник подразделения дознания неоправданно забыт.

Безусловно, данное дополнение следует оценить как положительное, поскольку оно свидетельствует о повышении статуса дознавателя во взаимоотношениях с прокурором. Законодатель оправданно требует, чтобы возражения вышестоящему прокурору были предъявлены дознавателем с согласия начальника органа дознания, поскольку именно этот участник уголовного процесса утверждает обвинительный акт как гарант качества проведенного расследования. Однако анализ правоприменительной практики показывает, что в служебной деятельности, как правило, дознаватель предоставляет все материалы уголовного дела начальнику подразделения дознания, прежде чем уголовное дело и обвинительный акт будут переданы на утверждение начальнику органа дознания. Общеизвестно, что у начальника органа дознания (он же начальник ОВД) имеются многочисленные иные функции помимо уголовно-

процессуальных, что препятствует ему «вникнуть» в каждое уголовное дело, направляемое в суд. В связи с этим в практических территориальных подразделениях ОВД сложилась такая практика, что первоначально дознаватель предъявляет материалы уголовного дела и обвинительный акт своему непосредственному руководителю – начальнику подразделения дознания, который, проверив материалы дела и содержание обвинительного акта, визирует на последней странице обвинительного акта проверенные материалы. Его подпись не имеет юридического значения с точки зрения требований законодателя, но для начальника органа дознания это своеобразный знак того, что уголовное дело проверено и его можно направлять в суд. Зачастую, начальники органа дознания утверждают обвинительный акт формально, не изучая материалы уголовного дела и не вникая в полноту уголовно-процессуальной деятельности дознавателя по уголовному делу. Что ни в коем случае не следует рассматривать как упрек или отрицательную характеристику деятельности начальника ОВД. Это данность сегодняшнего дня. В случае с возражением дознавателя на решение прокурора о возвращении уголовного дела на доследование складывается та же самая ситуация, когда начальник подразделения дознания вместе с дознавателем составляют мотивированное возражение вышестоящему прокурору, а затем согласовывают его с начальником органа дознания.

Целесообразно, чтобы право на утверждение обвинительного акта было передано начальнику подразделения дознания. При этом начальник органа дознания мог бы осуществлять аналогичные полномочия в случае отсутствия по каким-либо причинам начальника подразделения дознания в структурном подразделении ОВД. Заметим, что начальник органа дознания и сегодня вправе осуществлять полномочия начальника подразделения дознания в силу положения, закрепленного в ч. 2 ст. 40. 2 УПК РФ.

Таким образом, полномочия начальника подразделения дознания следует расширять и законодательным образом поднять его процессуальный статус как участника, осуществляющего процессуальный контроль. Сделать это можно путем передачи ему части процессуальных полномочий начальника органа дознания, оставив за последним осуществление контроля за деятельностью тех должностных лиц органа дознания, которые не являются штатными дознавателями и не работают в специализированном подразделении.

*Михайлина Ю. В.*¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Ендольцева А. В.,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ, ИЗБИРАЕМАЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО

В настоящее время в России уделяется много внимания соблюдению фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим достаточно острым является вопрос обеспечения прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного процесса, где они подвергаются существенным ограничениям.

В уголовном процессе специальным субъектом выступают не достигшие совершеннолетия подозреваемые и обвиняемые, которым законодатель устанавливает дополнительные гарантии, обеспечивающие им большую защиту их прав и законных интересов. Отметим, что возрастная особенность не достигших совершеннолетия лиц определяет особую процедуру их уголовного преследования и применения в отношении них мер пресечения².

Вопросы выбора меры пресечения в отношении несовершеннолетнего в теории и практике российского уголовно-процессуального права причисляются к количеству проблемных. Признавая приоритетными в сфере уголовного судопроизводства права и свободы человека, принцип недопущения привлечения к ответственности невиновных, должностные лица, осуществляющие уголовное преследование, должны учитывать баланс между степенью ограничения прав лиц, подвергнутых принуждению, и созданием условий для осуществления эффективного уголовного преследования и борьбы с преступностью.

Уголовно-процессуальный закон России недостаточно отражает специфику применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних, так как не содержит положений, регулирующих особый порядок их применения к несовершеннолетним. На практике механизм выбора меры пресечения для несовершеннолетнего практически не отличается от аналогичного механизма для взрослого человека.

Полагаем, что следует более аккуратно подходить к применению мер пресечения в отношении этой категории участников уголовного процесса, поскольку в силу своего интеллектуального, физиологического, психологического разви-

---

¹ © Михайлина Ю. В., 2021.

² Химичева Г. П. Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый): меры пресечения / Г. П. Химичева // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 20–24.

тия, связанного с недостатком знаний, жизненного опыта, несформировавшихся систем жизненных ценностей и приоритетов, убеждений, взглядов и установок, отсутствия элементарных юридических понятий, подросток не способен в полной мере самостоятельно защищать свои права, отстаивать интересы и реализовывать свои процессуальные обязанности.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», рекомендует судам при выборе меры пресечения в отношении не достигших совершеннолетия подозреваемых и обвиняемых, в каждом случае рассматривать вопрос о передаче несовершеннолетнего под присмотр в порядке, предусмотренном ст. 105 УПК РФ.

На сегодняшний день присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым является единственной специальной мерой процессуального принуждения в существующей системе мер пресечения, предусмотренной для применения к несовершеннолетним. Невозможность ее избрания по различным причинам (например, достижение подозреваемым или обвиняемым восемнадцати лет в период предварительного расследования, проживание несовершеннолетнего в неблагополучной семье) приводит к решению вопроса о применении к несовершеннолетнему меры пресечения из общего перечня, без учета специфики его процессуального положения. В связи с этим большой интерес представляет превентивная мера – запрет определенных действий, появившаяся в уголовном процессе России относительно недавно.

В соответствии с ч. 2 ст. 105.1 УПК РФ запрет определенных действий, исключает положения ч. 2 ст. 108 УПК РФ и применяется независимо от квалификации преступления, вида и размера наказания, предусмотренного уголовным законом за совершенное деяние, а также возраста подозреваемого или обвиняемого. Таким образом, нет никаких юридических ограничений на применение данной меры пресечения в отношении не достигшего совершеннолетия подозреваемого или обвиняемого.

Рассматривая целесообразность применения меры пресечения в виде запрета определенных действий в отношении не достигшего совершеннолетия подозреваемого или обвиняемого, следует отметить, что при избрании такой меры появляется возможность возложить на несовершеннолетнего запреты, связанные с нахождением вне жилого помещения, и в то же время предоставить возможность покидать жилище в определенные периоды (например, для посещения школы).

Кроме того, если установлено, что старшие по возрасту лица негативно влияют на несовершеннолетнего, то представляется целесообразным ограничить общение подозреваемого или обвиняемого с этими взрослыми лицами (п. 3 ч. 6 ст. 105 УПК РФ), поскольку в ходе расследования уголовного дела о преступлении, совершенном несовершеннолетним, влияние на него старших по возрасту лиц подлежит обязательному установлению (п. 3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ).

В научной литературе существуют мнения ученых, считающих оптимальным подход, позволяющий комбинировать основное ограничение, установленное в рамках одной меры пресечения, с запретами, предусмотренными другой мерой пресечения. Так, А. Д. Курочкин предлагает применять предусмотренные ст. 105.1

УПК РФ ограничения при избрании присмотра за несовершеннолетним¹. Данная позиция представляется справедливой, поскольку существующая в настоящее время правовая регламентация, уже предусматривающая возможность избирать подозреваемому или обвиняемому одновременно несколько мер пресечения, фактически их комбинировать, позволяет проявлять гибкость в выборе мер пресечения и продиктована потребностями практики применения (ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ).

Однако законодательная вариативность установления запретительных мер, применяемых в рамках запрета определенных действий, предусмотрена только вместе с залогом и домашним арестом. При этом с введением запрета определенных действий не появилось нормы закона, предусматривающей возможность одновременно установить присмотр за не достигшим совершеннолетия подозреваемым или обвиняемым и запретительные меры.

В настоящее время при применении к не достигшему совершеннолетия подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде присмотра, на него возлагаются процессуальные обязанности, предусмотренных ст. 102 УПК РФ, а именно: не покидать место постоянного или временного проживания без согласия дознавателя, следователя или суда; являться в назначенное время по вызовам дознавателя, следователя или в суд; другим способом не препятствовать производству по уголовному делу.

Согласно ч. 1 ст. 105 УПК РФ несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый может быть передан под присмотр родителям, опекунам, попечителям или иным заслуживающим доверия лицам, а также должностным лицам специализированного детского учреждения, в котором он находится. Мы полагаем, что если законодатель решил сочетать запреты и ограничения различных превентивных мер, то возможности их сочетания могут быть разными.

Следовательно, предлагаем включить в содержание ст. 105 УПК РФ часть 2.1 в следующей редакции: «Суд, с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельствах уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым может установить запреты, предусмотренные пп. 1–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ».

Таким образом, избрание в отношении лица, не достигшего совершеннолетия, меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым с возложением на него обязанностей по соблюдению запретов определенных действий, будет способствовать наиболее эффективному достижению целей этих превентивных мер, поскольку на несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого будут распространяться не только действующие запреты и ограничения, но и также будет определено лицо для надзора, которое при этом должно непосредственно контролировать выполнение запретов, наложенных на несовершеннолетнего в рамках меры пресечения.

Согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2018 г. мера пресечения в виде запрета определенных действий из-

биралась в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых шесть раз, в 2019 г. и 1 полугодии 2020 г. – 34 и 21 раз соответственно¹.

Следовательно, есть основания говорить о наметившейся небольшой положительной динамике к увеличению числа случаев применения указанной меры пресечения в отношении не достигших совершеннолетия подозреваемых, обвиняемых. При этом широкой практики применения данной меры пресечения в отношении несовершеннолетних пока не продемонстрировано. Ограниченность принудительных мер, применяемых к несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, требует рассмотрения вопроса о дальнейшем реформировании системы мер пресечения, разработки видов мер пресечения в отношении подозреваемых или обвиняемых, не достигших совершеннолетия².

---

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.phpexoua?id> (дата обращения 15.11.2020)

² Марковичева Е. В. Альтернативы заключению под стражу для несовершеннолетних / Е. В. Марковичева // Вопросы ювенальной юстиции. 2019. № 2. С. 8–11.

*Московцева К. А.¹,
адъюнкт кафедры
предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Ведомственный контроль также как судебный контроль и прокурорский надзор представляет собой одно из средств обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Полномочиями по его осуществлению наделен руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания.

На сегодняшний день ситуация в России складывается таким образом, что функция ведомственного контроля только нарастает. И это вполне обоснованно. Стоит обратить внимание на немалое количество расследуемых органами дознания и следствия уголовных дел. Согласно судебной статистике, в 2019 г. поступило на рассмотрение 806114 дел, в 2018 году – 885075 дел, а в 2017 году – 914881 дел². Соответственно, нагрузка на следователя очень весомая, а поэтому и контроль со стороны руководства необходим, так как позволит оптимизировать деятельность следователя. Мы разделяем точку зрения Г. П. Химичевой, которая считает, что «достоинством процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа служит его непосредственная близость к объекту контроля, создающая необходимые условия для непрерывной проверки соблюдения требований закона и неотложного реагирования на выявленные нарушения и просчеты»³.

Ст. 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) закрепляет достаточно широкий круг полномочий руководителя следственного органа, который после реформы 2007 г. только расширяется, тем самым ограничивая процессуальную самостоятельность следователя. К примеру, ч. 3 вышеуказанной статьи содержит положение, закрепляющее порядок действий следователя при несогласии с указаниями руководителя следственного органа, но там отсутствует норма, характеризующая действия следователя при отклонении его жалобы вышестоящим руководителем на указания нижестоящего руководителя следственного органа⁴.

В правовой науке бытует мнение о том, что законодатель, закрепив контрольные полномочия руководителя следственного органа, сделал это не совсем корректно, не обозначив форму осуществляемого контроля. Так, отдель-

---

¹ © Московцева К. А., 2021.

² URL: <http://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения 02.12.2020).

³ URL: <https://www.dissercat.com/content/dosudebnoe-proizvodstvo-po-ugolovnym-delam-kontseptsiya-sovershenstvovaniya-ugolovno-protses> (дата обращения 02.12.2020).

⁴ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/68d2ea74c2630ddb757fc21851632635b9ee1318/ (дата обращения 03.12.2020).

ные отечественные ученые считают, что ведомственный процессуальный контроль необходимо отличать от административного контроля руководителя следственного органа при всей их видимой взаимосвязи.

Очевидно, что институт ведомственного контроля в Российской Федерации довольно молодой и его механизмы нуждаются в глубоком изучении и совершенствовании. Анализ судебной статистики РФ, правоприменительной практики, а также мнения и разработки отечественных ученых-цивилистов позволят выявить наиболее оптимальные пути решения существующих проблем и направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Но следует заметить, что реформировать данную систему стоит осторожно и постепенно, перенимая существующий опыт.

Анализируя мнения ученых-процессуалистов по рассматриваемому вопросу, мы видим неоднозначную позицию авторов. Изменения, внесенные в УПК РФ, касательно расширений полномочий руководителя следственного органа также вызывают живой интерес у ученых-правоведов, так как произошло перераспределение полномочий прокурорского надзора и ведомственного контроля в пользу последнего. Одни ученые считают, что увеличение контрольных функций у руководителя следственного органа скажется достаточно позитивно на деятельности следователя, другие, наоборот, видят в этом отрицательные последствия. А третья группа авторов сошлась во мнении о том, что такое перераспределение полномочий оптимизировало работу следственных органов до лица растущих показателей раскрываемости преступлений. Но контрольно-надзорные функции прокурора за деятельностью следователя в том или ином количестве бесспорно незаменимы. С этим фактом соглашаются большинство отечественных процессуалистов, в том числе, Д. А. Иванов высказывает мысль о том, что «только прокурорский надзор за деятельностью следователя способен гарантировать восстановление прав лиц, ставших жертвами преступных деяний и обеспечить полноценное возмещение вреда, причиненное преступлением»¹.

В процессуальной науке также достаточно дискуссионным является вопрос о дефиниции понятия «ведомственный контроль». Так, некоторые исследователи склоняются к мнению о том, что ведомственный контроль и контроль процессуальный отличные друг от друга понятия, которые необходимо различать. К примеру, Н. В. Григорьева объединяет эти два понятия в одно целое, но говорит о том, что «необходимо отличать ведомственный процессуальный контроль от организационного контроля за соблюдением административно-правовых предписаний следователем»².

С. А. Табаков определяет ведомственный контроль как «регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность, в содержание которой могут входить проверка законности и обоснованности процессуальных реше-

---

¹ Иванов Д. А. Значение прокурорского надзора за деятельностью следователя, дознавателя по возмещению причиненного преступлением вреда / Д. А. Иванов // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 134.

² URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vedomstvennom-protsessualnom-kontrol-e-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/viewer> (дата обращения 02.12.2020).

ний, руководство предварительным расследованием, принятие мер по организации предварительного следствия, применение полномочий, направленных на устранение выявленных нарушений закона»¹.

Олефиренко Т. Г. называет ведомственный контроль «основным средством обеспечения законности предварительного расследования по уголовному делу руководителем следственного органа, состоящее из регламентированных уголовно-процессуальным законом системы процессуальных действий и решений, связанных с наблюдением и проверкой процессуальной деятельности следователей по выполнению задач уголовного судопроизводства на досудебной стадии производства по конкретному уголовному делу»².

Суммируя все вышесказанное, мы приходим к выводу о том, что современная уголовно-правовая наука нуждается в закреплении дефиниции ведомственного контроля, которая бы наиболее полно охарактеризовала его пределы. Таким образом, предлагаем понимать под ведомственным процессуальным контролем правовой институт, основывающийся на контрольно-надзорных функциях субъектов процессуального контроля, закрепленных в УПК РФ и направленных на соблюдение уголовно-процессуальных гарантий, а также на объективизацию и оптимизацию досудебного производства по уголовным делам.

Список литературы:

1. Григорьева, Н. В. К вопросу о ведомственном процессуальном контроле в уголовном судопроизводстве / Н. В. Григорьева // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 128–131.
2. Иванов, Д. А. Значение прокурорского надзора за деятельностью следователя, дознавателя по возмещению причиненного преступлением вреда / Д. А. Иванов // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 134.
3. Табаков, С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : автореф. дисс.... канд. юр. наук / С. А. Табаков. – Омск, 2009. – 26 с.
4. Олефиренко, Т. Г. Ведомственный процессуальный контроль как основное средство руководителя следственного органа по обеспечению законности предварительного расследования. В 2-х ч. / Т. Г. Олефиренко. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 2 (40). – Ч. II. – С. 150.
5. Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : монография / Г. П. Химичева. – М. : Экзамен, 2003.

---

¹ Табаков С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : автореф. дисс.... канд. юр. наук / С. А. Табаков. Омск, 2009. 26 с.

² Олефиренко Т. Г. Ведомственный процессуальный контроль как основное средство руководителя следственного органа по обеспечению законности предварительного расследования. В 2-х ч. / Т. Г. Олефиренко. Тамбов : Грамота, 2014. № 2 (40). Ч. II. С. 150.

Муллагалева Л. Р.¹,

соискатель кафедры предварительного расследования

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ПРОКУРОРОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СЛЕДОВАТЕЛЮ

В уголовно-процессуальном законодательстве производство дополнительного следствия после возвращения прокурором уголовного дела следователю как таковое не регламентировано в достаточной мере. При этом для дополнительного следствия характерны свои особенности, проявляющиеся в определенных факторах, которые необходимо учитывать при планировании производства дополнительного следствия. Так, выделяются такие факторы, как:

- оценка качества проведенного изначально расследования. Глубокий анализ исходной информации способствует верному планированию в проведении повторных и дополнительных следственных действий;
- наличие или отсутствие возможности для устранения выявленных нарушений;
- противодействие участников уголовного судопроизводства по восполнению пробелов в ранее произведенном расследовании;
- нарастающая временная отдаленность момента совершения преступления от начала дополнительного расследования;
- психологический дискомфорт, возникающий у следователя и участников уголовного процесса².

Процессуальные формы при производстве дополнительного следствия практически идентичны с процессуальными формами производства следствия до направления дела прокурору с обвинительным заключением.

При производстве дополнительного следствия необходимо, как правило, проведение повторных следственных действий. Главное, по мнению Л. Д. Калининской, при повторном производстве не допускать бесцельные, произвольные, безосновательные повторные следственные действия³.

В практической деятельности обозначаются следующие варианты действий руководителя следственного органа при поступлении от прокурора уголовного дела для дополнительного следствия: возобновление производства по уголовному делу и устранение срока для устранения выявленных недостатков, срока

---

¹ © Муллагалева Л. Р., 2021.

² Абдул-Кадыров Ш. М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве / Ш. М. Абдул-Кадыров. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 249–251.

³ Калининская Л. Д. Основания для производства повторных и дополнительных следственных действий в российском уголовном судопроизводстве / Л. Д. Калининская // Вестник Мордовского университета. 2006. № 1. С. 70–74.

дополнительного следствия, дача указаний следователю, принятие уголовного дела к производству¹.

Весьма интересное предложение внесла К. А. Трифонова по совершенствованию законодательства, предложив ввести в УПК РФ статью «Действия и решения руководителя следственного органа по уголовному делу, поступившему от прокурора для устранения выявленных недостатков». Так, автор предложила руководителю в течение 24 часов принять одно из решений: о принятии уголовного дела к производству, о возобновлении предварительного следствия и установлении срока дополнительного следствия; о производстве предварительного следствия следственной группой; о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в части либо полностью². При этом К. А. Трифонова упустила право руководителя следственного органа принять решение об обжаловании решения прокурора вышестоящему прокурору о возвращении уголовного дела для дополнительного следствия. По нашему мнению, руководитель должен при поступлении уголовного дела для дополнительного следствия в течение 24 часов принять одно из следующих решений: возобновление предварительного следствия и установление срока дополнительного следствия; обжалование решения прокурора вышестоящему прокурору.

В соответствии с ч. 2 ст. 156 УПК РФ, если следователю или дознавателю поручается производство по уже возбужденному уголовному делу, то он выносит постановление о принятии его к своему производству, копия которого в течение 24 часов с момента его вынесения направляется прокурору.

Уголовно-процессуальное законодательство не определяет порядка принятия следователем уголовного дела к производству после того, как оно вернулось от прокурора для дополнительного следствия. Статья 156 УПК РФ не определяет, в течение какого времени следователь выносит постановление о принятии дела к производству, после того как расследование ему поручено.

На практике данное положение трактуется так, что руководитель может поручить следователю принять уголовное дело к производству в любое удобное ему время, что порождает заволокиченность расследования при фактическом не увеличении срока следствия. Так как сроки следствия приостанавливаются до принятия уголовного дела к производству. В срок предварительного следствия не включается время на обжалование следователем решения прокурора в случае, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ.

По нашему мнению, уголовное дело должно быть принято следователем к производству незамедлительно после возвращения прокурором уголовного дела для дополнительного следствия в случае, если принято решение не обжаловать решение прокурора. В том случае, если следователь обжалует решение прокурора, то уголовное дело должно быть принято к производству сразу же

---

¹ Трифонова К. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики : монография / К. А. Трифонова. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 109.

² Там же. С. 110.

после возвращения уголовного дела с решением прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства об отмене решения нижестоящего прокурора.

Часть 6 ст. 162 УПК РФ прямо указывает на то, что при возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия руководитель следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, вправе устанавливать срок предварительного следствия в пределах одного месяца со дня поступления уголовного дела к следователю.

По мнению М. Ф. Елчиева, необходимо наделить прокурора следующим полномочием: в случае принятия решения о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия самостоятельно устанавливать срок производства дополнительного следствия в первый месяц, для изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков в 10 суток¹.

При изучении решений прокурора о возвращении уголовного дела следователю, установлено, что имеют место случаи, когда прокурор самостоятельно при возвращении уголовного дела следователю устанавливает срок для производства дополнительного следствия.

Так, прокурор Матвеевского района Оренбургской области, возвращая уголовное дело для производства дополнительного следствия 2 февраля 2015 г. по обвинению Р. А. Ю. в совершении преступления, предусмотренного п. п. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, в резолютивной части постановления указал «установить срок для производства дополнительного расследования по настоящему уголовному делу 30 суток»².

Полномочия прокурора при возвращении уголовного дела следователю указаны в п. 15 ч. 2 ст. 37 и ч. 2 ст. 221 УПК РФ. Вышеуказанный пример свидетельствует о том, что прокурор, не имея на то полномочий, установил срок предварительного следствия.

Ошибочного мнения придерживается и И. Ю. Тулоев, указывающий на то, что следователи прибегают к хитростям и намеренно просят прокурора вернуть уголовное дело для его дальнейшего продления, так как срок предварительного следствия истек. В этом случае в соответствии с ч. 6 ст. 162 УПК РФ прокурор вправе установить дополнительный срок для расследования уголовного дела до одного месяца³.

---

¹ Елчиев М. Ф. Реорганизация процесса установления, исчисления и продления сроков предварительного расследования при возвращении уголовного дела прокурором для производства дополнительного следствия / М. Ф. Елчиев // Сборник статей XVII Международной научно-практической конференции «Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2019. С. 36–40.

² Уголовное дело № 513/30-2014 // Архив Абдулинского районного суда Оренбургской области.

³ Тулоев И. Я. Возвращение прокурором уголовного дела следователю на дополнительное расследование как направление прокурорского надзора за стадией предварительного расследования / И. Я. Тулоев // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 3. С. 65–68.

В завершении производства дополнительного расследования следователь обязан выполнить следственные действия, обеспечивающие движение уголовного дела от стадии к стадии. Особенность производства дополнительного следствия в том, что дополнительные следственные процессуальные действия определяются не только следователем, но и прокурором. Здесь принципиально важно выполнить те следственные действия, которые отражены прокурором при возвращении им уголовного дела для дополнительного следствия.

Возвращая следователю уголовное дело, прокурор должен определить, возможно ли устранение нарушения. Таким правилом руководствуется и суд при принятии решения о возвращении уголовного дела. Если нарушение возможно устранить в стадии судебного производства, то отсутствуют основания возвращения уголовного дела прокурору. Так, по уголовному делу по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного п. «з», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222 УК РФ, возвращенному Московским областным судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ необходимо уточнить мотив убийства. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ с выводами суда не согласилась, так как допущенное процессуальное нарушение устранимо в судебном заседании путем исключения из обвинения, предъявленного органам следствия¹.

В ряде случаев прокуроры в своих решениях не указывают, каким образом следователем в ходе дополнительного следствия должны быть устранены нарушения, допущенные следователем.

Согласно результатам проведенного нами анкетирования среди следственных работников, 60 % указали, что не всегда имеется возможность устранить в ходе дополнительного следствия нарушения, указанные прокурором при возвращении уголовного дела для дополнительного следствия².

Прокурор Центрального района г. Красноярск 6 марта 2020 г. принял решение о возвращении уголовного дела по обвинению А. и С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 109, п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ, для производства дополнительного следствия. Прокурор изложил нарушения, повлекшие принятие им решения о возвращении уголовного дела следователю. Так, прокурор отметил, что следователем при осмотре электронной переписки, в протоколе осмотра предметов и документов, указана ненормативная лексика, также имеющиеся заключение специалиста не имеет юридической силы, так как специалисту права и обязанности, предусмотренные ст. 58 УПК РФ разъяснены должностным лицом, которое не проводило предварительное расследование³. Прокурор в своем постановлении не указал, каким образом необходимо устранить допущенные нарушения, какие следственные и процессуальные действия необходимо произвести. Учитывая, что из выводов прокурора следует,

---

¹ Тришева С. А. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе : монография / С. А. Тришева. М. : Проспект, 2017. С 110.

² Опрос автором проведен в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя и в Московской академии Следственного комитета РФ среди следователей.

³ Муллагалеева Л. Р. К вопросу об основаниях для возвращения прокурором уголовного дела следователю для дополнительного следствия / Л. Р. Муллагалеева // Гражданин и право. 2020. № 9. С. 53.

что заключение специалиста уже не имеет юридической силы в силу разъяснения прав неуполномоченным на то лицом, то возникает ряд вопросов, необходимо ли назначить повторное исследование или же уполномоченному должностному лицу самому разъяснить специалисту его права.

Прокурором Первомайского района Оренбургской области в решение о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия от 3 марта 2020 г. указано, что согласно материалам уголовного дела обвинительное заключение составлено 25 февраля 2020 г., однако, в нарушение положений ч. 6 ст. 220 УПК РФ уголовное дело передано нарочным в канцелярию прокуратуры Первомайского района лишь 2 марта 2020 г. по истечении пяти суток с момента окончания срока предварительного следствия. Резюмируя свое решение, прокурор указал, что выявленные им нарушения не позволяют объективно и всесторонне рассмотреть уголовное дело судом, также указал, что в ходе дополнительного следствия необходимо устранить нарушения законодательства в полном объеме¹. Каким образом возможно устранение нарушения по предоставлению уголовного дела прокурору по истечении срока следствия, прокурор в своем постановлении не отразил.

Указанные примеры отображают те сложности, с которыми сталкивается следователь при производстве дополнительного следствия после возвращения прокурором уголовного дела. Считаем необходимым, возложить на прокурора обязанность по отображению в своих решениях не только перечня допущенных нарушений, но и отображения следственных и процессуальных действий, с помощью которых возможно устранение нарушений.

Таким образом, в настоящей статье рассмотрена лишь малая часть проблем, связанных с производством дополнительного следствия. Так как в действующем УПК РФ как таковой не регламентирован порядок производства дополнительного следствия, то должное его упорядочение приведет к единой процессуальной форме производства дополнительного следствия и устранит ряд сложностей в практической деятельности.

---

¹ Уголовное дело № 532/62-2019 // Архив Первомайского районного суда Оренбургской области.

Панфилов П. О.¹,

преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
старший преподаватель кафедры «Цифровая криминалистика»
Московского государственного технического
университета имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
кандидат юридических наук;

Гимазетдинова И. Н.²,

соискатель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

«АМНИСТИЯ КАПИТАЛА» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Реформы уголовно-процессуального законодательства последнего десятилетия прямо направлены³ на то, чтобы исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры, на создание и поддержание благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата.

Между тем, нормы, предусмотренные для реализации указанных целей (ч. 3 ст. 20, ст. 81.1, ч. 4.1 ст. 164, ст. 164.1, ч. 1.1 ст. 108, ст. 28.1 УПК РФ и др.), не всегда согласованы с реальным назначением уголовного судопроизводства⁴, которое на протяжении многих лет (несмотря на законотворческие интерпретации в разных уголовно-процессуальных кодексах) не изменилось и состоит в обеспечении публичного интереса по борьбе с преступностью⁵, в выявлении виновных и назначении им справедливого наказания⁶. Результатом указанной несогласованности является нарастающая конкуренция указанного выше публичного интереса и частного интереса, напрямую связанного с возможностью заниматься бизнесом в любых формах и любыми средствами⁷.

¹ © Панфилов П. О., 2021.

² © Гимазетдинова И. Н., 2021.

³ URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/559740-5> (дата обращения: 26.11.2019) ; URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/593998-7> (дата обращения: 26.11.2019).

⁴ Панфилов П. О. «Экономические» и «стержневые» задачи уголовного судопроизводства: возможен ли баланс? / П. О. Панфилов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. №4 (33). С. 71–77.

⁵ Васильев О. Л. Нравственные начала уголовного процесса / О. Л. Васильев // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. №1. С. 111.

⁶ Победкин А. В. О влиянии научной принципиальности в период кризиса науки уголовного судопроизводства на рубеже XX–XXI веков на понимание публичности уголовного судопроизводства / А. В. Победкин // Академическая мысль. №1 (6). 2019. С. 50.

⁷ Только в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ указывается на защиту именно законной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В некоторых уголовно-процессуальных институтах указанная конкуренция «выросла» в открытую конфронтацию. Примером такой конфронтации является «амнистия капитала», то есть осуществляемая в соответствии с Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ¹, ст. 28.1 УПК РФ и ст. 76.1 УК РФ процедура освобождения от уголовной (в том числе налоговой и административной) ответственности лиц добровольно задекларировавших активы и счета (вклады) в банках, расположенных за пределами Российской Федерации, а также обеспечения правовых гарантий сохранности капитала и имущества указанных физических лиц. Третий этап декларирования распространяется на деяния, совершенные в срок до 1 января 2019 г., при условии, что декларация подана до 29 февраля 2020 г.

I. Теоретическая сторона конфликта.

По мнению исследователей, указанная процедура должна способствовать тому, что «полученные в России средства будут возвращены и начнут работать на благо нашей страны и российского народа, а не других государств»². Однако условия освобождения от уголовной ответственности при первых двух этапах декларирования не содержали требований о репатриации (возврате) имущества на территорию Российской Федерации. Более того в ст. 6 Федерального закона № 140-ФЗ прямо предусмотрено, что факт возврата имущества не связан с предоставляемыми указанным законом гарантиями. И только в рамках третьего этапа декларирования в качестве условия предусмотрен перевод всех денежных средств и компаний в российскую юрисдикцию. Однако даже в случае возвращения имущества на территорию Российской Федерации закон не содержит требований о целях его использоваться. Таким образом, выгода для публичного интереса неочевидна, а это значит, что частный интерес превалирует.

Более того, юридическая техника указанных норм подчеркивает несоответствие принципу презумпции невиновности прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям³. Положения ч. 3.1 ст. 28.1 УПК РФ и ч. 3 ст. 76.1 УК РФ лишь обостряют имеющиеся противоречия, которые готов терпеть законодатель ради обеспечения частного интереса. Так, ч. 3.1 ст. 28.1 УПК РФ предусматривает прекращение уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного соответствующими статьями УК РФ. Однако ч. 3 ст. 76.1 УК РФ, являющаяся материально-правовой основой ч. 3.1 ст. 28.1 УПК РФ, предусматривает освобождение от уголовной ответственности при совершении деяний, содержащих признаки составов преступлений. При этом в других частях ст. 76.1 УК РФ

---

¹ Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 124. 10.06.2015.

² Апостолова Н. Н. Защита интересов бизнеса в уголовном судопроизводстве: прекращение уголовного преследования по ст. 28.1 УПК РФ / Н. Н. Апостолова // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 3. С. 117.

³ См.: Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: современные тенденции развития : дис. ... док. юрид. наук / Л. В. Головки. М., 2003. С. 259, 265.

используется формулировка: «лицо, совершившее преступление»¹. Согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование это деятельность, осуществляемая в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, а подозрение и обвинение (п. 22 ст. 5 УПК РФ) могут быть только в совершении преступления². Таким образом, УПК РФ не содержит правовых конструкций, которые бы обеспечили освобождение от уголовной ответственности на условиях определенных в ч. 3 ст. 76.1 УПК РФ и Федеральном законе № 140-ФЗ. Несмотря на это, к июню 2019 г. было подано около 19 000 деклараций, всего за 2018 г. было задекларировано более 10 млрд евро³. Таким образом, вновь частный интерес находится в приоритете над публичным.

В ч. 3, 4, 5 ст. 4 Федерального закона № 140-ФЗ предусмотрено, что декларация, а также документы и сведения, прилагаемых к ней не могут быть использованы в качестве основания для возбуждения уголовного дела, а также в качестве доказательств по уголовному делу, за исключением тех случаев, когда декларант самостоятельно представлять копию декларации и документов, прилагаемых к ней, для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. При этом законом прямо определено, что отказ в приобщении таких доказательств не допускается. Подобная формулировка создает новое основание признания доказательств недопустимым. Более того, запрет на отказ в признании доказательством презюмирует, что декларация, а также прилагаемые к ней документы и сведения заранее обладают всеми свойствами и требованиями, предъявляемыми к доказательствам. Так, процесс доказывания выхолащивается, а «свободная оценка доказательств превращается в формальную»⁴. Необходимость подобного способа правового регулирования до последнего времени была не столь очевидна, поскольку сам смысл Федерального закона № 140-ФЗ предусматривает использование в уголовном судопроизводстве декларации и прилагаемых к ней документов исключительно для целей ст. 28.1 УПК РФ и ст. 76.1 УК РФ. Таким образом, необходимо было лишь обеспечить правильное применение указанного закона, исходя из той идеи, которая в него заложена. Однако «уголовное дело Израйлита» вскрыло противоречия, заложенные в рассматриваемом механизме, привело к обострению конфликта частных и публичных интересов. «Амнистия капитала» не стала, как рассчитывали

¹ Власенко В. В. «Амнистия капиталов» как особый вид освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ч. 3 ст. 76.1 УК РФ) / В. В. Власенко // Уголовное право. 2016. № 1. С. 12–13.

² См.: Сопнева Е. В. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве / Е. В. Сопнева // Журнал российского права. 2015. №7. С. 105–113.

³ URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/22/811765-fsb-ispolzuet-amnistii> (дата обращения: 26.11.2019).

⁴ Победкин А. В. Формальная оценка доказательств в современном уголовном процессе России: «капкан захлопнулся?» (размышления над книгой академика А.Я. Вышинского) / А. В. Победкин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2 (19). С. 176.

некоторые исследователи, шагом к повышению доверия между государством, обществом и бизнесом на пути к «нормальному капитализму»¹.

II. Практическая сторона конфликта.

Так, согласно информации, опубликованной в средствах массовой информации², в начале 2016 г. Израйлитом была подана декларация в рамках «амнистии капиталов». В ходе расследования уголовного дела о преступлениях, не связанных с подачей декларации, было установлено, что в поданной декларации имеется информация, имеющая доказательственное значение. В дальнейшем, на основании судебного решения декларация была изъята и приобщена в качестве доказательства по уголовному делу по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 193.1, ст. 174.1 УК РФ, а также была указана в обвинительном заключении среди доказательств обвинения.

Стороной защиты было подано ходатайство об исключении указанного доказательства из перечня доказательств стороны обвинения, однако, суд отклонил ходатайство, мотивируя его тем, что Израйлиту инкриминированы преступления, на которые «амнистия капитала» не распространяется.

10 октября 2019 г. судья Верховного Суда РФ отказал в передаче в суд кассационной инстанции кассационной жалобы на принятое решение³.

Последствием отказа стал широкий общественный резонанс⁴.

Последствием такого резонанса стало решение Президиума Верховного Суда РФ от 30 октября 2019 г. о том, что запрет, предусмотренный Федеральным законом № 140-ФЗ, в части использования декларации для возбуждения уголовного дела или в качестве доказательства по уголовным делам абсолютный и распространяется на случаи совершения любого деяния, предусмотренного УК РФ, а все коллизии между УПК РФ и Федеральным законом № 140-ФЗ должны разрешаться в пользу последнего⁵. Указанным решением Президиум, защитив «амнистию капиталов», а вместе с ней и интересы бизнеса, поставил под сомнение как минимум две ключевые идеи, на которых базируется уголовное судопроизводство. Во-первых, идею о том, что в любых случаях конкуренции уголовно-процессуальных норм приоритет отдан нормам УПК РФ⁶. О приоритете УПК РФ в установлении порядка уголовного судопроизводства по сравнению с равными по юридической силе федеральными законами говорит

¹ Александрова И. А. Амнистия капитала как элемент уголовной политики по обеспечению экономической безопасности / И. А. Александрова // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №1 (29). С. 63.

² URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/22/811765-fsb-ispolzuet-amnistii> (дата обращения: 26.11.2019).

³ URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/10/22/814436-sud-razreshil-fsb> (дата обращения: 26.11.2019).

⁴ URL: <https://www.rbc.ru/business/26/11/2019/5dd795909a7947f0dddc4a88> (дата обращения: 26.11.2019).

⁵ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72833892/> (дата обращения: 27.11.2019).

⁶ Уголовный процесс : учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2008. С. 45.

и Конституционный Суд РФ в постановлении от 29 июня 2004 г. №13-П¹. Во-вторых, идею о том, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ).

С другой стороны, Президиум, принимая решение, выбирал между плохим и очень плохим. Признание возможности использовать декларацию при возбуждении уголовного дела и в доказывании по уголовным делам о преступлениях, не связанным с «амнистией капитала», означало бы нарушение обещания, данного бизнесу Президентом РФ в 2014 г. в Ежегодном Послании²; прекращение действие «амнистии» еще до окончания третьего этапа (ни один предприниматель ей бы больше не воспользовался). Это решение было невозможно и с политической точки зрения, поскольку чистый отток капитала частного сектора в 2018 г. вырос в 2,7 раза по сравнению с предыдущим годом – до 67,5 млрд долларов³.

Таким образом, мы имеем яркий пример конфликта интересов, вызванного «амнистией капитала», где с одной стороны публичный интерес, направленный на борьбу с преступностью, сохранением уголовным процессом его единства, тех фундаментальных идей, на которых он строится, а с другой – частный интерес бизнеса, политическая конъюнктура. Последним в результате отдается приоритет.

Последствием указанного конфликта интересов стало принятие Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 498-ФЗ, которым были внесены изменения в ст. 75, 140 и 164 УПК РФ, закрепившие в УПК РФ то, что уже более четырех лет существовало в Федеральном законе № 140-ФЗ. Так, если запрет изъятия в ходе следственных действий специальной декларации, документов и сведений, прилагаемых к ней (ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ) ограничивает именно свободу собирания доказательств, а не их оценки, то тоже самое нельзя сказать об изменениях в ст. 75 и 140 УПК РФ.

В п.п. 2.2, 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ к недопустимым доказательствам отнесены как сама специальная декларация, полученная в ходе оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, так и любые сведения о факте предоставления такой декларации, сведения о факте указания подозреваемого, обвиняемого в декларации, представленной иным лицом, а также сведения о подозреваемом, обвиняемом, указанные в этой декларации. При этом все перечисленное выше станет допустимым доказательством, если предоставлено самим декларантом, а не изъято в ходе следственного действия или оперативно-разыскного мероприятия.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. №13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234, и 450 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. // Российская газета. № 278.

³ URL: https://www.gazeta.ru/business/2019/10/24/12774308.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 26.11.2019).

Таким образом, критерием признания доказательств допустимыми является субъект-инициатор¹ вовлечения объектов в уголовный процесс (с учетом того, что следователь отказать декларанту в приобщении декларации не может, то вполне обосновано называть таким субъектом и декларанта).

В пояснительной записке к данному закону прямо указано, что он направлен на устранение возможностей для правоприменения, концептуально противоречащего государственной политике в данном вопросе². Характер происходящих уголовно-процессуальных изменений, приоритета частного интереса, обусловлен, конечно, политическими решениями. Однако уголовный процесс не должен превращаться в политическое орудие, вставать на службу интересов отдельных социальных групп. Право должно заменять эти интересы более глубинными основаниями. Что касается практики правоприменения, то мера отклонений, которая часто встречается в правоприменения, не должна ломать правовых концепций и моделей³, которые выработывались в уголовном процессе десятилетиями и направлены на обеспечение его публичности.

---

¹ Именно субъект, способ (изъятие в ходе следственных действий или предоставление добровольно декларантом) вторичен и зависит от субъекта.

² URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835592-7> (дата обращения: 26.11.2019).

³ Тихомиров Ю. А. Правовое государство: проблемы формирования и развития / Ю. А. Тихомиров // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. № 5. Т. 4. С. 96.

Примич Ю. С.¹,

*курсант 472 учебного взвода Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Федюкина А. Ю.²,

*доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В современном уголовном судопроизводстве стадия возбуждения уголовного дела ограничивает производство большинства следственных действий. Но, вместе с этим, есть некоторые исключения. В рамках проверки сообщений о преступлениях дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать образцы для сравнительного исследования, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, а также – освидетельствование (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Остановимся на проблеме производства освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела. Почему законодатель посчитал необходимым включить данное следственное действие в число следственных действий стадии возбуждения уголовного дела и какие проблемы с этим связаны?

Анализ ст.ст. 144 и 179 УПК РФ показывает, что при производстве освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела законодатель четко не определяет процессуальное положение лиц привлеченных в силу совершенного преступления к участию в этом следственном действии.

По смыслу ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование может быть произведено только в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, что не соответствует нормам ст. 144 УПК РФ, в которой такие участники законом не предусмотрены!

Из этого можно сделать вывод, что данная норма является фиктивной, так как, следуя ее положениям, доказательства, полученные в ходе освидетельствования, будут признаны недопустимыми ввиду того, что указанные участники на стадии возбуждения уголовного дела отсутствуют.

В связи с этим следует согласиться с мнением Е. А. Зайцевой, которая полагает, что на стадии возбуждения уголовного дела возможно осуществить только освидетельствование подозреваемого, в отношении которого была применена

---

¹ © Примич Ю. С., 2021.

² © Федюкина А. Ю., 2021.

такая мера принуждения, как задержание¹. Данная точка зрения поддерживается решением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая не считает нарушением закона признавать за лицом, задержанным до возбуждения уголовного дела в порядке ст.ст. 91 и 92 УПК РФ, процессуального статуса подозреваемого².

Указанную проблему исследовал и Ю. Г. Торбин. В ходе анализа ст. 157 УПК РФ он пришел к выводу, что освидетельствование, как и другие следственные действия, за исключением осмотра места происшествия, не могут производиться до возбуждения уголовного дела. Однако в дальнейших рассуждениях он приходит к выводу, что освидетельствование до возбуждения уголовного дела все-таки возможно, но данное положение следует рассматривать в связи с вопросом о задержании подозреваемого в совершении преступления³.

Еще одним проблемным вопросом является одна из целей освидетельствования – выявление состояния опьянения.

По мнению С. А. Шейфера, «...следователь путем простого наблюдения не может выявить у освидетельствуемого состояние опьянения»⁴. Очевидно, что из предмета освидетельствования, как следственного действия, который заключается в наружном осмотре тела живого человека, выпадает указанное обстоятельство.

Состояние опьянения связано с физиологическими процессами, что не представляется возможным их выявить при наружном осмотре тела человека.

В соответствии с приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н критериями, по которым можно определить, находится ли лицо в состоянии алкогольного опьянения, являются «запах алкоголя изо рта, неустойчивость позы и шаткость походки, нарушение речи, резкое изменение окраски кожных покровов лица»⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что при освидетельствовании лица на состояние алкогольного опьянения можно судить лишь по речи, характеру поведения и другим признакам, по которым возможно получение информации не путем осмотра тела человека, а наблюдением за его состоянием. Поэтому основным источником получения данных о нахождении человека в состоянии алкогольного опьянения являются не признаки, которые располагаются на поверхности тела, а сигналы психолого-физиологического характера.

---

¹ Зайцева Е. А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве : монография / Е. А. Зайцева. Волгоград, 2006. С. 120.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.02.2004 № 44-004-3 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2004. № 9. С. 17–18.

³ См.: Торбин Ю. Г. Освидетельствование в российском уголовном процессе (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты) : практическое пособие / Ю. Г. Торбин. М., 2005. С. 86.

⁴ Шейфер С. А. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ / С. А. Шейфер // Уголовное право, 2002. № 3. С. 92.

⁵ О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) (Зарегистрировано в Минюсте России 11.03.2016 № 41390) : Приказ Минздрава России от 18.12.2015 № 933н (ред. от 25.03.2019) // СПС «Консультант плюс».

С учетом этого следует иметь в виду, что установление факта употребления алкоголя и выявления состояния опьянения возможно только в порядке, установленном не процессуальными нормативными правовыми актами. В этом случае факт употребления алкоголя и состояния опьянения отражается в протоколе медицинского освидетельствования, который может рассматриваться в уголовно-процессуальном доказывании как «иной документ» (п. 2 ст. 74 УПК РФ).

Вызывает некоторые сомнения положения ч. 4 ст. 179 УПК РФ, суть которой состоит в том, что при освидетельствовании лица другого пола, следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом.

Специфика рассматриваемого процесса состоит в том, что освидетельствование является единственным следственным действием, которое может проводиться без участия следователя. Между тем именно он является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу (п. 41 ст. 5, ст. 38 УПК РФ). Указанные положения УПК РФ существенно расходятся, что вызывает коллизию между отдельными нормами закона.

Вместе с этим акцентируется внимание на то том, что в данном случае, относительно ч. 4 ст. 179 УПК РФ, освидетельствование производится не судебно-медицинским экспертом, а любым врачом. Указанное представляется довольно неясно. Привлеченный в ходе данного следственного действия врач не обладает необходимыми знаниями производства освидетельствования в порядке ст. 179 УПК РФ. Также ввиду узкой специализации далеко не каждый врач объективно может справиться с поставленной перед ним задачей, что может негативно сказаться на исходе расследования уголовного дела.

В связи этим вытекает еще одна проблема: в ч. 4 ст. 179 УПК РФ не указано, кто в таком случае должен подписывать протокол освидетельствования. По общему правилу производства следственных действий протокол должен быть подписан следователем (ст. 164, п. 7 ст. 166 УПК РФ).

В данном же случае следователь не имеет никаких фактических оснований подписывать протокол освидетельствования по той причине, что он не участвовал в нем и не проводил осмотр тела человека.

Видится, что решение рассматриваемого вопроса представляется правильным в том случае, если освидетельствование будет производиться специально подготовленным лицом, который имеет достаточно знаний как в сфере медицины, так и в области расследования.

Поскольку производство освидетельствования возможно в стадии возбуждения уголовного дела, то возникает вопрос о допустимости применения принуждения в отношении лиц, не обладающих соответствующим процессуальным статусом.

Полагаем, что принуждение может применяться лишь к определенному кругу лиц, участвующих в уголовно-процессуальных правоотношениях. В связи с этим освидетельствование в стадии возбуждения уголовного дела должно осуществляться только добровольно. Если же лицо против освидетельствования, то принуждение, а именно стеснение его конституционного права на личную неприкосновенность, что гарантировано Конституцией РФ (ст. 22), возможно

будет только после возбуждения уголовного дела и приобретения этим лицом соответствующего уголовно-процессуального статуса: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля.

Следует согласиться с Ф. М. Кудиным, который считает, что «только при наличии официального признания органом уголовного судопроизводства факта совершения преступного деяния и его закрепления в постановлении о возбуждении уголовного дела будет оправданным и законным стеснение личной неприкосновенности отдельных граждан ради достижения цели раскрытия преступления, изобличения и наказания виновного лица»¹.

В заключение следует отметить, что порядок производства освидетельствования в стадии возбуждения уголовного дела содержит ряд серьезных проблем, которые нуждаются в разрешении. Чтобы избежать возникновения спорных ситуаций на практике, законодателю необходимо урегулировать вопросы, касающиеся процессуального статуса участников освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела, а также такого участника рассматриваемого следственного действия, как врач.

---

¹ Кудин Ф. М. Охрана прав личности и уголовно-процессуальное принуждение / Ф. М. Кудин // Гарантии прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве : Науч. Тр. Вып. 45. Свердловск, 1975. С. 30.

Романенко А. Э.¹,

*слушатель 462 взвода Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Маламагамедова А. Р.,

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Допрос, как одно из следственных действий, подлежит проведению в такой форме и такими методами, которые в максимальной мере обеспечивали бы эффективное расследование по делу при соблюдении требований норм процессуального права и правил проведения допроса. Поэтому к возможному переходу подозреваемого (обвиняемого) к конфликтному противодействию, существенно осложняющему расследование, следователь (дознатель) всегда должен быть готовым заранее².

Показания обвиняемого или подозреваемого относятся к обычным доказательствам по делу, подлежащим проверке и оценке вместе со всеми иными материалами дела. Однако поскольку этим участникам уголовного судопроизводства обстоятельства совершения преступления известны лучше, чем кому-либо другому, их показания позволяют получение фактических данных, получить которые из других источников невозможно³.

В силу ч. 1 ст. 173 УПК РФ дознаватель обязан допросить обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения, а подозреваемого согласно ч. 2 ст. 46 УПК РФ – не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. Показания обвиняемого или подозреваемого служат не только источником доказательств, но и средством защиты. Эти лица за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний уголовной ответственности не несут, хотя в допросе указанных лиц участвует защитник.

В тех же случаях, когда подозреваемый подтверждает в полной мере, а обвиняемый признает себя полностью виновным в предъявленном ему обвинении, допрос проходит бесконфликтно, что позволяет дознавателю направить тактические приемы на получение

---

¹ © Романенко А. Э., 2021.

² Бертовский Л. В. Допрос: тактика и технологии / Л. В. Бертовский. М. : Экзамен, 2015. С. 157.

³ Бессонов А. А. Основные тактические приемы допроса, применяемые при производстве предварительного расследования. Расследование преступлений: проблемы и пути их решения / А. А. Бессонов. 2013. № 2 (2). С. 48–49.

наиболее полных и точных показаний, хотя в такой благоприятной ситуации допрос должен проводиться не менее тщательно и детально, чем при отрицании своей вины допрашиваемыми. Важно в этой ситуации не само признание, а сведения о фактах и обстоятельствах, которые соответствуют действительности¹.

Как показывает практика, в процессе допроса между его участниками могут складываться как конфликтные, так и бесконфликтные ситуации.

Подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений лица могут давать ложные показания по мотивам²:

- боязни разоблачения и уголовного наказания;
- желания избежать уголовной ответственности;
- стыда или боязни позорящей огласки со стороны лиц, занимающих высокие посты, определенное положение, а также лиц, которые совершили преступления на сексуальной почве или против несовершеннолетних;
- желания продолжения преступной деятельности с целью получения нетрудовых доходов и жизни сообразно желаниям;
- чувства ложно понимаемого долга или круговой поруки в случае, если речь идет о групповом преступлении.

Предъявлять обвиняемому доказательства нужно в порядке нарастания их изолирующей силы для того, чтобы совокупность доказательств, логика фактов привели допрашиваемого к выводу о необходимости дать правдивые показания.

Нами проведен опрос практических сотрудников правоохранительных органов (дознавателей ОД Отдела МВД России по району Люблино г. Москвы и слушателей факультета заочного обучения МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя). Практически всем опрошенным респондентам доводилось производить допрос в условиях противодействия со стороны подозреваемого (обвиняемого).

В большинстве случаев конфликтная ситуация выражалась в отказе от дачи показаний, а также в отрицании вины. Был также случай признания вины обвиняемым, которого защитник склонял к отказу от дачи показаний.

Установленный законом порядок производства допроса в 71 % случаев нарушался подозреваемым, обвиняемым, а также адвокатом или защитником и только в 29 % порядок проведения допроса нарушала сторона обвинения.

В качестве продуктивных методов проведения допроса в конфликтной ситуации, все респонденты отметили расположение к себе сторон, уклонение от спора и избегание конфликтов. При этом сотрудников иных подразделений для усмирения конфликтующей стороны никто из опрошенных респондентов к следственному действию не привлекал.

При наличии у допрашиваемого склонности к агрессивным переменам настроения, респонденты проводят с ним дружескую беседу и пытаются найти

¹ Пономарева В. Н. Участие защитника в допросе подозреваемого (обвиняемого) / В. Н. Пономарева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 185–186.

² Хараев А. А. Некоторые тактические приемы, применяемые при допросе для преодоления противодействия расследованию / А. А. Хараев // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 6. С. 83–84.

общий язык. Применяют такой подход опрошенные лица также для установления доверительных отношений с конфликтующей стороной.

То, что конфликтующее лицо не владеет русским языком и является представителем иностранного государства, по мнению 90 % респондентов, не служит ключевым фактором агрессии. 10 % опрошенных придерживаются при этом противоположной точки зрения.

78 % опрошенных к содействию следствию при конфликтной ситуации допрашиваемого не склоняли.

Исследование особенностей допроса подозреваемых и обвиняемых в конфликтной ситуации, позволяет сделать вывод о том, что результативность такого допроса зависит от наличия у дознавателя профессиональных качеств, знаний, а также опыта. Прежде всего, от дознавателя требуется установить психологический контакт с допрашиваемым, а другие, более эффективные тактические приемы уже использовать после этого.

*Самолаева Е. Ю.*¹,

*доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОИЗВОДСТВО ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

Изучение аналитических данных и юридической литературы об эффективности применения норм гл. 32.1 УПК РФ позволяет прийти к выводу, что сокращенная форма производства дознания успешно применяется в подразделениях дознания органов внутренних дел, практика ее применения сформирована, опыт сотрудников совершенствуется, а качество расследования повышается. Исследователи практики также отмечают, что число дел, расследованных в сокращенной форме дознания, постоянно увеличивается.

По мнению представителей судебных органов, в условиях необходимости соблюдения разумных сроков судопроизводства по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, эффективной защиты нарушенных преступлением прав и свобод граждан данная форма дознания полностью отвечает тем целям, которые преследовали разработчики положений гл. 32.1 УПК РФ.

Примеров производства дознания в сокращенной форме по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, немного. Известно об успешной практике расследования преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228 УК РФ, в Республике Крым, Ростовской, Самарской, Новосибирской областях и некоторых других субъектах Российской Федерации². Использование возможностей данной формы дознания в основном зависит от позиции органов прокуратуры в этом вопросе в конкретном регионе.

Для подозреваемого лица, по чьей инициативе принимается данное решение (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ), положительные стороны сокращенной формы дознания очевидны. Помимо сокращенных сроков расследования, в особом порядке осуществляется и судебное разбирательство по такому уголовному делу (ч. 1 ст. 226.9 УПК РФ), при этом максимальный размер наказания не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ). Так, по уголовному делу за совершение незаконного приобретения и хранения наркотического средства каннабиса (марихуаны) массой 26.6 грамма (ч. 1

---

¹ © Самолаева Е. Ю., 2021.

² См. : Мингалимова М. Ф. Назначение наказания в условиях производства по уголовному делу сокращенной формы дознания / М. Ф. Мингалимова // Юридический вестник Самарского университета. Т. 5. № 1. 2019. С. 114 ; Черепанова Л. В. О возможности производства дознания в сокращенной форме по части 1 статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации / Л. В. Черепанова, А. А. Торков // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 1 (34). С. 157; и др.

ст. 228 УК РФ), подсудимой было назначено условное наказание в виде одного года исправительных работ с испытательным сроком восемь месяцев, в то время как санкция данной нормы предусматривает возможность применения наказания в виде реального лишения свободы до трех лет¹. По другому уголовному делу, с аналогичной квалификацией, размер наказания был назначен в виде штрафа в размере 20 тысяч рублей². Оба приведенных примера уголовных дел расследовались в сокращенной форме дознания, а в последующем рассматривались в суде в особом порядке.

Практике применения сокращенной формы дознания по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, способствует отсутствие такого участника уголовного процесса, как потерпевший. Для подозреваемого (обвиняемого) это означает возможность не опасаться возражений с его стороны о применении данной формы дознания (п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ) или появления такого «возражения», например, на завершающем этапе расследования или на судебной стадии.

Условия, при которых происходит обнаружение и изъятие наркотических средств, позволяют собрать необходимую доказательственную базу в течение первых нескольких дней после задержания лица. Нет необходимости ждать окончания сроков дознания для завершения производства по уголовному делу и направления его в прокуратуру, а затем в суд. Избираемая по делам данного вида мера пресечения обычно не связана с лишением свободы, поэтому в скорейшем направлении материалов дела в суд также заинтересован и дознаватель.

Обстоятельством, препятствующим использованию возможностей дознания в сокращенной форме, можно назвать сроки производства судебных экспертиз. Так, при расследовании по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков преступлений назначаются судебно-криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий (физико-химическая) и судебно-психиатрическая экспертиза (для установления наличия или отсутствия у лица заболевания наркоманией в соответствии с п. 3.2 ст. 196 и пп. «в» п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Срок составления заключения установлен не более 15 суток с момента вынесения постановления (межведомственный приказ МВД России от 9 ноября 1999 г. № 840). Обычно результаты физико-химической экспертизы поступают по окончании этого срока. Даты назначения судебно-психиатрических экспертиз часто служат основанием продления сроков дознания, что, в свою очередь, приводит к невозможности вынесения обвинительного постановления и окончания дознания в установленный законом срок.

---

¹ Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области № 1-426/2017. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/398216.html>.

² Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 16.08.2018 № 22-2081/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/kB0cI8gkMf1I/?regular-txt=сокращенная+форма+дознания&regular-case_doc=&regularlawchunkinfo=Статья+314.+Принятие+заявления+к+производству+арбитражного+суда%28АПК+РФ%29&regular-doc_type=&regular-date_from=01.01.2018&regularda%20t%20e%20_%20t%20o%20=0%201%20.%200%202%20.%202%20019&r%20e%20g%20u%201%20a%20r%20-wo%20r%20k%20f%20l%20ow_stage=&regular-area=&regular-court=&regularjudge=&_=1549478435430&snippet_pos=494#snippet.

В ходе проверки сообщения о преступлении допускается получение заключения специалиста. Законодатель допускает использование его в качестве доказательств, если в нем содержатся ответы на вопросы, важные для расследования (п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Заключение специалиста сводится к высказыванию профессионального мнения по поставленным вопросам, не содержит выводов, результатов проведенных исследований. Это отличает его от заключения эксперта. Однако недопустимо приравнивать к данному виду доказательств справки об исследовании наркотических средств. Их результаты не заменяют производство экспертизы, а лишь предшествуют ей. Данный документ носит предварительный исследовательский характер и его содержание не отвечает требованиям, предъявляемым к доказательствам: не содержит разъяснения прав, ответственности лица, производящего исследование, методику проведения исследования. В некоторых случаях результаты предварительного исследования оформляются рапортом. Исследование данного вопроса показало, что при производстве дознания в сокращенной форме, экспертиза наркотических средств назначается в традиционном виде.

В пользу необходимости назначения судебных экспертиз для определения относимости изъятых веществ к наркотическим средствам также выступает прямое указание на необходимость ее назначения в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14, разъясняющего практику расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Производство судебной экспертизы выступает гарантией защиты прав подозреваемых, поскольку правильная оценка относимости к некоторым видам наркотиков (в частности, синтетических) невозможна без проведения полноценного исследования с участием соответствующего специалиста.

Затрагивая вопросы обеспечения права подозреваемого на защиту при производстве дознания в сокращенной форме, следует отметить сложившуюся неоднозначную практику. Так, реализация требования закона об обязательном участии защитника (п. 8 ч. 1 ст. 51 УПК РФ) в некоторых случаях понимается слишком буквально, а требования об участии защитника предъявляются даже для производства тех следственных действий, которые были проведены до возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме¹. В связи с этим по делам о преступлениях, в которых основная доказательственная база формируется в ходе доследственной проверки или на этапе возбуждения уголовного дела, защитника рекомендуется привлекать «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица» (ч. 1.1 ст. 144 и п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Данная мера также способствует обеспечению прав «заподозренного лица», а также гарантий применения законных методов получения уличающих его в совершении преступления доказательств.

---

¹ Черепанова Л. В. О возможности производства дознания в сокращенной форме по части 1 статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации / Л. В. Черепанова, А. А. Торковков // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 1 (34). С. 158.

Таким образом, несмотря на вполне сформировавшуюся практику производства дознания в сокращенной форме, при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, ситуация складывается менее успешно. Это обусловлено, прежде всего, спецификой предмета преступления. В то же время негативные причины регулярно выявляются и вырабатываются современные и актуальные решения, направленные на их устранение. Полагаем, что таким решением может стать разработка единых методических рекомендаций по производству расследования ч. 1 ст. 228 УК РФ в сокращенной форме дознания, согласованных с органами прокуратуры, в целях достижения единообразного понимания наиболее противоречивых и неоднозначно толкуемых ситуаций, с которыми сталкиваются дознаватели в ходе расследования преступлений данного вида.

*Сатдинов Л. В.*¹,

адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД

О СООТНОШЕНИИ ПРИНЦИПОВ ОБЪЕКТИВНОСТИ И СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Право представляет собой общеобязательное и нормативно закрепленное требование справедливости. Правовые принципы, в свою очередь, есть не что иное, как мера справедливости в праве. Это не просто юридические идеи, а объективно необходимые общеобязательные критерии справедливого и должного в праве².

Каждая отрасль права содержит свои принципы. Некоторые из принципов права прямо предусмотрены основным законом нашего государства – Конституцией РФ и при этом находят свое отражение в отраслевом законодательстве.

Как и любая отрасль права, уголовно-процессуальное право содержит свои основополагающие идеи, определяющие построение современного уголовного процесса и регулирующие уголовно-процессуальные отношения. Многие из них незыблемы на протяжении многих десятилетий и продолжают оставаться в уголовно-процессуальном законодательстве и действовать в сфере уголовно-процессуальных отношений, несмотря на изменения в общественной, экономической, политической и духовной сферах жизни страны. Однако есть в системе принципиальных идей и такие, которые, напротив, оказались подвержены веянию времени и в результате смены политического курса развития государства, а вместе с тем и естественных процессов изменений в экономической, общественной и духовной сфер жизни общества, остались за границами системы принципиальных идей уголовного процесса. Но фактической актуальности и практической необходимости при этом не растеряли. К числу таких идей можно отнести принцип, выдвигающий требование объективности расследования, а вместе с тем и закономерное требование объективности рассмотрения и разрешения уголовного дела судом по существу.

УПК РСФСР 1960 г. в ст. 20 закреплял принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. В соответствии с данной нормой суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны были принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного расследования уголовного дела, выявления обстоятельств, уличающих либо оправдывающих обвиняемого, а также фактов, смягчающих или отягчающих его ответственность.

Принципам уголовного судопроизводства полностью посвящена вторая глава УПК РФ, которая называется «Принципы уголовного судопроизводства». И в ней, в этой второй главе, на сегодняшний день содержатся шестнадцать прин-

---

¹ © Сатдинов Л. В., 2021.

² Смирнов А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. М. : ИНФРА-М, 2013. С. 81.

ципов. Несмотря на четкую законодательную регламентацию системы и посвящения ей отдельной главы, в современной науке уголовного процесса нет единой позиции по этому вопросу. Как нет на сегодняшний день и единого мнения о месте в данной системе принципов норм, определяющих требования объективности расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела судом по существу, как основополагающих принципиальных положений уголовного процесса. Следовательно, отсутствует и надежная система уголовно-процессуальных гарантий объективности расследования и, соответственно, достижения двуединого правозащитного назначения современного российского уголовного процесса, закрепленного в ст. 6 УПК РФ.

Необходимо отметить, что за почти двадцатилетний период действия УПК РФ система принципов уголовного судопроизводства дополнялась законодателем всего два раза. В 2010 г. в нее был включен принцип разумного срока уголовного судопроизводства, в 2013 г. – введен принцип независимости судей. Анализ системы принципов уголовного судопроизводства порождает простой и справедливый вопрос: все ли основополагающие идеи, определяющие сущность и содержание уголовного судопроизводства, нашли в ней отражение? Ответ на этот вопрос кажется очевидным. В современной системе принципов уголовного судопроизводства должно быть место принципиальному положению об объективности расследования, объективности рассмотрения и разрешения уголовного дела судом.

Следует также заметить, что в отличие от принципа объективности, который имел место в прежнем уголовно-процессуальном законодательстве, но не вошел в систему действующих принципов, есть тот, который, напротив, не был предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством советской эпохи нашего государства, но при этом получил закрепление в УПК РФ.

Им является принцип состязательности сторон, закрепленный в ст. 15 УПК РФ. Согласно данному принципу уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Стороны обвинения и защиты являются равноправными. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела – автономными. Суду при этом отводится роль разрешителя юридического спора стороны обвинения и стороны защиты.

Уделяя огромное внимание состязательности и выделяя ее большую роль в уголовном процессе, законодатель обеспечивает столь необходимое в уголовном процессе демократической страны и столь соответствующее идеалам любого общества о справедливости равноправие сторон. Суду при этом отводится роль арбитра, разрешающего юридический спор сторон, наделенных одинаковыми правами. Каких-либо активных действий суд не производит. Он ограничен лишь ролью наблюдателя, который фиксирует позицию каждой из сторон, приобщает или отказывает в приобщении предъявленные сторонами доказательства, оценивает их в совокупности и в конце судебной тяжбы принимает процессуальное решение, которое является итоговой чертой в состязании и противоборстве равноправных сторон обвинения и защиты.

Однако в свете придания большого значения состязательности и рассмотрению ее в качестве одного из основных фундаментов справедливости в уголовном процессе, законодатель забыл о немаловажном аспекте состязательности: а

именно о том, что состязательные способности сторон всегда отличаются друг от друга. Они не могут быть равными. И с целью нивелирования разницы в состязательных возможностях сторон в уголовно-процессуальном законодательстве должен быть предусмотрен принцип объективности. Он должен содержать положение как об объективности расследования, так и положение об объективности рассмотрения уголовного дела судом.

Наличие принципа состязательности и строгая реализация его положений на практике не может служить поводом для отказа от принципиальной идеи о необходимости установления объективной истины по уголовному делу. Положения данного принципа – принципа объективности – не будут противоречить ни одному из положений принципа состязательности сторон, а наоборот будут дополнять друг друга и гармонично сочетаться и действовать на любой из стадий уголовного процесса.

Для российского уголовного процесса незаменимой характерной чертой всегда было и остается стремление к истине, стремление к правде¹. Необходимость установления истины по уголовному делу, установление объективной картины совершенного преступления, достоверное установление всех обстоятельств совершенного преступления в точном соответствии с объективной действительностью не могут быть подменены положениями состязательности сторон.

Не стоит также забывать, что состязательность традиционно была и остается ценностью уголовного процесса стран, входящих в англосаксонскую систему права. Отечественному уголовному процессу вплоть до начала XXI в. она не была знакома. И своим присутствием в системе принципов состязательность не должна вытеснять объективность, всесторонность и полноту исследования обстоятельств совершенного преступления, которая традиционно была и остается ценностью российского уголовного судопроизводства. Да, безусловно, состязательность должна быть в уголовном процессе, но она должна не исключать объективность, а лишь дополнять ее и служить надежным средством в установлении объективной истины по уголовному делу.

---

¹ См.: Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей : монография / И. А. Антонов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

Соколова М. В.¹,

*старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;*

Подустова О. Л.²,

*преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ПО НАЛОЖЕНИЮ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Как показывает практика при наложении ареста на имущество следователю необходимо наладить контакт с органами дознания для повышения эффективности работы по возмещению вреда, причиненного преступлением. В связи с этим большое значение имеет совместная работа следователя с органами дознания по планированию оперативно-разыскных мероприятий, направленных на поиск имущества, подлежащего аресту. Так, в поручении следователя органу дознания, целью которого является поиск имущества, на которое возможно наложить арест, следует указывать на:

- установление местонахождения имущества, которое было похищено;
- установление каналов сбыта похищенного имущества или денежных средств;
- установление наличия у подозреваемых (обвиняемых) объектов недвижимости, денежных счетов в банках и иных кредитных организациях, а также дорогостоящего имущества, либо иных ценностей;
- производство обыска и выемки имущества, подлежащего аресту;
- проверка наличия у подозреваемого (обвиняемого) ценных бумаг либо их сертификатов.

Следует отметить, что указанный перечень мероприятий не является исчерпывающим и может быть дополнен по конкретному уголовному делу.

При выполнении поручений следователя органу дознания необходимо осуществлять все виды оперативно-розыскных мероприятий (гласные и негласные), направленных на розыск и установление имущества, подлежащего аресту, так как в большинстве случаев, как показывает практика, замедление в его поиске приводит к его скорейшему сокрытию³.

---

¹ © Соколова М. В., 2021.

² © Подустова О. Л., 2021.

³ Иванов Д. А. Основные направления взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания при возмещении вреда, причиненного преступлением / Д. А. Иванов // Вопросы взаимодействия следственных и иных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации : материалы Межведомственной научно-практ. конференции. 2019. С. 61.

Также, при анализе следственной практики были установлены нарушения, связанные с исполнением указанных поручений следователя. Так, органами дознания не соблюдаются сроки исполнения поручений (20 % случаев), ответы на поручения носят формальный характер и ограничиваются формулировкой «установить местонахождение похищенного имущества не представилось возможным» (65 % случаев), розыск похищенного имущества не осуществляется (42 % случаев), имущественное положение подозреваемого не устанавливается (10 % случаев), а также проверка возможных мест сбыта, похищенного имущества, не осуществляется или (40 % случаев)¹.

Необходимо отметить, что и недостаточно эффективна организация совместной работы по возмещению причиненного преступлением ущерба по уголовным делам о крупных и особо крупных хищениях (в частности, в финансово-кредитной и других сферах экономической деятельности), который составляет от 40 % до 70 %, а в отдельных регионах и более, от общей суммы причиненного ущерба по всем оконченным производством уголовным делам.

Несмотря на наличие факторов, оказывающих существенное влияние на полноту принимаемых мер по возмещению ущерба по уголовным делам о преступлениях данной категории (высокая степень латентности, изоэтрность способов сокрытия и легализации виновными лицами похищенного имущества, ценных бумаг, денежных средств, давность совершенных преступных деяний), низкий уровень результативности данной работы связан с длительностью сроков и низким качеством проведения органом дознания доследственных проверок, по которым неоднократно выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовных дел. Представляемые в следственные подразделения материалы зачастую не содержат сведений о принятых мерах по отысканию похищенного имущества, а также имущества, на которое может быть наложен арест либо взыскание, что впоследствии в ходе расследования затрудняет возмещение ущерба.

Ярким примером служит уголовное дело, возбужденное СО МО МВД России «Глазовский» Удмуртской Республики по п. «б» ч.4 ст. 158 УК РФ, по факту хищения денежных средств ООО «Сладоград», с причинением ущерба в сумме более 18,4 млн. рублей. С момента регистрации сообщения о преступлении в КУСП за № 4292 от 19.06.2019 доследственную проверку осуществляли сотрудники УЭБиПК республики и ОЭБиПК МО МВД России «Глазовский», материалы поступили в СО только 08.11.2019, то есть спустя 5 месяцев. За указанный период органом дознания каких-либо мер, направленных на возмещение причиненного материального ущерба, в том числе путем исследования финансов хозяйственной деятельности юридических и физических лиц, не принималось. Как следствие, принятыми в ходе расследования мерами причиненный ущерб возмещен только на сумму 3,7 млн. руб., путем наложения ареста на автомобиль обвиняемого. В ходе доследственной проверки не всегда принимаются своевременные меры по установлению аффилированных организаций и лиц, причастных к совершению преступлений в кредитно-финансовой

---

¹ Соколова М. В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Соколова. М., 2018. С. 57.

сфере, выявлению возможной легализации доходов, полученных преступным путем, а также нецелевого расходования кредитных денежных средств, что впоследствии затрудняет принятие мер по наложению ареста на имущество. Остается минимальным направление запросов в Росфинмониторинг по материалам проверок и уголовным делам. В СУ УМВД России по Псковской области ввиду просчетов и недостатков в организации совместной работы по 10 направленным в суд уголовным делам причиненный материальный ущерб в размере более 115 млн. рублей, составляющий 79,2 %, от общей суммы причиненного ущерба по окончанным уголовным делам, возмещен лишь на 1,9 %. При росте на 20,6 % (с 34 до 41) количества направленных в суд уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией денежных средств или иного имущества (ст. 174, 174.1 УК РФ), их число остается минимальным. В отчетном периоде указанные статьи УК РФ применялись только в 30 (31,6 %) следственных подразделениях. В ряде случаев лица, нарушившие закон, пользуясь несовершеннолетием действующего законодательства, умышленно уклоняются не только от добровольного возмещения причиненного ущерба, но и принимают активные меры, направленные на сокрытие имеющегося в собственности имущества.

Следственным отделом МО МВД России «Усольский» Иркутской области направлено в суд уголовное дело в отношении директора управляющей компании И. Б. С., которая в течение 8 лет (с 2011 по 2017 гг.) совершала хищения со счетов жильцов. Принятыми в ходе следствия мерами причиненный ущерб в размере 16 млн. рублей не возмещен, поскольку за указанный период времени в целях сокрытия она успела распорядиться похищенными средствами, на принадлежащий ей автомобиль ранее уже наложен арест в рамках гражданского судопроизводства, а приобретенная квартира неоднократно перепродана третьим лицам¹.

Совместная работа следователя с органами дознания имеет ряд проблем, которые необходимо решать в целях своевременного восстановления имущественных прав потерпевших и повышения эффективности возмещения вреда, причиненного преступлением. Необходимо усилить контроль за деятельностью дознавателя по планированию и дальнейшей реализации оперативно-разыскных мероприятий, направленных на поиск имущества, подлежащего аресту.

---

¹ Обзор о состоянии работы органов предварительного следствия в системе МВД России по возмещению ущерба, причиненного преступлениями / Следственный департамент МВД России, исх. № 17/2-33654 от 30.09.2020.

Степаков Д. А.¹,

слушатель факультета заочного обучения

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Мичурина О. В.,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

ВЗГЛЯД НА УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО БЕЗ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В науке и на практике существует мнение, что «ликвидация» стадии возбуждения уголовного дела весьма болезненно отразится на уголовном судопроизводстве, нарушит привычную деятельность правоохранительных органов.

Данная точка зрения принадлежит тем, кто считает стадию возбуждения уголовного дела своеобразным «фильтром» от фактов, которые не содержат в себе не только состав, но и событие преступления, а также выполняет роль «гаранта» от необоснованного уголовного преследования². Данное мнение, безусловно, является вполне логичным и обоснованным, тем более что оно подкреплено десятилетиями судебной-следственной практики и авторитетом ученых, высказывающих его. Между тем, говоря об институте возбуждения уголовного дела как гаранте защиты прав лиц, совершивших преступление, или подозреваемых в совершении преступления нельзя забывать о правах лиц, потерпевших или пострадавших от преступных посягательств. Замечу, что и говоря о потерпевшем до возбуждения уголовного дела, мы не знаем, как его именовать, каким процессуальным статусом обладает этот участник. Участник чего? Доследственной проверки? А может быть он «заявитель»? А если он не подавал заявления, а преступление тем не менее совершено и ему причинен ущерб или вред? И возникает следующий вопрос: если у лица, будь то потенциальный подозреваемый или потерпевший, отсутствует процессуальный статус, то есть ли у него хоть какие-то процессуальные права?

Главная проблема существования стадии возбуждения уголовного дела как раз и кроется в том, что деятельность участников проверки сообщения о преступлении в уголовном процессуальном законе не имеет надлежащего норма-

---

¹ © Степаков Д. А., 2021.

² См. об этом: Воскобитова Л. А. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы / Л. А. Воскобитова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1. С. 59 ; Волеводз А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса / А. Г. Волеводз // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 83 ; Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела : учебное пособие / В. Н. Григорьев, А. В. Новиков, Е. А. Прохорова, Д. Н. Слабкая. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. С. 11–13 ; Мичурина О. В. Эволюция порядка рассмотрения сообщения о преступлении: от доследственной проверки до квази расследования» / О. В. Мичурина // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 58–59 и др.

тивного регулирования. Нами допускается, что в промежутке между регистрацией сообщения о преступлении и возбуждением уголовного дела возможны серьезные нарушения законности, которые, безусловно, могут возникнуть и при расследовании уголовного дела, но уже не в таких масштабах. К слову сказать, сам законодатель не планировал соблюдение принципа законности на стадии возбуждения уголовного дела, назвав ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу». Как мы понимаем, производство по уголовному делу возможно только после его возбуждения.

Данные слова ни в коем случае не защищают стадию возбуждения уголовного дела, а наоборот говорят о необходимости ее упразднения или хотя бы кардинального реформирования. Защитники возбуждения уголовного дела скажут, что процесс проверки сообщения о преступлении жестко контролируют руководители следствия и дознания, за ним внимательно надзирает прокуратура, наблюдают различные общественные объединения, но на практике это не всегда выглядит так безупречно. Представим ситуацию: произошла банальная кража велосипеда, который был приобретен «заявителем» за два года до исчезновения за 5000 рублей. Сначала оперативный дежурный нехотя регистрирует заявление в Книге учета сообщения о преступлениях, затем приглашает оперуполномоченного, которому заявитель говорит, что велосипед был похищен его соседом, о чем ему стало известно от других соседей. И казалось бы, все понятно, но только вызванный в дежурную часть дознаватель не возбуждает уголовное дело, поскольку документы на велосипед отсутствуют, необходимо установить остаточную стоимость велосипеда с учетом его износа за два года эксплуатации, попытка попасть в квартиру лица, предположительно совершившего преступление, успехом не увенчалась. В результате материал проверки поступает на исполнение к участковому уполномоченному полиции, который вследствие своей загруженности только спустя трое суток начинает активные действия, именуемые все той же проверкой заявления о преступлении, и выясняется, что лицо, совершившее кражу велосипеда, уже успело его продать неустановленным лицам и вообще утверждает, что возможно никакой велосипед не похищало. А если бы в день обращения потенциального потерпевшего с заявлением был произведен обыск в жилище потенциального подозреваемого, который был бы допрошен с участием защитника, была бы проведена проверка показаний на месте, похищенный велосипед был бы изъят? Сколько бы проблем было бы разрешено? Неужели самого факта регистрации сообщения либо заявления о преступлении недостаточно для начала уголовного судопроизводства?

На наш взгляд, опасения противников отмены стадии возбуждения уголовного дела в большей степени кроются в боязни изменить привычный уклад. Так, опрос практических работников показал, что предложение об отмене стадии возбуждения уголовного дела вызывает у них встречный вопрос: и что же дальше? Мы не будем выносить постановления об отказе в возбуждении уголовного дела?

Попробуем проанализировать, насколько институт отказа в возбуждении уголовного дела отвечает потребностям и интересам лиц, потерпевших от преступлений. Он существует постольку, поскольку существует стадия возбуждения уголовного дела и порождает собой многочисленные нарушения законности.

А. П. Скобликов справедливо полагает, что существование института отказа в возбуждении уголовного дела преследует цель «улучшения показателей эффективности оперативно-разыскной и процессуальной деятельности; уклонения от работы по сложным и трудоемким делам; избежания вероятного в будущем прекращения уголовного дела по реабилитирующим обвиняемого основаниям; получения коррупционного вознаграждения за соответствующее процессуальное решение»¹.

Проблема увеличения нагрузки на органы предварительного расследования после отмены стадии возбуждения уголовного дела может быть решена существенным изменением нормативно-правовой базы порядка регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях. В настоящее время в России действует достаточно громоздкая система регистрации и рассмотрения сообщения и иной информации о происшествиях, которая воплощена в огромном объеме документооборота, который, стоит заметить, не становится электронным, а также интересной «переписке» между гражданами и полицией, жалобах в прокуратуру и суд. В связи с этим возникает вопрос: выполняет ли эта система свою главную функцию: защиту прав и законных интересов граждан, является ли она в действительности правоохранительной? На практике приходится сталкиваться с печальными примерами, когда гражданин, так и не дождавшись прибытия сотрудников полиции по его сообщению, получает через 30 суток после своего обращения письмо от начальника отдела полиции о том, что обращение рассмотрено и не содержит признаков преступления или административного правонарушения. И данный пример, к сожалению, не единичен.

Проблема большого количества «бесполезных» сообщений, не содержащих признаков преступлений, может быть решена кардинальным изменением порядка приема, регистрации и проверки сообщений о происшествиях и законодательства об административных правонарушениях. ОВД, безусловно, должны сохранить за собой функцию приема основного объема первичной информации о происшествиях, в том числе и о преступлениях, но процесс первичной проверки сообщения, заявлений, иной информации о происшествиях должен быть организован по принципу «скорой помощи», когда на любое сообщение и заявление выезжает специализированная группа, которая оперативно разбирает ситуацию на месте, дает ей правовую оценку. Если сообщение не содержит признаков преступления, то либо возбуждается дело об административном правонарушении и дальнейшая проверка ведется уже строго в его пределах. В связи с этим достаточно взвешенной выглядит точка зрения Я. П. Ряполовой, которая считает, что «уголовное судопроизводство неизбежно предполагает необходимость первичной проверочной деятельности с целью определения, если ли в сообщении о правонарушении признаки уголовно наказуемого деяния или речь идет об ином правонарушении, не требующем уголовного судопроизводства»².

---

¹ Скобликов А. П. Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел / А. П. Скобликов // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 68–75.

² Ряполова Я. П. Состоятельность стадии возбуждения уголовного дела для российского уголовного процесса / Я. П. Ряполова // Российская юстиция. 2016. № 6. С. 35–38.

В этом случае поднимается вопрос о совершенствовании законодательства об административных правонарушениях, включая систематизацию и расширение границ его применения. Ведь сегодня помимо КоАП существует множество других нормативных правовых актов: Кодекс города Москвы об административных правонарушениях, многочисленные законы об обеспечении тишины и покоя граждан и т. д.), либо, если сообщение (заявление) вообще не содержит в себе признаков какого-либо правонарушения или происшествия, заявителю дается краткий ответ о результатах рассмотрения, копия которого приобщается например в контрольно-наблюдательное дело, при этом не создается никакого громоздкого материала, который рассматривается в длительные сроки, в течение которых заявитель забывает о том, что вообще обращался в полицию. Если сообщение (заявление) содержит признаки преступления, то в работу включается следственно-оперативная группа, которая проводит полный комплекс следственных и процессуальных действий, рассматривает в том числе вопрос о применении меры пресечения, мер процессуального принуждения. При этом уже с момента регистрации сообщения (заявления) о преступлении у следователя должны быть права, которые в современном понимании возникают у него только после возбуждения уголовного дела.

Предложенные меры не являются исчерпывающими или единственно верными, а представляют собой основу проекта, некий «скелет», появление которого объективно продиктовано потребностями практики. Возможно, в переходном периоде стадию возбуждения уголовного дела стоит сохранить, существенно расширив перечень следственных и процессуальных действий, проводимых в период проверки сообщения о преступлении. Что же касается будущего уголовного судопроизводства, то оно нам видится уже без стадии возбуждения уголовного дела.

Такмаков Е. А.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В соответствии с п. 41 ст. 5 УПК РФ следователь – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 38 УПК РФ фигура следователя определяется иначе: «Следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной указанным кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу».

Как видно из анализа указанных норм, содержание п. 41 ст. 5 УПК РФ шире по отношению к определению следователя, которое дано в ч. 1 ст. 38 УПК РФ. В связи с этим в литературе возникли споры связанные с определением понятия «следователя». Так, например, В. М. Быков считает, что следователь – это должностное лицо, уполномоченное в пределах своей компетенции осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ².

По нашему мнению, в понятии «следователь», которое содержится в УПК РФ необходимо заменить термин «предварительное следствие» на «предварительное расследование», поскольку дознание по уголовным делам может также производиться следователями (п. 8 ст. 5 УПК РФ).

В понятие «следователь» следует включить полномочие по возбуждению уголовного дела. Так как оно является одним из важных решений, принимаемых следователем.

Таким образом, можно дать следующее определение следователя – должностное лицо, уполномоченное возбуждать уголовное дело и в пределах своей компетенции осуществлять предварительное расследование, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

В настоящее время предварительное следствие по уголовным делам осуществляется следователями Следственного комитета России, следователями органов внутренних дел России, а также следователями ФСБ России.

Следует отметить, что процессуальный статус следователей одинаковый независимо от их должностного положения и ведомственной принадлежности. Главное отличие состоит в подследственности, которая разграничивает их компетенцию. Так, следователи СК РФ расследуют дела об убийствах (ст. 105 УК РФ); причинении смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ), против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 131–135 УК РФ), посягающие на конституционные права и свободы граждан (например: ст. 139, 140 УК РФ и др.), преступления в сфере экономики (ст. 170.1, 172.1 УК РФ) и др.

---

¹ © Такмаков Е. А., 2021.

² Быков В. М. Следователь в уголовном процессе России. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 8.

Следователи органов ФСБ РФ расследуют уголовные дела, связанные с контрабандой денежных средств, совершенной в особо крупном размере и (или) группой лиц (ч. 2 ст. 200.1 УК РФ), незаконным экспортом из Российской Федерации или передаче сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконным выполнением работ (оказании услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189 УК РФ), связанные с преступлениями посягающими на основы конституционного строя и безопасности государства (ст. 275, 277 УК РФ и др.), против общественной безопасности (ст. 205, 208 УК РФ и др.).

Самая большая подследственность у следователей ОВД РФ. Так, к их подследственности относятся: преступления против здоровья (ст. 111, 112 УК РФ и др.), некоторые преступления против собственности (ч. 2–4 ст. 158, ч. 2–7 ст. 159 УК РФ и др.), отдельные преступления в сфере экономической деятельности (ч. 2 ст. 171, 171.3 УК РФ и др.), преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов (ч. 2 и 3 ст. 228, 228.1 УК РФ и др.), а также другие преступления.

Рассмотрев понятие «следователь», а также обозначив ведомства, в которых они присутствуют, необходимо исследовать функции следователя в уголовном процессе. Под уголовно-процессуальной функцией понимается установленный уголовно-процессуальным законом вид деятельности того или иного участника уголовного судопроизводства, обусловленный его ролью, задачами и целью участия в деле¹.

Некоторые авторы считают, что следователь выполняет лишь одну уголовно-процессуальную функцию – расследование преступлений (Н. И. Ревенко; В. В. Колодко; З. В. Макарова)².

А. С. Шейфер полагает, что следователь выполняет функцию всестороннего, полного и объективного исследования уголовного дела³.

Д. М. Берова считает, что следователь выполняет исключительно функцию обвинения, а она в свою очередь включает в себя ряд подфункций:

- 1) уголовное обвинение;
- 2) обвинение в узком смысле слова (формулирование обвинения, его предъявление и доказывание);
- 3) поддержание обвинения в суде⁴.

В. М. Быков выделяет у следователя три функции: расследование преступлений, обвинения и функцию разрешения уголовного дела¹. С. В. Лаврухина

¹ Байрамов Ш. Ш. Правовая природа процессуальных функций / Ш. Ш. Байрамов // Российский следователь. 2015. № 7. С. 17.

² Ревенко Н. И. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России / Н. И. Ревенко. Омск, 2006. С. 118 ; Колодко В. В. Уголовно-процессуальная функция расследования / В. В. Колодко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 2. С. 47 ; Макарова З. В. Уголовно-процессуальная функция следователя в российском уголовном судопроизводстве / З. В. Макарова // Правоведение. 2006. № 5. С. 22.

³ Шейфер С. А. Российский следователь – исследователь или преследователь? / С. А. Шейфер // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34–36.

⁴ Берова Д. М. О функциях следователя в уголовном судопроизводстве / Д. М. Берова // Современные тенденции науки и технологий. 2016. № 3–7. С. 31–32.

и Ю. С. Комягина, критикуя концепцию В. М. Быкова, указывают, что разрешение уголовного дела – это не функция следователя, а процесс решения задач расследования преступления, который вновь может быть сопряжен с реализацией следователем различных функций².

Ряд авторов полагает, что следователь обладает уголовно-процессуальной функцией защиты, поскольку следователь совершает процессуальные действия, направленные на защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых. Так, Л. В. Головкин утверждает, что относить следователя к участникам со стороны обвинения неправильно, так как ошибочное это привело к противоречиям в законе, когда на следователя *de facto* возлагается и функция защиты³.

Говоря о двойственности функции следователя (обвинения и защиты), нельзя не отметить Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П, в котором постановлено следующее: «...положения части второй статьи 15 УПК Российской Федерации не исключают необходимость использования прокурором, следователем, дознавателем в процессе уголовного преследования всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Осуществление указанными лицами своей процессуальной функции именно в таком объеме, гарантируемое особым процессуальным статусом и полномочиями прокурора, следователя, дознавателя...»⁴.

Таким образом, Конституционный Суд РФ отмечает «особый процессуальный статус» следователя, который позволяет ему осуществлять действия, направленные на защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

На наш взгляд, стоит выделить точку зрения А. Н. Халикова, согласно которой следователь осуществляет две функции: обвинения и предварительного расследования⁵. Согласно п. 22 ст. 5 УПК РФ: обвинение – утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ.

Делая вывод относительно уголовно-процессуального статуса следователя, логичным видится утверждение о том, что следователь вообще не должен относиться к стороне обвинения и выполнять функцию обвинения в уголовном процессе, так как уголовно-процессуальной функцией следователя является установление истины по уголовному делу.

¹ Быков В. М. Следователь в уголовном процессе России / В. М. Быков. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 14.

² Лаврухин С. В. Процессуальные функции следователя / С. В. Лаврухин, Ю. С. Комягина // Российский следователь. 2014. № 9. С. 18.

³ Курс уголовного процесса / [А. А. Арутюнян и др.]; под ред. Л. В. Головкина. М. : Статут, 2016. С. 49.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 280.

⁵ Халиков А. Н. Функции предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / А. Н. Халиков // Российский судья. 2009. № 7. С. 38.

Толманов А. Н.¹,

*преподаватель кафедры организации и обеспечения раскрытия
и расследования преступлений Тверского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ФАКТИЧЕСКОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ (ЗАХВАТ) И ДОСТАВЛЕНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Реализация государством властных полномочий, выражающихся, в частности, в применении мер принуждения, пожалуй, в наибольшей степени проявляется в уголовно-процессуальном праве. Их частью является задержание подозреваемого. Многогранность толкования, связь с различными сферами регулирования и институтами, совокупность зависимых действий не одно десятилетие являются камнем преткновения различных подходов к пониманию отдельных аспектов и элементов института задержания.

Одной из проблем, вызвавшей множество научных дискуссий, является вопрос о правовой природе и нормативном регулировании фактического задержания (захвата) лица по подозрению в совершении преступления и его доставления. Необходимость обращения к данной проблеме обусловлена, во-первых, обеспечением прав и свобод лица, реально в них ограниченного, но с формальной позиции закона не имеющего статуса и средств защиты, во-вторых, правовая неопределенность создает опасность незаконных и необоснованных ограничений прав личности, злоупотреблений властью.

Не отрицая значимость и ценность идей и работ многих ученых-процессуалистов², внесших существенный вклад в развитие теоретических положений, правового регулирования и практики производства задержания подозреваемого, обратимся к некоторым современным исследованиям и подходам по заявленному вопросу.

Предлагая компромиссный подход к пониманию сущности задержания подозреваемого и заключающийся в его рассмотрении, как минимум, в четырех ипостасях, С. Б. Россинский в развитии своих исследований делает вывод об имплементации понятия «задержание подозреваемого» и отсутствию в уголовно-процессуальном законе формулы «фактическое задержание и доставление – это акты уголовно-процессуальной деятельности»³. Отмечая неоднородность

---

¹ © Толманов А. Н., 2021.

² См.: Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания / И. М. Гуткин. М. : Академия МВД СССР, 1980 ; Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и уголовно-процессуальное принуждение / И. Л. Петрухин. М. : Наука, 1989 ; Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого / В. Н. Григорьев. М. : ЮрИнфоР, 1999 и многие другие.

³ Россинский С. Б. К вопросу о сущности и правовой природе задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1 (74). С. 174–185 ; Россинский С. Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого / С. Б. Россинский // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2018. № 8 (141). С. 70–71, 73.

складывающихся при фактическом задержании (захвате) и доставлении правоотношений с «классическими» уголовно-процессуальными отношениями, ученый видит бессмысленной и невозможной формализацию их процедуры и включения в сферу уголовно-процессуального регулирования.

Отмечая постепенное размывание понятия подозреваемый и отсутствие по сей день законодательного решения вопроса о правовой природе действий с момента фактического задержания до составления протокола задержания (освобождения задержанного), О. В. Химичева и Д. В. Шаров рассматривают задержание, начиная с физического ограничения свободы, как единый уголовно-процессуальный институт, который впоследствии лишь получает процессуальное закрепление¹. Утверждая о согласованности данного подхода с положениями УПК РФ, ученые не видят необходимости выделять и тем более противопоставлять «фактическое задержание» некоему «процессуальному». Однако существующая неопределенность создает сопутствующие проблемы, в частности, обеспечения прав лица, уголовно-процессуальным статусом по формальным основаниям не обладающего, но по сути являющегося таковым.

Разграничивая фактическое и юридическое задержание, А. В. Победкин и В. Н. Яшин указывают, что только в момент составления протокола может считаться состоявшимся уголовно-процессуальное задержание, а действия по фактическому захвату и доставлению задержанного в орган дознания или к следователю не влекут возникновения уголовно-процессуальных отношений. В конкретной ситуации они являются деятельностью административной либо не имеющей уголовно-процессуального и административного характера².

Вывод о том, что фактическое задержание лица на месте совершения преступления не влечет появления отраслевого уголовно-процессуального статуса «подозреваемый», делает С. В. Супрун, исследуя содержащееся в п. 15 ст. 5 УПК РФ понятие «момент фактического задержания». Выделяя в его структуре два ключевых понятия, «лишение свободы» и «подозреваемый», и анализируя их сущность, ученый, ссылаясь на позицию Конституционного Суда РФ³, говорит о существовании, наряду с процессуальным, конституционного статуса подозреваемого, не связанного с его официальным признанием и, следовательно, реализация прав которого (в частности, речь идет о предоставлении помощи адвоката) не может быть ограничена федеральным законодателем⁴.

---

¹ Химичева О. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления / О. В. Химичева, Д. В. Шаров // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 5. С. 56–61.

² Победкин А. В. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя / А. В. Победкин, В. Н. Яшин // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2018. № 1. С. 16–24.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30320.pdf> (дата обращения: 23.11.2020).

⁴ Супрун С. В. Фактическое задержание: буквальное толкование п. 15 ст. 5 УПК / С. В. Супрун // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2011. № 4 (43). С. 25–27.

Представляется, что придание фактически задержанному, но формально не наделенному уголовно-процессуальным статусом, лицу конституционно-правового базиса, «ответственным» за обеспечение прав задерживаемого лица определяет уголовно-процессуальный закон, особенно на этапе фактического задержания (захвата) и доставления. В связи с этим, в частности, П. В. Фадеев, полагает целесообразным нормативно закрепить понятие «задержанный», на которого бы распространялись права и обязанности подозреваемого и что обеспечило бы предупреждение возможных нарушений его прав и свобод и оказание ему правовой помощи¹, Ю. Г. Овчинников считает необходимым установить обязанность производящих фактическое задержание сотрудников правоохранительных органов на месте его совершения незамедлительно сообщать лицу о преступлении, за которое он задержан, и разъяснить право хранить молчание и право на защитника, что должно найти отражение в отдельном протоколе и заверено подписью задержанного сразу же после его доставления², и т. д.

Указывая, что фактическое задержание (захват) на месте совершения преступления и последующее доставление (передачу органам власти) задержанного может осуществить любое лицо (потерпевший или свидетель), некоторые ученые-материалисты предлагают определять уголовно-правовую составляющую базовой частью понятия задержание лица, совершившего преступление³. В связи с тем, что в сферу уголовно-правового регулирования возникающие в процессе фактического задержания (захвата) лица отношения вводит лишь факт причинения задерживаемому лицу вреда⁴, по нашему мнению, данный подход оставляет без внимания и не учитывает процессуальные последствия фактического задержания.

Исследуя вопрос о правовой основе фактического задержания, произведенного гражданином, А. А. Сумин дает оценку задержанию как длящемуся уголовно-процессуальному действию, начинающемуся в момент фактического задержания и завершающемуся составлением протокола задержания или освобождением доставленного⁵. Анализируя отечественные законодательство и судебную практику, практику закрепления процедуры гражданского ареста в законодательстве зарубежных стран, ученый делает вывод об обоснованности его

---

¹ Фадеев П. В. Подозреваемый и проблемы, возникающие при его задержании / П. В. Фадеев // Проблемы обеспечения национальной безопасности : сборник статей Международной научно-практической конференции. М. : ИП Черняева Ю. И., 2020. С. 79–84.

² Овчинников Ю. Г. К вопросу обеспечения конституционного права подозреваемого на участие защитника в момент задержания / Ю. Г. Овчинникова // Адвокатская палата. 2014. № 1. С. 45–51.

³ Куликов А. В. К вопросу разграничения понятий уголовно-правового и уголовно-процессуального задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / А. В. Куликов, Г. А. Чобанов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 25–33.

⁴ Гончаров Д. Ю. Об отличиях регулирования задержания в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве / Д. Ю. Гончаров // Российский следователь. 2014. № 5. С. 49–51.

⁵ Сумин А. А. Задержание по подозрению в совершении преступления: некоторые правовые вопросы / А. А. Сумин // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 43–46.

рассмотрения как уголовно-процессуального института и возможности закрепления в уголовно-процессуальном законе.

Таким образом, до сих пор нет единства мнений ученых в подходах к правовой природе и процессуальному регулированию фактического задержания (захвата) и доставления, их отдельных аспектах. Необходимость разграничения фактического задержания (захвата) и доставления как уголовно-процессуальной категории от смежных правовых институтов и категорий, обусловлена, как ценностью ограничиваемых в процессе их осуществления конституционных прав и свобод задерживаемого лица, так и обеспечением законности и обоснованности применения мер принудительного характера. Изложенное позволяет сделать вывод, что фактическое задержание (захват) и доставление входят в содержание комплексной правовой категории, являются неотъемлемой частью последовательной совокупности зависимых от предшествующих действий, образующих единый уголовно-процессуальный институт задержания подозреваемого. Представляется, что выходом из ситуации должен стать диалог представителей науки, законодательной и правоприменительных сфер, обеспечивший совершенствование уголовно-процессуального закона, а не «победу» представителей какого-либо подхода.

*Терехов А. Ю.*¹,

заместитель начальника

Уфимского юридического института МВД России (по научной работе),

кандидат юридический наук, доцент

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО СЛОЖНОМУ УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Каждое совершенное преступление можно охарактеризовать как противоправный общественно опасный акт, посягающий на охраняемые уголовным законом интересы. Безусловно, совершение лицом или организованной преступной группой нескольких преступлений прямо указывает на антисоциальную направленность личностей виновных, их нежелание соблюдать законы и правила, установленные в обществе, что, как следствие, порождает рост профессиональной преступности.

Так, согласно статистическим данным о состоянии преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. организованными группами или преступными сообществами совершено 17 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, что на 8,6 % больше, чем в аналогичном периоде прошлого года. Также следует отметить, что удельный вес в общем числе расследуемых преступлений указанных категорий вырос с 7,4 % в январе–декабре 2019 г. до 7,8 %².

Особую актуальность вопросы, связанные с расследованием сложных многоэпизодных преступлений, приобретают в современных условиях. К сожалению, изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, меры, предпринимаемые для совершенствования подготовки специалистов для расследования преступлений, не успевают за масштабным расширением преступности. В январе–декабре 2020 г. зарегистрировано 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 73,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 14,5 % до 25 %³.

Ранее в публикациях на основе анализа действующего законодательства и практики его применения мы отмечали, что законодатель, характеризуя уголовные дела, отличающиеся сложностью или большим объемом, использует несколько терминов, среди которых: «фактическая сложность», «правовая и фактическая сложность», «особая сложность», «большой объем» и «множественность эпизодов». Какой-либо системы использования указанных терминов в УПК РФ не усматривается⁴. Это означает, что вывод о том, является ли уголовное дело сложным либо особо сложным, целиком и полностью возлагается

---

¹ © Терехов А. Ю., 2021.

² См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184> (дата обращения: 20.02.2021).

³ Там же.

⁴ Терехов А. Ю. К вопросу о терминологии, используемой законодателем для характеристики уголовного дела / А. Ю. Терехов // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 7.

на должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, а также на должностных лиц, осуществляющих ведомственный контроль и надзор за расследованием.

Обратившись к материалам судебной практики, мы видим следующее. Суды при рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей на срок, превышающий 6 месяцев, вместе с иными обстоятельствами, подлежащими проверке, обращали внимание на то, содержится ли в ходатайствах по делам о тяжких или особо тяжких преступлениях обоснованные положения, указывающие на особую сложность уголовных дел.

Так, в качестве примера обоснованной особой сложности уголовного дела следует указать на постановление Владикавказского гарнизонного военного суда от 22.05.2015, удовлетворившего ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей. Для обоснования сложности следователь указал следующие обстоятельства: давность событий преступлений (обвиняемый задержан спустя 13 лет после совершения преступления), обвинение в совершении преступлений, совершенных на территории иностранного государства, изменение обвиняемым своих анкетных данных (получение заграничного паспорта и паспорта гражданина Российской Федерации на имя другого лица), трудности, связанные с вызовом свидетелей, которые в связи с длительным временем, прошедшим после совершения преступления, неоднократно меняли места проживания, необходимость проведения большого объема следственных действий на территории различных субъектов Российской Федерации и, наконец, большой объем уголовного дела (26 томов).

Противоположным примером является случай, когда суд отказывает в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей, не найдя подтверждений об особой сложности уголовного дела. Так, 23.11.2015 Петрозаводский городской суд Республики Карелия не согласился с доводами следователя об особой сложности уголовного дела и отказал в продлении срока содержания под стражей. В ходатайстве следователь мотивировал особую сложность уголовного дела следующими обстоятельствами: объем уголовного дела (3 тома), производство осуществляется в отношении двух обвиняемых. В решении суд указал, что к уголовной ответственности привлекаются два задержанных по единственному эпизоду преступной деятельности, один из которых обвинение в совершенном преступлении, предъявленное в день задержания, не отрицал. 11.06.2015 была назначена судебно-психиатрическая экспертиза, постановление о назначении которой вместе с материалами уголовного дела были переданы экспертам только спустя 4 месяца – 20.10.2015 г. Также суд установил, что предыдущие ходатайства продления срока содержания под стражей обосновывались необходимостью производства одних и тех же следственных действий, часть из которых так и не была выполнена. Таким образом, в решении сделан вывод о том, что ни правовой, ни фактической сложности расследование данного уголовного дела не представляет, а имеет место неэффективная организация предварительного расследования.

В качестве еще одного примера следует привести случай, когда суд принимает решение о продлении срока содержания обвиняемого под стражей на срок свыше шести месяцев без детального анализа ходатайства на предмет наличия

обоснованных обстоятельств, указывающих на особую сложность уголовного дела (ч. 2 ст. 109 УПК РФ).

Районный суд г. Улан-Удэ Республики Бурятия удовлетворил ходатайство следователя о продлении срока содержания обвиняемого на один месяц, всего до семи месяцев четырех суток. Основаниями, указывающими на особую сложность уголовного дела, в ходатайстве следователя и в решении суда являлись: привлечение к уголовной ответственности трех обвиняемых по семи составам преступлений, в том числе тяжким, значительный объем материалов уголовного дела (три тома).

Решение суда о продлении срока содержания под стражей было отменено апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Бурятия, и в удовлетворении ходатайства следователя было отказано в виду того, что уголовно-правовая характеристика совершенных преступлений и количество обвиняемых не свидетельствовали об особой сложности уголовного дела¹.

Однозначно определить на момент проверки сообщения о преступлении или возбуждения уголовного дела, будет ли оно характеризоваться сложностью либо особой сложностью, не всегда возможно. Кроме этого, стоит различать сложность и трудоемкость уголовного дела.

В данном случае следует согласиться с мнением В. В. Трухачева, отмечающего, что трудоемкость производства по уголовному делу и его сложность не являются тождественными понятиями. Трудоемкость сама по себе не может указывать на сложность либо особую сложность уголовного дела². Безусловно, как единственный критерий трудоемкость может не указывать на сложность уголовного дела. Но в общей совокупности таких обстоятельств, как сложность установления отдельных элементов предмета доказывания, наличие противодействия обвиняемого, совершение преступлений в составе организованной группы (преступным сообществом, преступной организацией), трудоемкость будет автоматически свидетельствовать о сложности уголовного дела.

Таким образом, исходя из анализа материалов судебной практики, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день у правоприменителя нет четкого и однозначного понимания о понятии, признаках, содержании и видах сложности уголовного дела. В свою очередь действующее уголовно-процессуальное законодательство также не дает ответа на вопрос о содержании категории сложного или особо сложного уголовного дела.

Обозначенная нами проблема приводит к затягиванию предварительного расследования и последующего судебного разбирательства. В результате следует констатировать несовершенство правового регулирования по вопросам производства предварительного расследования сложных или особо сложных уголовных дел.

---

¹ См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения заключение под стражу и о продлении срока содержания под стражей : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017. URL: <http://www.vsrp.ru/documents/thematics/15185> (дата обращения: 15.12.2020).

² Трухачев В. В. Критерии сложности уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 2 (46). С. 389.

*Тооде Д. О.¹,
курсант 181 учебного взвода,
Факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:
*Емельянова Н. Ю.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС ИНСТИТУТА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Этап возбуждения уголовного дела возникла довольно недавно. Ранее, в Российской империи, такая стадия не предусматривалась. Первоисточником уголовного судопроизводства является «Русская правда», включающая сущность преследования и участников процесса. По мнению Д. Г. Тальберга: «в тот период истории русского права не было еще ясного представления об общественном вреде и интересе. На преступление существовал частноправовой взгляд. Уголовное преследование возбуждалось только по жалобе потерпевшего от преступления, его семьи или рода»². Обсуждать формирование такого института как возбуждение уголовного дела на тот момент было нельзя. В Российском государстве возбуждение уголовного дела не получило законодательного закрепления ни в Судебнике 1497 г., ни в Судебнике 1550 г., ни в Соборном уложении 1649 г.

В процессе реформации уголовно-процессуального законодательства происходит первичное формирование стадии, выраженное в проведении полицейского дознания и предварительного следствия, что не позволяет выделить ее в отдельную и самостоятельную стадию уголовного судопроизводства. В России при Царе такой процедуры, как о заведение уголовного дела, не было, в теории упоминали, но непонятно в каком аспекте, так как не было понимания что является частью-стадией». Ю. В. Деришев, утверждал, что «до начала реформы уголовное судопроизводство не предусматривало самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела». В результате судебной реформы, был сформирован Судебный устав от 20 ноября 1864 г., закрепивший в своих положениях понятие «возбуждение уголовного дела», выделяющий: формы предварительного расследования, поводы для возбуждения уголовного дела. Все же не был проработан ключевой момент – какой документ служит отправной точкой для возбуждения дела.

Стоит признать, ведь действительно на тот момент имело место лишь возбуждение уголовного преследования, которое не было окончательно формализовано и по своему значению только напоминало стадию возбуждения уголов-

---

¹ © Тооде Г. О., 2021.

² Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. Киев. 1889 г. Т. 1. С. 328.

ного дела, какой она представлена в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве, но таковым не являлось. На данном этапе постепенно формируются предпосылки для введения данного института, основной из которых, на мой взгляд, стало разделение форм досудебного производства, что вызывало необходимость о проверке либо перепроверки информации об обстоятельствах расследуемого деяния.

Более отчетливые черты «стадия возбуждения уголовного дела» обретает в советский период. Можно сказать, что тогда институт возбуждения уголовного дела, проходил некую стадию деградации, как и другие правовые институты. Такие принятые документы, как Декрет о суде № 1 от 24.11.1917 года, затем – постановление народного комиссара юстиции РСФСР от 18.12.1917 года «О революционном трибунале печати», внесли коррективы в понятие возбуждения уголовного дела, но в силу того, что проверочные мероприятия в целях установления достаточных и достоверных сведений по расследуемому событию не являлись процессуальным действием, так и не затронули вопрос о закреплении вышеупомянутого института как самостоятельной стадии. Аналогичная ситуация обстоит и с принятием первых кодифицированных уголовно-процессуальных законов в 1922 и 1923 гг. На данном этапе был закреплён порядок возбуждения уголовного дела, выделена отдельная глава, посвященная данному вопросу в УПК РСФСР 1923 г. Определенную роль в становлении института возбуждения сыграло принятие Конституции СССР 5.12.1936 г.

Законодательного закрепления институт возбуждения уголовного дела в течение долгого времени так и не обрел, но многие теоретики уже считали данную стадию самостоятельной. Так, В. Я. Вышинским 23.04.1934 г. в Резолюции было выделено: «Возбуждение уголовное дело и начать предварительное расследование без мотивированного постановления уполномоченного органа, утвержденного государственным обвинителем – невозможно»¹. М. С. Строгович в 1938 г. заявил: «Значение момента возбуждения уголовного дела на практике очень велико. Точное определение основания к возбуждению уголовного дела обеспечивает такой порядок, при котором судебные органы реагируют только на преступления; этим снижаются неосновательные возбуждения уголовных дел и связанные с этим стеснения для граждан, нецелесообразное распределение сил и средств следственно-судебного аппарата на расследование и разбор действий, лишенных общественно-опасного содержания, и как следствие не требующих вмешательства органов, основной задачей которых является борьба с преступностью. Процессуально-правовое значение возбуждения уголовного дела заключается в том, что оно служит основанием для производства всех дальнейших судебно-следственных действий по расследованию и разрешению уголовного дела...»². Лишь при нормативном и законодательном закреплении возможно дискутировать о стадии возбуждения уголовного дела. Такое появилось только в 1960 г. с принятием УПК РСФСР, что было неизменно вплоть до реформы 1991 г. В наше время стадия возбуждения уголовного дела

---

¹ Первое Всесоюзное совещание прокурорско-следственных работников от 23 апреля 1934 года в тексте резолюции. П. 13. С. 78.

² Строгович М. С. учебник уголовного процесса. М., 1938. С. 104.

закреплена в настоящем уголовно-процессуальном кодексе и является неотъемлемой частью в уголовно-процессуальной деятельности, имеющая ключевое значение. Существует ряд противников данной позиции. С. О. Гирько считает: «Допускается отказ в возбуждении уголовного дела, при условии, что производство по делу будет считаться начатым с подачи заявления или сообщения о преступлении»¹. Подобного воззрения придерживается Б. Я. Гаврилова: «процессуальный порядок производства по уголовному делу должен быть принципиально переработан с исключением положений из УПК РФ»². Немало мнений есть на этот счет, я же придерживаюсь и считаю справедливой позицию Н. Н. Полянского: « возбуждение уголовного дела было признано самостоятельной стадией из-за процессуально-правовой значимости этого акта, обеспечивающего успешность и решительность борьбы с преступлениями и ограждающего граждан от неосновательного стеснения их прав в связи с производством расследования по уголовному делу»³.

Подводя общий итог, можно отметить следующее. Возникновение стадии возбуждения уголовного дела показывает, что она полностью служит для объективного и правомерного рассмотрения уголовного дела, является ответчиком за конституционные права лиц, участвующих в судопроизводстве, что является наиболее важным приоритетом для государства. Отсутствие данного института как такового, на мой взгляд, привело бы к невозможности всецело и объективно проводить проверку о совершенном преступлении, ограничивать преступления от правонарушения, своевременно расследовать преступления в разумный срок, четко определять круг участников, которые уполномочены на проведение процессуальных действий.

Список использованной литературы:

1. Тальберг, Д. Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Д. Г. Тальберг. – Киев, 1889. – Т. 1. – С. 328.
2. Деришев, Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России / Ю. В. Деришев. – Омск, 2004. – С. 197.
3. Резолюция, созданная на первом Всесоюзном совещании прокурорско-следственных работников от 23.04. 1934 года. П. 13. С. 78.
4. Строгович, М. С. Учебник уголовного процесса / М. С. Строгович. – М., 1938. – С. 104.
5. Гирько, С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства / С. И. Гирько // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 16.
6. Полянский, Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – М., 1960.

---

¹ Гирько С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства / С. И. Гирько // Российский следователь. 2010. № 15. С. 16.

² Гаврилов Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения / Б. Я. Гаврилов // Российский следователь. 2010. № 15. С. 18.

³ Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н. Н. Полянский . М., 1960.

Торопчин А. Б.¹,

слушатель факультета заочного обучения

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Мичурина О. В.,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

О ПРЕДЕЛАХ ПРИМЕНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Обращаясь к теоретическим воззрениям в юридической литературе о принуждении, можно заметить, что там нет четко сформулированного понятия психического принуждения или, как его еще называют, «психического воздействия». Достаточно часто происходит отождествление этих двух дефиниций². Попробуем не только определить пределы психического принуждения при производстве следственных действий, но и сформулировать его понятие.

С нашей точки зрения, психическое принуждение при производстве следственных действий представляет собой определенного рода процесс, который заключается в психическом воздействии на психику, сознание и волю лица, вовлеченного в его производство, для того, чтобы получить от лица желаемый результат следственного действия (доказательство) или выполнение им определенного действия, либо обратное – воздержание от него. У лица, на которое оказывается такое воздействие, нет альтернативы выбора, кроме как подчиниться требованиям государственного органа и должностного лица, производящего следственное действие. Но могут ли эти требования выступать в виде угроз наступления неблагоприятных последствий в адрес такого лица или же его близких, а также иных лиц? В соответствии с нормами действующего уголовно-процессуального закона (ст. 9 УПК РФ), в описываемой ситуации действует строгий запрет на осуществление психического принуждения путем насилия, угроз, издевательств, шантажа и иного другого унижающего человеческое достоинство обращения. Таким образом, ориентиры к пределам применения психического принуждения через запреты в законе намечены. Пусть они звучат размыто и не так четко, как хотелось бы, но определенные границы, за которые нельзя переходить государственному органу и должностному лицу, осуществляющему уголовное судопроизводство, уже нам ясны. Это может быть любое незапрещенное законом психическое воздействие на сознание и волю участника следственного действия. Под запрещенным воздействием подразумеваются насилие, угрозы, издевательства, шантаж и иное другое унижающее челове-

---

¹ © Торопчин А. Б., 2021.

² См., к примеру: Васько Е. В. Психическое и психологическое воздействие в уголовном процессе – к определению понятия / Е. В. Васько // Российский психологический журнал. 2010. № 1. (Том 7). С. 25–36.

ское достоинство обращение. Есть ли еще какие-то запреты способов психического принуждения, исходя из того объекта, на которое оно направлено? На всех ли участников производства следственных действий можно оказывать в равной мере разрешенное законом психическое принуждение?

В практической деятельности следователя или дознавателя при производстве следственных действий часто возникают негативные ситуации, когда лицо пытается ввести их в заблуждение путем предоставления ложной информации или же умолчания о событии преступления в своих личных целях или интересах определенного круга лиц. Для того чтобы не допустить подобное, законодатель предусмотрел уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний. К примеру, свидетель несет уголовную ответственность в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ. Под так называемой психической угрозой привлечения к уголовной ответственности лицо (в рассматриваемой нами ситуации – свидетель) осознает имеющиеся последствия и, несомненно, будет давать истинные показания по уголовному делу, что приведет к реализации назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 УПК РФ.

Нарушит ли пределы психического принуждения следователь или дознаватель, разъяснив свидетелю уголовную ответственность за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний? Однозначно, что нет. Отсюда делаем вывод, что судить о неправомерности действий должностного лица путем применения психического принуждения в описываемом случае будет необоснованно. Законодатель сам допустил возможность психического принуждения в отношении тех участников уголовного судопроизводства, кто обязан давать показания, и несет за отказ дачи показаний уголовную ответственность (свидетель, потерпевший, эксперт, специалист, переводчик). При этом следует учитывать, что для любого допрашиваемого лица (независимо от процессуального статуса) предусмотрена законом гарантия – не свидетельствовать против себя самого, своего супруга, близких родственников (ст. 51 Конституции РФ, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Во всех остальных случаях органы предварительного расследования на законных основаниях могут потребовать выполнение от свидетеля, потерпевшего, специалиста, эксперта и переводчика возложенных на них процессуальных обязанностей по даче показаний. В случае же их отказа от дачи показаний органы предварительного расследования могут свое требование перевести в принудительный формат, применив меры психического воздействия.

Что же касается подозреваемого и обвиняемого, то в силу того, что дача показаний для них право, а не обязанность, реализовывать в процессе их допроса психическое принуждение вряд ли допустимо. Но это не означает, что подозреваемого и обвиняемого нельзя подвергнуть психическому принуждению. На них предусмотренная законом обязанность выполнить законные требования органа предварительного расследования, а именно: подвергнуться освидетельствованию, предоставить образцы для сравнительного исследования, подчиниться судебному решению о производстве обыска и прочее.

Следует учитывать, что отличительной особенностью применения психического принуждения в уголовном судопроизводстве является то, что за требова-

нием лица, наделенного властно-распорядительными полномочиями, всегда следует та или иная санкция правовой нормы, представляющая собой последствия при отказе выполнить требования закона, а именно: применение мер процессуального принуждения (меры пресечения, привод, наложение денежного взыскания и др.); привлечение к уголовной ответственности (за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний); физическое принуждение (при освидетельствовании, получении образцов для сравнительного исследования, обыске, выемке и пр.). Следует дифференцированно учитывать выбор этих средств, в зависимости от участника уголовного судопроизводства, конкретного следственного действия и иных других важных обстоятельств. Использование методов, оказывающих запрещенное законом психическое давление на волю и поведение человека, запрещено.

Если в действиях следователя и дознавателя при производстве следственных действий будут иметь место угрозы или шантаж, то это можно рассматривать как превышение допустимых законов пределов психического принуждения. К примеру, такие незаконные действия при производстве допроса могут содержать признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ (принуждение к даче показаний). Для недопущения подобного государственным органам и должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство, необходимо повышать уровень своих профессиональных навыков и четко соблюдать ту грань, за которую законом выйти не допускается, чтобы не оказаться под «карающим мечом правосудия».

С нашей точки зрения, применение психического принуждения при производстве следственных действий должно быть ровно столько и в той степени, сколько это необходимо для собирания доказательств в целях разрешения уголовного дела, но не более. Следователь и дознаватель должны убедить лицо, которое не желает добровольно выполнить свою процессуальную обязанность или препятствует в осуществлении следственного действия, изменить свое решение. Ему должны быть разъяснены правовые последствия (санкции), которые наступят в случае невыполнения законных требований.

Хотелось бы согласиться с О. В. Мичуриной, что «принуждение в форме психического воздействия и даже не принуждения, а убеждения могли бы благополучно разрешить проблему»¹. Действительно, именно психическое принуждение, а нередко даже убеждение выступают более эффективными средствами воздействия на участников следственных действий в целях достижения назначения уголовного судопроизводства.

---

¹ Мичурина О. В. О соблюдении разумного баланса между допустимостью принуждения и его запретом при производстве отдельных следственных действий / О. В. Мичурина // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 154.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что психическое принуждение, в том числе более общее понятие «процессуальное принуждение», размыты в теории уголовного процесса по причине того, что нормативно не закреплены. Между тем, нарушение пределов принуждения несет негативные последствия, как в отношении того, кого они нарушены, так и в отношении того, кто их нарушил. В УПК РФ следует предусмотреть норму, где были бы четко определены пределы процессуального принуждения (не только психического, но и физического), за которые не мог бы выходить государственный орган и должностное лицо, осуществляющие уголовное судопроизводство¹.

---

¹ Надо признать, что мнения практических работников органов внутренних дел относительно предлагаемой новеллы разделились почти поровну. Так, из числа всех опрошенных нами респондентов 26,6 % высказались за целесообразность включения в УПК РФ отдельной нормы, устанавливающей пределы психического и физического принуждения, 28,4 % практических работников органов внутренних дел не видят в этом необходимости по причине сложности установления критериев, а 45 % – затруднялись однозначно ответить на поставленный вопрос. Безусловно, что позицию последних тоже можно понять.

Федулова И. И.¹,

*преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ

В соответствии с УПК РФ в Российской Федерации предварительное расследование производится в форме предварительного следствия и дознания. Если говорить о предварительном следствии, то следует отметить, что это достаточно устойчивая форма предварительного расследования и в нормы, регламентирующие порядок его производства редко вносятся какие либо серьезные изменения. Однако в нормы, регламентирующие порядок производства дознания, довольно часто вносятся дополнения либо изменения, направленные на его совершенствование. Но, несмотря на это, существует ряд проблемных вопросов, возникающих в деятельности дознавателей при расследовании уголовного дела в форме дознания.

До сих пор достаточно дискуссионным остается вопрос относительно сокращенной формы производства дознания². И это совершенно объяснимо, так как детальный анализ главы 32.1 УПК РФ показывает, что некоторые ее положения вызывают определенные вопросы.

Так, например, в соответствии с п. 2 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель в рамках сокращенной формы дознания обязан провести только те следственные и иные процессуальные действия, невыполнение которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств. Считаем, что здесь стоит рассматривать невосполнимую утрату как оценочное явление. Исходя из этого, это может отразиться на конкретном предмете доказывания в рамках уголовного дела.

Следует сказать, что в данном случае лицо проводящее дознание будет полагаться на свое личное мнение по поводу понимания «опасности» утраты следов преступления. Также речь идет об особенностях доказывания, продиктованных ограниченными познавательными задачами, решаемыми в рамках дознания в сокращенной форме. Тем не менее и в ограниченном режиме доказывания его пределы тоже могут быть различными, в зависимости от конкретной ситуации, которая складывается во время расследования уголовного дела. Кроме того, не стоит забывать, что, собирая доказательства по уголовному делу, всегда надо помнить: потерпевший и подозреваемый в любую минуту имеют право отказаться от сокращенной формы расследования. А это означает, что доказательства должны быть собраны в достаточном количестве в дальнейшем для производства дознания в общем порядке.

Следует остановиться и на п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ. Трактовка данного положения говорит о том, что лицо проводящее дознание имеет право не про-

---

¹ © Федулова И. И., 2021.

² Игнатова Е. А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики / [Игнатова Е. А. и др.]. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 56–57.

верить доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. Отметим, что здесь существует определенный риск, так как подозреваемый, его защитник, а также потерпевший могут вступить в сговор между собой, а это может породить ряд трудностей при дальнейшем расследовании уголовного дела. Такие случаи, к сожалению, имеют место быть. Сама автор, ранее проходив службу в органах внутренних дел в должности дознавателя, сталкивалась с такой ситуацией.

Учитывая изложенное, считаем, что проводящему дознание лицу необходимо проверять все собранные доказательства по уголовному делу, чтобы исключить возможность нарушения закона.

Также необходимо провести анализ и п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ. В соответствии с данным положением дознаватель вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые специалист уже дал на момент проверки сообщения о преступлении. При этом в подпункте «в» данной нормы четко оговаривается: если содержатся основания, закрепленные ст. 196 УПК РФ, т. е. основания обязательного назначения экспертиз, то в ходе производства сокращенного дознания следует назначить экспертизу.

Анализируя данное положение законодательства, следует сказать, что в случае назначения экспертизы, например, для определения характера и степени вреда, причиненного потерпевшему преступными действиями, дознаватель за пятнадцать суток не всегда может окончить расследование уголовного дела. Дело в том, что сам процесс сбора всех необходимых документов для производства экспертизы, ознакомление участников с постановлением о назначении экспертизы, производство самой экспертизы, ознакомление с результатами данного исследования может занять достаточно большое количество времени, а это уже нарушает само назначение сокращенного дознания.

Сокращение пределов доказывания осуществляется с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела по усмотрению лица производящего дознание. Но с такой позицией дознавателя может не согласиться прокурор, когда получит на рассмотрение уголовное дело с обвинительным постановлением. Если он решит, что собранных доказательств недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления, то уголовное дело будет направлено дознавателю для производства дознания в общем порядке.

Достаточно часто в практической деятельности возникают случаи, когда прокуроры возвращают уголовные дела дознавателю для проведения каких-либо следственных и иных действий, чем увеличивают пределы доказывания. В таких случаях существование сокращенного дознания ставится, на наш взгляд, под сомнение, так как его смысл теряется и напротив, возникает больше трудностей в процессе расследования уголовного дела. С такой позицией согласились 95 % дознавателей г. Москвы и Московской области, прошедших анкетирование, проведенное автором.

Содержание под «в» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ говорит о том, что субъективная оценка дознавателя или прокурора решает важный для расследования вопрос об объеме сбора доказательств и целесообразности производства каких-либо след-

ственных и процессуальных действий. Недостаточная доказательная база будет объективной причиной снижения эффективности процессуальной деятельности.

Пределы доказывания не должны содержать наибольший объем собранных по уголовному делу доказательств и проведение следственно-процессуальных и иных действий, то есть количественная составляющая в данном случае не имеет значения. Доказательственная база, не смотря на минимальный объем, должна быть полной и достаточной в плане значимости полученной информации, отражать объективную действительность совершенного деяния, а также являться достаточной для вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения по уголовному делу.

Отметим, что и в научных кругах с осторожностью относятся к вопросу о сокращении обстоятельств доказывания по уголовному делу. Так, А. В. Романова справедливо отмечает, что сокращение числа обстоятельств доказывания негативно влияет на степени защищенности прав человека в уголовном судопроизводстве, закрепленные на конституционном уровне¹.

Подводя итог всему сказанному, полагаем, что при производстве дознания в сокращенной форме по уголовным делам обстоятельства, закрепленные в ст. 73 УПК РФ, должны быть доказаны в полном объеме, дабы избежать различного рода сложностей. Так как при сокращении предмета доказывания есть вероятность производства неэффективного расследования, что в свою очередь способствует нарушению законности и обоснованности решения по уголовному делу, а также соблюдению прав и законных интересов участников процесса.

Список литературы:

1. Игнатова, Е. А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики / [Игнатова Е. А. и др.]. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 200 с.
2. Романова, А. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме / А. В. Романова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 2. – С. 88–92.

---

¹ Романова, А. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме / А. В. Романова // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2. С. 88–92.

*Химичев М. В.*¹,

студент 3 курса юридического факультета

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Научный руководитель:

Головко Л. В.,

заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия

и прокурорского надзора юридического факультета

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,

доктор юридических наук, профессор

ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Современное российское уголовное судопроизводство после отхода от советской формы уголовного процесса еще не до конца сформировалось в качестве самостоятельной, устойчивой и непротиворечивой конструкции и продолжает испытывать на себе воздействие со стороны зарубежных уголовно-процессуальных моделей.

Данный вектор нашел отражение в предпринимаемых частью российской юридической общественности настойчивых попытках заимствования некоторых уголовно-процессуальных институтов европейских государств, в частности института следственного судьи, который хорошо известен, например, французскому и бельгийскому правопорядкам.

Причем, подобное влияние западных правовых моделей, исподволь оказываемое на Россию в настоящее время, затронуло и другие государства бывшего СССР, ряд из которых уже «внедрили» процессуальную фигуру следственного судьи (например, Украина² и Казахстан³).

Началом серьезной юридической дискуссии о возможной имплементации следственных судей в российское уголовное судопроизводство стало соответствующее поручение Президента РФ по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, данное 14 октября 2014 г. Верховному Суду РФ⁴.

Прорабатывая этот вопрос, 25 декабря 2014 г. Верховный Суд России обратился в Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека для конкретизации предложений, связанных с институтом след-

---

¹ © Химичев М. В., 2021.

² Пункт 18 ч. 1 ст. 3 Уголовного процессуального кодекса Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2020) // Информационная система «Континент». URL: <http://continent-online.com/> (дата обращения: 20.01.2021).

³ Пункт 47 ст. 7, ст. 55 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.11.2020) // СПС «Параграф». URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/47174> (дата обращения: 20.01.2021).

венного судьи¹. В ответе на данный запрос профессором Т. Г. Морщаковой были сформулированы цели создания института следственного судьи, его задачи, полномочия этого нового участника уголовного процесса, а также необходимые организационные изменения в судебной системе. Так, к числу полномочий следственного судьи предлагалось отнести дачу разрешения органам предварительного расследования на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права личности, депонирование доказательств², проверку законности и обоснованности возбуждения уголовного дела против конкретного лица, привлечения лица в качестве обвиняемого, окончательного обвинения, содержащегося в обвинительном заключении.

Горячо поддержал инициативу введения следственных судей в российский уголовный процесс советник Конституционного Суда РФ профессор А. В. Смирнов, с точки зрения которого данный институт уже существовал в русском дореволюционном уголовном судопроизводстве, однако, носил иное название – судебный следователь. Несмотря на различные наименования, профессор полагает, что сущность обоих институтов одинакова: «публичный судебный контроль над предварительным расследованием и обеспечение его состязательного характера»³.

В своем проекте А. В. Смирнов приводит следующее определение следственного судьи: «это *судья первой инстанции*, действующий в пределах полномочий, предусмотренных УПК на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, и не участвующий в рассмотрении уголовных дел по существу, пересмотре судебных решений <...>. По делам, отнесенным к его подсудности, он осуществляет правосудие в форме судебного контроля за соблюдением конституционных прав личности, наличием законных оснований для передачи уголовного дела в суд, а также оказывает сторонам содействие в собирании судебных доказательств путем проведения судебных следственных действий»⁴.

Как видим, полномочия этого потенциально нового участника уголовного процесса в модели А. В. Смирнова в целом схожи с проектом, представленном Т. Г. Морщаковой. Однако профессор А. В. Смирнов предлагает более теоретически разработанную концепцию рассматриваемого института, весьма подробно перечисляя особенности производства по уголовным делам с участием следственного судьи, изменения в порядке судоустройства, а также территориальную и предметную подсудность следственного судьи.

Проанализируем некоторые положения проекта А. В. Смирнова, которые справедливо подвергаются критике со стороны многих ученых-процессуалистов.

Введение рассматриваемого института несет в себе значительные организационные проблемы. На это справедливо обращает внимание М. А. Михайлов, который указывает, что «трудно себе представить интенсивность работы след-

¹ URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/351/#doc-3> (дата обращения: 20.01.2021).

² Имеется в виду легализация собранных сторонами обвинения и защиты сведений в качестве судебных доказательств после их проверки.

³ Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе / А. В. Смирнов ; под общ. ред. Н. А. Колоколова // Аппарат власти следственной М., 2016. С. 286.

⁴ Там же. С. 288–289.

ственного судьи, исходя из расчетов о потребности штата следственных судей, предложенных автором концепции А. В. Смирновым: «четыре следственных судьи на субъект федерации и 366 следственных судей на всю Россию»¹.

Профессор А. Р. Белкин указывает на то, что «организация дополнительного судебного контроля за расследованием приведет к замедлению самого предварительного расследования, создаст много необоснованных препятствий и приведет к дополнительному, ничем не оправданному расходу времени, человеческих ресурсов и материальных средств»². Полагаем, что обозначенные А. Р. Белкиным негативные последствия могут привести также к массовому нарушению принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Против введения данного института высказывается профессор Л. В. Головкин, указывая на его «манипуляционный характер»: «на самом деле ни к апробированным европейским институтам, ни к оптимизации уголовной юстиции инициатива о следственных судьях отношения не имеет. Нас просто вынуждают не мытьем, так катаньем оставаться в русле общего постсоветского мейнстрима по принудительной американизации уголовного процесса»³.

Профессор Л. В. Головкин, скрупулезно проанализировав проект института следственных судей, отмечает, что обещаемая выгода в виде разгрузки районных судов обернется иной проблемой: «общая нагрузка на судебную систему, состоящую не только, как известно, из районных судов многократно возрастет, поскольку все функции районных судов перейдут на суды уровня субъекта федерации, а к ним добавится еще масса других полномочий. В этом плане тезис о снижении нагрузки на судебную систему просто-напросто противоречит здравому смыслу»⁴.

Государственные органы также не остались в стороне от этой научной дискуссии. Генеральная прокуратура Российской Федерации представила свою позицию касательно предложения о введении следственных судей в российский уголовный процесс. Помимо указания на очевидные недостатки проекта, например, дублирование одинаковых по своей сути процессуальных действий («сначала проверку доказательств осуществляет следственный судья на досудебной стадии, затем ту же оценку допустимости доказательств дает другой судья в ходе судебного разбирательства»⁵), обращено внимание на то, что предложения о «легализации в качестве судебных собранных сторонами доказательств порождены не только стремлением существенно выровнять возможности сторон обвинения и защиты, но и в целом *недоверием авторов к следственным органам*»⁶.

¹ URL: <http://www.iauaj.net/node/1777> (дата обращения: 20.01.2021).

² Каким быть аппарату власти следственной? Мнение профессора А. Р. Белкина / под общ. ред. Н. А. Колоколова // Аппарат власти следственной. М., 2016. С. 24–25.

³ Головкин Л. В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции процессе / Л. В. Головкин ; под общ. ред. Н. А. Колоколова // Аппарат власти следственной. М., 2016. С. 326.

⁴ Головкин Л. В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации российского уголовного процесса? / Л. В. Головкин ; под общ. ред. Н. А. Колоколова // Аппарат власти следственной. М., 2016. С. 323.

⁵ URL: <http://www.iauaj.net/node/1718#comment-1092> (дата обращения: 20.01.2021).

⁶ Там же (дата обращения: 20.01.2021).

Стоит сказать, что поручение Президента РФ вызвало довольно серьезную научную дискуссию, результатом которой явилось появление не только проектов Т. Г. Морщаковой и А. В. Смирнова, но и других научных работ об институте следственных судей: одни авторы предлагают различные «варианты введения» данного института в отечественный уголовный процесс¹, другие вообще высказываются за ликвидацию «следственной власти» и расширение судебного контроля².

Собственно, такой интерес к теме не случаен: многие ученые обращают внимание на изъяны действующего уголовно-процессуального закона, которые создают проблемы на практике, например, в части эффективности предварительного расследования³.

При этом ряд процессуалистов предлагает использовать отечественный исторический опыт, обращая внимание, что в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.⁴ «существовал институт следственного судьи как гарантия непредвзятой судебной защиты, начиная с предварительного следствия, формирования судебных доказательств исключительно под эгидой следственного судьи в судебной власти»⁵.

В ряде случаев ученые, активно продвигающие институт следственных судей и заявляющие об учете якобы исторического опыта, заблуждаются. В некоторых работах при обращении к фигуре следственного судьи не разграничены понятия «следственный судья» и «судебный следователь». Например, можно встретить такие суждения: «С 1860 года они [следственные судьи] были известны в России под названием судебные следователи, став неотъемлемой частью преобразований судебной системы, осуществленных в ходе реформы

---

¹ Машовец А. О. Варианты введения института следственного судьи в досудебное уголовное производство / А. О. Машовец // Вестник ЮУрГУ. 2015. № 4. С. 37–42, а также: Глянько О. А. Теоретико-правовая модель процессуального статуса следственного судьи : дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Глянько. М., 2019.

² «Нам надо иметь такое уголовное судопроизводство, которое соответствует общепринятым правовым стандартам *справедливого судебного разбирательства*. Прилагательное «судебное» определяет уголовный процесс как судебную деятельность. Уголовное судопроизводство – это деятельность суда или следственного судьи и других участников с целью принятия решения по возникшему уголовно-правовому спору. Значит, институт следственной власти, предварительного следствия должен быть ликвидирован». Цит. по: Александров А. С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации / А. С. Александров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. №2 (34). С. 411. См. также: Александров А. С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ / А. С. Александров. URL: <http://www.iuaj.net/node/1766> (дата обращения: 20.01.2021).

³ См. напр.: Васильев О. Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук / О. Л. Васильев. М., 2018. С. 3.

⁴ Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. Том 8. Судебная реформа. М., 1991. С. 118–384. Далее по тексту – УУС.

⁵ Афанасьев А. Ю. Следственный судья в уголовном процессе России: «Американизация» или возвращение к истокам? / А. Ю. Афанасьев, Д. А. Афанасьев // Наука. Мысль : электронный периодический журнал. 2015. №8. С. 67.

1864 г. С их появлением следственная функция была отделена как от полицейской, так и от прокурорской деятельности»¹.

Действительно, еще в дореволюционной литературе отмечалось, что «наиболее заимствованными из Франции в ряду наших судебных учреждений являются судебные следователи и кассационные департаменты Правительствующего Сената. Но и здесь творцы Судебных Уставов сумели быть «самобытными»².

В чем же проявилась эта «самобытность»? Да в том, что акты судебной реформы 60-х гг. XIX в. не просто скопировали модель французского следственного судьи, «переложив ее на новый лад», но и усовершенствовали ее – именно в УУС нашел отражение принцип полноты судебной власти (что судебная власть «ответственна за обеспечение законности и охраны прав граждан от преступлений»³). Отметим, что во Франции следственный судья в тот период организационно входил в состав судебной полиции и подчинялся прокуратуре⁴.

Проявление процессуальной независимости судебного следователя можно найти в ст. 264 УУС: *судебный следователь предпринимает собственной властью все меры, необходимые для производства следствия, за исключением тех, в которых власть его положительно ограничена законом.*

Как видно, целью учреждения судебного следователя было совершенствование производства следствия. Иными словами, фигура русского дореволюционного судебного следователя ничего общего с предлагаемыми выше моделями института следственных судей не имеет (кроме организационной принадлежности к судебной власти).

Кроме того, в научной литературе часто указывается на то, что в некоторых зарубежных государствах функционируют следственные судьи, в связи с чем возможно заимствование европейского опыта при введении аналогичного института в российский уголовный процесс⁵.

Действительно, фигура следственного судьи существует в ряде правовых порядков, например, во Франции.

Однако современный французский следственный судья по своему статусу очень схож с русским дореволюционным судебным следователем: на следственного судью во Франции не только «полностью распространяется статус судей»⁶, и он «не связан доказательствами, предоставленными судебной полици-

¹ Милова И. Е. Следственный судья: возрождение института / И. Е. Милова // Вестник ВУиТ. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sledstvennyy-sudya-vozrozhdenie-instituta> (дата обращения: 20.01.2021).

² Щегловитов И. Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных уставов 20 ноября 1864 года / И. Г. Щегловитов. СПб., 1915. С. 39.

³ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 40.

⁴ Быкова Е. Следственный судья во Франции / Е. Быкова // Российская юстиция. 1994. №6. С. 59.

⁵ Шарифуллин Р. А. Проблемы и перспективы создания института следственного судьи в уголовном процессе России / Р. А. Шарифуллин, Р. С. Бурганов, Р. Г. Бикмиев // Мировой судья. 2020. № 5. С. 16–21 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.01.2021).

⁶ Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головки, Б. А. Филимонов. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 2002. С. 344.

ей»¹, этот участник осуществляет предварительное следствие и имеет для этого необходимый объем полномочий (ст. 49 УПК Франции²). Поэтому никакого отношения к предлагаемой модели российского следственного судьи французский аналог не имеет.

Таким образом, рассмотренные выше проекты введения следственных судей в российский уголовный процесс не имеют под собой отечественной исторической основы и не учитывают зарубежный опыт. Представляется, что такого рода предложения могут только расшатать существующую систему российской уголовной юстиции, но никак не добиться повышения ее эффективности.

Верховный Суд РФ, проанализировав доводы участников развернувшейся дискуссии, выработал собственную позицию о возможности введения института следственных судей в российский уголовный процесс. Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев отметил: «Верховным Судом РФ в последние годы обсуждается вопрос о введении института следственных судей. Полагаю, что введение этого института возможно с отнесением к компетенции следственного судьи рассмотрения ходатайств о производстве следственных действий, об избрании и продлении меры пресечения, к рассмотрению жалоб на действия и решения органов предварительного расследования и дознания»³.

На заседании Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека 10 декабря 2020 г., где вновь была упомянута возможность введения в российский уголовный процесс института следственных судей, В. В. Путин высказал следующее мнение: «... Такой институт у нас был, но <...> он начал постепенно угасать и ушел в конце концов. <...> То есть это не панацея от предотвращения каких-то негативных явлений в сфере следствия и дознания»⁴.

Как видим, предпринятый учеными-процессуалистами тщательный научный анализ проектов введения в систему российской уголовной юстиции следственных судей позволил выявить серьезные трудности как в определении их процессуальных полномочий, так и в организации данного института. Не только представители научной общественности, но Президент Российской Федерации пришли, по сути, к единому мнению о том, что институт следственных судей вряд ли решит проблемы, существующие в досудебном производстве по уголовным делам.

---

¹ Боботов С. В. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития / С. В. Боботов. М., 1989. С. 50.

² Уголовно-процессуальный кодекс Франции. М., 1996. С. 35

³ Выступление Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов в феврале 2020 г. URL: <https://rg.ru/2020/02/11/predsdatel-verhovnogo-suda-podderzhal-ideiu-vvedeniia-sledstvennyh-sudej.html> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64638/work> (дата обращения: 20.01.2021).

*Храмцова В. В.¹,
старший инспектор
управления научно-исследовательской деятельности
(научно-исследовательского
института криминалистики)
Главного управления криминалистики
(Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук*

СРОК ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В последние годы не утихает дискуссия о необходимости корректировки сроков предварительного следствия в сторону уменьшения или увеличения вплоть до полной отмены, а также о соотношении срока предварительного следствия и разумного срока уголовного судопроизводства, критериях такой разумности. Решение этой проблемы видится далеко не однозначным.

Российское законодательство идет по пути усиления детальной регламентации сроков предварительного следствия, процедур их установления, исчисления и продления.

Так, статьей 295 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. закреплялось, что «предварительные следствия должны быть производимы со всевозможной скоростью. Производство их не останавливается и в табельные или воскресные дни, если обстоятельства дела того потребуют»², тем не менее определенные сроки предварительного следствия законом не устанавливались: [8].

УПК РСФСР 1922 г. (ст. 111, 119) и УПК РСФСР 1923 г. (ст. 109, 116) регламентировалось, что следователь, если признает поступивший к нему материал дознания полным и разъясненным, вправе не осуществлять предварительное следствие или ограничиться только производством отдельных следственных действий. В этом случае следователь должен был выполнить ряд обязательных следственных действий: предъявление обвинения; допрос обвиняемого; составление обвинительного заключения. Если все же возникала необходимость производства предварительного следствия, оно должно было быть окончено в течение двух месяцев со дня объявления подозреваемому постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. Если окончить следствие в двухмесячный срок не представлялось возможным, следователь должен был уведомить прокурора о причинах, препятствующих окончанию следствия: [5; 6]. Однако конкретный порядок продления срока не устанавливался. После окончания предварительного следствия обвиняемому предоставлялась возможность ходатайство-

¹ © Храмцова В.В., 2021.

² Устав уголовного судопроизводства 1864 года / Библиотека репринтных изданий СПС Консультант Плюс: Классика Российского права: сайт. – URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/118/162.html> (дата обращения 19.11.2020).

вать о необходимости его дополнения. Если обстоятельства, на которые ссылался обвиняемый, признавались имеющими значение для дела и исследовались ранее, следователь обязан был дополнить предварительное следствие.

Правила исчисления срока предварительного следствия подверглись существенным изменениям с момента вступления в силу УПК РСФСР 1960 г., которым также был установлен двухмесячный срок окончания предварительного следствия. Вместе с тем в этот срок теперь стал включаться временной интервал со дня возбуждения уголовного дела до момента его направления прокурору с обвинительным заключением или постановлением о передаче дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера, а равно до прекращения или приостановления производства по делу. Кроме того, в исключительных случаях предусмотрена процедура продления срока предварительного следствия свыше 4 месяцев Прокурором РСФСР, Главным военным прокурором или Генеральным прокурором СССР: [7].

Действующее законодательство сохранило основные принципы исчисления сроков следствия, но содержит и принципиальные отличия порядка их продления и исчисления. В настоящее время продление срока следствия до 3 месяцев осуществляется руководителем следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело (так называемый местный уровень); до 12 месяцев – руководителем следственного органа субъектового уровня, дальнейшее продление допускается в исключительных случаях руководителем федерального уровня. До 2007 года срок предварительного следствия мог продляться прокурором района до 6 месяцев.

Предельных сроков следствия не установлено, однако, по уголовным делам, где в отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, следователь ограничен сроком нахождения обвиняемого под стражей.

Нельзя не согласиться с точкой зрения ученых и практических работников, которые считают, что установленные в настоящее время сроки следствия не отражают современные реалии, создают бюрократические препоны в расследовании уголовного дела и фактически тормозят процесс следствия, являются своеобразным рудиментом уголовного судопроизводства, так как следователь значительную часть времени вынужден тратить не на производство следственных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление, а на оформление и представление руководителю пакета документов, предназначенного для рассмотрения ходатайства о продлении срока следствия: [2, с. 56; 1, с. 31–33].

В современных условиях в большинстве случаев предварительное следствие по уголовным делам, по которым необходимо проведение даже не сложных судебных экспертиз, просто не может быть окончено в срок, не превышающий два месяца. Ситуация еще больше усугубляется, когда речь идет об уголовном деле, по которому в отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Учитывая, что прокурору законом не предоставлены полномочия ходатайствовать перед судом о продлении срока содержания под стражей, следователю при направлении уголовного дела прокурору приходится закладывать дополнительный срок содержания под стражей, так сказать «про запас», учитывая, что процедура продления возможна только при поступлении

уголовного дела в суд или после возвращения для производства дополнительного следствия в порядке ст.ст. 221 или 327 УПК, хотя прямого указания на это в законе не содержится. В связи с этим налицо простая арифметика: из срока содержания обвиняемого под стражей, а значит и срока предварительного следствия исключается 10 суток, которые предоставляются прокурору для принятия решения после поступления к нему обвинительного заключения в соответствии со ст. 221 УПК РФ. Также следователь вынужден вычесть семь суток, которые могут потребоваться для направления в суд ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей (ст. 109 УПК РФ) в том случае, если прокурор вернет уголовное дело для производства дополнительного следствия. В сухом остатке получается минус 17 суток. А, если учесть, что установленный ст. 221 УПК РФ срок может быть продлен по мотивированному ходатайству прокурора до 30 суток, тогда вообще складывается удручающая ситуация. Принимая во внимание, что в практической деятельности срок содержания обвиняемого под стражей устанавливается в пределах срока предварительного следствия, следователь вынужден учитывать вышеизложенное при принятии решения о необходимости продления и срока следствия.

Кроме того, в срок предварительного следствия включается период ознакомления с материалами уголовного дела, а также срок 5 суток, который может потребоваться для ожидания стороны потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика; 5 суток ожидания защитника обвиняемого и еще 5 суток – обвиняемого, не находящегося под стражей (ст. 215 УПК РФ), то есть 15 суток, не считая самого периода ознакомления с материалами дела.

Также не забываем, что 14 суток с момента поступления уголовного дела в суд в отношении обвиняемого, находящегося под стражей, дается судье на принятие решения о назначении предварительного слушания или судебного заседания, еще 3 суток – на извещение сторон о времени проведения судебного заседания, на котором будет рассмотрен вопрос о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу. Конечно, на первый взгляд, вышеперечисленные сроки никак не связаны со сроком предварительного следствия. Однако это утверждение кажется верным только на первый взгляд. Де-факто судья в соответствии с законом может только через 17 суток после поступления уголовного дела в суд (максимально возможный срок) продлить срок содержания обвиняемого под стражей. А из этого следует, что у суда должен оставаться соответствующий запас времени. Принимая в расчет, что в ходе предварительного следствия срок содержания обвиняемого под стражей не может продлеваться свыше срока предварительного следствия, то автоматически должен продляться и срок предварительного следствия. А это еще в 2 раза увеличивает бюрократизацию расследования, связанную со сроком предварительного следствия.

В итоге получаем, что по самым примерным подсчетам в ряде случаев в срок предварительного следствия по далеко не самому сложному делу может входить около 50 суток, в течение которых следователь вообще не может осуществлять следственные действия. Вот такой парадокс! Поэтому следователи, а также прокуроры и судьи вынуждены находиться постоянно между Сциллой и Харибдой уголовного судопроизводства.

Дальше – больше, возникает очередная проблема – длительность проведения судебных экспертиз. Уголовно-процессуальный закон не устанавливает сроков их проведения. В ряде случаев они ограничиваются ведомственными организационно-распорядительными документами. Например, сроки проведения судебно-медицинских, пожарно-технических, молекулярно-генетических экспертиз на практике составляют не менее 20–30 суток, а зачастую значительно превышают этот срок. Сложные комиссионные, строительные, медико-криминалистические, оценочные, стационарные психолого-психиатрические и тому подобные экспертизы могут проводиться несколько месяцев. Ряд экспертиз по одному и тому же объекту должен назначаться последовательно друг за другом, что также влияет на общий период их проведения.

Также существует серьезная проблема организационного характера, связанная с тем, что ожидание начала производства экспертизы в экспертных центрах федерального уровня может достигать нескольких месяцев и далее лет. Например, в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Министерстве юстиции России такой период может достигать двух лет.

В связи с этим возникает вопрос о целесообразности существования двухмесячного срока предварительного следствия. Предлагаемое рядом авторов увеличение первоначального срока следствия до 3 месяцев очевидно существенно не повлияет на ситуацию [10, с. 153–154].

Введение в уголовно-процессуальный закон Российской Федерации принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) вызвано продолжающейся интеграцией национального и международного законодательства, немалая роль в этом принадлежит практике Европейского Суда по правам человека. Учитывая существование в уголовном процессе Российской Федерации четко фиксированных сроков (предварительного следствия, задержания подозреваемого, содержания под стражей, предъявления обвинения, производства некоторых следственных действий и т. п.), что совершенно не характерно для Европейского и Американского уголовного судопроизводства, возникает вопрос об их соотношении с разумным сроком уголовного судопроизводства.

Так, в США и Великобритании полицейское расследование не относится к уголовно-процессуальной деятельности, а осуществляется в административном порядке. Во Франции и ФРГ законодательно установлен срок следствия, но только с момента появления в деле лица, совершившего преступление, то есть только по раскрытым уголовным делам [3, с. 46; 9, с. 9]. В этом случае вполне оправдано существование принципа разумности срока.

Нельзя не поддержать точку зрения И. В. Маслова, что порядок исчисления сроков предварительного следствия с момента возникновения в уголовном деле персоны подозреваемого или обвиняемого, гарантирует, что неизбежное ограничение их прав не будет продолжаться необоснованно долго. В то же время ограничение этих сроков по уголовным делам, когда личность виновного еще не установлена, только усложнит процесс раскрытия и расследования преступления, а также создаст дополнительную ненужную нагрузку на следователей при их продлении [4, с. 74–75]. Вместо того, чтобы проводить следственные действия, направленные на изобличение преступника, следователь вынужден

раз в один или два месяца согласовывать у руководителей разных уровней продление срока следствия. Если речь идет о следователе районного звена, то процедура продления такого срока может быть сопряжена с выездом в аппарат следственного управления по субъекту Российской Федерации, возможно за несколько десятков или даже сотен километров. А, если представить, что в производстве следователя находится более десятка уголовных дел? Возникает закономерный вопрос: кому нужна вся эта неповоротливая бумажная волокита, которая не имеет никакого отношения к расследованию преступления?

Очевидно, что существование срока предварительного следствия и сложной процедуры его продления в российском законодательстве в современных условиях совершенно не оправдано. Уголовное дело должно расследоваться до тех пор, пока не будет установлено лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние или не будет процессуально доказано отсутствие события преступления. Производство по любому уголовному делу должно быть окончено в разумный срок, который реально необходим для установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. Это позволит в полной мере реализовать защиту прав и законных интересов потерпевших, а также защиту личности от незаконного и необоснованного осуждения. Срок следствия не должен являться стимулятором скорейшего окончания расследования, а функции ведомственного контроля и прокурорского надзора за расследованием преступлений должны осуществляться независимо от процедуры его продления или не продления.

В то же время законодательно должен быть установлен предельный срок уголовного преследования конкретного лица, который должен включать в себя период с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого либо возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица до уведомления обвиняемого об окончании следственных действий либо вынесения постановления о прекращении или приостановлении уголовного преследования этого лица. В этот срок не должен включаться период ознакомления с материалами уголовного дела участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Багмет, А. М. «Неразумные» сроки предварительного следствия (часть первая) / А. М. Багмет, А. В. Хмелева, В. И. Саньков // Российская юстиция. – 2018. – № 8. – С. 31–33.
2. Боруленков, Ю. П. Фиксированные сроки следствия как рудимент российского уголовного процесса / Ю. П. Боруленков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения : сборник научно-практических трудов. – Вып. 3. – М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. – С. 59–65.
3. Ларичев, В. В. Система органов уголовного расследования США и Германии / В. В. Ларичев // Российский следователь. – 2003. – № 5. – С. 42–48.
4. Маслов, И. В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Маслов. – М. : НИИ ПУЗиР при ГП РФ, 2003. – 175 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Р.С.Ф.С.Р, утвержденный Постановлением ВЦИК от 25.05.1922 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#012297358323193386> (дата обращения: 19.11.2020).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Р.С.Ф.С.Р, утвержденный Постановлением ВЦИК от 15.02.1923 / СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3551#046015713046375506> (дата обращения: 19.11.2020).

7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 / СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 19.11.2020).

8. Устав уголовного судопроизводства 1864 года / Библиотека репринтных изданий СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/118/162.html> (дата обращения: 19.11.2020).

9. Шихов, П. И. Проблемы ограничения срока предварительного следствия : методическое пособие / П. И. Шихов, О. А. Рослякова, Р. Е. Егорова. – СПб. : СПбУ МВД РФ. – 2010. – 52 с.

10. Шутемова, Т. В. О соотношении сроков предварительного следствия и сроков содержания под стражей по современному УПК РФ» / Т. В. Шутемова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Тольятти, 2011. – № 4. – С. 153–154.

*Черемисина Т. В.*¹,

научный сотрудник научно-исследовательского отдела

Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

ПРАКТИКА ОБЖАЛОВАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ЧАСТНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ (ОПРЕДЕЛЕНИЙ) СУДА

Практика вынесения судами частных постановлений (определений) в отношении следователей мало изучена в теории и методико-аналитической работе следственных органов. В юридической литературе встречались единичные публикации на данную тему, например, работы докторов юридических наук Н. А. Колоколова² и Ф. Н. Багаутдинова³. Случай успешного обжалования следователем вынесенного в его адрес частного постановления описал Ю. А. Цветков⁴. Указанная тема весьма актуальна, учитывая статистические показатели вынесения частных постановлений судами общей юрисдикции, в том числе в отношении следователей СК России. В 2019 г. судами вынесено 5337 частных постановлений (определений) по вопросам обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. По фактам нарушений закона на стадии предварительного расследования вынесено 5053 частных постановления (определения)⁵. В связи с выявленными в ходе судебного рассмотрения уголовных дел нарушениями, допущенными при производстве предварительного следствия, в 2019 г. в следственные органы СК России поступило 925 частных определений (постановлений) суда (в 2018 г. – 999)⁶.

Анализ практики обжалования частных постановлений суда показывает, что следователи недостаточно активно используют возможности защиты своих законных интересов. Тем не менее за период 2017–2020 г.г. имеют место случаи удовлетворения судами вышестоящей инстанции апелляционных жалоб следователей. Рассмотрим наиболее актуальные из них.

---

¹ ©Черемисина Т. В., 2021.

² См.: Колоколов Н. А. Частное определение в адрес судьи: право на обжалование / Н. А. Колоколов // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 54–56 ; Колоколов Н. А. Нарушения в суде норм УПК – причина частного определения в адрес председателя / Н. А. Колоколов // Уголовный процесс. 2020. № 7. С. 64–68.

³ См.: Багаутдинов Ф. Н. Частное постановление суда: актуальные вопросы вынесения и обжалования / Ф. Н. Багаутдинов // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 24–28.

⁴ См.: Цветков Ю. А. Как следователь добился отмены частного постановления / Ю. А. Цветков // Уголовный процесс. 2018. № 5. С. 11.

⁵ См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Судебная статистика. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 г. Форма № 1. Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. Раздел 2. Справка к разделу 1. URL: <http://www.cdep.ru/>.

⁶ Материалы к расширенному заседанию коллегии Следственного комитета РФ «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2019 год и задачах на 2020 год». С. 25.

Пример из практики. Я-кий городской суд 21 февраля 2020 г. вынес частное постановление в отношении следователя, не приобщившего к материалам ходатайства копии постановлений о возбуждении перед судом ходатайств о продлении срока содержания под стражей обвиняемого М. и не указавшего, в чем заключается сложность расследования преступления, а также обстоятельства, подтверждающие, что обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью.

20 февраля 2020 г. следователь обжаловал частное постановление в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики С., указав, что доводы судьи о нарушениях норм уголовно-процессуального права являются необоснованными. Так, к материалам ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемого М. приложены копии постановлений Я-го городского суда о продлении меры пресечения от 14 октября 2019 г., 14 ноября 2019 г. и 15 января 2020 г., в которых указаны основания, на которые ссылается орган следствия.

В постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей от 11 февраля 2020 г. указано о проведении большого объема следственных действий и процессуальных мероприятий, так как преступление совершено в условиях неочевидности, обвиняемый после совершения преступления предпринял меры по сокрытию следов преступления. М. совершил особо тяжкое преступление, находясь в состоянии алкогольного опьянения, после его совершения скрыл орудия преступления, которые до настоящего времени не обнаружены и не изъяты, скрылся с места происшествия, смыл с рук следы биологического происхождения.

Суд апелляционной инстанции установил, что к постановлению о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого М. под стражей следователь приложил копии постановлений об избрании и продлении меры пресечения, в них указаны основания, на которые ссылался орган следствия. Кроме того, вопреки доводам суда первой инстанции, в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого М. под стражей следователем указано об особой сложности предварительного следствия, которая заключается в том, что для установления всех обстоятельств преступления и изобличения виновного лица проведен большой объем следственных действий и процессуальных мероприятий, так как преступление совершено в условиях неочевидности, обвиняемый после совершения преступления предпринял меры по сокрытию следов преступления. Виновное лицо установлено более чем через две недели с момента совершения преступления. Судом первой инстанции не инициировалась дополнительная проверка указанных обстоятельств, поскольку не имеется ни одного вопроса к следователю. Апелляционная жалоба следователя следственного отдела по г. Я. удовлетворена, частное постановление Я-го городского суда Республики С. отменено.

Заметим, что после распада СССР Пленум высшего судебного органа власти не принял ни одного постановления, посвященного практике вынесения судами частных постановлений (определений). В настоящее время продолжают действовать отдельные положения Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1988 г. № 11 «О практике вынесения судами частных определе-

ний (постановлений)» в части, не противоречащей законодательству. Согласно п. 6 указанного постановления, частное определение суда должно быть законным, обоснованным и вынесенным только на основании материалов, проверенных в суде. В частном определении должны быть конкретно указаны установленные судом нарушения закона, государственной, финансовой, производственной, трудовой, технологической дисциплины, обусловившие совершение преступления, и лица, допустившие нарушения.

В декабре 2019 г. в китайской провинции Ухань произошла вспышка заболевания, имеющего сходство с пневмонией и вызывающего тяжелый острый респираторный синдром. 11 марта 2020 г. ВОЗ признала вспышку коронавирусной инфекции нового типа (COVID-19) пандемией. Рассмотрим пример успешного обжалования частного постановления, вынесенного в период ограничительных мер по рассмотрению дел судами.

К-ский районный суд г. Я. 2 июня 2020 г. вынес частное постановление, в котором обратил внимание прокурора Я-кой области и руководителя регионального следственного управления СК России на недопустимые действия следователя следственного отдела по К-кому району. В ходе расследования уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 160 УК РФ, 1 июня 2020 г. в суд поступило ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого К.

Суд установил, что К. задержан 30 мая 2020 г. в 22 ч. 07 мин. К. указал в протоколе задержания, что находился на больничном с диагнозом «COVID-19». Согласно протоколу исследования мазков из носоглотки/ротоглотки, 6 мая 2020 г. у К. обнаружен коронавирус. Из результатов исследования в клиничко-бактериологической лаборатории особо опасных инфекций от 27 мая 2020 г. и от 29 мая 2020 г. у К. результаты исследования молекулярно-генетическими методами на COVID-19 показали отрицательный результат. Документальных подтверждений нахождения К. на больничном листе по поводу выявленного у него заболевания в представленных материалах не было.

При таких обстоятельствах, а также с учетом мер, направленных на противодействие распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), суд был лишен возможности в установленном законом порядке рассмотреть ходатайство следователя в отношении обвиняемого К., поскольку последний при наличии больничного листа в данной ситуации не мог быть доставлен в суд для судебного разбирательства. Возможность проведения судебного заседания с участием К. с помощью технических средств (видеоконференцсвязи) следователем не обеспечена.

Ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К. было возвращено без рассмотрения.

Вопреки постановлению суда, следователь самостоятельно организовал конвоирование обвиняемого в К-кий районный суд, а также пригласил прокурора и защитника. Требования покинуть здание суда следователь игнорировал. По мнению судьи, указанными действиями следователь проявил неуважение к суду, а внеплановое конвоирование обвиняемого повлекло за собой приостановление деятельности суда и вызов специалистов по дезинфекции.

Первый заместитель прокурора Я-ской области обжаловал частное постановление суда. По мнению прокурора, требования ст. 108 УПК РФ следователем выполнены в полном объеме, а также были представлены сведения об отсутствии у К. ранее выявленной коронавирусной инфекции, в дальнейшем представлен листок нетрудоспособности К., закрытый 1 июня 2020 г. в связи с выздоровлением последнего.

Кроме того, обвиняемый был доставлен в здание суда, о необходимости явки в судебное заседание следователь известил прокурора и защитника. У суда первой инстанции имелась возможность рассмотреть ходатайство следователя, однако оно не было принято работниками суда. Согласно постановлению Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ № 822 от 29 апреля 2020 г., ограничительные меры по рассмотрению дел судами, принятые в целях противодействия распространению коронавирусной инфекции, действовали до 11 мая 2020 г.; в соответствии с распоряжением Верховного Суда РФ № ЗКД/12 от 8 мая 2020 г. все участники судебного разбирательства были обеспечены средствами индивидуальной защиты органов дыхания и рук. В частном постановлении суда первой инстанции не указано ни одной нормы законодательства, нарушенной следователем.

Рассмотрев апелляционное представление прокурора, Я-кий областной суд установил, что действия следователя не свидетельствуют о каких-либо нарушениях законодательства. Суд апелляционной инстанции учел, что на момент доставления обвиняемого в здание К-кого районного суда г. Я. в распоряжении следователя имелись медицинские документы об отсутствии у К. коронавирусной инфекции, о чем также указано и в частном постановлении суда первой инстанции. По итогам рассмотрения представления прокурора Я-ким областным судом частное постановление К-кого районного суда отменено.

Итак, мы рассмотрели институт частного постановления (определения) суда с точки зрения теории коммуникации как «обратную связь», посредством которой суд дает следователю оценку его работы в целях самокоррекции системы уголовной юстиции. Если эта «обратная связь» указывает на реальные нарушения, то сотрудники следственных органов обязаны внести коррективы в свою деятельность. Если же они с оценкой суда не согласны, то за ними сохраняется право обжалования частного постановления в вышестоящую судебную инстанцию в качестве способа защиты своей деловой репутации и авторитета следственных органов.

Чиковани М. А.¹,

*адъюнкт кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Есина А. С.,

*доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

СТАТИСТИКА КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ СОСТОЯНИЕ ЗАКОННОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Ученые процессуалисты, исследующие проблемы стадии возбуждения уголовного дела, не оставляют без внимания статистические данные, которые, как принято считать, характеризуют данный этап уголовного судопроизводства. Действительно, показатели количества возбужденных уголовных дел, количество отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел и другие – все это может представлять картину состояния законности на рассматриваемом этапе. Однако насколько объективны и эффективны те критерии, которые образуют статистическую отчетность?

Отметим, что часть уголовного процесса, которая станет предметом обсуждения, не имеет стабильности весь период действия УПК РФ. Правовые нормы института возбуждения уголовного дела подвергались неоднократным дополнениям и изменениям: увеличено количество поводов для возбуждения уголовного дела; существенно расширен список следственных и процессуальных действий, проводимых при проверке сообщения о преступлении; скорректированы сроки принятия решения по поступившему сообщению в зависимости от категории преступления; расширен круг лиц, вовлеченных в стадию, и их права и другие.

По мнению автора, законодатель, расширяя арсенал методов и средств проверки сообщения о преступлении, предпринял попытку создать необходимые условия должностным лицам для принятия законного итогового процессуального решения. Однако старания законодателя совершенствовать деятельность должностных лиц в самом начале уголовного судопроизводства не ознаменовались позитивным результатом. По имеющейся статистике, которую ведет Генеральная прокуратура РФ, отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела: в 2019 г. – 1 527 809, а за 9 месяцев 2020 г. – 1 401 361; отменено постановлений о возбуждении уголовного дела: в 2019 г. – 10 659, за 9 месяцев 2020 г. – 8 902². Причинами отмены незаконных решений могут слу-

---

¹ ©Чиковани М. А., 2021.

² Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ // Генеральная прокуратура РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 07.11.2020).

жить разные обстоятельства: персональный непрофессионализм субъекта принятия процессуального решения, желание достичь эффективной оценки работы подразделения путем формирования количественных показателей, несовершенство правового регулирования рассматриваемой части процесса и другие.

Преодолевая несовершенство законодательного регулирования деятельности в ходе доследственной проверки, правоприменитель вынужден, в отдельных случаях, выносить так называемое «промежуточное решение», например, об отказе в возбуждении уголовного дела. Зачем? Чтобы выиграть время и таким «искусственным» путем продлить законность срока проверки сообщения о преступлении. Как правило, подобное постановление отменяется в ходе процессуального контроля или прокурорского надзора. Но сам факт отмены процессуального решения попадает в статистику, отражающую нарушение законности¹. При этом, заметим, никто не отслеживает «судьбу» самого материала проверки. Известны случаи, когда после отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проведенного расследования в конечном итоге принималось решение о прекращении уголовного дела. Материалы дела не имели судебной перспективы и, зачастую, это было очевидно уже на стадии возбуждения уголовного дела. Однако в силу разных обстоятельств решение об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено, а затем прекращено и уголовное дело. С одной стороны, практику отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела можно оценить как положительную, поскольку убеждены, что в сфере уголовного судопроизводства должен действовать принцип: сто раз отмерь и только один раз отрежь. Но, с другой стороны, – оценочные критерии о деятельности подразделений органов предварительного следствия препятствуют такому восприятию. Почему Генеральная прокуратура РФ в своих отчетах указывает количество отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, оценивая их как факты нарушения законности? Не может быть нарушения закона там, где применяются нормы права (ст. 145 УПК РФ). Это при том, что в случае прекращения уголовного дела (которое было возбуждено из отказного материала), данный факт вновь попадает в статистику, отрицательно характеризую деятельность следственного подразделения. Очевидно, что критерии рейтинговой оценки деятельности органов предварительного следствия следует менять с учетом сказанного. Как минимум, не следует считать отрицательным показателем факт прекращения уголовных дел, которые были возбуждены из отказных материалов. Не могут быть показателем нарушения законности и те материалы, по которым решение об отказе в возбуждении уголовного дела отменялось (и возможно неоднократно), однако, в итоге, материал не имел судебной перспективы: либо очередное решение об отказе в возбуждении уголовного дела было оставлено в силе, либо было прекращено возбужденное уголовное дело.

---

¹ Мнение Генерального прокурора РФ о выявленных нарушениях в работе органов предварительного расследования за 2019 и 2020 гг. // Генеральная прокуратура РФ. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news_1590590/ ; URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1864592/> (дата обращения: 07.11.2020).

Расширяя средства и методы, которые должны использоваться должностными лицами для повышения эффективности деятельности на первоначальном этапе уголовного процесса, законодатель, как видится, упустил ряд факторов, без которых эта деятельность не может быть эффективной. В некоторых случаях, исполнение законодательных положений приводит к нарушению тех правил, которые сам законодатель и установил. Например, как можно назначить судебно-медицинскую экспертизу без выемки медицинских документов; как получить образцы для исследования, если лицо отказывается их предоставить; как закончить доследственную проверку в установленный максимальный срок, если некоторые виды экспертиз проводятся более 30 суток. Правоприменители вынуждены в некоторых случаях восполнять пробелы закона, действуя порой по своему усмотрению, самостоятельно толкуя замысел законодателя.

Очевидно, что насыщение ст. 144 УПК РФ различного рода действиями и расширение прав участников проверки, не привело к снижению нарушений законности, а сама стадия возбуждения уголовного дела оказалась усложненной. Имеющаяся теория доказательств теряет традиционные опоры, размываются и понятие доказательства и методы их получения. Стадия возбуждения уголовного дела лишилась условных рамок. Действия, осуществляемые в ходе доследственной проверки, фактически представляют собой суррогат предварительного расследования. На таком фоне ожидаемо появление концепций, предлагающих реформирование института возбуждения уголовного дела вплоть до ликвидации данной стадии¹.

Безусловно, имеется в специальной литературе и противовес такому радикальному решению. Автор солидарен с учеными-процессуалистами, ратующими за необходимость сохранения, но реформирования стадии возбуждения уголовного дела².

Весомым аргументом в этой дискуссии могла бы стать позиция Конституционного Суда РФ, который разъяснил значение стадии возбуждения уголовного дела как начального и самостоятельного этапа уголовного судопроизводства, определив, что в рамках рассматриваемой стадии должны быть установлены поводы и основания для возбуждения уголовного дела, дана юридическая квалификация данным, указывающим на признаки преступления, приняты меры, направленные на предотвращение или пресечение преступления, зафиксированы и сохранены следы преступления. Расследование и рассмотрение уголовно-

---

¹ Гаврилов Б. Я. Уголовно-процессуальное законодательство России: соответствует ли оно научной мысли и реалиям правоприменения / Б. Я. Гаврилов // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 77–82.

² Есина А. С. Стадия возбуждения уголовного дела и целесообразность ее сохранения / А. С. Есина, О. Е. Жамкова ; отв. ред. О. А. Зайцев, А. Г. Волеводз // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею доктора юридических наук, профессора А. В. Гриненко (Москва, 19-20 мая 2016 г.). М. : МГИМО МИД России; МАЭП, 2016.

го дела должно быть осуществлено в соответствии с законодательно определенной подследственностью и подсудностью¹.

Не углубляясь в анализ имеющихся предложений и доводов по реформированию рассматриваемой части уголовного процесса, считаем, что этап прохождения «фильтра», предназначенного для проверки и «отсева» ненужной информации о преступлении, всегда будет необходим.

Решение обозначенных проблем нам видится в следующем: необходимо концептуально изменить рейтинговые оценки эффективности деятельности подразделений службы предварительного следствия в системе органов внутренних дел, разработать систему санкций за препятствование проверочным действиям, которые следует усилить правом должностных лиц на применение мер процессуального принуждения, устранить неточности формулировок в нормах УПК РФ. Объем работы не позволяет развернуто привести аргументы в пользу высказанных предложений, но достаточен для обозначения авторской позиции по рассматриваемому вопросу.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

Шепелин И. В.¹,

соискатель кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Научный руководитель:

Мичурина О. В.,

профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЯВЛЕНИЯ И РАССМОТРЕНИЯ ХОДАТАЙСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Правозащитный и праввосстановительный механизм уголовного судопроизводства, поддерживаемый его назначением, обозначенным в ст. 2 УПК РФ в качестве одного из условий своей успешной реализации предполагает активное задействование участниками процесса различных форм обращений, право на заявление и возбуждение которых является одним из элементов их статуса.

Перспективы радикального истолкования и правового решения вопросов, касающихся правового статуса участников уголовного процесса на любой его стадии, объективно оценены профессором А. Ю. Епихиным: «... в контексте современных ценностей и иерархического положения интересов личности это не должна быть победа любой ценой (имеется в виду победа над преступностью – И. Ш.). Эффективность уголовного процесса следует оценивать не только степенью урона преступности. Важнейшим критерием оценки должна стать минимизация потерь со стороны личности»².

Основополагающие нормативные правовые акты, посвященные признанию и защите прав человека, устанавливают право каждого лица, где бы оно ни находилось, на признание его правосубъектности. Прежде всего, подобные нормы содержатся во Всеобщей декларации прав человека³ (ст. 6) и Международном пакте о гражданских и политических правах⁴ (ст. 16). Инициированием же подобного признания в уголовном судопроизводстве по праву может быть признано заявление ходатайств, в качестве которого принято понимать просьбу стороны или заявителя, обращенную к органу, ведущему уголовный процесс (приведенная дефи-

---

¹ © Шепелин И. В., 2021.

² Епихин А. Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Ю. Епихин. Н-Новгород, 2004. С. 3.

³ Всеобщая декларация прав человека, принятая Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Российская газета. № 67.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

ниция отражена в п. 39 ст. 10 Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников СНГ¹, в УПК РФ она отсутствует).

Ходатайство, бесспорно, может быть отнесено к числу гарантий объективного и беспристрастного расследования, а также судебного рассмотрения уголовного дела².

В известной степени ходатайство служит средством обеспечения сбалансированности публичных и диспозитивных начал уголовного судопроизводства, предоставляя отдельным его участникам возможность инициирования защиты или обеспечения принадлежащих им процессуальных прав, которые, по их мнению, нарушены.

В силу подобных обстоятельств законодатель не установил требования обоснованности заявленного ходатайства, оно вполне может отражать пристрастную убежденность субъекта процессуальных отношений в необходимости совершения следователем, дознавателем или судом определенных желаемых для него действий.

Обеспечение права участников производства по уголовному делу на заявление ходатайств и объективное принятие решений по ним как один из элементов обеспечения права на справедливое судебное разбирательство, указанное в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) неоднократно являлось предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). В частности, в Постановлении от 16 ноября 2006 г. по делу Климентьев против России (*Klimentyev v. Russia*), (жалоба № 46503/99)³ ЕСПЧ признал, что имело место нарушение ст. 6 Конвенции в связи с предположительным отказом в удовлетворении ходатайства осужденного о доступе ко всем материалам уголовного дела, участию в допросе показывающих против него свидетелей, а также предположительным невручением компетентными органами заявителю поправленной версии приговора от 27 мая 1998 г.

Ходатайства, в отличие от иных форм обращений, направлены в будущее. Они обладают перспективным характером, побуждают должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, к активным действиям по установлению фактов, которые ранее им не были известны и по устранению обстоятельств, препятствующих получению доказательств и полноценной реализации прав, свобод, а также законных интересов иных участников процесса.

---

¹ Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ. Принят на седьмом межпарламентском заседании Ассамблеи государств-участников СНГ 17.02.1996 // Портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.

² См.: Кокорева Л. В. Перечень лиц, имеющих право заявлять ходатайство в уголовном судопроизводстве, нуждается в уточнении / Л. В. Кокорева // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права : сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV фестиваля науки (20–21 февраля 2019 г.). М. : МГОУ, 2019. С. 111.

³ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11.

Ходатайства в уголовном процессе в известной степени способны уравнивать правовое положение сторон¹, предоставив каждой из них возможность предъявить дополнительные аргументы в обоснование своей позиции, дополнить производство по уголовному делу новыми доказательствами, опровергнуть доводы другой стороны.

При бесспорной значимости института ходатайств в уголовном судопроизводстве существует ряд проблем реализации права на этот вид обращений, основные из которых: отсутствие дефинитивной нормы о данном виде обращения и не в полной мере урегулированный перечень участников уголовного судопроизводства, наделенных правом заявлять ходатайства.

Краткое, но в то же время корректное, определение ходатайства приводится О. А. Максимовым, утверждающим, что оно «представляет собой письменное или устное обращение участников уголовного процесса, а также иных лиц, чьих прав и интересов непосредственно касаются действия (бездействия) или решения по уголовному делу, в адрес лиц и органов, осуществляющих производство по делу, с требованием об обеспечении прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, или иных лиц, путем производства процессуальных действий и вынесения решений»².

Позитивным моментом приведенного определения является учет при констатации обладателей права на заявления ходатайства иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются действиями (бездействием) должных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Л. Д. Калинкина рассматривает ходатайство в качестве основного способа проявления принципа состязательности и равноправия сторон обвинения и защиты³.

Представляется, что такой подход является несколько усеченным, поскольку право значительного числа участников уголовного судопроизводства подавать, заявлять и приносить различные обращения (жалобы, ходатайства, отводы) в совокупности с другими процессуальными правами в полной мере олицетворяет собой один из компонентов принципа состязательности и подтверждает только один из аспектов равноправия сторон.

Процессуальная регламентация обращений содержится в гл. 15 УПК РФ, где в ст. 119 приводится перечень участников уголовного судопроизводства, имеющих право заявить ходатайство. Сразу оговоримся, что данный перечень является неполным.

По вполне обоснованному утверждению А. Р. Белкина¹, В. Л. Согояна², Е. П. Гришиной³, ст. 119 УПК РФ вовсе не упоминает среди лиц, имеющих право заявить ходатайство:

---

¹ См.: Героев А. Заявление ходатайств и принесение жалоб как форма участия защитника в уголовно-процессуальном доказывании / А. Героев // Адвокатские вести. 2004. С.15–18.

² Максимов О. А. Понятие ходатайства в уголовном процессе / О. А. Максимов // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 3. С. 47.

³ Калинкина Л. Д. Ходатайства о признании доказательств недопустимыми в суде первой инстанции в российском уголовном процессе / Л. Д. Калинкина // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11–2. С. 67.

- свидетеля, обладающего этим правом в силу п. 5 и п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ;
- переводчика, кому по смыслу п. 2 ч. 3 ст. 59 УПК РФ предоставлено право заявить ходатайство об ознакомлении с протоколом следственного действия, в котором он принимал участие, а также с протоколом судебного заседания;
- адвоката свидетеля, явившегося на допрос со свидетелем, что существенно ограничивает право последнего на получение квалифицированной юридической помощи, о котором идет речь в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ;
- специалиста (п. 3 ч. 2 ст. 58 УПК РФ);
- кандидатов в присяжные заседатели (ч. 4–6 ст. 368 УПК РФ);
- администрацию психиатрического стационара, а также лицо, к которому применена принудительная мера медицинского характера, его защитника или законного представителя (ч. 1 ст. 445 УПК РФ);
- следователя, дознавателя, которым предоставлено право ходатайствовать о продлении срока проверки сообщения о преступлении, а также заявлять перед судом ходатайство о производстве следственных действий или о применении мер пресечения и мер принуждения;
- прокурора, которому предоставлено право ходатайствовать о продлении срока содержания под стражей (ч. 8.1. ст. 109 УПК РФ);
- осужденного, его близких родственников, законного представителя (ч. 3 ст. 398 УПК РФ) и некоторых других.

Право свидетеля заявлять ходатайство подтвердил Конституционный Суд РФ в определении от 16 декабря 2008 г. № 1036-О-П «По жалобе гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав п. 5 ч. 4 ст. 56, ч. 1 ст. 81, п. 2 ч. 2 ст. 82, ст.ст. 119 и 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁴. В частности, в п. 2 указанного документа Конституционный Суд РФ фактически признал право всех лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, заявлять ходатайства о производстве процессуальных действий и принятии процессуальных решений в качестве одной из гарантий реализации предусмотренного ст. 45 Конституции РФ права на государственную защиту прав и свобод.

Упоминание в ч. 1 ст. 119 УПК РФ иных лиц, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства, как субъектов права на ходатайство, по обоснованному замечанию О. А. Максимова, позволяет говорить о появлении при расследовании уголовного дела участников, обретающих не характерные для него элементы статуса другого участника процесса, что, несомненно, способствует достижению назначения уголовного

¹ См.: Белкин А. Р. Еще о ходатайствах в уголовном процессе / А. Р. Белкин // Мировой судья. 2013. № 2. С. 15–16.

² См.: Согоян В. Л. К вопросу о правовой регламентации рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном судопроизводстве / В. Л. Согоян // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и образование. 2020. №4. С. 123.

³ Гришина Е. П. Теоретико-правовой механизм использования специальных познаний в российском уголовном судопроизводстве в контексте его назначения и состязательных начал : монография / Е. П. Гришина. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 201.

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

судопроизводства, при котором «фактический статус лица ставится выше статуса процессуального»¹.

В концепцию ходатайства как способа защиты прав и законных интересов «не вписывается» использование этого вида обращения следователем, дознавателем, а также прокурором (если прокурор не является государственным обвинителем в суде).

Специфика задействия ходатайства властными субъектами производства по уголовному делу заключается в особенностях их правового статуса; по этой причине, в частности, прокурор возбуждает (а не заявляет) перед судом ходатайство (ч. 8.1 ст. 37 УПК РФ), рассматривает постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 5.2 ст. 37 УПК РФ); следователь и дознаватель также возбуждают ходатайство перед судом (ч. 1 ст. 165, ч. 3 ст. 108 УПК РФ).

Роль ходатайства в защите прав и законных интересов участников подчеркивается тем обстоятельством, что оно может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 129 УПК РФ) и усиливается возможностью повторного заявления в случае его отклонения (ч. 2 ст. 120), а также указанием на то, что оно подлежит рассмотрению непосредственно после его заявления и только в случаях, когда немедленное принятие решения по ходатайству, заявленному в ходе предварительного расследования, невозможно, оно должно быть разрешено не позднее трех суток со дня его заявления (ст. 121 УПК РФ).

Значение заявления ходатайств в уголовном процессе трудно переоценить, и по этой причине оно должно обладать надлежащим правовым удостоверением, которого можно достичь посредством включения определения данного вида обращения в текст дефинитивной ст. 5 УПК РФ. Тем самым правовая основа, определяющая ходатайство как вид обращения подобным, не только обеспечит единство понимания этого понятия с позиции юридической техники, но и сыграет значимую роль для правоприменительной деятельности.

---

¹ Максимов О. А. Статус участника уголовного процесса как условие реализации права на ходатайство и жалобу / О. А. Максимов // Симбирский научный вестник. 2019. № 2. С. 72.

Шестак В. А.¹,

*профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института международных отношений
(университета) МИД России,
доктор юридических наук, доцент;*

Дьяченко М. В.²,

*студентка 3 курса Международно-правового факультета
Московского государственного института международных отношений
(университета) МИД России*

ПИРАТСТВО КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Во все эпохи пиратство признавалось деянием, которое представляет собой «преступление против права наций» (*delictum iuris gentium*). Латинская формула *pirata est hostis humani generis*, которая определяет пиратов врагами человечества, сформировала правовую основу пиратства как незаконного деяния и, следовательно, преступления³.

Ключевым международно-правовым источником по борьбе с пиратством является Конвенция по открытому морю от 29 апреля 1958 г. Именно в ней первоначально были кодифицированы международные нормы, раскрывающие сущность пиратства⁴. Далее кодификация морского права состоялась в рамках Конвенции ООН по морскому праву, которая была принята 10 декабря 1982 г.⁵ Позднее последовала Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.⁶

Согласно норме, содержащейся в ст. 15 Конвенции об открытом море 1958 г., пиратство представляет под собой:

1) любой акт насилия, совершаемый экипажем или пассажирами частного судна, происходящий в открытом море, против другого судна или против лиц или имущества, находящихся на борту; против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте за пределами юрисдикции какого-либо государства;

---

¹ © Шестак В. А., 2021.

² © Дьяченко М. В., 2021.

³ M. Tvlli Ciceronis de Officiis Liber Tertivs, § 107. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/cicero/off3.shtml#107> (дата обращения: 26.04.2020).

⁴ Конвенция об открытом море 1958 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901493> (дата обращения: 26.04.2020).

⁵ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 26.04.2020).

⁶ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/maritime.shtml (дата обращения: 28.04.2020).

2) акт добровольного участия в управлении пиратским судном или летательным аппаратом.

Согласно ст. 3.1 Конвенции 1988 г., лицо совершает преступление, если оно умышленно:

1) захватывает или осуществляет контроль над судном силой или угрозой ее применения;

2) совершает акт насилия;

3) уничтожает судно или наносит ему ущерб, ставящие под угрозу безопасное передвижение этого судна;

4) размещает на корабле устройство или вещество, способное разрушить этот корабль или нанести ущерб, а также иные действия, угрожающие безопасному передвижению судна.

Проанализировав статьи данных двух Конвенций, дающих дефиницию пиратства, следует отметить, что на данный момент Конвенция 1988 г. является исчерпывающим международно-правовым источником по борьбе с пиратством, поскольку именно в ней содержатся нормы, которые были кодифицированы с опорой на предыдущие конвенции.

В литературе по международному уголовному праву значительное внимание уделяется проблеме юридической квалификации пиратства: преступление против права наций (*delictum iuris gentium*), наказание за совершение которого должно последовать от государства на основе универсальной юрисдикции, независимо от флага судна или национальности преступника. Вместе с тем сегодня нет ни одного международного трибунала или суда, который обладал бы соответствующей юрисдикцией и выносил бы последующее наказание по отношению к пиратам. Международное сообщество не сочло необходимым создавать общие органы для вынесения наказаний пиратам, поэтому это остается в исключительной компетенции государств на основе универсальной юрисдикции.

Пиратство исторически является одним из первых правонарушений международного права, имеющее свои глубокие корни, обусловленные рядом различных социально-политических начал. Более того, в настоящее время борьба с пиратством осложнена ввиду юридических причин. Так, например, в праве остается открытым следующий вопрос: под какой юрисдикцией находятся пираты в нейтральных водах? Чаще всего пиратов, которых поймали в нейтральных водах либо отпускают, либо передают властям своей страны. Помимо этого, проблеме способствует современное торговое судоходство, которое настолько интернационализировано сегодня, что обычно суда плавают под иными более удобными для них флагами (например, Панама, Либерия, Камбоджа), в результате чего часто возникает вопрос, под юрисдикцию какой страны попадает конкретное судно. Государство, которое официально владеет кораблем, не имеет к нему никакого отношения, поэтому захват корабля пиратами обычно становится проблемой только для судовладельческой компании.

В начале XXI в. международному сообществу пришлось столкнуться с серьезной проблемой сомалийского пиратства. Это свидетельствует о том, что пиратство существовало на протяжении веков и смогло приспособиться к соответствующей эпохе и техническому развитию. Дела, связанные с пиратством, рассматриваются

в национальных судах, но теоретически можно было бы создать международный трибунал для судебного преследования пиратов. С инициативой создания международного трибунала по пиратству неоднократно выступала Российская Федерация. Однако на сегодняшний день такой трибунал не создан. Совет Безопасности ООН принял несколько резолюций, целью которых был призыв к продолжению рассмотрения данного вопроса в рамках ООН. Юрисдикция в отношении пиратов осуществляется непосредственно национальными судами.

Безусловно, мировое сообщество обеспокоено данной проблемой и намерено решать ее в ближайшее время, используя при этом все необходимые для международно-правовые механизмы. Так, например, ст. 14 Конвенции об открытом море 1958 г. и ст. 100 Конвенции ООН по морскому праву предусматривают данное обязательство по межгосударственному сотрудничеству в целях пресечения пиратства. Судебное преследование пиратства является правом, но не обязанностью государств, которые могут организовывать судебные разбирательства на основе универсальной юрисдикции¹. Во многих случаях пираты захватываются военными кораблями третьих государств, то есть тех, которые не являются государством флага атакованного судна, или государств, граждане которых пострадали в результате нападения пиратов. Тем не менее можно отметить, что на практике – применительно к организации судебных процессов – для привлечения пиратов к ответственности они сдаются государству флага, подвергнувшегося нападению судна, поскольку это государство считается потерпевшим. Судебные разбирательства в отношении пиратов, проводимые на основе универсальной юрисдикции, то есть третьими государствами, происходят нечасто. Они проходили в Кении и на Сейшельских Островах по соглашениям в обмен на техническую и финансовую поддержку их судебной системы со стороны Европейского союза и иных государств. Такие судебные процессы редко проводятся в государствах, чьи судна и граждане стали жертвами пиратов. Их судебное преследование представляет собой хлопотное и дорогостоящее занятие, а осужденный даже после отбытия наказания может навсегда остаться в стране за счет государства, в которое он был переведен.

Помимо этого, осложняющим моментом при разрешении проблемы пиратства являются различные режимы в области международного права. Принимая во внимание тот факт, что Конвенция 1982 г. законодательно установила несколько режимов, на которые распространяется суверенитет государства-архипелага – такими являются воды архипелага как часть Мирового океана. При рассмотрении положений о водах архипелага следует следующая правовая неопределенность: пиратство в контексте международного-правового определения теоретически не может быть совершено в водах архипелага, так как там распространяется юрисдикция конкретного государства. Как следует в данном случае квалифицировать подобные акты «квазипиратства»? Этот вопрос является актуальным и проблемным до сих пор, поскольку в большинстве случаев атаки в море происходят именно в тех водах, которые являются территориаль-

---

¹ Cf. R. Cryer *An Introduction to International Criminal Law and Procedure* / R. Cryer. Cambridge, 2007. P. 44.

ными морями. В поисках ответа на данный вопрос нужно обратиться к резолюциям Совета Безопасности ООН, принятых на основании главы VII Устава ООН. В резолюциях содержится один термин «акты пиратства и вооруженного разбоя против судов». Учитывая хитрые маневры пиратов, переходящих из одного правового режима в другой, перемещаясь из международных вод в территориальные моря, Совет Безопасности ООН объединил в одно комбинированное понятие акты пиратства, подпадающие и не попадающие под международно-правовое определение. Данная формулировка появилась в связи с участвовавшими атаками в территориальных водах Сомали, число которых превышало число атак в открытом море.

На основании вышеизложенного, полагаем возможным предложить вариант разрешения рассмотренных отдельных проблем при борьбе с пиратством посредством последовательной реализации следующих действий:

- создание нового универсального международно-правового соглашения, которое бы содержало в себе принципы борьбы с пиратством, международный механизм и возможные пути взаимодействия государств в данном ключе, опираясь на Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Подобный документ должен быть открытым для всех юрисдикций;

- создание международного трибунала по пиратству, который позволит третьим государствам снять с себя дополнительную компетенцию судить пиратов в рамках универсальной юрисдикции;

- учет в рамках создания нового универсального международно-правового соглашения (конвенции) международно-правового режима территориальных вод государств-архипелагов и исчерпывающая дефиниция деяниям пиратов, совершенных в данных водах, с опорой на актуальные решения Совета Безопасности ООН.

Яковлева К. Ю.¹,

*слушатель Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Сумин А. А.,

*профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И США

С развитием цифровизации общества возросла острая необходимость использования электронной формы доказательств во всем мире.

По мнению Р. И. Оконенко, существующий «электронный носитель информации» – промежуточный шаг к появлению «электронного доказательства»². Электронное доказательство – электронно-храняемая информация (ESI). Она может выражаться в виде вещественного доказательства или иного документа³.

По действующему российскому уголовно-процессуальному закону доказательствами могут являться сведения в виде электронной информации.

Некоторые правоведы считают, что ч. 2 ст. 74 УПК РФ является анахронизмом и от нее необходимо отказаться⁴. Судебная практика показывает: традиционные доказательства приобретают новую жизнь, задаваемую современной. На сегодняшний день вещественными доказательствами стали электронные носители информации⁵.

В связи с этим Н. А. Зигура и А. В. Кудрявцева предлагают ввести новое доказательство – компьютерную информацию⁶.

¹ ©Яковлева К. Ю., 2021.

² Оконенко Р. И. Электронные доказательства и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Р. И. Оконенко. М., 2016.

³ Основы теории электронных доказательств : монография / под ред. С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 253, 254 ; а также Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Александров А. С. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе / А. С. Александров, С. И. Кувычков. URL: <https://docplayer.ru/26470841-O-nadezhnosti-elektronnyh-dokazatelstv-v-ugolovnom-processe.html>.

⁵ Курс уголовного процесса / под ред. В. Головки. М. : Статут, 2016. С. 444 ; а также Марфицин П. Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве / П. Г. Марфицин // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 107.

⁶ Зигура Н. А., Кудрявцева А. В. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России : монография / Н. А. Зигура, А. В. Кудрявцева. М., 2011. С. 30.

Р. И. Оконенко на данный вывод имеет противоположный взгляд¹. Многие утверждения, выдвигаемые этим автором, верные, но его выводы мною не разделяются. В настоящее время в России имеются факты применения электронной информации в доказательствах, где данная информация закрепляется существующим видом доказательств. Например, в ходе предварительного расследования следователь воспринимает криптовалюту, как платежную систему, и признает ее в качестве вещественного доказательства. 01.08.2020 Президент РФ В. В. Путин подписал закон о цифровых финансовых активах и криптовалюте².

Учитывая уникальные характеристики электронных доказательств, электронное доказательство – это любая информация, где процессы обработки ее реализуются в цифровой форме, что может выступить необходимым к доказыванию или опровержению вины в уголовном судопроизводстве.

Е. И. Галяшиным выявлено, что процесс доказывания электронных сведений базируется на принципах цифровых доказательств. Процесс документирования цифровой информации определен доктринальной моделью³.

В США существование электронной формы доказательства в следственной и судебной практике не является новым. В Американских Федеральных правилах о доказательствах (Federal Rules of Evidence)⁴ отсутствует понятие «электронного доказательства», но закреплена «информация, хранящаяся в электронной форме» [«electronically stored information»]. Регулирование «электронных доказательств» сосредоточено в законе об обычных группах доказательств, электронные доказательства ассоциируются с разновидностью традиционных видов доказательств.

Федеральные правила уголовного процесса США акцентируют внимание на процедуре изъятия и изучения электронных носителей информации. Правило 41 анализируемых правил разделяет обыск компьютера на две стадии: а) поиск электронного устройства среди физических объектов в помещении; б) исследование информации, содержащейся на электронном носителе.

Таким образом, в результате проведения копирования возможно получение именно новой относимой информации по уголовному делу, поэтому данная процедура является отдельным следственным действием. Учитывая изложенное, а также положения прецедентного права, выраженные в отдельных судебных решениях, делается вывод о том, что в американском праве «электронное доказательство» сформировалось в отдельный процессуальный институт, особый вид доказательств.

---

¹ Оконенко Р.И. Указ. соч. С. 21–34.

² Обзор: Президент подписал закон о цифровых финансовых активах и криптовалюте // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_293757/ (дата обращения: 20.11.2020).

³ Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарий к ней / [А. С. Александров и др.]. М., 2015. С. 28, 45.

⁴ Официальный сайт правовой информации Правительства США. Federal Rules of Evidence. URL: [https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=prelim@title28/title28a/node218& edition=prelim.](https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=prelim@title28/title28a/node218&edition=prelim.))

Правовая система США ориентирована на судебный прецедент, вследствие этого в этой стране свободное отношение к правовым дефинициям. В американском законодательстве отсутствует перечень видов доказательств.

По поручению Национального института юстиции (NIJ) корпорация RAND в партнерстве с исполнительным исследовательским форумом полиции (PERF), RTI International и Денверским университетом проводит исследовательскую работу по оценке и приоритизации технологических потребностей всего сообщества уголовного правосудия. Эти усилия являются составной частью системы Национального центра правоприменительных и исправительных технологий (NLECTC), которая является неотъемлемой частью научно-технической программы NIJ. В результате научно-правового исследования в США выделяют свойства «электронных доказательств»: большой объем памяти; неочевидность и относительность содержания; дистанционный доступ к содержанию; отсутствие сложностей в процессах обработки информации¹.

Американское право устанавливает границы между публичной информацией и частной.

Объективные свойства электронных носителей информации вносят большие трудности в механизмы обеспечения прав граждан на тайну личной жизни в доказательственном праве США.

В уголовном процессе США доказательства имеют те же свойства, что и в уголовном процессе России². Для того чтобы сделать аргументированный вывод о нужности и полезности введения электронной формы доказательств, рассмотрим характеристику электронных доказательств в США на основании Руководства ФБР³. Электронные доказательства имеют много общих свойств с традиционными формами доказательств, но также имеются и уникальные характеристики:

1) для того чтобы обнаружить электронные доказательства, их исследуют только специалисты и только по средствам использования специальных компьютерных инструментов;

2) они очень изменчивы: на некоторых устройствах и при определенных условиях компьютерная память (и доказательства, которые в памяти содержатся) могут быть переписаны (или изменены) обычным функционированием или самим оперативным устройством. Это может быть вызвано, например, потерей мощности (отключение питания, то есть электроэнергии), или где системе необходимо накладывать (или «записать») новую информацию поверх старой из-

---

¹ Официальный сайт Корпорации RAND. Научно-правовое исследование Sean E. Goodison, Robert C. Davis, and Brian A. Jackson. Digital Evidence and the U.S. Criminal Justice System. URL: www.rand.org.

² Федеральные правила доказывания. Federal Rules of Evidence. Сайт национального Комитета по Регламенту Судов. URL: <https://www.rulesofevidence.org/> (дата обращения: 22.10.2020); Федеральные правила уголовного судопроизводства. Federal Rules of Criminal Procedure. Сайт национального Комитета по Регламенту Судов URL: <https://www.federalrulesofcriminalprocedure.org/> (дата обращения: 23.10.2020).

³ Руководство по электронным доказательствам – основное руководство для сотрудников полиции, прокуроров и судей. Официальный сайт ФБР США. Federal Bureau of Investigation. URL: <https://www.fbi.gov> (дата обращения: 15.10.2020).

за отсутствия свободного пространства памяти. Компьютерная память также может быть повреждена или потеряна из-за воздействия окружающей среды. Также факторами могут быть чрезмерная жара или влажность, наличие электромагнитных полей;

3) доказательство может быть изменено или уничтожено в нормальном генезисе. Так, константное состояние компьютерного устройства, его памяти, может быть изменено, будь-то по воздействию пользователя, например, в таких операциях, как «сохранить этот документ», «копировать файл», или автоматические процессы операционной системы компьютера, например, такие как «выделить место для этой программы», «временно хранить информацию для обмена между устройствами»;

4) информация может быть скопирована без потери данных. Цифровая информация может быть скопирована неопределенно с каждой копией, точно такой же, как оригинал. Этот уникальный атрибут означает, что несколько копий доказательств могут быть изучены независимо и параллельно разными специалистами по разным причинам, не затрагивая оригинал, что исключает вариант утери доказательств.

Таким образом, электронные доказательства имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Внедрение в законодательство России электронной формы доказательств способствует усовершенствованию уголовно-процессуального производства.

В Российской Федерации имеется развитая система видов доказательств, которая проработана учеными-правоведами на достаточно высоком уровне. УПК России устанавливает перечень видов доказательств. Введение электронных доказательств требует правовой разработки.

Опыт США свидетельствует, что получение электронного доказательства требуют такого следственного действия, как обыск, так как в результате его проведения будет соблюдено право тайной частной жизни граждан. Выбран именно обыск, а не осмотр с изъятием или выемка, так как обыск – широкое следственное действие по отношению к другим указанным.

Правовое закрепление в УПК России «электронного доказательства» требует:

- а) изучения признаков, особенностей электронной информации;
- б) выявления признаков, имеющих правовое значение;
- в) формирования новых процессуальных правил доказывания, хранения электронных доказательств;
- г) определения возможности использования в уголовном судопроизводстве «электронного доказательства» как самостоятельного вида;
- д) закрепление гарантии прав и законных интересов участников уголовного процесса при собирании и использовании данного вида доказательства.

Шишов В. В.¹,

преподаватель кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ГАРМОНИЗАЦИИ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Правовая деятельность обладает рядом ценностей, к достижению которых оно стремится. Как справедливо заметил Б. Н. Мальков, «социально-гуманистическая ценность права предполагает его нацеленность на достижение идеала Общего блага ... гармонию права и культуры, высокую степень гуманитарной интегративности правовой системы общества»².

Право обладает сложной структурой и в силу динамично развивающихся отношений в обществе не может быть гармоничным, однако, к достижению ценностей все же должно стремиться. Важным условием реализации задач уголовного судопроизводства, безусловно, является соблюдение его принципов, они составляют основу любых правоотношений и, как верно заметил С. С. Безруков, «выступают связующим звеном, призванным обеспечивать реализацию при производстве по каждому уголовному делу назначения уголовного судопроизводства»³.

Как представляется, ключевым, обеспечивающим гармонию всех правоотношений является конституционный принцип равенства всех перед законом и судом, который актуален на всех стадиях уголовного судопроизводства, поскольку напрямую затрагивает права и законные интересы участников. Особое значение реализация данного принципа имеет при вынесении процессуальных решений, в том числе и при прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Несмотря на отсутствие в УПК РФ самостоятельно закрепленного принципа равенства всех перед законом, отдельные его черты проявляются в таких, как охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, презумпция невиновности, состязательность сторон, свобода оценки доказательств. В связи с этим нельзя не согласиться с С. А. Соловьевым, полагающим, что «наличие в принципах уголовного судопроизводства положений о равноправии сторон перед судом во взаимосвязи с принципом состязательности свидетельствует о

---

¹ © Шишов В. В., 2021.

² Мальков Б. Н. Гармония права: адаптированный хрестоматийный сборник. Для студентов и аспирантов юридических специальностей / Б. Н. Мальков. М. : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2009. С. 15–16.

³ Безруков С. С. Принципы уголовного процесса : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / С. С. Безруков. М. : ВНИИ МВД России, 2016. С. 383.

признании за равенством сторон статуса правовой ценности, обеспечение которой необходимо для реализации назначения уголовного судопроизводства»¹.

В. А. Поляков, исследуя принципы формального права, пришел к выводу: «отличие принципа права от его необходимого признака заключается в том, что принцип может быть воплощен в праве лишь в той части или иной мере, но никогда не воплощается полностью – в отличие от признака права, который в случае его отсутствия делает невозможным признание какого-либо явления правом; минимальное отражение принципа формального правового равенства будет иметь место на уровне признания равной правоспособности всех субъектов права, в то время как его высший уровень в виде создания всех необходимых правовых условий для свободного развития человека ... всегда будет выступать в виде далекого ориентира»².

Конечно, создание равных условий в рамках уголовного судопроизводства в настоящее время невозможно ввиду наличия различных привилегий и иммунитетов, однако, достижение равенства, например, при прекращении уголовного преследования все же допустимо и возможно.

Как представляется, реализация принципа равенства всех перед законом и судом в общем институте прекращения уголовного дела или уголовного преследования может прослеживаться в следующем.

Уголовное дело или уголовное преследование может быть прекращено в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, возместившего ущерб или иным образом загладившего причиненный преступлением вред. При наличии согласия потерпевшего – в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), при его отсутствии – в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ).

Однако, как представляется, именно в дополнительном воздействии в виде меры уголовно-правового характера, применяемой в отношении подозреваемого, обвиняемого, освобожденного от уголовной ответственности, может проявиться нарушение принципа равенства всех перед законом и судом.

Данное суждение сложилось исходя из анализа ст. 28.1 УПК РФ, согласно которой прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба не предусматривает дополнительных мер воздействия в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст.ст. 198–199.1, 199.3, 199.4 УК РФ. Подозреваемому, обвиняемому в совершении данных преступлений достаточно возместить в полном объеме ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления.

Таким образом, лицо, совершившее, например, кражу, предусмотренную одним из пунктов ч. 2 ст. 158 УК РФ, будет обязано дополнительно уплатить

---

¹ Соловьев С. А. Благоприятствование защите как процессуальный механизм обеспечения равенства сторон в уголовном судопроизводстве России : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С. А. Соловьев. М. : МГЮА, 2019. С. 11–12.

² Поляков В. А. Признание права и принцип формального равенства / В. А. Поляков // Правоведение. 2015. № 6. С. 68.

судебный штраф¹, а руководитель организации, привлекаемый к ответственности по ч. 1 ст. 198 УК РФ, который уклонился от уплаты налогов на сумму пять миллионов рублей, вовсе освобождается от уголовной ответственности и мер уголовно-правового характера при условии уплаты пеней и штрафов, определяемых налоговым законодательством Российской Федерации².

Конечно, может возникнуть предположение о том, что установление пеней и штрафов, предусмотренных налоговым законодательством, является своего рода дополнительной мерой воздействия на подозреваемого, обвиняемого, однако, как представляется, уплату пеней и штрафа следует рассматривать как форму возмещения ущерба или иного заглаживания вреда.

Совершенно иной подход законодатель применил к освобождению от уголовной ответственности по составам, исчерпывающий перечень которых отражен в ч. 3 ст. 28.1 УК РФ, где все же предусматривается возложение дополнительных мер воздействия в виде перечисления в федеральный бюджет средств в размере двукратной суммы причиненного ущерба.

П. О. Панфилов, анализируя прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, пришел к выводу, что основной его задачей является фискальная³. Представляется, что фискальная будет являться все же дополнительной задачей при прекращении уголовного преследования, а основной – освобождение лица, впервые совершившего преступление, а также возмещение ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного преступлением. Ключевым отличием оснований прекращения уголовного преследования, предусмотренных ст.ст. 25.1 и 28.1 УПК РФ, будет являться то, что перечисление средств в федеральный бюджет рассматривается как способ возмещения вреда или иного заглаживания причиненного преступлением вреда применительно к ст. 28.1 УК РФ.

Таким образом, с целью реализации принципа равенства всех перед законом и судом при прекращении уголовного преследования необходимо применять общий подход как к прекращению уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, так и к прекращению уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, применяя дополнительные меры воздействия к подозреваемому, обвиняемому, освобождаемому от уголовной ответственности.

---

¹ См., например: постановление Индустриального районного суда г. Хабаровска от 29.05.2020 по делу 1-411/2020. URL: //sudact.ru/regular/doc/SLEPkxtZeWlu/ (дата обращения: 10.11.2020).

² В связи с возмещением ущерба прекращено уголовное преследование в отношении индивидуального предпринимателя // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета РФ по Астраханской области. URL: <https://astr.sledcom.ru/news/item/1511415/> (дата обращения 12.01.2021).

³ Панфилов П. О. Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы и пути решения / П. О. Панфилов // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок : материалы конференции : в 5 ч. Ч. 5. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 89–94.

Шурухнов Н. Г.¹,

*главный научный сотрудник НИЦ-3 НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор;*

Нуямзина С. В.²,

*доцент кафедры управления органами расследований преступлений
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук*

ЕДИНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ НОРМ УПК РФ КАК ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Развитие науки и техники привело к технизации и информатизации всех направлений человеческой деятельности, в том числе и противоправной, что, в свою очередь, поставило перед субъектами расследования преступлений задачу интенсивно использовать информационно-технические средства, а в отдельных случаях прибегать к помощи специалистов и экспертов, лиц, обладающих специальными знаниями. И такая возможность законодателем предусмотрена. Процедуры использования помощи сведущих лиц в уголовном судопроизводстве прописаны с различной степенью конкретизации. Это:

– участие специалиста в процессуальных (ст. 58 УПК РФ) и следственных (ст. 164, 168, 202 УПК РФ) действиях. Для реализации определенных приемов (изъятия) участие специалиста является обязательным. Так, ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ говорит о том, что электронные носители информации изымаются с участием специалиста. По нашему мнению, такая установка носит избыточный характер: снижает интенсивность производства следственных действий (в отдельных случаях); приводит к удорожанию досудебного производства;

– участие эксперта как обладателя специальных знаний в следственных действиях (ст. 57, 202 УПК РФ), осуществление целенаправленного специального действия, позволяющего получить достоверные ответы на вопросы субъекта расследования преступлений – экспертизы (ст. 195 УПК РФ);

– дача заключения экспертом и специалистом (ст. 74, 80 УПК РФ);

– дача показаний экспертом и специалистом (ст. 74, 80 УПК РФ).

Необходимо сказать и о том, что сам следователь (в силу профессиональной подготовки в вузе, наличия опыта расследования, повышения квалификации) является обладателем специальных знаний и по своему правовому статусу должен их использовать в доказывании. Такой вывод, по мнению авторов, следует из ряда норм УПК РФ, а сам подход стимулирует эффективность собирания, проверки, оценку и использование доказательств в процессе расследования.

Просматривая российское законодательство в ретроспективе (более 150 лет назад), делаем вывод, что регламентация использования специальных знаний

¹ © Шурухнов Н. Г., 2021.

² © Нуямзина С. В., 2021.

в законодательных актах того периода уже обстоятельно присутствовала. В частности, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. содержал комплекс таких норм. Они регламентировали осмотр и освидетельствование с участием различных категорий сведущих лиц. В них раскрывались содержание, цели и виды использования специальных сведений. Так, ст. 325 УУС давалась установка на приглашение сведущих лиц в случаях, когда «для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии»¹.

В ст. 326 УУС давалась конкретика субъектов, обладающих специальными сведениями, а именно таковыми признавались: врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи. Кроме того, упоминались лица, имеющие особый профессиональный опыт, которые длительное время занимались определенной деятельностью.

Законодательство Российской Империи «О судопроизводстве по преступлениям», предшествовавшее принятию Устава уголовного судопроизводства 1864 г., в качестве сведущих лиц называло ценовщика². «Краденые вещи должны быть оценены ценовщиком; за неимением же настоящих ценовщиков, употреблять для сего сторонних сведущих людей» (ст. 835).

Закон предъявлял к носителям специальных сведений комплекс требований, в том числе и наличие качеств достоверных свидетелей³, которые не обладали признаками, служащими основаниями для их отвода из уголовного судопроизводства. «Это правило означает, – указывал профессор Л. Е. Владимиров еще в 1909 г., – что к этим лицам применяются все постановления об исключении и отводе свидетелей по тем или другим причинам, указанным в законе»⁴.

В современном УПК РФ содержится глава 9, регламентирующая обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве, в том числе относящиеся к специалисту и эксперту.

Как видно из приведенных норм, в УУС использовалось словосочетание «специальные сведения», а в УПК РСФСР 1960 г. в первые годы после его принятия – «специальные познания». Познания реализовывались в процессе экспертизы, результаты которой были необходимы для получения ответа на вопросы, которые представляли интерес для дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства (ст. 78 УПК РСФСР).

¹ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Судебные уставы. СПб, 1867. С. 152.

² Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, повеленіемъ Государя Императора Николая Павловича составленный. Том 15. Законы Уголовные. Сводъ Законовъ уголовных. Санктпетербургъ. Печатано въ Типографіи II Отделенія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1832.

³ «Сведущие люди, приглашаемые к осмотру и освидетельствованию, должны иметь все качества достоверных свидетелей» (ст. 327 УУС).

⁴ Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. Тула, 2000. С. 240.

В 1966 г. в дополненной УПК РСФСР ст. 133.1 появилось словосочетание «специальные знания». Ей устанавливалась обязанность специалиста¹ «принимать участие в следственном действии, использовать «специальные знания» и навыки для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств». Подчеркнем, что в кодексе применительно к производству экспертизы говорилось о реализации «специальных познаний», а содействие специалиста деятельности следователя состояло в применении «специальных знаний».

Наличие в УПК РСФСР двух видов словосочетаний, использовавшихся в разных направлениях предварительного расследования преступлений, породило различное к ним отношение ученых-процессуалистов и криминалистов. Развернутые позиции были высказаны В. Д. Арсеньевым, В. Г. Заблоцким, Е. И. Зуевым, Г. Г. Зуйковым, Ю. Г. Коруховым, В. Н. Маховым, Ю. И. Орловым, Т. В. Сахновой, И. Н. Сорокотягиным, Д. А. Сорокотягиной, В. И. Шикановым, А. А. Эйсманом, В. В. Яровенко. Точки зрения перечисленных уважаемых ученых отличались не столько противоположностью подходов, сколько обоснованностью аргументации.

Одна группа ученых предлагала использовать в УПК РСФСР словосочетание «специальные познания» как более широкое, включающее и знания, и практический опыт, имеющее перспективу развития. Высказывалось мнение о том, что познание – это путь, процесс получения знаний², включающий и учебную подготовку.

Сторонники словосочетания «специальные знания»³ понимали их как уже зафиксированные в источниках (методических пособиях, рекомендациях по производству определенных видов экспертиз). Знания, по их мнению, это готовые результаты, продукты человеческой деятельности, система сведений, полученных в процессе обучения или регулярного труда (упражнений).

Разработчики УПК РФ 2001 г., как представляется, учли предложения специалистов, но в 2003 г., при введении четвертой части в ст. 80 УПК РФ, включили в нее словосочетание «специальные познания». На сегодняшний день деятельность эксперта связывается с реализацией специальных знаний⁴. А сведения специалиста, сообщаемые при допросе, считаются реализацией «специальных познаний» (ч. 4 ст. 80 УПК РФ). Эта норма предусматривает две ситуации, содержательно разъясняющие определенные обстоятельства, связанные, к при-

¹ Об этом более подробно см.: Теоретические и практические проблемы участия специалиста в уголовном процессе // Корухов Ю. Г. Избранные научные труды. Т. III. М.: НП «Судекс»; НЭКЦ «КанонЪ», 2013. С. 5–70.

² См.: Сахнова Т. В. Судебная экспертиза / Т. В. Сахнова. М., 1999.

³ См.: Шиканов В. И. Использование специальных познаний при расследовании убийств / В. И. Шиканов. Иркутск, 1976 ; Сорокотягин И. Н. Судебная экспертиза (экспертология) / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. Екатеринбург, 2000.

⁴ Об этом говорится в ч. 1 ст. 57, п. 6 ч. 3 ст. 57, ч. 1 ст. 58, п. 1 ч. 3 ст. 58, ч. 2 ст. 195 УПК РФ. В Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в ст. 2, 7, 9, 14, 15, 16, 21, 23, 41 (9 раз), применительно к деятельности экспертов, употребляется словосочетание «специальные знания» и нет словосочетания «специальные познания».

меру, с реализацией дистанционного способа совершения преступления: высказывание и аргументацию своего мнения на основе специальных познаний.

Появление в УПК РФ различных терминологических определений можно попытаться объяснить разными причинами:

1) просчетами в юридической технике, допущенными в процессе подготовки и внесения изменений в УПК РФ. К сожалению, досадные неточности, противоречия, «недоговоренности» в действующем УПК РФ не единичны. Не исключаем, что это может являться упущением (небрежностью) редакционной подготовки текста закона, невнимательным его прочтением процессуалистами, которые проводили экспертизу правовой нормы. Прямо скажем, что такие неточности отрицательно сказываются на деятельности правоприменителей, приводят к необоснованным временным затратам, создают конфликтные ситуации между сторонами обвинения и защиты;

2) демонстрацией процессуальных, фактических, профессиональных отличий двух сведущих лиц, эксперта и специалиста, реализующих профессиональные знания в уголовном судопроизводстве. Желание подчеркнуть важность одних показаний над другими, относящимися к профессиональной деятельности, и их роль в процессе доказывания. Однако практика показывает, что и при досудебном, и при судебном производстве (применительно к различным преступлениям, разным уголовным делам) иногда конкретное физическое лицо реализует свои специальные знания в одном случае в качестве специалиста, в другом – в качестве эксперта. Изменение процессуального статуса автоматически не приводит к корректировке уровня знаний конкретного физического лица;

3) употреблением двух понятий «специальные знания» и «специальные познания» в качестве синонимов, близких по смыслу словосочетаний, без расшифровки их содержания, но не являющихся тождественными.

Как представляется, употребление в УПК РФ словосочетания «специальные знания» следует считать предпочтительным по сравнению со словосочетанием «специальные познания». Из понятийного аппарата УПК РФ при внесении в него изменений целесообразно изъять словосочетание «специальные познания», которое используется в настоящее время¹.

Для аргументации высказанного обратимся к лингвистическим и философским определениям познаний и знаний. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «познание» определяется как первичное – приобретение знаний, постижение закономерностей объективного мира², а «знание» как вторичное – результат познания, совокупность сведений в какой-либо области³.

¹ Данная позиция не нова, она уже обосновывалась. См.: Белкин А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения / А. Р. Белкин // Производство судебной экспертизы. М., 2016 ; Евстратова Ю. А. Использование специальных знаний в расследовании и раскрытии криминальных банкротств / Ю. А. Евстратов. Иркутск, 2008.

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2000. С. 548.

³ Там же. С. 231.

Примерно аналогичная трактовка дается философами, с указанием, что познание есть «изучение путей и целей самого процесса образования знаний»¹. Это деятельность, в результате которой человек формируется в обладателя специальных знаний. Знание они именуют продуктом, выраженным «в знаковой форме объективных свойств и связей...»².

По лингвистическим и философским определениям эти термины не являются синонимами, они разнятся, хотя и имеют совпадающие отправные положения. Их взаимосвязь проявляется в том, что одно служит продуктом другого.

Считается, что источником специальных знаний являются практически любые отрасли науки, научного знания либо практической деятельности, не являющиеся общеизвестными. По образному определению А. А. Эйсмана, специальными знаниями «располагает ограниченный круг специалистов, причем очевидно, что глубокие знания в области, например, физики являются в указанном смысле «специальными» для физиолога и наоборот»³. «Специальные знания – система теоретических знаний⁴ и практических навыков в области конкретной науки или техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного или гражданского судопроизводства»⁵. На современном этапе борьбы с преступностью наиболее востребованными являются знания из области информационных технологий.

Специальные знания имеют специфический, строго направленный характер и отличаются своим объемом и своей принадлежностью, так как они разрабатываются, совершенствуются и приобретаются в рамках конкретных наук по предметному тематическому плану или комплексной программе⁶. В отличие от общих знаний их объем и границы являются более узкими и конкретными. Все это и пре-

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фроловой. М., 2000. С. 348.

² Там же. С. 150.

³ Эйсман А. А. Заключение эксперта: структура и научные обоснования / А. А. Эйсман. М., 1967. С. 91.

⁴ Вопрос о проведении правовой экспертизы является решенным. Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 6) регламентирована антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов. В целях урегулирования деятельности по ее проведению принят специальный Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». На его основе внесены изменения в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», которые наделили прокуроров полномочиями по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов.

⁵ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. М.: НОРМА, 2005. С. 7.

⁶ См.: Шурухнов Н. Г. Знания о необходимости технического и информационного обеспечения осмотра места происшествия, привлечения специалистов как необходимое условие подготовки юристов для работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н. Г. Шурухнов, С. Б. Ларин // Преступление, наказание, исправление : сборник тезисов выступлений и докладов участников III Междунар. пенитенциарного форума (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г. Рязань, 2017. Т. 7. С. 21–25.

допределяет методы изучения, общие знания приобретаются инструментарием общей теории научного знания, которая именуется методологией науки.

Была высказана точка зрения, согласно которой «специальные знания» относятся к любой из областей науки, научного знания, практической деятельности (практики и ремесла), которая может выработать научно обеспеченные и практически апробированные методы исследования объекта реальной действительности.

Знания – это продукт, результат познавательной деятельности человека. Вместе с этим готовность (результативность) знаний не означает их статичность и неподверженность изменениям. Сформированные человеком знания могут им же корректироваться (под воздействием различных изменений), совершенствоваться, изменяться как качественно, так и количественно, меняя и направление их применения. Скажем другими словами, в данном случае идет речь об уровне знаний, на сегодняшний день он таков, что позволяет сделать в соответствии с ним определенный вывод, но это еще не значит, что завтра он не будет несколько иным. Новые технические средства, информационные технологии, информационно-телекоммуникационные системы открывают горизонты для познания, поэтому уровень знаний подлежит изменению.

Подводя итог статьи, обратим внимание на следующее:

1. Познание – это этап, относящийся к приобретению, формированию знаний, по своей природе являющийся учебно-методологическим. Иными словами, познание позволяет человеку приобрести, усовершенствовать, скорректировать уже имеющиеся знания, осуществить изучение объекта для получения значимой для уголовного судопроизводства информации и принятия обоснованных процессуальных решений.

2. И специалист, и эксперт являются обладателями специальных знаний, они могут различаться по своему объему направленности, профессиональной компетентности, характеру профессиональной деятельности, как и различия их правовое положение в конкретной ситуации. Мы имеем в виду те случаи, когда эксперт по должности выступает в качестве специалиста при производстве следственного действия. Не исключены ситуации, при которых специалист проводит экспертизу.

3. Требуется изменение законодательства, приведение в соответствие норм, для того, чтобы исключалась неоднозначность толкования, отсутствовал конкурирующий и правовой, и специальный статус эксперта и специалиста, были устранены основания для различных подходов в толковании словосочетаний «специальные знания» и «специальные познания», речь шла о реализации комплекса уже приобретенных знаний. Как представляется, это будет способствовать интенсификации уголовного судопроизводства.